

РОДНОЙ ЛАНДШАФТ

Мария и Виктор Котляровы

ЗАГАДОЧНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

Невероятные сюжеты,
занимательные рассказы, таинственные события,
связанные с республикой, которую называют
жемчужиной Кавказа

РОДНОЙ ЛАНДШАФТ

Котляровы М. и В.

К 73 Загадочная Кабардино-Балкария. – Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014. – 384 с.

ISBN 978-5-93680-800-5

«Занимательное, загадочное, забытое» – так называется одна из работ Марии и Виктора Котляровых, в названии которой отражена основная тематика их творчества: изучение всего необычного, что происходило и происходит в «Стране чудес» (словами Исаака Бабеля о Кабардино-Балкарии).

В книгу «Таинственная Кабардино-Балкария» вошло сто историй, приоткрывших завесу тайны Лесистого кургана, в котором размещался подземный храм, английской экспедиции, пропавшей при восхождении на гору Коштан-тау, неуловимого алмасты, которого более четырех десятилетий искала французенка Жанна Кофман...

Не менее солидное издание «Неизвестная Кабардино-Балкария» вобрало в себя более семидесяти материалов как о событиях прошлых веков (раздел «Вглубь ушедших времен»), так и о реальных людях, чьи судьбы тесно связаны с республикой (раздел «Отсвет прошлого имен»). Книга «Неизвестная Кабардино-Балкария» признана победителем всероссийского конкурса «Малая родина» 2013 года.

Новая работа М. и В. Котляровых «Загадочная Кабардино-Балкария» состоит из двух разделов: «История далекая и близкая» и «Путешествуем вместе». Рассказывая о тайнах, скрытых в глубинах времени, – троне хана Аспаруха, кладе Аттилы, Великом шелковом пути, проходившем и по нашим ущельям; о необычных достопримечательностях – менгирах, окольцованных горах, каменных шарах; явлениях, которые невозможно объяснить с позиций науки, авторы тем не менее зыбкую грань между реальным и вымышленным не переходят ни в одном из более сорока очерков, предлагаемых вниманию читателей, на все у них есть реальное подтверждение – документальные источники, архивные материалы, свидетельства очевидцев.

Составной частью новой работы являются приложения – малоизвестные и забытые публикации, раскрывающие, дополняющие, комментирующие поднятые авторами темы.

Разнохарактерные на первый взгляд материалы предстают в книге Марии и Виктора Котляровых как единое цельное повествование, способствующее пробуждению патриотических чувств, неподдельного интереса к занимательному прошлому малой родины – Кабардино-Балкарии.

© М. и В. Котляровы, 2014

© Издательство М. и В. Котляровых
(ООО «Полиграфсервис и Т»), 2014

ЗАГАДОЧНАЯ КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

Невероятные сюжеты,
занимательные рассказы, таинственные события,
связанные с республикой, которую называют
жемчужиной Кавказа

(ООО «Полиграфсервис и Т»)
Нальчик 2014

ИСТОРИЯ
ДАЛЕКАЯ
И БЛИЗКАЯ

Былымские писаницы
 Клад Аттилы
 Трон хана Аспаруха
 И риз золотное шитье...
 «В теснине Кавказа я знаю скалу...»
 ...И по нашим ущельям шли караваны
 Адыг Дука-Бек и русич Бус-Белояр: два в одном
 Дорога в царство мертвых...
 Памятник мудрецу
 В поисках заоблачного поселения
 Военный обоз
 Заповедник конкреций
 Каменный мир
 «Чип», впаянный в камень
 Менгиры – ориентиры тысячелетий
 «Объекты» из туфовых блоков...
 Звездные «крепости» из мегалитов
 «Замки», возведенные природой
 Нерукотворные мосты
 Окольцованные горы
 «Красный снег» светящихся лавин...
 Пещера, напротив которой танцуют камни
 Ледяные сталактиты, растущие из земли
 Сылтранкель – синоним красоты
 Темрез-кол: «арка-дверь»
 Небесный свет нетленного тела
 Повелители дождя
 Призрачный клад
 Потустороннее
 Видевший, что нам не дано видеть...
 Инопланетяне в судьбе Кати Лель
 Только правда...
 Тызыльский мираж
 Фантомы водопада Султан

БЫЛЫМСКИЕ ПИСАНИЦЫ

Памятников древней наскальной живописи на Северном Кавказе зафиксировано немного, куда чаще встречаются петроглифы – изображения, высеченные на каменной основе. Тем большую ценность представляет находка, сделанная в Баксанском ущелье. В верховьях селения Былым, что лежит по трассе, ведущей в Приэльбрусье, с помощью местного жителя Назира Хапаева найдены рисунки древних художников. Их около пяти десятков – животные (волки, олени, снежные барсы (?), неизвестные звери), фантастические существа, различные знаки (преимущественно соллярные), всадники, изображение человеческой руки значительно больше обычной, хотя заметно, что ее не рисовали, а обводили. О том, что рисунок сделан на высоте до трех метров. На этой высоте, кстати, располагаются и писаницы, обнаруженные ранее на территории Кабардино-Балкарии.

Одно из изображений, чем-то напоминающее скособоченный прямоугольник с расположенными поверх него, выразимся так, «очками» с раскрытыми дужками, не поддается расшифровке. Но так как древние художники рисовали только то, что видели, графическое это изображение дает пищу самому богатому воображению, вплоть до того, что перед нами нечто, схематически напоминающее корабль инопланетных пришельцев. Но ведь в Приэльбрусье уже в наше время местные жители неоднократно наблюдали НЛО, более того, в 1989 году именно в Баксанском ущелье десятки очевидцев видели странный летательный аппарат с какими-то перемычками (свидетельства эти зафиксированы даже в отчетах МВД). Ранее нами же в Тызыльском ущелье, располагающемся параллельно Баксанскому, найдено и введено в научный оборот изображение двухглавой птицы, держащей в когтях нечто, напоминающее капсулу спускаемого космического аппарата.

Но вернемся к писаницам, как еще называют подобного рода рисунки. Несмотря на то что они расположены на открытом всем ветрам и снегам скальном участке, что солнце безжалостно выжигало их на протяжении многих столетий, рисунки сохранились, не исчезли полностью, слившись, правда, с текстурой скал. Скорее всего именно по этой причине они не были замечены людьми на протяжении долгих лет, хотя пешеходная тро-

па, правда, давно не посещаемая, проходит неподалеку.

Но стоило только полить скалу водой – и писаницы высветились, ожили; бордовая охра (именно она чаще всего использовалась древними художниками) обрела свой первоначальный цвет, засверкала под ярким ноябрьским солнцем. И время словно отступило назад, из прошлого возникла живая картина: женщина, стоящая у скалы, старательно наносит на ровную поверхность пальцами штрихи, которым суждено жить века. Почему именно женщина? К такому выводу пришли американские ученые, изучившие сотни отпечатков, оставленных древними людьми и установившими, что первыми художниками на Земле были женщины.

Но обнаруженный в Баксанском ущелье памятник интересен не только писаницами, датировку которых еще предстоит уточнить (их возраст, как считает археолог Валерий Батчаев, может исчисляться тысячелетиями), но и тем, что под ними, на выступе, найдено большое количество лежащих прямо на поверхности наконечников стрел.

Алексей Пьянков, ведущий научный сотрудник ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция» (Краснодар), сообщает об их датировке следующее: «Представленные наконечники могут быть довольно уверенно сопоставлены с конкретными типами по классификации А. Ф. Медведева, что позволяет с большой долей вероятности датировать их VIII–X веками».

А то, что наконечники стрел соседствуют с писаницами, свидетельствует: найдено средневековое святилище. Такие святилища, говорит ознакомившаяся с находкой хранительница Государственного исторического музея Анна Кадиева, известны на Северном Кавказе, но наличие в них скальных писаниц для указанного времени встречается впервые, вслед-

Назир Хапаев и Юсуп Ульбашев, балкарские краеведы

ствии чего выявленный памятник представляет огромный научный интерес; необходим его профессиональный осмотр и фиксация.

Мнение о найденном комплексе *Анны Кадиевой*, хранительницы Государственного исторического музея (Москва):

Осенью 2013 года в верховьях селения *Былым* (Баксанское ущелье) на скальном обрыве обнаружены наскальные рисунки, нанесенные на камень красной краской. Под скалой В. Котляровым были собраны наконечники стрел. По стилистике изображений, в частности, изображения оленя с раскидистыми ветвистыми рогами, рисунки близки петроглифам *Кяфарского городища*, датирующегося IX–XII веками (Аржанцева, Албегова, 1999). Наконечники стрел, собранные под скалой, относятся к черешковому трехлопастным наконечникам с упором, нередко встречающимся в погребениях Северного Кавказа, датированных VIII веком (Кадиева, 2012).

Таким образом, обнаруженный комплекс является средневековым святилищем, которое, судя по изображению оленя, может быть посвящено аланскому охотничьему божеству, получившему в этнографическое время имя *Афсати* (Аржанцева, Албегова. Культурные камни *Кяфарского городища*. 1999). Для горцев Северного Кавказа весьма характерен обычай оставлять в святилищах стрелы, причем традиция эта археологически зафиксирована вплоть до Нового времени (Мужухоев. О датировке средневековых наконечников стрел (по материалам раскопок культовых памятников горной зоны Чечено-Ингушетии). 1982).

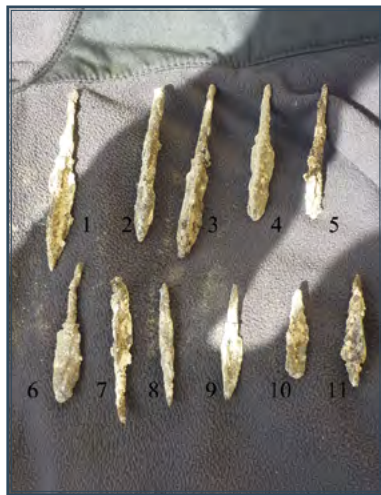
Выявленный памятник представляет огромный научный интерес, поскольку, хотя средневековые святилища и известны на Северном Кавказе, наличие в них скальных писаниц для указанного времени встречается впервые. Таким образом, представляется необходимым профессиональный осмотр и фиксация данного памятника.

Закключение *Алексея Пьянкова*, ведущего научного сотрудника ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция» (Краснодар):

Говоря о датировке стрел, следует учитывать, что предметы не чисты (корродированы) и перья повреждены (их части утрачены). Это не позволяет точно представить их форму и, соответственно, точно сопоставить с известными типами. В то же время отдельные наконечники могут быть довольно уверенно сопоставлены с конкретными типами по классификации А.Ф. Медведева.

Например, наконечники № 1 и 7 очень близки типу 14, бытовавшему в VIII–X веках (Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII–XIV вв. М., 1966. С. 59. Табл. 15, 15).

Наконечники № 3 и 4 близки типу 18, которые использовались в VIII–IX веках (Там же. С. 60. Табл. 12, 9–10).

Наконечник № 6, возможно, близок к типу 81, встречающемуся с X по XIII век (Там же. С. 80. Табл. 17, 4).

Остальные наконечники стрел либо датируются широко, как наконечник № 11, сопоставимый с типом 13 и бытовавший с I по IX век, либо атрибуция их затруднена.

Если основываться на наших определениях наконечников стрел в современном их состоянии, то можно с большой долей вероятности датировать стрелы VIII–X веками.

Археолог Исмаил Мизиев о наскальных рисунках в ущелье Тызыл:

Здесь, в отвесных и диких скалах, когда-то наши предки изложили рисунками и значками что-то сокровенное и необходимое. Жаль, что язык тот нам непонятен.

Рисунки выполнены густой и хорошего качества охрой коричневого цвета. Столетиями они омываются дождями и снегом на гладких скалах, однако и сейчас отлично видны. Одна группа рисунков находится на высоте двух-трех метров. Рисунки ничем от непогоды не защищены (карнизом, выступом и прочим). Поэтому и любопытно, как сохранились они?

...На самом верху – круг, разделенный на четыре равные части. Ниже, чуть левее, всадник с луком, справа какое-то фантастическое животное. Немного поодаль от них, уже у стыка склона с отвесной скалой, на потолке небольшого навеса, высотой едва больше метра, нарисованы той же краской шеренгой выстроенные какие-то непонятные животные. Напоминают они фантастических «петушков». Все эти рисунки весьма загадочны, и мы вряд ли сможем понять их, потому что уж больно скудны подобные памятники в наших районах.

Кое-что может прояснить знак круга. Известно, что подобный знак в глубокой древности означал культ огня, солнца. Этот знак в подобной композиции играет, видимо, роль оберега.

...Относительно времени этих рисунков говорить чрезвычайно сложно. Можно только полагать, что они относятся к эпохе Средневековья.

Туристскими тропами в глубь веков. Нальчик, 1976.

КЛАД АТТИЛЫ

...Имя Атиллы, вождя гуннского союза племен в 434–453 годах, одно из самых известных среди тех, кто своей целью поставил завоевание мира. Его империя простиралась от Южной Германии до Волги и Урала и от Балтийского моря до Кавказа. Римские историки дали ему имя «бич Божий». Более сильного противника Восточная Римская империя не знала: Атила захватил практически все города Фракии, разорил Германию и Галлию...

Знаменитый Иордан, готский историк, так охарактеризовал вождя варваров: «Повелитель

Гунны разоряют виллу в Галлии.
Худ. G. Rochegrosse. 1910

всех гуннов и правитель, единственный в мире, племен чуть ли не всей Скифии, достойный удивления по баснословной славе своей среди всех варваров». «Аттила, – читаем в «Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона, – чужим народам являлся могучим владыкой, которому они добровольно подчинялись. Таким образом, им составлен был сильный союз народностей, к которому принадлежали: остготы, гепиды, тюрингцы, герулы, ругии, хозары и др.». Как свидетельствует Шора Ногмов, были среди них и адыги. Но об этом мы скажем чуть ниже.

Потерпев в 451 году поражение от римлян в битве на Каталаунских полях, Аттила через год вновь вторгся в Северную Италию, разрушил множество городов, но победу отпраздновать не успел: считается, что в первую брачную ночь дочь вождя германского племени бургундов убила его, отомстив тем самым за уничтожение своего народа. Есть и более приземленная версия, что Аттила, любитель пиршеств и возлияний, умер от аплексического удара. По преданию, тело его положили в три гроба: золотой, серебряный и железный, умертвив впоследствии тех, кто участвовал в захоронении. А сам гроб был зарыт в русле реки (предположительно, Тисы), из которой перед этим была отведена вода. Считается, что гробница Аттилы, являющаяся одним из богатейших кладов мира, находится где-то неподалеку от современного Будапешта. Но лежит в ней лишь малая часть сокровищ гуннов, награбленных ими в походах...

Встреча папы Льва с Аттилой. Фреска Рафаэля в Ватикане. 1514

Житель Кабардино-Балкарии Хусен Гедгафов уверен, что многие из них оказались на территории нашей республики. В своем предположении он опирается на свидетельство Шоры Ногмова, писавшего в «Истории адыгейского народа»: «К этому периоду народной жизни адыгов надлежит отнести сохранившиеся в песнях известия о нашествии и сношениях с Аттилой, которого по свойству нашего языка предание именует Адилем. В одной песне имя его упомянуто с эпитетом «бича Божия», которое ему придали современники. «Тхъэм и фыщлэккэ дэри, дибгхэри, ди къуэхэри лэжъэншэу бэлыхым дыкъелащ», то есть «Господь Бог помиловал нас, горы и ущелья наши; бич небесный отступил от них благополучно». С того времени народ называет Шад-гору Ошхамахо, то есть «счастливой», потому что он, дойдя до нее, удалился от наших пределов. Хотя предание не оставило никаких сказаний о великом завоевателе, но можно утвердительно сказать, что адыге были им покорены и признавали над собою его власть. Песни упоминают, что они служили в его войске. «Мыдэккэ ди нарт шууфхэр Атил и дзэм фынызедожъэ, ежъахэр щыхурымекъуккэ дэри дыхуохъэзыр», то есть «Отборная наша конница отправилась к Аттиле с охотой. Если же этого недостаточно, то приготовимся ехать и мы». «Жьпкъхэм я вагъуэшхуэ лыдхэр, Атилл и дзэм къахольдыкхэр, зэдэккэуэ задесци блащхуэ хахуэу ди нарт шууфхэр», то есть «По большим горам, как блестящие звезды, стекаются к Аттиле воины наши, наносящие удары, подобные ударам грома».

Вот эти самые воины, вернувшиеся после смерти Аттилы на Кавказ, и привезли с собой невиданной красоты трофеи. Но только куда они потом делись?

Впрочем, здесь мы отвлечемся и скажем несколько о нашем информаторе. Хусен Гедгафов – личность колоритнейшая. В прошлом году ему исполнилось 80 лет, но по мировосприятию он не просто молод – даст сто очков вперед многим из тех, кто разменял третий-четвертый десяток. Канва биографии – самая обычная: сельская школа, Кабардино-Балкарский госуниверситет, специализация – преподаватель кабардинского языка и

Хусен Гедгафов, краевед

литературы, работа учителем. Но каков круг интересов и их проявлений, реально достигнутых результатов!

Хусен – поэт, в творческом багаже которого несколько книг, более того – еще Николай Тихонов в одной из статей назвал его имя среди тех литераторов, кем может гордиться республика. Он музыкант, композитор, песни которого не только хранятся в фонде местного радио, а постоянно исполняются по заявкам слушателей. Историк, восстановивший немало страниц из героического прошлого кабардинского народа. Этнограф – скрупулезно и тщательно воссоздающий обряды и обычаи, уходящие корнями в глубины веков. Кинорежиссер-документалист, сам снимающий фильмы.

А еще Хусен – знаток адыгского этикета, мастер национальной одежды, народный лекарь, излечивающий болезни травами, поборник здорового образа жизни, исходивший Кабарду вдоль и поперек, неутомимый краевед, для которого топонимия родных мест как открытая книга. Одним словом, личность прелюбопытнейшая.

Так вот Гедгафов со слов своей матери рассказывает, как в начале прошлого века в его родном Атажукино (до недавнего времени селение Кызбурун Первый) сосед задумал вырыть яму для туалета. Прокопав с метр, наткнулся на каменную плиту. С трудом выворотив ее, увидел вход в подземную комнату. Было в ней множество разных вещей, самые простые из которых – кувшины и пиалы – сосед раздал женщинам, а остальные собравшимся у провала так и не показал; куда они делись и куда их вывезли, мать не знала. Говорила только, что старики связывали тот клад с Адилем, прозванным народом «бич Божий», когда-то побывавшим в этих местах, и его воинами, которые вернулись домой после гибели Аттилы.

Историю эту Хусен впоследствии пересказывал неоднократно, и вот что она не так давно вылилась. Кто-то из слушателей, вынесший из этого хабара лишь имя Аттилы, соотнес найденные на пригорке артефакты с захоронением вождя варваров. Судя по всему, поделился своей тайной с кем-то из еще более «сведущих» в археологии людей. Те отреагировали молниеносно. За очень ограниченный срок на вершине пригорка вырос немалый шурф. Причем, вероятнее всего, работали «черные копатели» по ночам, ведь место это на виду у сельчан. Но никто не всполошился, не забил тревогу.

Неизвестно, нашли ли горе-кладоискатели что-нибудь или нет, но вообразить могилу Аттилы в Баксанском ущелье, да еще на высокой точке местности, значит, полностью игнорировать исторические реалии.

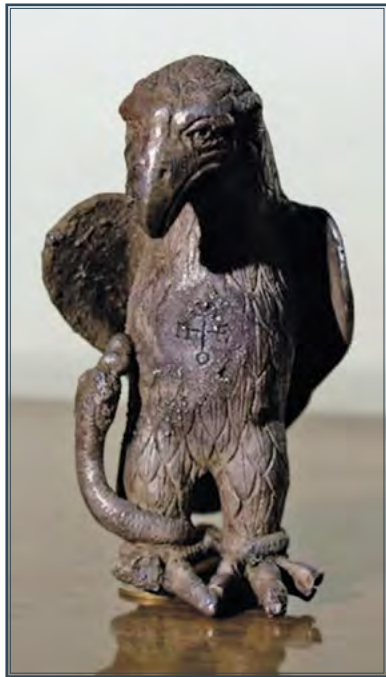
ТРОН ХАНА АСПАРУХА

Болгарский кинофильм «Хан Аспарух» (1981, режиссер Людмил Стайков) – историческая драма, воспроизводящая события, предшествующие и сопутствующие созданию Болгарского государства. Аннотация к нему достаточно полно освещает события тех лет: «После смерти хана Кубрата (ок. 665 года), его империя распалась, поскольку была разделена между его сыновьями. Старший сын Батбаян унаследовал Великую Болгарию, но после ухода своих братьев с отдельными племенами был покорен хазарами. Второй сын, Котраг с племенем котрагов ушел в Среднее Поволжье и основал государство Волжская Болгария. Аспарух унаследовал племя оногондуров и под давлением хазар откочевал со своей ордой за Дунай. Найдя поддержку в славянских племенах и покорив несогласных, он завоевал у Византии Добруджу и в 679 году основал Первое Болгарское царство, заключив союз с местными семью славянскими племенами. После тщетных попыток византийского императора Константина IV покорить болгарские земли, он признал Болгарское царство в 681 году».

В другой аннотации, повторяющей все сказанное выше, уточняется: «Третий брат ушел на Кавказ – это Кабардино-Балкария». В статье И. Ангелова, председателя движения «За восстановление исторической памяти Болгар» (<http://www.borm-md.org/node/262>) читаем: «Государство, созданное Кубратом, просуществовало с 632 по 668 г. н. э., не зная ни единого военного поражения. Напоминанием об этой древней Булгарской державе

Памятник хану Аспаруху
в городе Добрич. Болгария

Серебряный орел хана Аспаруха из захоронения. На одном из крыльев орла стоит династический знак ханского рода Дуло, а на груди орла монограммой написано справа налево имя Еспор (одно из имен Аспаруха)

сегодня являются ...развалины крепостей в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии». И у него же: «Старший сын Кубрата хан Батбаян блестяще выполнил завет отца. Как старший в семье взял на себя самую трудную задачу, благодаря чему народ выжил, обрел в разных частях света новую Родину, где предки болгар живут и поныне. История как-то умалчивает о заслугах Батбаяна, о нем известно, что нынешними потомками его племени утигуров являются кабардино-балкарцы и карачаево-черкесцы». Простите, но так у автора, которому, судя по всему, неведомо, что речь идет не об одном, а разных этносах, ибо в заключение статьи он снова повторяет: «Мы, потомки всех Болгарий, находимся в неоплатном долгу перед памятью этого великого болгарина и его малочисленным племенем утигуров и их потомками кабардино-балкарцами и карачаево-черкесцами».

Все процитированное выше позволяет говорить, что болгарская версия происхождения балкарцев ныне не просто стала одной из основных, но проникла и на бытовой уровень, где носители не утруждают себя фактами

и доказательствами. Стоит напомнить, что летом 1959 года в Нальчике состоялась научная сессия по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов. В выпущенном по ее итогам сборнике «О происхождении карачаевцев и балкарцев» (Нальчик, 1960) опубликована статья Т. Х. Кумыкова «Этногенез балкарского и карачаевского народов в исторической литературе», в которой теория о болгарском происхождении балкарцев освещена достаточно глубоко и аргументировано. Поэтому всех интересующихся отсылаем к данному сборнику (благо он доступен и в Интернете), но при этом сообщим следующее. Одним из первых версию о генетической связи между балкаро-карачаевцами и древними болгарами (булгарами) выдвинул кавказовед Павел Григорьевич Бутков (1775–1857),

автор фундаментального трехтомного труда «Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 год». Аргументационную базу под нее подвел некто Н. Ходиев, опубликовавший в газете «Кавказ» (1867. № 45) «Заметки о древних названиях кавказских народов. 1) Булгары».

Известный русский языковед и филолог Всеволод Федорович Миллер (1848–1913), соотнося этноним «балкарцы» с названием народа «болгары», писал: «Тюркская народность балкарцев и близость их имени к одной из форм имени болгар (болкар), приводимой «Армянской географией VII века», невольно наводит на предположение, не скрываются ли в балкарцах последние потомки одной из ветвей кавказских болгар». И у него же читаем: «Одно колено называло себя булгарами, другое произносило свое родовое имя с звуком к и, быть может, с несколько иной вокализацией (болкар). В виде предположения высказываем догадку, что, быть может, в названии тюркского общества, живущего в долине Черема, – Балкар – сохранилось тоже древнее имя».

Об этом же писал Николай Караулов, автор работы «Болкары на Кавказе» (1908): «Судя по имени «болкар» можно предположить, что народ этот представляет из себя осколок великого болгарского народа, жившего по Волге и продвинувшегося по Южной России до Балканского полуострова. Изолированность этого народа, благодаря замкнутости со всех сторон горами и вражде с соседями, сохранила во всей полноте и чистоте их язык, нравы и тип, да и в настоящее время по трудности доступа в горы туда мало кто проникает, а следовательно, и влияние со стороны соседей в значительной степени быть не может».

Кстати говоря, в статье Н. Караулова приводятся несколько таблиц антропометрических данных, в частности, измерений черепа, туловища и конечностей в сантиметрах, но предположение в данном разделе статьи Т. Х. Кумыкова, что балкарцы не имеют генетической связи с болгарами, базируется не на них, а на результатах исследования М. М. Герасимова, отраженных в статье «Скелеты древних болгар из раскопок у с. Кайбелы» (1858).

Рассмотрение же данной гипотезы Т. Х. Кумыков закончил словами, что «в некоторых докладах и сообщениях настоящей сессии делается попытка использовать памятники древнеболгарского языка для обоснования точки зрения о болгарском происхождении балкарцев и карачаевцев. На наш взгляд, схождение отдельных слов и выражений – недостаточный аргумент для этого».

Как известно, версия о том, что балкарцы «составились из остатка племени болгарских народов», содержится в знаменитом труде Шоры Ногмова «История адыгейского народа». Ее критически рассматривает в своей статье «Легенда и история в ногмовской версии происхождения балкарского народа», опубликованной в четвертом выпуске сборника «Вопросы

кавказской филологии и истории» (Нальчик, 2004), один из авторов издания и наш сокурсник Хаджимурат Сабанчиев.

Борис Глашев, еще один местный автор, с ним не согласен. Свою статью «Булгары–балкарцы–болгары» (<http://oodrin.ru/wp-content/uploads/2010/08/glashev.jpg>) он построил на параллелях, которые позволяет провести сравнительная топонимика.

Приводимый им ряд слов действительно говорит сам за себя: Эски Джурт, Курнаят, Тырнуауз, Маджар, Маара – названия, хорошо знакомые жителям Кабардино-Балкарии и Северного Кавказа. А вот их болгарские созвучия: Эски Джурт, Карноват, Тырново, Мадар, Маар. Автор уверен, что «племена хана Батбаяна – предки современных балкарцев». Но вот что печально – и поныне исследователями в достаточной мере не проанализированы предания, бытующие в народе и несущие память о далеких временах. Совершенно случайно мы узнали, что в окрестностях Нальчика, на одной из полян, что окружена лесом, находится каменное изваяние (природное? рукотворное?), чем-то напоминающее огромное кресло. Но самое интересное другое – в народной памяти это каменное ложе носит весьма определенное название: трон. И не кого-нибудь, а хана Аспаруха! Более того, старики расскажут вам, что данное место особое: им принято подтверждать свою честность и правоту. Считается, если ты поклялся именем Аспаруха, то слова твои правдивы. Правда, слова клятвы надо произносить сидя на троне. Путь к каменному креслу неблизок, и коль его совершали, то, без сомнения, у этого места историческая память – память предков.

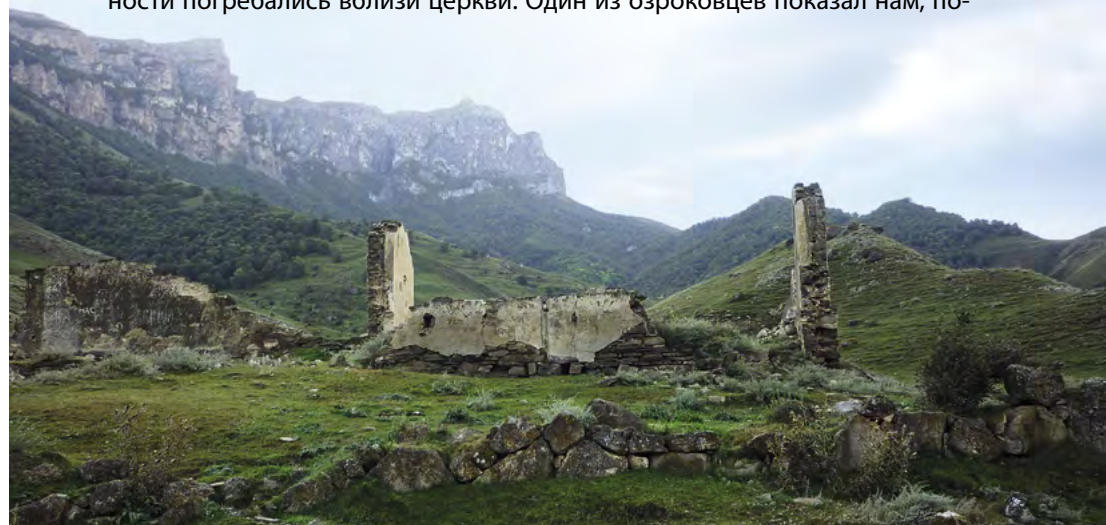
Трудно представить, что сей обряд возник без опоры на конкретное действующее лицо, а именно болгарского хана. Еще труднее вообразить, с чем именно он связан. Но то, что подобная традиция уходит корнями в далекое прошлое, не подлежит сомнению. Местные жители рассказывали нам, что подобную клятву давали их отцы, которые знали о ней от своих родичей. Цепочка при этом прослеживается многопоколенная. То есть на самом деле «есть некоторые основания считать, что оставшиеся на Северном Кавказе булгары, передвинувшиеся в VIII–IX веках в верховья Кубани и Приэльбрусья, позже сыграли важную роль в формировании современных тюркоязычных народов – карачаевцев и балкарцев. Данная гипотеза еще нуждается в дальнейшей разработке и аргументации, но имеющиеся археологические материалы во многом ее подтверждают».

Это положение их академической «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в.» (М., 1988) с обретением и введением в научный оборот таких памятников, как трон хана Аспаруха, становится одним из определяющих в подтверждении версии происхождения балкаро-карачаевцев от древних болгар (булгар). Получается, Болгария и Балкария на самом деле сестры. Причем родные...

И РИЗ ЗОЛОТНОЕ ШИТЬЕ...

В работе знаменитого этнографа Всеволода Федоровича Миллера (1848–1913) «Терская область. Археологические экскурсии» (1888) читаем: «Из вещественных следов древнего христианства близ аула Озорокова следует отметить развалины небольшой часовни Божьей Матери (Байрэм), на расстоянии 1 ½ версты от Баксана, на левой стороне речки Гестенты».

У путешественника В. Я. Тепцова, автора работы «По истокам Кубани и Терека» (1892), находим более широкое описание этой же часовни и в целом христианского поселения: «Расположены выселки (хутор Атажукова и поселок Озороков. – *Авт.*) на развалинах старинных христианских поселений, первый – на левом берегу Баксана у подошвы хребта Алмалы-кая, второй – на правом берегу у подошвы хребта Лха. ...На правом высоком берегу Кесанты, вблизи Озорокова, оставлено былым населением древнее кладбище. На левом берегу развалины церкви и тоже могилы вокруг нее. На остатках восточной стены сохранился выбитый на камне крест – фактическое указание на то, что долина Баксана в древности была обитаема христианами. В подтверждение этому предположению является и то обстоятельство, что все склепы могил расположены по направлению с запада на восток, к восходу солнца, по древнему христианскому обычаю. Лучшим же доказательством тому, что данное кладбище христианское, служат предметы, найденные в могилах. Священнослужители и в древности погребались вблизи церкви. Один из озороковцев показал нам, по-

видимому, бронзовые гвоздики, шляпки которых имели изображение или креста, или круга. Предметы эти, прекрасно сохранившиеся, найдены им в склепе около развалин церкви. Гвоздики очень мелкие и, по всей вероятности, служили украшением священнической ризы».

А спустя три десятилетия после описываемых событий, в 1928 году, в годы советской власти, рядом с древней церковью было обнаружено удивительное захоронение. Было оно двухуровневое: вверху находились тела трех мужчин, а внизу – десяти женщин, среди которых несколько девочек. Мы не ошибаемся, употребляя слово «тела», а не костяки, так как мумии прекрасно сохранились: когда открыли могилу, многим из присутствующих показалось, что в ней живые люди, но под воздействием свежего воздуха мумии стали разлагаться прямо на глазах. Сохранилась на умерших и одежда: риза, расшитая золотом, серебром, украшенная жемчугом, на одном (будем считать, что это был епископ); шелковое одеяние на втором (возможно, священник); кружево на третьем (вероятно, дьякон). У первого был нательный янтарный крест, а у остальных серебряные кресты. Женщины, располагавшиеся, как уже было сказано, в нижнем погребении, были одеты в белые рубашки – те из них, что возрастом постарше (монахини?), – в шерстяные, а девочки (послушницы?) – в льняные; у всех кресты – медные, костяные... На воздухе ткань стала быстро темнеть и распадаться на отдельные кусочки.

Были в могиле и драгоценности, в частности, золотые и медные монеты. Одна из них, с четырехугольным вырезом (возможно, китайская), была привязана к руке девочки. А кроме того, рядом с телами лежали две священные книги (вероятно, Библия и Евангелие) – хорошо сохранившиеся листы в кожаных переплетах.

Почему люди столь разного возраста оказались в одной могиле, тем более что среди них были священнослужители разных рангов? Вероятно, к смерти привели какие-то чрезвычайные обстоятельства, скорее всего чума, которая в те времена не оставляла шансов тем, кто ее подхватывал.

...Дальше произошло то, что и должно было произойти: председатель сельсовета, активный поборник новой власти и ярый атеист, узнавший о находке, забрал кресты и монеты, а священные книги велел сжечь, само же захоронение закидать камнями.

Старики, присутствующие при этом, стали говорить, что подобным деянием будет совершен великий грех, так как ранее балкарцы были христианами, и Бог накажет за такое святотатство; что за тринадцать умерших, чей покой был потревожен, Бог отвернется от всего балкарского народа.

Правда, их никто не послушал. Разорвали книги на листы и попытались разжечь костер. Но листы горели плохо. И поэтому принесли две лампы, из которых слили дефицитнейший в то время керосин.

Дело было к вечеру, уже стемнело и пару листов ветром отнесло в сторону, за камень. Их никто не заметил, кроме одной женщины, которую звали Казихан Ахматова. Одни говорят, что она была балкаркой, вышедшей замуж за карачаевца, другие, что карачаевкой, связавшей свою судьбу с былымским парнем, но это в нашем случае не столь важно. Одним словом, Казихан вернулась ночью к месту захоронения и забрала те листы и несгоревший кусочек переплета, изготовленного из кожи теленка.

Дальше наша история приобретает несколько фольклорный характер и уходит повествование совсем в иную сторону, а посему передадим ее несколькими предложениями. Когда балкарский народ был в 1944 году выселен, Казихан забрала реликвии с собой, вложив их в стельки обуви, и все тринадцать лет депортации молилась на них, прося Бога о возвращении на родину. И вернулась она в родной Былым, где и умерла. А перед этим положила священные листы в небольшие кувшинчики, закрыла их деревянными пробками, залила воском и спрятала в окрестностях Былыма – один в расщелине в горах, другой – закопала в землю, чтобы горы давали снег, воду, а земля урожай. Поведала перед смертью об этом родственникам, заключив свой рассказ следующим: пока будут храниться эти листы, будет и мир, и урожай. А если их уничтожат, то придет конец Балкарии.

Но вернемся к захоронению и попытаемся ответить на вопрос, есть ли в этом хабаре, переданном нами со слов не непосредственных участников, а их слушателей, прежде всего детей, какая-то доля правды. И для этого вновь обратимся к труду В. Я. Тепцова, автора работы «По истокам Кубани и Терека». Вот что он пишет о кладбище, расположенном рядом с развалинами церкви: «Издали, на террасовидной площадке замечаются только три больших кургана почти на самом берегу Кесанты. Вблизи же, на самом

кладбище, глаз отличает множество едва заметных зеленых возвышений в форме курганов. Курганы эти и суть могилы исчезнувших христиан.

...Сверху склепы закрыты большей частью цельными плитами песчаника. Промежности между камнями и все щели залиты известью. Входная и верхняя плиты тоже залиты прочным известковым цементом. На закрытый склеп насыпался небольшой курган земли для именитого. Форма могил, таким образом, напоминает гроб Господа нашего Иисуса Христа – пещеру, вход в которую закрыт каменной плитой. Такой формы могил придерживались христиане первых веков. По берегу Кесанты потом нам встречались настоящие пещерные могилы, высеченные в скалах Лха. Отваленные хищниками плиты открывали склеп со множеством костей и черепов покойников, но не в саванах, а в одеждах с украшениями. На костях мы нашли остатки шелковых тканей довольно тонкой работы. Во многих могилах находили мы стеклянные бусы, преимущественно синего цвета. Один из озроковцев продал нам несколько украшений, томпаковых и бронзовых, вынутых им из этих могил: тут были пряжки и бляхи от поясов, какие-то кружки, птичья томпаковая голова, томпаковые пуговицы, украшение, напоминающее птицу с опущенным вниз хвостом, часть, по-видимому, выточенного каменного стержня, нечто вроде бронзовой серьги и другие вещички неизвестного назначения. За украшения с ризы священника татарин просил дорого, думая, что они золотые. Золото по-

койникам, вероятно, было еще неизвестно: его не оказалось, по словам татар, и в склепах под большими курганами. Сожалею, что не имели средств приобрести все украшения, добытые в могилах этих христиан».

Как видим, покойников в одежде из шелковых тканей тончайшей работы, украшения с риз священников здесь находили и ранее, причем неоднократно.

Что нам еще известно о былымском захоронении, столь безжалостно уничтоженном варваром, исповедующим атеизм? В курсе находок, говорят, были Кайсын Кулиев и Максим Геттуев, и впоследствии при их содействии был переведен латинский текст с одного их сохранившихся листов. Будто бы он гласил, что имярек – грешник, во избежание вечных мук на том свете, взял на себя обет переписать Евангелие и просил, чтобы каждый читающий за него молился.

Слышали о происшедшем в Былыме в 1928 году многие, но все, повторюсь, со слов. Кроме разного рода хабаров, обросших при передаче из уст в уста невероятного рода подробностями, никаких документальных свидетельств, подтверждающих данную находку, мы и не нашли. Ни в республиканской газете «Карахалк», что немудрено – подобного рода заметки были в те годы просто невозможны, ни в архивных материалах – или информации о находке не было вообще, или мы не там искали.

Кем же были захороненные в окрестностях Былыма? Вот что писал уже цитируемый нами выше В. Я. Тепцов: «Христиане, обитавшие в долине Баксана, во всяком случае не были кочевниками; об оседлости их достаточно свидетельствуют и развалины церквей, и сами кладбища. Они были народом культурным, что видно из остатков в могилах, занимались хлебопашеством и проводили оросительные каналы с большим искусством. Остатки таких каналов особенно хорошо сохранились, по словам нашего собеседника-землемера, на предгорьях хребта Алмалы-кая, около хутора Атажукова. На предгорьях же Лха землемер показал нам множество площадок правильной десятичной формы – места бывших пашен. По его и нашему мнению, пашни эти орошались каналами, проведенными на довольно значительную высоту. Теперь же все здесь под пастбищами. Нынешние обитатели долины Баксана пока еще только пастухи, имеющие весьма смутное представление о хлебе и считающие его излишней роскошью».

Мы же в свою очередь предположим, что в Баксанском ущелье, в районе поселения Былым (а также в Чегемском ущелье, в районе селения Эль-Тюбю; в окрестностях Нальчика, у так называемого «Лесистого кургана»; в районе селения Каменномоостское, на горе Калез) в середине XIV века располагалась христианская миссия, входящая в состав новообразованных епископий (Ахохии или Кавкасии), выделившихся из Аланской митрополии Константинопольского патриархата.

«В ТЕСНИНЕ КАВКАЗА Я ЗНАЮ СКАЛУ...»

О том, какой след оставили о себе христиане, проживавшие некогда на Северном Кавказе, мы писали неоднократно. Большинство из этих материалов вошли в справочник-путеводитель «Христианские святыни Кабардино-Балкарии», выпущенный в 2013 году нашим издательством. Фотографии сотен самого разного рода артефактов, помещенные в нем, зримо воссоздают картину, как и где осуществляла свою миссию церковь в раннехристианский период.

Дополнением к ним и станет наш рассказ о крестах, вырубленных на скалах. Таких известно немало, но в советское время сведения о них (по причине атеистических взглядов) не приветствовались.

В этой связи в первую очередь надо сказать о гигантском каменном кресте, расположенном сразу за выездом из селения Хабаз Зольского района.

...Внушительного вида скала выпирает из гребня, ее три стороны (длинной чуть более трех метров) представляют равноконечный крест. Левая

Крест над селением Хабаз

сторона сохранилась практически в первоначальном виде, верхняя – частично повреждена: осыпалась; правая сторона представляет заостренный обрубок, части которого лежат на склоне.

Если смотреть с высоты близлежащей вершины, находящейся не над крестом, а как бы сбоку от него, это не так заметно: перспектива смазывает размеры каменного артефакта. Но если взглянуть с высоты птичьего полета – нам посчастливилось пролететь над крестом на вертолете, – то взору открывается величественное зрелище. Ведь даже сейчас, спустя более как минимум шесть столетий после проведения здесь гигантских по своему объему каменотесных работ, крест сохранил свою первоначальную форму.

Представляется, что имеет право на жизнь и другая версия: крест не вытесан из цельной скалы, а возведен (по крайней мере одна из его сторон) из положенных друг на друга плоских камней, между которыми явно видны следы какого-то скрепляющего материала. И в первом и во втором случае труд мастеров, соорудивших столь величественный христианский символ, поражает воображение.

Сомнений в том, что перед нами искусственное сооружение, не возникает ни на мгновение. Дело в том, что к кресту от подножия горы ведет четко просматриваемая сверху дорога – она как винтовая лестница огибает его и подводит к самому основанию святыни – удлиненному за счет лежащего под ним пригорка. Более того, с левой стороны креста имеются выбитые в каменном основании ступеньки, также позволяющие подняться

Крест, найденный
у сел. Кенделен

ся на него, – весьма возможно, что они предназначались для священника. Здесь однозначно проводились богослужения – приобщение местных жителей к таинствам христианства.

Внешняя поверхность креста тщательно обработана – она выровнена, но при этом верхняя часть выше нижней и создается впечатление, что она как бы зовет к полету, вознесению. Это еще больше подчеркивает многометровый обрыв, открывающийся перед теми, кто рискует подойти к краю креста. Но вот что удивительно: чувство опасности как таковой в этом месте отсутствует напрочь; наоборот – ощущаешь какое-то внутреннее спокойствие, умиротворение, желание задержаться, побыть наедине. Невольно вспоминаешь, какой внутренней силой обладают подобного рода пространства, связанные с религиозным почитанием, их так и называют – намоленное место.

Данный памятник не описан и не изучен, о нем нет ни археологических, ни этнографических работ, вообще никаких упоминаний.

Впрочем, как и о кресте, выбитом в скале в Баксанском ущелье, за выездом из Тырнауза. О нем нам достаточно давно рассказал Назир Хапаев, энтузиаст-краевед, исходивший окрестности родного города вдоль и поперек. Он же представил нам и фотографии, не оставлявшие на первый взгляд сомнений в рукотворности креста. Эти сомнения не возникли и после выезда на место. Тем не менее, мы не торопились сообщать об этом, так как имели информацию, что где-то поблизости находится еще один подобного рода крест.

Но пока мы были заняты поисками, информация стала доступна многим и в конечном итоге 23 марта 2014 года (в день, когда православный мир поклоняется святому Кресту Господню) появилась заметка «В горах Северного Кавказа на крестопоклонной неделе обретен крест» (<http://www.pravoslavie.ru/news/69490.htm>).

Так как для нас в контексте темы вопросы первенства в обнаружении подобного рода сведений не имеют никакого значения, мы приведем версию сайта «Православие.Ru». Итак, настоятель тырнаузского храма иеромонах Игорь (Васильев), узнав от местного жителя Юсупа Энеева, что в Баксанском ущелье, напротив древнего балкарского поселения, где жил род Джаппуевых, в XVII веке мастерами из Сванетии был вырублен в скале крест, решил осмотреть его.

И вот его рассказ: «Сначала посетили место, где жил благочестивый балкарец, попросивший вырубить в скалах напротив своего дома крест, чтобы все время видеть его и молиться. Селение это опустело в 1944 году, когда происходила депортация балкарцев. Крест теперь отсюда почти не виден – а потому и забыт: его закрыли выросшие на склоне сосны. Не-

сколько столетий назад сосны были маленькими – крест был виден полностью. Побывав на месте селения, перешли через реку Баксан, текущую по дну ущелья, и, поднявшись по склону горы, вышли к кресту. Помолились и приложились к нему.

...Конечно, нет уверенности, что это рукотворный крест. Века могли многое изменить, но на первый взгляд вертикальная часть креста – творение Божие, а вот горизонтальная действительно похожа на вырубленную в граните и обтесанную людьми – прямая и ровная, она действительно выглядит, как рукотворная».

Предание о том, что крест вырублен сравнительно недавно, мы тоже слышали, более того, уверены: в нем присутствует элемент правдоподобия. Ведь в Балкарии имеются родовые башни, возведенные, как принято считать, строителями из Сванетии – признанными законодателями башенной культуры Кавказа. Да и саму Сванетию называют краем тысячи башен.

Но вот вопрос: если башня достаточно сложное сооружение и под силу лишь имеющим опыт их возведения, то крест в скале может вырубить любой, овладевший элементарными каменотесными навыками. Тем более что в нашем случае (если отталкиваться от предположения отца Игоря) речь идет только о горизонтальной «перекладине». Известно, что сваны оцени-

Местность напротив скалы с крестом
< Крест на одной из скал Баксанского ущелья

вали свой труд достаточно высоко, приглашать их на столь простые работы было крайне невыгодно. А поэтому мы предполагаем, что крест в скале вырублен значительно раньше, чем в XVII веке, по крайней мере на несколько столетий. Но со временем, по причине разрушения скалы, он потерял свои очертания и был облагорожен представителями рода Джаппуевых, в том числе, с большой долей вероятности, с привлечением мастеров из Сванетии, приглашенных для строительства одной из родовых башен.

То, что крест действительно более древнего происхождения, дает нам право говорить об обнаружении еще одного, находящегося поблизости от былымских писаниц. Крест этот расположен в огромном скальном массиве, причем не строго вертикально, а чуть наискосок, отчего многие сомневаются в его рукотворном происхождении. Но если приглядеться внимательно, особенно с помощью оптики, можно заметить следы ручной обработки камня. Вероятнее всего, кто-то заметил в скале нечто похожее на крест и постарался, отбив соответствующие куски скалы, придать ему означенную форму. Правда, возникает вопрос: как и с помощью чего добирался до этого места (оно достаточно высоко – более десяти метров от поверхности) мастер. Так что природная версия все-таки превалирует над искусственной.

...У певца Кавказа Михаила Лермонтова есть стихотворение, которое называется «Крест на скале» (1829). Оно не о вырубленном в скальной породе символе христианства, а установленном на вершине скалы:

В теснине Кавказа я знаю скалу,
Туда долететь лишь степному орлу,
Но крест деревянный чернеет над ней,
Гниет он и гнется от бурь и дождей.

И много уж лет протекло без следов
С тех пор, как он виден с далеких холмов.
И каждая кверху подъята рука,
Как будто он хочет схватить облака.

О если б взойти удалось мне туда,
Как я бы молился и плакал тогда;
И после я сбросил бы цепь бытия
И с бурею братом назвался бы я!

...Крест, описанный великим поэтом, давно растворился во времени. Христианские кресты на земле Кабардино-Балкарии выдержали испытание веками.

...И ПО НАШИМ УЩЕЛЬЯМ ШЛИ КАРАВАНЫ

Принято считать, что Епископия Кавказия, одно из подразделений Аланской епархии (о ней имеется упоминание в акте Константинопольской патриархии 1364 года), располагалась в районе селения Верхний Чегем, ныне Эль-Тюбю. Это предположение выдвинул известный ученый В. А. Кузнецов, писавший в своей работе «Христианство на Северном Кавказе до XV века»: «Само название «Кавказия» содержит в себе конкретно-географическую информацию о Кавказских горах. Я... пришел к заключению, что наиболее вероятный вариант – отождествление Кавказской епископии с Верхним Чегемом в Балкарии, ибо здесь наблюдается концентрация христианских древностей. Первые сведения о них в 1826 г. сообщил кизлярский дворянин Алексей Тузов, побывавший в верховьях реки Чегем: он видел две каменные церкви, которые «во всякой целости, токмо без глав и стоят впусе», несколько фундаментов и стен бывших часовен с «иконным писанием» и греческие книги». И далее у него же читаем: «В Верхнем Чегеме сохранились остатки трех (есть сведения о четырех) церквей небольших (максимальная длина церкви 30 м, ширина 6 м)... Довольно обстоятельно древности Верхнего Чегема описали В. Ф. Миллер и М. М. Ковалевский, побывавшие здесь в 1883 году».

Действительно, работа означенных авторов «В горских обществах Кабарды» (1884) содержит подробное описание христианских памятников: «В версте от аула на одной площадке этой скалы остатки башни, построенной из местного камня на крепком цементе. Поднимаясь зигзагами вверх к

Развалины древнего храма византийской постройки в районе сел. Эль-Тюбю

Ордынцы бьют
горцев

башне, укрепленная каменными перильцами тропа ведет далее по краю горы карнизом на восток к горной пещере, вероятно служившей караульной. Внизу, у подножия той же горы, заметны следы других построек...

И вывод: «Можно предположить, что наверху горы была некогда монастырская обитель...»

А вот заключение В. А. Кузнецова: «Это была самая удаленная и глухая епископия Аланской епархии, по тем временам почти недоступная. ...Очертить владения епископов Кавказии не представляется возможным. Думается, что предгорная равнина принадлежала в духовном отношении епископии Ахохии (о ней мы писали в материале «Калеж, крестами осененный», опубликованном в книге «Неизвестная Кабардино-Балкария»). Поэтому юрисдикция (или ее видимость) епископа Кавказии скорее всего могла ограничиваться горными ущельями Балкарии и частично Северной Осетии, особенно ее западной части – Дигорией».

Итак, как видите, в Верхнем Чегеме располагалась внушительная христианская миссия. Одно перечисление оставшихся от нее построек чего стоит: три или четыре церкви, несколько часовен, монастырская обитель... А теперь вспомним, где находится Верхний Чегем, как сюда добираться... И сегодня это селение считается одним из самых отдаленных в Кабардино-Балкарии. Более того, современная дорога, пробитая сюда, нуждается на ряде участков в постоянном контроле по причине частых оползней. Еще в начале XX века путь в эти края из Нальчика занимал двое, а то и больше суток. А что говорить о прошлых столетиях!

Почему же для расположения Епископии Кавказии было выбрано столь отдаленное и, скажем прямо, не самое удобное место? Следовательно, помимо религиозной должна была присутствовать другая, не менее важная – функциональная составляющая. И могла ей быть только торговля, игравшая в те времена великую роль. Здесь надо вспомнить о Великом шелковом пути (ВШП) – средневековой караванной дороге из Китая через Среднюю Азию, Персию и далее по морю в Европу. Означенный термин – Великий шелковый путь – был введен в 1877 году немецким географом Рихтгофеном, а первый верблюжий караван с шелком и бронзовыми зеркалами вышел из Китая в 121 году до н. э. Везли по этому пути вначале прежде всего главное платежное средство того времени – китайский шелк, столь востребованный Западной Европой, долгое время не знавшей секрета его производства. Везли также драгоценные камни, фарфоровые и фаянсовые изделия, разнообразные пряности, за которые европейцы расплачивались драгоценными металлами – золотом и серебром. Путешествие по Великому шелковому пути было и опасным (караваны грабили, купцов убивали), и длительным (от 260 дней до года и более). Впрочем, это особая тема разговора и написано о ней великое множество книг.

Но при чем тут Кабардино-Балкария, спросит кто-то, ведь ВШП проходил совсем в стороне от нас? Здесь надо напомнить, что «в результате ирано-византийских войн VI–VII веков по территории Северного Кавказа был проложен один из маршрутов Великого шелкового пути. Это произошло из-за попытки персов блокировать торговые связи Византии путем обложения греческих купцов высокой пошлиной. В связи с этим караваны из Китая и Средней Азии пошли в обход державы Сасанидов. Они стали огибать Каспийское море не с юга, а с севера – двигаясь через Северный Прикаспий на Северный Кавказ. В связи с этим на Кавказе появились два ответвления Великого шелкового пути – Мисимианский и Даринский».

О них известно из византийских источников, и вели они к Черноморскому побережью. Первый, процитируем статью В. Кузьмина «Великий шелковый путь на Кавказе», «по Кубани (из Кисловодской котловины) на Клухорский и Марухский перевалы и далее вниз по Кодору в Севастополис (Сухум) или на восток через Бедию и Мокву к морю»; второй – «на Санчарский перевал и далее вниз по Бзыби в Питиунт (Пицунда) и по Мзымте через Красную Поляну в Адлер».

И у него же читаем: «Император Юстиниан, распространивший религиозное и военно-политическое влияние своего государства от Африки до Кавказа, приложил все усилия для того, чтобы изменить привычные маршруты караванов, идущих из Китая, и направить их к Понтийскому побережью (ныне Черноморскому) именно через горные перевалы Северного

Кавказа, в обход Персии. Этот правитель хорошо понимал, что для обеспечения безопасности торговых караванов было жизненно необходимо заручиться поддержкой местного населения».

И здесь высказывается достаточно парадоксальная мысль – строительство храмов в горах надо связывать не столько с христианизацией этого самого местного населения, как с необходимостью обслуживания торговых путей. При таком взгляде действительно становится понятным и объяснимым, почему на Северном Кавказе большинство архитектурных сооружений, предназначенных для совершения богослужений и религиозных обрядов, находятся высоко в горах, труднодоступны, а отсюда не могли быть активно посещаемы.

Об этом же писал знаменитый военный историк кавказских войн Василий Александрович Потто (1836–1911): «Иные храмы, напротив, теснятся к людным торговым путям, с глубокой древности прорезавшим черкесскую землю от Черного моря через ущелья Кавказских гор, к верховьям Кумы и Кубани. При этих храмах обыкновенно встречаются и развалины каменных зданий, называемых черкесами вообще «домами эллинов». Быть может, то были греческие монастырские подворья, с устроенными при них караван-сараями, так как в те стародавние времена распространение

христианства шло об руку с развитием торговли, – и купец, и священник, каждый по-своему, служили общему делу веры и цивилизации».

А вот как эту мысль развивает В. Кузьмин: «В отдаленные горные районы Северного Кавказа устремились христианские миссионеры... Поначалу монахи, прибыв туда, строили скиты и мало-помалу обживались, а как только жизнь входила в нужное русло, начинали возводить монастыри, к которым тянулись люди, коих в эпоху Великого переселения народов было множество. Пришедшие странники оседали в этих местах и начинали помогать монахам в строительстве дорог и укреплений. Так вокруг монастырей возникали поселения, жителей которых христианские подвижники не только обращали в свою веру, но и учили различным ремеслам, лечили и просвещали.

Подобная деятельность церкви была на руку и караванщикам, остро нуждавшимся в опорных пунктах, надежно защищенных крепостными стенами. Здесь они могли сменить лошадей и охрану, нанять проводников, отремонтировать пришедшее в негодность за время пути снаряжение, переночевать в безопасности, переждать непогоду и получить надежную информацию о том, что или кто может их ожидать на следующих участках пути. ...Поскольку в горах не строили караван-сараев и приют путники получали в монастырях, то «метками», по которым ученые восстанавливают караванные маршруты Великого шелкового пути, являются церковные постройки X–XV веков.

Верховья Чегемского ущелья

...Великий шелковый путь, пролежавший через Северный Кавказ, использовался купцами вплоть до 1453 года, так как после легендарного падения Константинополя под натиском турок-османов торговля шелком замерла. Люди начали покидать эти места, храмы стали постепенно приходить в запустение, башни укрепленных комплексов превращались в жилища оставшихся жителей, а память об их строителях почти растворилась в толще времени».

Есть у цитируемого нами автора и такой пассаж: «Христианские храмы (монастырские) стали строить в Закавказье с VI века, синхронно в Армении, Грузии, Албании (нынешний Азербайджан и Южный Дагестан). Тогда же строятся храмы в Абхазии и на севере от нее в сопредельной Алании (в Карачае). В XII–XIII веках храмы строятся в Осетии, Ингушетии и Дагестане. Нет и, вероятнее всего, не было храмов в Балкарии и Чечне».

Относительно Чечни спорить не будем, а о Балкарии, конкретно Верхнем Чегеме, мы уже сказали выше. Обилие возведенных здесь построек позволяет сделать вывод о том, что не все они носили культовый характер; скорее всего один из многочисленных фундаментов (не тот ли, длина которого составляла 30 метров?) остался от караван-сарая. Напомним, так называлось большое общественное строение на дорогах и в ненаселенных местах, служащее кровом и стоянкой для путешественников.

И тогда, если вывод В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского о том, что в Верхнем Чегеме находилась и монастырская обитель, верен, то находит подтверждение и предположение того же В. Кузьмина, что именно «монахи прокладывали дороги, наводили переправы через реки, поддерживали их в рабочем состоянии». И его же резюме: «Купец и монах, олицетворявшие собой торговлю, религию и культуру, шли в горы «в одной связке». Именно они создавали в глухих и диких ущельях очаги цивилизации».

Попытаемся обобщить сказанное. Если наше умозаключение о том, что по Чегемскому ущелью и далее через перевал Твибер (3607 м), ведущий в Грузию, к Черному морю, проходило одно из ответвлений Великого шелкового пути, то становится объяснимым, почему Епископия Кавказия располагалась столь высоко в горах – здесь, в Верхнем Чегеме, самое удобное место для отдыха путников, которым предстояло труднейшее испытание – переход на другую сторону Главного Кавказского хребта.

Впрочем, справедливости ради надо сказать, что через нашу республику проходил еще один древний караванный путь – по Балкарскому, называемому ныне Черекским, ущелью. Именно по нему в 1651 году ехало в грузинскую Имеретию русское посольство. Возможно, и он имеет какое-то отношение к Великому шелковому пути...

АДЫГ ДУКА-БЕК И РУСИЧ БУС-БЕЛОЯР: ДВА В ОДНОМ

Реплика «Такая вот история», опубликованная одной из республиканских газет, вполне справедливо критикует прошедшую в 2013 году по все-российскому телевизионному каналу «Культура» передачу «Искатели», в которой весьма безапелляционно заявляется, что памятник Дука-Бек на самом деле является памятником Бусу-Белояру, князю Русколани – древнего государства, будто бы располагавшегося в том числе и на территории нынешней Кабардино-Балкарии. Что в битве с готами русколанский вождь потерпел поражение и вместе с десятками других князей был убит и похоронен на берегу реки Этоко. Но авторы передачи «Искатели» в данном случае не первопроходцы, они просто воплотили на телеэкране версию исторических событий, которой придерживается Александр Асов. Вот какую информацию дает о нем «Википедия»: «Автор книг по славянской фолк хистори, известен в первую очередь как комментатор, публикатор и переводчик ряда якобы древних славянских текстов, наукой признаваемых поддельными». Уточнив, что понятие фолк хистори словарями русского языка расшифровывается как псевдоистория, параистория, лжеистория, расскажем об этой самой версии.

Александр Асов пытается доказать, что именно на Северном Кавказе вершилась ранняя русская история. Об этом он пишет во многих своих книгах. А в издании «Русколань: Древняя Русь» (Вече, 2004) восьмая глава так и называется «Сказание о Бусе-Белояре». Согласно ей, «великий князь Русколани Бус из рода Белояров (295–368 гг. н. э.), родившийся «в граде Кияр (Сар-град) в Пятигорье», чья власть «распространялась от Алтая, Загроса до Кавказа и Днепра», «укреплял Русь, которая вела войны с гуннами». Воевал он и «с готами-арианцами (древними германцами), предводитель которых «Германарех повел свой народ завоевывать мир».

Согласно Асову, Германарех личностью был прелюбопытнейшей – прожил 110 лет, мало того, в этом возрасте решил вступить в династический брак с сестрой Буса, по имени Лебедь, а когда выяснилось, что его сын Рандвер эту самую Лебедь полюбил, повесил его, а саму невестку бросил под копыта коней. Погибель свою этот «великий полководец... захвативший после долгих войн почти всю Восточную Европу», нашел от меча Буса

и его брата Златогора. Но и сам Бус прожил после этого недолго – его «и семьдесят иных князей распяли на крестах» воины Амала Винитария, преемника Германареха.

Дальше события будто бы развивались следующим образом: «По казаскому преданию, на родину тело Буса и иных князей привезли восемь пар волов. Жена Буса повелела насыпать над их могилой курган на берегу реки Этоко (приток Подкумка) и воздвигла на кургане памятник, сделанный греческими мастерами («Хотя памятник ниже его, но сходство с ним уязвило мое сердце...» – пела она, согласно легенде). Она же, дабы увековечить память о Бусе, повелела переименовать реку Альтуд в Баксан (реку Буса).

По преданию (балкарскому и болгарскому, то есть богумильскому), Бус, как и Иисус, затем воскрес и вошел на Фаф-гору (Эльбрус). И отныне он в Ирии, в Небесном царстве у трона Всевышнего.

На земле же памятником Бусу остался монумент. И он стоял на древнем кургане на реке Этоко много лет, и прохожие могли прочесть древнюю надпись на нем, пока не забылся древний язык и древняя письменность».

Все это написано вполне серьезно, с многочисленными ссылками на источники IV–VI веков нашей эры – «Книгу Велеса» (повторимся, которую считают подделкой), церковника Иоанна Златоуста, готского летописца Иордана, римского поэта Децилл Маги Авзония... История, так сказать, творится на наших глазах: акценты смещаются, мифические герои определяются в конкретном времени, выдуманные координаты становятся реальными.

Но самое интересное, что у этой версии находятся апологеты, идущие в своих «изысканиях» еще дальше автора. Один из них, оставшийся безымянным, в журнале «Славянское родноверие» (Ставрополь. 2009. № 2. С. 40–47) опубликовал статью «На берегу Этоко», в которой утверждает, что «согласно сделанной расшифровке надписи на памятнике, он, по всей видимости, являлся документальным подтверждением заключенного договора о поселении князем славян на части территории, принадлежащей его родам, некоего племени нартов. Об этом довольно красноречиво говорят рисунки, сделанные на четырех сторонах памятника. На лицевой части в ознаменование заключенного договора два вождя воинственных племен (что подтверждается изображениями двух вооруженных копьями всадников в нижней части группы) подняли чашу с вином над большим сосудом. Стоящий слева князь славян протягивает чашу (братину) князю нартов, позади которого его соплеменник стоит в позе просителя на полусогнутых ногах.

На левой стороне памятника в подтверждение договора нартам разрешается использовать пастбища для выпаса скота.

На задней плоскости монумента высечено разрешение на совместную охоту на диких зверей, что символично показано изображением лучников

с двух сторон, загонщика и оленя. И самое удивительное изображение высечено на правой стороне монумента. По моей первоначальной трактовке, воин, изображенный сверху, отсекает мечом материализованную дурную мысль о захвате чужого, что символично отображено в виде пятипалой руки, охваченной цепью. Однако впоследствии, при более детальном изучении фотографий и письменных источников, стало понятно, что наказание должно последовать от божественных предков руссов, в данном случае от Коляды.

В процессе раскопок под самим изваянием не было найдено захоронения князя, и это еще раз подтверждает правильность предлагаемой интерпретации событий, происходивших в глубокой древности на территории Северного Кавказа. А сам памятник весьма интересен тем, что на нем есть прямое подтверждение от первого лица князя славян условий договора. Тем самым монумент, несомненно, олицетворяет облик одного из именитых вождей древних славян Буса-Белояра...».

Ну а теперь самое время от предположений и версий перейти к чему-то более существенному.

Действительно, каменный истукан Дука-Бек, стоявший справа от дороги Нальчик–Пятигорск, у нынешнего селения Этоко, один из самых необычных памятников, найденных когда-либо в Кабарде. Вот что, в частности, писал Семен Броневский, автор книги «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», вышедшей в 1823 году: «Между Бештовыми горами на полугоре Тёмир-Кубшаки

Копия памятника Дука-Бек в Национальном музее КБР

при ручье Етака стоит каменный поясной истукан вышиною в 8 футов, 8 дюймов, называемый кабардинцами Дука-Бех, с надписью, коея буквы имеют сходство с греческими или славянскими, и с разными изображениями людей и зверей, высеченными на подножии онаго. Надписи никто не мог разобрать и кому воздвигнут сей памятник также неизвестно. По некоторым изображениям догадываются только, что рыцарь Дука-Бех был христианин».

Шора Ногмов в своем знаменитом труде «История адыгейского народа» в главе «Повесть о Баксане, сыне Дауове» попытался дать ответ на эти вопросы. Он писал: «Предание повествует, что в половине IV столетия на реке Баксане жил князь Дауо, у которого было восемь сыновей и одна дочь. Старший сын его, Баксан, был знаменитый нарт своего отечества. Говорят, что он был убит готфским царем со всеми своими братьями и восьмидесятью знатнейшими нартами. Услышав это, народ предался отчаянию: мужчины били себя в грудь, а женщины рвали волосы на голове, говоря: «Хьэдэщ, хьэдэщ, Дауо и кьуйр хьэдэ мыгъуэщ! Дауо и кьуйр, уей Дау и кьуйр», то есть «Убиты, убиты Дауовы восемь сыновей, увы! Дауовы восемь сыновей».

Следующий (в смысле этот. – *Авт.*) обычай сохранился в Кабарде до настоящего времени. Весной, около половины апреля, молодые девушки с распущенными волосами поют эти слова, составивши хоровод. Предание говорит, что сестра убитых Дауовых сыновей собрала их трупы и похоронила с честью на берегу Этоко, где воздвигнула над их могилой каменный памятник, существующий и ныне. Он поставлен на кургане, вытесан из цельного камня и имеет высоту в 4 аршина (то есть около трех метров. – *Авт.*) от земли. Народ называет этот памятник «Даукъуэхэ я сын», вместо «Дауко Баксан», то есть «Дауов сын Баксан».

Далее Шора Ногмов приводит слова из песни, которую, как говорят, сочинила сестра Баксана. Говорится в ней следующее: «Геройство Баксана освещает антский народ своими доблестями.

Хоара сжимает ногами антский воин, и где бы он ни ездил, конь без вреда привозит его домой.

О, родина Дауова Баксана, хотя он уже не существует, но когда будет добывать тебя Гут (то есть гот. – *Авт.*), ты не покоряйся.

Сонм нартов, отводя щитами удары вражеских копий, единодушно призывал Бога на помощь; но Баксану не удалось участвовать в этой молитве.

Весь народ почитал его за благого духа; когда начиналось сражение и удары блистали как молния – его присутствие посеяло в антском народе уверенность.

Гутские истязания не прекращаются, весь антский народ пришел в отчаяние, потому что восемь пар волов привезли его тело на родину.

Собрав греков, я предложила им сделать памятник. Хотя каменный образ ниже его, но сходство с ним уязвило мое сердце. Народ не покидает траура и, чтоб его увековечить, реку Альтуд назвал Баксаном».

А теперь вспомните, что писал Александр Асов без ссылки на первоисточник: «Хотя памятник ниже его, но сходство с ним уязвило мое сердце...», «Она же, дабы увековечить память Буса, повелела переименовать реку Альтуд в Баксан (реку Буса)». Правда, в ряде приводимых им деталей текст отличен от оригинала. Но если переименование греков в греческих мастеров обосновано (все-таки нам, не современникам тех событий, не совсем ясно, почему именно были собраны греки и откуда они взялись), то замена сестры (как в песне) женой подкрепляет, на взгляд Асова, его версию. Действительно, в таком контексте сестра не играет на образ Буса-Белояра.

А вот как пересказывает эту легенду автор книги «Очерки этнографии Кавказа», известный ученый и государственный деятель России (он был министром народного просвещения) Е. П. Ковалевский (1792–1867): «В половине IV столетия от Р. Х. на реке Баксане, протекающей по Кабарде, жил князь Дауо; у которого было восемь сыновей; из них старший Баксан, знаменитый нарт (витязь), со всеми братьями и 80 нартами был убит в жестоком сражении с гутами (готами, по мнению автора). По этому случаю была сложена в честь Баксана песня и совершаются ежегодно игрища народные в память его. Сестра убитых братьев перенесла трупы их в Кабарду, похоронила их с честью на берегу реки Этоко и воздвигла на могиле их памятник, существующий и поныне».

Далее Е. П. Ковалевский опровергает версию кабардинского летописца, переносащего имя «антов со славян на адыгов». (Точка зрения на такой подход исследователя П. Г. Буткова будет приведена ниже. – *Авт.*) Предлагает Шоре Ногмову «для убеждения нас в том, что под ним покоится именно прах героя Божа, или Боксана, что он действительно погиб в сражении с готами, предводимыми Винитаром, и погребен своей сестрой в IV столетии... снять и предъявить верхний снимок (facsimile) с надписи...».

Каким же был каменный истукан, тронувший сердце сестры Баксана? Вот как его описывает Шора Ногмов: «Памятник этот представляет молодого человека в шитой шапочке и в платье, похожем по покрою на нынешний бешмет с продольной строчкой. Застегнут он четырьмя четверугольными застежками и подпоясан кожаным узким поясом, прошитым посредине ниже лифа; платье идет складками. Ноги не сделаны, но нижняя часть представляет столб с греческой надписью на передней стороне и множеством фигур, представляющих людей на охоте за зверями, воинские игры пеших и конных людей и с правой стороны колчан со стрелами, ниже пояса статуи, а с левой – сабля с рукояткой наподобие грузинской и лук в

футляре. В этой греческой надписи можно многое разобрать и, между прочим, имя Баксана...».

Что это за «множество фигур», можно узнать из книги Г. Ионе и О. Опрышко «Памятники рассказывают»: «Ниже подписи, спереди изображены три человеческие фигуры. Одна из них держит чашу, другая из сосуда, стоящего рядом, черпает воду, третья стоит на колене с чашей в руке. Под фигурами высечены два всадника, сражающихся на копьях. С обратной стороны пьедестала – фигура человека, стреляющего из лука в оленя; ниже ее – два человека, стреляющих друг в друга из лука. На левой узкой боковой стороне статуи, у пояса, – человек с поднятой саблей в правой руке, в левой он держит цепь с пятиглавым змеем. Под ним – человек с палицей на плече. Справа высечены олень и собака».

Интересна судьба каменного истукана. Авраам Фиркович (1786–1874) – караимский (тюркский – по языку, фольклору, традициям – народ, исповадовавший религию, родственную иудаизму) археолог, автор работы «Археологические разведки на Кавказе» (1849), способствовал его доставке в Пятигорск и установке у так называемого Цветника. Впоследствии истукан был перевезен в Москву и передан в хранилища Исторического музея. В 1886 году академик В. В. Латышев предложил свой перевод начального текста: «Успокоился раб божий Георгий Грек... 130 года 12 марта» (то есть XII век) и на этом остановился, заявив, что ему «удалось разобрать в этой надписи далеко не все» и что, «быть может, другим посчастливится более нашего в ее разборе».

Известный специалист по древней истории Кавказа археолог А. А. Иессен (1896–1964) в работе «Археологические памятники Кабардино-Балкарии» (Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. М.; Л., 1941) отмечал, что датировки «памятника-статуи некоего Георгия с р. Этоки со сложными рельефными изображениями языческого культового характера и греческой надписью XII или XVII века (1130 или 1623 г.) являются спорными».

В 1947 году Г. Ф. Турчанинов (1902–1989) – советский лингвист, автор гипотезы о протокавказской письменности, не признанной большинством лингвистов, предложил расшифровку этокской надписи с позиции адыгского языка, то есть народа, которому памятник принадлежал, и дал такую интерпретацию переводу: «Текст... показывает, что Бек является сыном Кануко, который, в свою очередь, был сыном Туко. Иначе, Кануко Бек был отцом, а Туко – дедом. Надпись выполнена сыном некоего Маремуко». Но этой расшифровке многие не доверяют.

Известный кавказовед Л. И. Лавров (1909–1982) также поддерживал мнение о том, что Дука-Бек изображает адыгского воина. Еще дальше пошел наш современник Арсен Кафоев (1922–2003), выпустивший в 1963 году в

Этокский памятник, IV (XII) в. н.э. Гранит. Высота: 2,65 м.
Государственный исторический музей, г. Москва

Нальчике книгу «Адыгские памятники» (переиздана в 1999 году под названием «Адыго-кабардино-черкесы и тайна Этокского памятника»). По его мнению, в основе многих терминов, имеющих отношение к происхождению кабардинцев, например: «адыгэ», «нарт», «касог», «алан», «черкес», лежит не этнический характер, а отношения племен. Что адыго-кабардино-черкесы с первых веков нашей эры были знакомы античным авторам

и упоминаемы ими как «анты». Кафоев был убежден в том, что народными песнями и историческими преданиями не следует пренебрегать, а дорожить ими, как древними памятниками народа. На это обстоятельство в книге Кафоева особое внимание обратил доктор исторических наук Ахмат Мусукаев: не фольклорный источник «Повесть о Баксане, сыне Дауове» «подтверждает слова надписи, а, наоборот, содержание текста памятника в данном случае служит основой информации».

Впрочем, всех, кого интересуют вопросы хронологической интерпретации данного памятника, отсылаем к фундаментальной статье В. А. Кузнецова «Изваяние «Дука-Бек»: историко-археологические проблемы», опубликованной в пятом выпуске (1999) «Историко-археологического альманаха», выпускаемого Армавирским краеведческим музеем. Владимир Александрович Кузнецов (1927 г. р.), проживающий в Пятигорске, с присущей ему дотошностью и скрупулезностью собрал все известные факты и мнения об этоском истукане за прошедшие 200 лет, разложил их по полочкам, раздал всем сестрам по серьгам (в частности, предположение А. Кафоева он отнес к паранауке) и датировал памятник, вслед за другими учеными, 1623 годом.

Прочитав все вышесказанное, читатель обязательно задаст себе вопрос: так на чем же тогда базируется версия Александра Асова, изложенная в передаче «Искатели»? Как ни парадоксально, но на своеобразной трактовке другого исследователя, также считавшего, что народным преданиям, записанным Шорой Ногмовым, можно доверять. Речь идет о Павле Ивановиче Ковалевском (1850–1931) – знаменитом русском психиатре и одновременно известном историке, чьи работы были признаны в советское время реакционными, а следовательно, непечатными.

Так, в малоизвестной книге «Народы Кавказа» (она выходила только до Октябрьского переворота, но в прошлом году была переиздана нашим издательством под названием «Кавказ. Народы. Завоевание») в главе «Кабарда» читаем: «Народ Кабарды, или Кабартай, или кабардинцы, составляет часть и притом лучшую часть великого народа адых, занимавшего всю великую равнину Кавказского предгорья, от Каспийского моря и до Русского моря, а также и восточное побережье Русского моря почти до Абхазии».

Уточнив, что Русским морем в русских летописях и арабских источниках в те времена именовали Черное море, продолжим цитирование: «Северный Кавказ был обитаем в весьма отдаленное время и едва ли не был для своей местности сам колыбелью человека. Во всяком случае, в очень отдаленное время Северный Кавказ был обитаем киммерийцами, которые если сами и не были скифами, то были очень близки скифам. Поэтому близость жителей нынешней Кабарды к скифам, нашим предкам, уходит в весьма седую древность».

Отсюда Павел Ковалевский делает вывод, что «кабардинцы ближе нам по жительству, во многом близки нам и по характеру, нравам и обычаям. Наша история и история Кабарды более тысячи лет переплетаются одна с другой. ...Кабарда и русские славяне – тысячелетние друзья. ...Постоянное соприкосновение Кабарды со славянами было особенно тесно у Тмутараканской Руси. Кабарда происходит от древних антов, что доказывается многими данными кабардинских поэтических преданий, памятников и слов. Греки называли кабардинцев «керкесами», что потом, по-видимому, перешло в слово «черкесы» – название, присвоенное всем народам, занимавшим пространство от Каспийского до Черного моря. Пребывание антов, кабардинских предков, на нынешнем Северном Кавказе доказывается свидетельством многих арабских, греческих и римских писателей. Близость Кабарды к русским славянам доказывается еще и тем, что часть кабардинских семейств имеет сарматское происхождение, равно как другая часть принадлежит к хазарскому племени. Занимая пространство от Каспийского до Русского моря, черкесы, быть может, составляли один народ. Возможно, что известное время они и царили на этом пространстве, но затем вскоре они разбились на множество мелких племен, причем имя Кабарда присвоено было преимущественно тем племенам, кои селились по Тереку, истокам Кубани до верхушки Кавказского хребта (по Малке, Баксану, Чегему). Первому культурному влиянию они обязаны грекам. Грекам они были известны до Р. Х. (Рождества Христова. – *Авт.*). Грекам они обязаны были и христианством. В Кабарде и ныне можно найти много развалин христианских храмов греческого происхождения. Таковы развалины храмов на Баксане, Малке и пр. Вместе с православной верой кабардинцы приняли от греков и их культуру. Кабардинские предания говорят, что на берегу Малки были города Малкана и Бальх. По Чегему и Баксану оказываются развалины крепостей. Полагают, что у Бургустана был кабардинский город Бургустан. Все эти остатки указывают на высокую культуру кабардинских предков-антов. Об антах много упоминается в кабардинских песнях».

Эти сведения находят свое подтверждение в рукописи «Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времен св. апостолов до XIX столетия», написанной в 1862 году полковником Генерального штаба А. В. Ракинтон (1815–1903). Найденный уже в наше время московским ученым В. А. Захаровым в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, очерк (кстати говоря, только что переизданный нашим издательством) «составлен по Высочайшему повелению (Александра II. – *Авт.*) на основании подробного критического разбора летописей: византийских, армянских, грузинских, арабских, славянских, итальянских и новейших местных исторических исследований. При этом автор составил:

исторический атлас Кавказского края, состоящий из 8 карт, на коих изображено постоянное распространение и упадок христианства со значением в продолжение каждого из 18 столетий: этнографических пространств, заселенных христианами и иноверцами, местопребываний каталиков, митрополитов, епископов, монастырей, церквей, а также политических переворотов, государственных границ, городов, крепостей и проч...».

Состоит очерк из двух частей: «Распространение кавказского христианства» и «Падение кавказского христианства». В первой из них, содержащей общий обзор восемнадцати столетий, есть подраздел «Кабардинцы. Скифы», а в нем говорится следующее: «Сообразив основательно историю Страбона и летописцев: Евсевия, Созомена, Никиты Прафлагонина, Прокопия, Сократа и других, мы выводим следующие заключения. Древние греки – нехристиане, называли скифами разнородных варваров, кочевавших по северным берегам Черного и Азовского морей. Но в скифской епархии считались собственно кабардинцы, жившие вокруг Азовского моря, в Крыму и при устьях рек Кубани, Дона, Днепра до Дуная. Они с древних веков там кочевали и отличались свирепым варварством и грабежом. Но св^ятые Андрей и Филипп озарили их светом Божественного учения. В царствование императора Трояна, по свидетельству Тертуллиана (105), у них было много христиан, нравы их смягчались. С 284-го до 576 г. кабардинцы были усердными христианами: по соборным актам в продолжение этого времени у них в одной Таманской епархии было 12 преемственных епископов, подчиненных Константинопольскому патриарху. Хотя в отдаленных степях кабардинцы занимались преимущественно скотоводством, свирепым грабежом и уклонялись от св^ятой веры, но по морским берегам и в окрестностях греческих городов они имели много земледельческих мирных сел с церквами и греческими священниками, в коих богослужение отправлялось на греческом языке, а проповеди и молитвы на их языке. В 576 г. турки (тюрки. – *Авт.*) вторглись из Средней Азии в Босфор, разрушили приморские греческие города, устроенные вокруг Азовского моря (здесь Ракинты делают следующее примечание: «При этом турки, разрушив кабардинские села и церкви, отторгнули их от христианства и увлекли к общему грабежу»), но вскоре эти области были покорены византийцами, кои возобновили здесь христианство и построили в греческих городах великолепные храмы».

И пассаж Павла Ковалевского, подводящий итог сказанному: «Итак, связь антов, кабардинских предков, с нашими предками, славянами, заключается в пограничном сожительстве, родстве антов со всеми славянскими народами, родстве и близости кабардинцев-сарматов с сарматами-славянами, греческой православной вере и воспринятой обоими народами греческой культуре».

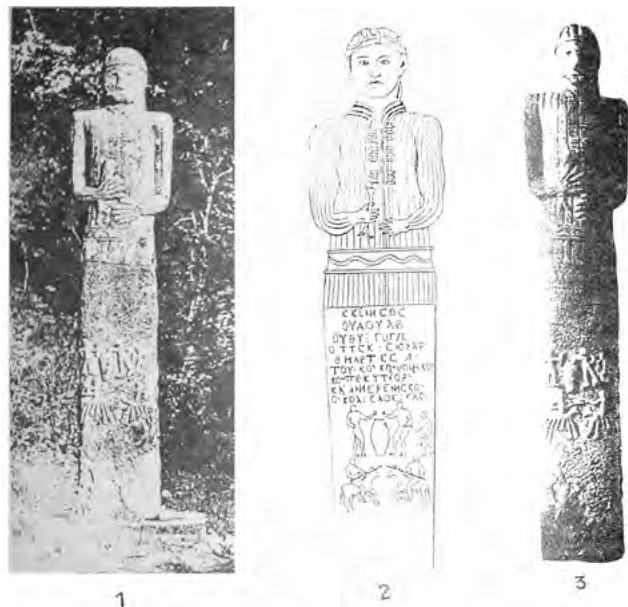
Справедливости ради надо сказать, что подобной точки зрения придерживались немногие ученые. Более того, рядом из них она подвергалась серьезной критике. Стоит вспомнить, что Петр Григорьевич Бутков (1775–1857) – известный исследователь, специализировавшийся на древнейшей истории России (он является также автором знаменитой работы «Материалы для новой истории Кавказа с 1722-го по 1803 г.», вышедшей в 1869 году и в полном виде впоследствии так и не переизданной, опубликовал в журнале «Северная пчела» (1850. № 99) статью «Вести черкеса о князьях русских Святославе и Мстиславе». Вероятно, по причине того, что она содержит нелицеприятные высказывания о труде Шоры Ногмова, статья ни разу не перепечатывалась и лишь в 2013 году увидела свет в нашей книге «Неизвестная Кабардино-Балкария». Процитируем ее: «Недавно в одном русском журнале перепечатано из газеты «Кавказ» свидетельство о походе великого князя Святослава на Кавказ, открытое в преданиях кавказских и признанное драгоценным подтверждением нашему Нестору».

Пожелав ознакомиться ближе с достоинством сего замечательного известия, обратился я к его источнику, и в газете «Кавказ» 1849 г. в № 36, 37, 39 и 45 внимательно прочитал статью «О быте, нравах и обычаях атыхейского или черкесского племени, составленную из песен, сказок, пословиц, преданий и письменных свидетельств сего народа образованным черкесом, покойным Шах-Бекмурзиным, который хорошо владел русским языком».

Нетрудно было убедиться, что все приписанное у Бекмурзина историческим вестям его соотечичей заключается в таких его рассказах, которые он, по своему соображению, признал удобными для применения к повествованию Карамзина в «Истории Государства Российского»: а) о народе антах, б) о великом князе Святославе и в) о князе Мстиславе Тмутараканском. В какой степени эти применения правдоподобны, сейчас увидим.

1) Из Иорнанды, Прокопия и других древних писателей известно, что анты, соплеменные вендам и собственно славянам, в IV–VI веках по Р. Х. занимали страну, прилежащую к Черному морю от Днестра до Дуная; но Бекмурзину показалось, что анты были те же черкесы, адыги, или, по его произношению, атыхи, и обитали по Тереку от Моздока до Волги и Дона, и от Кавказских гор, по правому берегу Кубани, до морей Черного и Азовского. Оттого, по его мнению, истинное имя кавказского кисловодного источника было не нарзан, а нарт-ант-псина и башня Жулат должна быть называема Жоритла-Ант, в смысле часовни для доброхотных подаяний.

Утвердясь на такой основе в тождестве имени и племени антов и атыхов, Бекмурзин усвоил атыхам разные встреченные им у Карамзина исторические происшествия, относящиеся и до антов, и до славян. Где у Карамзина сказано, что император Юстиниан с гордостью величал себя Антическим в смысле победителя антов, Бекмурзин написал, что Юстиниан со-

Изваяние «Дука-бек», лицевая сторона:

1 – в цветнике Елизаветинской галереи Пятигорска (по: Памятники времен утверждения... 1906); 2 – рисунок Я. Потоцкого, 1798 г.; 3 – в Государственном историческом музее (по: МАК, вып. III, 1893)

Вид Пятигорского музея под открытым небом (гравюра XIX в., опубликованная в кн.: Князь Туркестанов Ф. Н. «Вояж господина незабудки». – СПб., 1875)

«Киммерийская» каменная стела из окрестностей сел. Нижний Куркужин (по Б. Х. Атабиеву)

Тюркские изваяния из района Пятигорья (не сохранились)

держал союз с атыхейским народом и называл себя атыхейским рыцарем. Где у Карамзина читаем, что Баян, хан аварский, смилив антов, требовал от славян чрез послов своих подданства, и что вожди славян Лавритас и другие ответствовали: «Мы привыкли отнимать земли, а не свои уступать врагам», Бекмурзин поставил на место славян антов, как своих атыхов, и написал, что хан Байкан Аварский в VI веке, опустошив земли Аллиг (Эллады), приблизился к атыхам и потребовал от них покорности; что князь Лавристан и прочие атыхейские вожди дали послам его гордый ответ и что за это Байкан нахлынул на атыхов, истребил жителей от берегов Черного моря до кабардинской реки Баксана и заставил атыхов себе повиноваться; имея же их в своем ополчении, покорил прикаспийские народы до Дербента. Наконец, где у Карамзина сказано, что славяне, быв принуждены давать хану аварскому войско, первые гибли в битвах для пользы своего тирана, Бекмурзин написал в честь храбрости своего народа, что аварский хан ставил атыхейцев всегда впереди».

Такой же критике подвергаются П. Г. Бутковым сообщения, приводимые Шорой Ногмовым о великом князе Святославе и о князе Мстиславе Тмутараканском. И лишь в одном он с ним соглашается: «Согласимся поверить Бекмурзину только в том, что имя Тмутаракани сохранилось в пословицах атыхейских под названием Тамтаракай. Нам случалось не один раз слышать от владельцев кабардинских, что у черкес точно есть древняя поговорка, означающая в русском переводе: «Прошло как Тмутаракань». И не удивительно, что это имя из памяти их не исчезло. Когда наши тмутараканские князья в обитателях сего княжества имели под властью своею хазар, а в соседней закубанской стране касогов, нынешних абазинцев алты-кизиков, или казаков, и другие кавказские племена, тогда нельзя было и черкесам тамошним не иметь к владыкам тмутараканским никаких отношений».

Правда, и здесь П. Г. Бутков остается верен себе: «Из летописей наших известно, что имя черкес, явившееся в Киевском княжестве в 1152 г., принадлежало исключительно берендеям, или берендичам, состоявшим до монгольского нашествия в военной конной службе великих князей Киевских, в числе прочих черных клобуков. Берендеи же упоминаются у нас с 1098 г. Одни из них показались в 1103 г. на правой стороне Днепра у Заруба, против устья р. Трубежа; другие находились в 1114 г. у Дона и в 1146 г. перешли к тому же Зарубу. Можно полагать, что берендеи-черкесы выселены были нашими чернигово-тмутараканскими князьями с Кубани начально к Дону, и оттуда, при разных обстоятельствах, удалились на правый берег Днепра, где родовое имя их и теперь носит город Черкассы, упоминаемый в летописях с 1321 г.».

В приложении к данному материалу мы публикуем обнаруженную в 1957 году научным сотрудником Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института П. Г. Акритасом в рукописном отделе Государственного музея Грузии в Тбилиси рукопись неизвестного автора под названием «Кабардинцы», подписанную инициалами «П. Г.».

Необходимые пояснения к ней содержит статья Е. С. Тютюниной «Шора Ногмов и П. И. Головинский» (Вопросы кавказской филологии. Нальчик: Эль-Фа, 2004. Вып. 4).

Исходя из подписи с инициалами «П. Г.», Е. С. Тютюнина делает вывод, что они принадлежат Павлу Головинскому, историку-любителю. Подтверждением чему служит публикация «Историческое описание Кавказского края» в 1860 году в газете «Ставропольские губернские ведомости». В предваряющем ее примечании редакции сообщается: «Вся первая половина этого опыта исторического свода данных о кавказском крае извлечена целиком из любопытной рукописи знатока и любителя кавказской старины Павла Ивановича Головинского». Приводя сведения о древней истории разных кавказских народов, автор пишет: «У кабардинцев много любопытных преданий, известных истории; они собраны были замечательным кабардинцем Шора-Бек-Мурзиным», – и далее излагает несколько исторических событий, как они переданы Ногмовым. Основным источником рукописи «Кабардинцы» также является сочинение Ногмова, что и позволяет сделать вывод: рукопись и материал, включенный в газетный очерк, принадлежат одному и тому же автору – П. И. Головинскому.

Кавказовед М. О. Косвен приводит о нем такие сведения: «Павел Иванович Головинский (ум. ок. 1871 г.) – военный врач, много лет прослуживший на Северном Кавказе, в 1848 г. – штаб-лекарь Егерского полка, в 1852 г. – дивизионный врач 20-й пехотной дивизии, в 1861 г. – старший доктор войск Терской области (по КК). Бывший батарейный командир Л. Н. Толстого...».

Рукопись «Кабардинцы», пишет Е. С. Тютюнина, представляет из себя самостоятельное законченное произведение, главным источником которого является кабардинский фольклор в записях и изложении Ш. Ногмова, на что указывает и сам автор: «Остальное же, – пишет он, – составленное по письменным источникам и из рассказов других кабардинцев, частью объясняет, а частью дополняет показания Шоры Бек-Мурзина». Здесь же Головинский выражает отношение к труду Ногмова: «Шора – человек развитый и пытливый, знаток старины своего народа, но у него хронология перепутана, чего, впрочем, следует ожидать от сведений, основанных на преданиях, потому что предания не знают хронологии. Тем не менее предания, собранные Шорою, остаются фактами, требующими только дальнейшего разъяснения».

«Характерной особенностью работы Головинского, – пишет далее Е. С. Тютюнина, – является полное восприятие мысли Ногмова о единых корнях

древних антов и адыгов. В подтверждение этой версии русский историк приводит разнообразные аргументы, делая ее стержневой в своем понимании истории кабардинцев. Уверенный, что часть древних антов-славян, оттесненная от основной массы соплеменников, осела на Кавказе и стала одним из компонентов адыгского этноса, сыграв значительную роль в общности исторических судеб этих народов, Головинский приходит к следующему заключению: «Так адыгейцы, или анты, оторванные историей от славянского корня, слившиеся с черкесским племенем, по истечении многих веков со множеством переворотов в своей исторической судьбе, примкнули опять к славянскому корню – к России».

Можно сказать, что, используя материалы Ногмова, Головинский сделал попытку дать собственную версию кабардинской истории с древних времен до конца XVIII века. Всего им приведено 11 «песен» в русском переводе, который, несомненно, выполнен самим собирателем, т. е. Ногмовым. Стоит заметить, что в издании Берже те же предания («песни») имеют ряд разночтений, и не только редакционного плана. Головинский излагает содержание ногмовского труда, видимо, очень близко к оригиналу, хотя и не соглашается с некоторыми его положениями, а «песни» он безусловно цитирует полностью, и поскольку нет оснований упрекнуть историка в вольном обращении с записями кабардинского ученого, то надо признать, что перед нами более ранняя авторская редакция русских вариантов кабардинских преданий, чем завершенная в 1843 г. и опубликованная в 1861 г. Берже. Поэтому труд Головинского можно считать одним из источников для изучения творческой истории создания главного сочинения Ш. Ногмова – «Истории адыгейского народа».

«Произведение П. И. Головинского, – делает вывод исследователь, – следует рассматривать в контексте историографической ситуации 60-х годов XIX века как одну из ранних в русском кавказоведении попыток связанного, хронологически последовательного изложения истории кабардинского народа – именно динамической истории, а не статичного этнографического описания. Сама по себе редкость этого жанра усиливается оригинальной авторской посылкой – развитием «антской» гипотезы, что является редчайшим (если не единственным) случаем в русской науке – мало кто из кавказоведов поддержал эту идею Ногмова».

КАБАРДИНЦЫ ¹

Кабардинцы, ныне, в административном отношении составляют особый Кабардинский округ с подразделением на участки. В состав этого округа входят: Большая и Малая Кабарда, балкарцы, или малкарцы, хуламцы, безенгиевцы, чегемцы и урусбиевцы; последние четыре общества занимают гористую местность от Горной Дигории по ущельям: Нальчикскому, Чегемскому и Баксанскому до Эльбруса, находились прежде в большей или меньшей зависимости от кабардинцев. Общества эти, составляя помесь осетин с татарами, сформировались в период татарского владычества на Кавказе и в Крыму. В них превалирует татарский элемент, и все они говорят татарским наречием. Общества эти получили названия то от речек, то от урочища. Численность всех этих обществ – 10 155 душ обоего пола. Большая Кабарда занимает понизовье с левой стороны Терека, от дигорской речки Кабахаот-дон до Кубани. Малая Кабарда тянется по правому берегу Терека, от речки Камбилеевки до Чеченских выселков. В Большой Кабарде 33 734, в Малой Кабарде 10 335 душ обоего пола народонаселения.

Кабардинцы в среде черкесских и других кавказских обществ своей развитостью, своей культурой занимают первое место. В сословном отношении кабардинцы делятся: на князей – *пши*; первостепенных узденей, или дворян, – *тлехотлеш*; второстепенных узденей – *уорк* или *ворк*; свободных людей – *твухотль*; земледельцев, или крестьян, – *пшитль* или *чагар*, которые находятся в зависимости от землевладельцев. Наконец последняя степень: рабы – *тхахумиты* или *ясыри*, получившие недавно по воле государя свободу. У кабардинцев, гордых блестящими страницами своего былого боевого, исторического быта, аристократизм был сильно развит, не менее того сила свободного народа составляла сильный противовес аристократизму. Князья ж, первостепенные дворяне, всегда имели большое значение в народе. Личность князя была неприкосновенна для всех низших со-

¹ Большая часть сведений о кабардинцах была первоначально сообщена мне известным кабардинцем – Шорой Бек-Мурзиным Ногмовым, бывшим секретарем Кабардинского народного суда в Нальчике. Остальное же, составленное по письменным источникам и из рассказов других кабардинцев, частью объясняет, а частью дополняет показания Шоры Бек-Мурзина. Шора – человек развитый и пылкий, знаток старины своего народа, но у него хронология перепутана; чего, впрочем, следует ожидать от сведений, основанных на преданиях, потому что предания не знают хронологии. Тем не менее предания, собранные Шорой, остаются фактами, требующими только дальнейшего разъяснения.

словий. При спорах или ссорах князей между собой они разбирались третейским княжеским судом.

Уорки составляли свиту князей. Тлехотлеши, или первостепенные дворяне, образовались из старинных знаменитых фамилий как туземных, так и переселившихся иноплемennых.

Проживая у одного князя, тлехотлеш имел право переходить со своим родом к другому князю, они имели могучее значение: пользовались правом голоса в совете судей; имели право сидеть в их присутствии; имели важную привилегию, состоящую в праве стрелять по князю. Так, если князь, имеющий кровомщение с другим князем, встретил бы его где-нибудь на дороге и схватился бы с ним, то тлехотлеш, живущий у первого, если бы находился при этой схватке, имеет право стрелять по врагу своего принцепала. Если он при этом убьет князя, то родственники убитого не имеют права мстить тлехотлешу.

Они имели, наконец, огромное значение при выборах между князьями валия, или старшего князя. Валиев избирал народ, но тлехотлеш могли, имели право сменить выбранного народом валия, заменив его другим, своего выбора. В старину народ управлялся выборными из народа старшинами, а в важных случаях весь народ собирался на совет. Народу принадлежала вся земля. Князья жили данью от народа.

Все закубанские черкесы переселены в недавнее время в Турцию. Представителем черкесского народа остались на Кавказе кабардинцы. При общем названии черкесы все жившие за Кубанью общества, кроме абазинского народа, имея особые частные свои по обществам названия, носили также другое, общее всем им название: адиге. Кабардинцы также имели общее название: *черкесы*, *адиге* называются кабардинцами, как особым частным названием своего общества.

Откуда, от чего произошло это частное общественное название Кабарда, кабардинцы?

На этот вопрос Ф[илиппсон] и Л. Головин высказались печатно. Ф. выводит название кабардинцы от имени одного из хазарских колен «Кабары». Кабары эти в начале X века (914), вступив в борьбу с повелителем хазар, были разбиты, покорены, часть разбитых кабард ушла к уграм в Панонию, а другая часть отправилась к подножию Кавказских гор. От этих кабард произошли кабардинцы. Л. Головин, напечатавший Грузинскую летопись в одном из Кавказских календарей, говорит в примечании: «В 835 году три колена хазар, называемые кабары, под предводительством князя своего Инала поселились на реке Чегем, от них произошли кабардинцы». В этом показании явная несообразительность. Кабардинский князь Инал жил в XV столетии. Он никогда не поселялся на Чегеме. Столько же неоснователен вывод кабардинцев от кабар.

Хазары, разделенные в административном отношении на 9 колен, делились в общем отношении на хазар больших и хазар малых. И большие и малые хазары управлялись одним общим правителем, или каганом. Название «каган» произошло от еврейского слова «каган» – царь¹. Малые хазары от еврейского слова «кабар»²

¹ Правители, или цари хаза, исповедовали иудейскую веру.

² По словам знатока древнего еврейского языка г-на Черного, слово «кабар» правильнее следует выговаривать «хабар».

(соединять, связывать) назывались хазарами кабарами, или соединенными, связанными с большими хазарами, или союзными хазарами.

Венелин, основываясь на показаниях Приска, говорит: «Греки называли малых хазар, или кабар, «гунны кибариты». Резиденцией этих кабар, или малых хазар, – Семендер, где ныне Петровск. Малые хазары не всегда ладили с большими хазарами. Разбиваемые при разладах кабары каганом, живя от Семендера до Дарьяльского ущелья у подножия горы, они и соединялись, и переселялись и с большими хазарами, но не имели необходимости удаляться к подножию Кавказских гор.

Чуткая народная память кабардинцев знала издавна хазар, называли их «хаза».

Предки кабардинцев воевали с хазарами. Кабардинцы находят отрывки хаз в своей среде, но не допускают вывода своего общественного названия от имени «кабары». Выводы и Ф., и Головина названия кабардинцев от кабар основаны на одном только созвучии имен двух разных народностей.

Третий вывод названия кабардинцы принадлежит Шоре Бек-Мурзину; вывод этот передан им лично мне.

По словам Шоры, в старину адиге, разросшиеся за Кубанью, разделенные на многие общества, занимая понизовье, примыкали ко многим горным ущельям. Часто в среде адигейских обществ бывала неурядица, не обуздываемая властью, не имевшей силы.

В этих обществах своевольные, непокоренные – и общественным порядком, и общественным приговором – адигейцы уходили далеко в ущелья. Число этих удалявшихся, смотря по обстоятельствам, то увеличивалось, то уменьшалось. Они, как говорят, пошаливали, или, правильнее: нередко грабили своих и соседей. Черкесская гористая местность, прорезанная многими ущельями, называлась по-черкесски «Коберда»: *ко* – ущелье, *бер* – много, *да* – наш (Коберда, или наше много – ущелье), она дала жильцам-удальцам этих ущелий название: «кобердинцы», или «наши ущельники или трущобники»¹.

При династии арабских князей ущельники эти усилились приливом и народа, и князей, недовольных введением новых порядков. Когда же князь Инал, приняв в свои могучие руки управление закубанских обществ, разбил – при помощи абазинцев – ущельников, казнил многих из них, тогда ущельники, эта буйная вольница, оттеснив опсов или осов, заняла по правую сторону Кубани ущелистые места до Чегема. Здесь образовалось, сформировалось многолюдное, энергическое общество, непокорное закубанским князьям. Переселение ущельников, или кабардинцев, к Чегему, перепутанное в Грузинской летописи, дало, очень вероятно, повод обозначить: три колена хазар – кабар – переселились под предводительством князя Инала на Чегем.

Знаменитый князь Идар решил покорить кабардинцев: собрав все свои закубанские силы, он вступил в битву, известную, по преданиям, под именем Казбунской битвы. Идар не только не мог одолеть кабардинцев, но по предложению их сам перешел к ним княжить. С тех пор прозвище, данное народом за Кубанью

¹ Кабардинцев первоначально можно сравнить с русской вольницей, жившей за порогами Днепра, которая, подобно кабардинцам, названа «запорожцами».

жильцам своих ущелий, потеряв все свое первоначальное значение, привилось – течением времени – к кабардинцам, самостоятельному особому черкесо-адыгейскому обществу.

Вывод Шоры Бек-Мурзина названия «кабардинцы» имеет полное вероятие истинности. Кабардинцы, усвоив себе это прозвище, называли и называют сами себя общим племенным именем «адиге».

Шора Бек-Мурзин в имени «ади» и видит антов. Академик Броневский в имени «адиге» видит имя «Адам», то есть островитяне, или жившие на острове, образовавшемся при разделении Кубани на два рукава. Масуди адиге называл «адемфа». И адам, и адемфа ни более и ни менее как переименованное имя «Атихе».

По словам Шоры Бек-Мурзина, имя «Адиге» следует выговаривать «Атихе». В кабардинском наречии слова, оканчивающиеся на *хе*, обозначают множественное число. Имя «Атихе» по свойству наречия сокращено, следует выговаривать «Антихе», то есть анты. Многие кабардинские старики на основании и древней народной поэзии, и преданий выговаривают до этих пор имя «Атихе» полным выговором: *антихе*.

В кабардинском наречии сохранилось немало слов полного выговора – *антихе* или *анты*: *анти-нокопьеш* – антский княжеский сын; *анти гишао* – антский юноша; *антигуиу орк* – антский дворянин; *антигишу* – антский всадник. До этих пор сохранилась между кабардинцами поговорка: «Царь Ант лежеко» (трудолюбивый Ант). В кабардинском наречии немало также сокращенных названий, в которых ясно видны анты. Имя Нарт сокращено, оно состоит из двух слов: *нар* – глаз, *ант* – антский. Нарты были в старину адыгейские рыцари – глаза народа, оберегатели, защитники народа. Кисловодский минеральный источник, названный русскими «Нарзан», выговариваемый кабардинцами в сокращении «Нарсант», выговаривается полным выговором: Нарт-псана-ант – Антский богатырский ключ: *Нарт* – рыцарь, *псана* – ключ, источник, *ант* – антский. Нарты в древности пили из этого источника воду, сопровождая питье, по обычаю, жертвоприношениями.

У берега реки Подкумок, недалеко от Кисловодска, находится высокая скалистая с плоской вершиной, имеющая четырехстороннюю форму, гора. С этой горой, посредством перешейка, соединяется другая такая же гора, несколько пониже первой горы; со стороны речки вырублена в скале лестница. Кабардинцы и называли и называют эту гору Бергусант, или гора многих антских товарищей: *бер* – много, *гуса* – товарищ, *ант* – антский; гора эта названа русскими Боргусант; генуэзцы называли эту гору Боргосанто. В названии и русском, и генуэзском ясно видна переделка названия – Бергусанта.

На этой горе очень много древних могил, в которых находят глиняные разной формы кувшины, разные металлические вещицы и серебряные древние римские монеты. На левом берегу Терека, на понизовье, недалеко от Минарета, уделили кое-где древние каменные четырехсторонние, то с круглым шаровидным, то конусообразным верхом или крышей, здания; при небольшой вместимости этих зданий, они довольно высоки; на нижней трети высоты этих зданий находится круглое отверстие, или вход. Кабардинцы в сокращении называют эти здания «жулаты»,

полным же выговором выговариваются: «Жоритла Анты, или антские капища», в этих капищах, по народному преданию, совершались предками кабардинцев жертвоприношения и примирения враждующих. По древнему народному обычаю, враждующие, чтобы покончить вражду, взяв с собой стрелу, входили в жулат; в жулате переламявали стрелу пополам; одна половина стрелы оставалась у одного, а другая – у другого из враждовавших – этим заключалось полное примирение. Масуди на основании неродного названия капищ – жулаты, называл народ, живший когда-то на этих местах, *джули анты*. Жулаты во время владычества монголов на Кавказе, останавливавшихся у этих жулатов, переименованы в *татар-тупы*¹.

Этимологический вывод Шоры Бек-Мурзина: адиге или атихе от антов подкрепляется историческими указаниями: на картах Лапи и Мальтебрюна, составленных на основании показаний Птоломея и Плиния, на реках Кубани, называемой греками Гипанес, а Страбоном – Анты китис, показаны анты. В истории России Ф. Булгарина, напечатанной в 1837 году, сказано: «При переселении готов под предводительством Одина от Азовского моря к Скандинавии, нарты, присоединяясь к готам, были включаемы готами в высшее готское сословие, называемое асы».

Нарты были рыцари адигейские, или антские. Стало быть, анты в то время были соседями готов, Одина.

Павел Диакон (720–800) видел в восьмом столетии по Р. Х. антов на Днепре. В пятом столетии, говорит Амадей Тьерри, две гуннские орды – Кутригуры и Утигуры, кочевавшие у Азовского моря, пригласив приволжских болгар, соединились на пути с бродячей, свирепой ордой антов, ходили совместно на Дунай грабить Византию.

Прокопий в VI веке вел множество антских орд от Черного моря на Север. В VI столетии уары, или уар-хунны, двигаясь по совету аланского царя Сароса с Кавказа на Дунай, разбив наголову и кутригуров, и утигуров, встретили на Днепре орду антов, преградивших уарам переправу через Днепр. Уары, вступив в переговоры с антами, убили заносчивого гордого антского посла Меземира, разбили антов. Эти уары, названные греками аварами, впоследствии под предводительством хана Байкана, или Баяна, поражали кавказских адиге, или атихе.

Нет сомнения, что анты, эти отростки скифов, разделенные на несколько кочующих орд, жили, бродили от Кубани до Дуная. За Кубанью жили керкеты, известные географу Сцилаксу за 550 лет до появления Христа, переименованные впоследствии в черкесов, как об этом основательно говорит граф Потоцкий. Керкеты, или черкесы, эти, очень вероятно, были дальние отростки скифского народного корня. Придунайские места, занятые славянами, одноплеменниками антов, влекли их к Дунаю более, чем на Кубань. У Дуная анты, совместно с другими славянами, поживлялись за счет и римлян, и греков.

При невзгоде на Дунае антские орды откочевывали и на Днепр, и на Дон, и на Кубань. При невзгоде на Кубани орды эти откочевывали обратно. Нет сомнения, антские орды, то прибывавшие на Кавказ, то откочевывавшие с Кавказа, оставляли свои народные отрывки Кавказу. Отрывки эти мешались с кавказскими племенами.

¹ Татар-туп – в переводе значит: татарский стан.

Значительность антских отрывков с годами и невзгодами увеличивалась на Кавказе. Большое число отрывков разных антских орд на Кавказе, под защитой неприступной или безопасной местности, видно также в особой отдельности от кавказских племен.

Укрепленное природой место Бергусант ясно указывает своим названием на соединение множества антских отрывков в одно многолюдное антское товарищество. Римские деньги, находимые в могилах Бергусанта, занесены антскими отрывками с Дуная. Эти-то отрывки разных антских орд, значительные и числом, и дикой своей энергией, мешаясь, сливаясь, течением времени, с керкетами, или черкесами, потеряли свое антское, или славянское, наречие, но сберегли до сих пор свое племенное название, и свои племенные предания, и свое поверие – превращение людей в животных, и свой славянский танец. Потомки керкетов, или черкесов, одряхлевших от долгого времени, внесших в свою народность от влияния греческих, на берегах Черного моря, поселений немало греческого, забыли совершенно и имя, и значение своих предков. Они племенное название антской примеси, сравнительно недавней, усвоили себе. Вследствие всего этого адиге и черкесы в их понимании сделались синонимом – одним цельным народом. Поэтому-то Шора Бек-Мурзин, знаток старины своего народа, не зная керкетов, не понимая черкесов, не видя их помеси, видит в них одних только антов.

В старину у адиге, или атихе, были певцы, называемые *гегуоко*, или *гегуоко*; они напоминают баянов-славян. Гегуоко выражали в песнях народные события, воодушевляли воинов в битвах, слугали боевые песни. Песни гегуоко имеют историческое значение. Пересмотрим же сохранявшиеся до сих пор песни, предания, мифологические верования черкесо-адыгейского народа.

Народная память черкесо-адыгов сохранила до сих пор немало древних своих мифологических верований. Собранные по этому предмету Султаном Хан-Гиреем и Люлье сведения очень интересные. В народной памяти сохранились более дру-гих в почете божества:

Зейкумх – покровитель наездничества. Наездники, собираясь в набег, молили его об успехе набега; по возвращении они приносили ему часть лучшей добычи в жертву в священных рощах.

Мезитх – бог лесов, покровитель охотников, в его воле была судьба всех зверей; он ездил на свинье с золотой щетиной.

Созереш – бог плодородия; деревянный обрубок с семью сучьями изображал Созереша; обрубок этот хранился в хлебном амбаре. После уборки хлебов, в декабре, чествовали Созереша. В этот день хозяин дома, прилепив к 7 сучьям обрубка по одной тоненькой восковой свече, выносил с благовоением из амбара в саклю обрубок, ставил его посредине сакли и зажигал на семи его сучьях свечи. Все присутствовавшие в сакле, от малого до старого, взявшись за руки, окружали обрубок. Во время кружения вокруг обрубка то вправо, то влево хозяйка дома громко провозглашала: «О Созереш! Благодарим тебя за урожай нынешнего года; молим тебя даровать урожай и в будущем году; молим тебя: сохрани наш хлеб от кражи, наш амбар – от пожара!» Все присутствующие в сакле отвечали: «Аминь!..». После этой

церемонии обрубок относили в амбар на прежнее место и приступали к приготовленному обильному ужину.

Ахин – бог рогатого скота; ему приносили в священных рощах в жертву корову; у него, по понятию черкесов, ноги были с раздвоенными копытами.

Хакусташ – покровитель рабочих волов.

Емиш – бог овец.

Хятегуаш – дева, покровительница садов.

Тлепш или *Лепш* – бог кузнечества, он ковал шашки, которые и железо, и камень рубили.

Кодес – бог моря, его изображали в виде рыбы.

Хепегуаш – морская дева.

Психокоаш – царица речных вод.

Пишишан, *Тгахайлек* и *Тгакофешу* – покровители домашнего очага, из них Тгакофешу в переводе значит: вестник божий.

Праздник в честь них назывался *Джегупетаха*, или праздник очага.

В этой семье черкесо-адыгейских божеств видны приемыши: Кодес напоминает Нептуна; Ахин – Пана; Пишишан, Тгахайлек и Тгакофешу – Гениев, Ларов, Меркурия; Хепегуаш – Наяду; Хятегуаш – Помону; Психокоаш – славянскую русалку.

Всемогущий творец называется по-черкесски *Псатха* или *Тха*; понятие о нем, очень вероятно, черкесы-адиге получили от христиан. Остатков христианства осталось до сих пор в черкесско-адыгейском народе немало; в понятии их о Мерием – великой матери великого бога, покровительницы пчеловодства – видна Матерь Божья Мария. Ялия или святой Илья имеет такое же народное значение, как и у славян, его считают властителем грома. У черкесо-адиге очень интересны поверья об удде.

Удде – люди, приятели нечистой силы. Они по своему произволу могут превращаться в разных животных, имеют способность одним взглядом наводить на детей болезни, а на скот – падеж. Удде весной, в одну из темных ночей, собираются в верховьях реки Убин, на вершине горы Себеркусха; здесь удде запасаются колдовством. В этом поверье ясно видны славянские ведьмы, сглаживающие людей, летающие в Киев на Лысую гору; в превращениях удде в животных видна ликантропия скифов. Не меньше интересно другое поверье: летом в одну из ночей раскладываются огни и, призвав на помощь Мерием, прыгают через огонь. Этим обрядом, по понятию черкесо-адиге, они очищаются от грехов и от всего нечистого. И в этом поверье ясно виден славянский праздник в ночь Ивана Купалы.

К этому указанию примеси славянских поверий следует добавить танец, называемый «Апе-зух». Шора Бек-Мурзин, указывая на особенность этого танца, не объясняет его. В этой пляске несколько мужчин, взяв столько же девушек под руку, сцепившись руками, составляют круг. Круг этот в такт музыке, состоящей из одной-двух балалаек, одной-двух дудок, кружатся, притопывая ногами, то вправо, то влево; музыка, игравшая медленно, начинает играть скорее, чаще, топанье ногами кружащихся в танце учащается, в это время одна из пар круга выходит на средину круга: эта пара, разъединяясь, став против друг друга, выделяет разные прыжки,

показывает всю свою ловкость, входит опять в круг; пару эту заменяет из круга другая пара; пары сменяются парами до усталости. Подобной пляски нет ни у одного из нынешних кавказских племен. Пляска эта чисто славянская, доказательством этому: такая же совершенно пляска, называемая «Поло», существует у нынешних дунайских болгар.

Древнее, быть может, мифологических божеств черкесо-адыгейского народа миф о прикованном к вершине Эльбруса. Об этом мифе народное предание или поверие, переданное Султаном Хан-Гиреем, говорит: «Когда-то, какой-то великан, за какие-то тяжкие грехи был прикован тяжелыми железными цепями к снежной вершине Эльбруса. По временам великан этот просыпается от оцепенения и спрашивает своих Стражей: «Растет ли на земле камыш, родятся ли ягнята?» Стражи отвечают: «На земле растет камыш и родятся ягнята». От такого ответа великан приходит в бешенство, страшно трясет цепью, стонет и плачет, от трясения цепей сыплются искры – это молнии, раздаются с треском гулы – это гром, дрожит земля – это землетрясение, стоны его – это бури завывание, его слезы – дождь, ливень». К этому рассказу другие добавляют: «Великана стерегут два сторожа с огромными в руках железными молотами, по бокам великана лежат две его борзые собаки, которые день и ночь грызут его цепи. Стражи зорко наблюдают за собаками, невинными друзьями великана: как только заметят, что цепь скоро перегрызут собаки, сковывают молотами перегрызаемую цепь».

Об этом же мифе грузинское предание или поверие составляет еще дополнение или вариант: великан, прикованный к вершине Эльбруса, называется Амираном, при нем одна только собака, которая старается перегрызть цепь своего господина. По грузинскому поверию, грузинские кузнецы, чтобы предупредить опасность, когда собака перегрызет цепь Амирана, производят в Чистый четверг на Страстной неделе три удара молотом по наковальне; от этих ударов цепь Амирана, перегрызаемая собакой, сковывается снова.

Амиран будет прикован, будет страдать до второго пришествия Иисуса Христа. Амиран, по всей вероятности, грозный, неодолимый отец Ростом из осетинского мифа, по фамилии Дорезент. Фамилия эта по своему окончанию принадлежит адыгейскому или кабардинскому народу. Но и кабардинцы, и осетины не знают или забыли имя великана, прикованного к Эльбрусу; этот жестокий, могучий, грозный прикованный народной фантазией к Эльбрусу мифологический великан, быть может, древний керкетский миф. Быть может, в этом мифе кроется один из тех великанов, или рослых аборигенов, которые, по словам Геродота, вели борьбу с первыми поселениями греков на берегах Черного моря. Вопросы этого мифа: «Растет ли камыш, родятся ли ягнята?» выражают древнейший пастушеский период, когда предки керкетов и не имели, и не знали лошадей.

Предание о переданном Султаном Хан-Гиреем¹ об этом времени говорит: «Было время, когда предки черкесов, живя в горах, не знали лошадей. В то давнее время дальние соседи равнин напали на них верхами на конях. Черкесы, наведя врагов на свои засады, окружили их, перебили из них немало, взяли в плен немало

людей. Во время дележа добычи они, считая белых и серых лошадей седыми – старыми, отдавали три белые, или две серые за одну гнедую или вороную, – предание говорит: – Один старик, которому при дележе досталась лошадь, не зная, как на нее сесть, сел лицом к хвосту и взял в руки хвост; лошадь бросилась бежать, старик упал и больно ушибся; вставая с земли, он сказал: «Беда, когда эти бескрылые журавли заведутся у нас...» По совету этого старика тогда же перерезали лошадей».

Предание это подтверждается черкесской мифологией. Предки черкесов, имея богов – покровителей всех домашних животных, не имели бога – покровителя лошадей; выходит, в то время лошадей у них не было.

Созироко

Созироко, или Сосруко, в сонме сказочных черкесо-адыгейских богатырей занимает первое место, о нем множество песен; некоторые из них напечатаны на кабардинском наречии г-ном Атажукиным. Созироко популярнее других богатырей, память о нем, почет ему сохранились в народе до сих пор, но личность его не выяснена, понятия о нем сбивчивы, перепутаны. Равного Созироко не было; он всех богатырей одолел, не своей могучей физической силой, а умом, хитростью, ловкостью. Одни говорят: он родился из камня от мидского пастуха, который совершил половой акт на камне; другие уверяют, что он вырезан из чрева умершей матери, поэтому его называют Кесарем, от слова косырих – выпорок. В первом показании Созироко имеет большое сходство с осетинским богатырем Сосланом, рожденным из камня от пастуха же, свершившего на камне такой же половой акт, воспитанным Сатаней, и Созироко воспитан Сатаней. Сослан одолел (заморозил) Великана; то же сделал Созироко с Иныжем-Великаном. Созироко одолел неодолимого богатыря Тотраша, то же совершил Сослан с Волшебником Онионом. Оба достигали цели хитростью. Во втором показании Шора Бек-Мурзин видит в Созироко Юлия Цезаря; очень может быть, отрывки придурнаишких антов внесли, прилили понятие о Юлии Цезаре к понятиям о черкесском герое Созироко. В нем действительно видна и двойственность, и неоднородность. Во втором показании натуральность, историчность берут перевес над сказочностью. По словам Шоры Бек-Мурзина, Созироко был воспитан антским князем Озирмагом. Прославившись военными доблестями, овладев Руном или Римом, сделавшись римским царем, он притеснял адиге.

Слова, сказанные Кесарю Созироко адигейцами: «Зачем же ты, кривая нога, сын пастуха, притесняешь нас», были причиной войны Созироко с адиге; но он не мог их одолеть. Вследствие этой борьбы до сих пор сохранилась в народе поговорка: «И Кесарю набили оскому адиге».

О Созироко, как народном герое, сохранился отрывок из песни Геугоко: «Кесарь, мой Кесарь! Защитник мой! Кесарь мой светлый, лицо твоё мрачно, грозны твои очи, страшный ты наездник; когда сядешь на коня, черкесы-адиге в честь Созироко зимой устраивали пир; выбирали для этого особую саклю, в которую сносили и закуски и напитки, а в конюшню для буланой лошади Созироко приготавливали ячмень и сено».

¹ Султан Хан-Гирей. Мифология черкесских народов // Кавказ. Тифлис, 1846. № 35.

Двойственность, видимая в Созироко как выражение слития двух разных племен, в последующих преданиях черкесо-адигейского народа уже не видна. В этих преданиях черкесо-адиге выступают на историческую сцену под одним общим именем адиге.

Предание кабардинцев о тяжком гнете атихе готами, или, по-кабардински, гутами, выражено в песне, связано с кавказской местностью, подкреплено каменным памятником, поставленным над могилой героя-ати́хе Баксана; памятник этот существует до сих пор. По преданию, когда-то жил-был атихейский князь по имени Дауо; у него было 8 сыновей и одна дочь. Из восьми братьев старший, по имени Баксан, был самый доблестный, самый знаменитый нарт своего племени. Когда гуты, или готы, напали на адиге, Баксан с семьей братьями, собрав дружину, бросился на гутов; схватка была не по силам: Баксан с семьей братьями был убит гутами, дружина его перебита. Весть о побоище, о смерти Баксана с семьей братьями навела ужас на народ. Сестра Баксана похоронила всех братьев в одной могиле, устроила в честь Баксана памятник, сложила следующую песнь, известную до этих пор в народе, под именем «Плач сестры Баксана»:

Геройство Баксана освещало атихейский народ своими доблестями.

Погиб Баксан! Восемь пар волов привезли тело Баксана на родину; народ пришел в отчаяние; гутские жестокости не прекращаются.

О родина Баксана Дауоича! Не покоряйся гуту, хотя уже нет Баксана.

Нарты! С призывом Бога на помощь, отражайте щитами копья гутов, хотя уже нет между вами Баксана!

Народ считал Баксана добрым гением. В битвах, когда мечи сверкали, как молнии, присутствие Баксана одушевляло нарттов, поселяло уверенность в народе.

Я призвала греков, предложила им изваять каменный памятник Баксану.

Хотя памятник не так величествен, как Баксан, но сходство с ним разрывало мое сердце.

Народ не снимает траура! Народ, чтобы увековечить память Баксана, назвал реку Алтуд рекой Баксан¹.

Памятник, поставленный сестрой в честь Баксана, называемый в старину Дауко-Бакиен, так как Баксан, сын Дауо, известный ныне в народе под искаженным именем Дуукоха-Ясиен, стоял у речки Этоко, впадающей в Подкумок, в 1849 году перенесен в Пятигорск.

«Памятник этот в виде четырехаршинной круглой довольно толстой цельной каменной колонны, грубой древней работы, представляет поясную фигуру воина в пластинчатых латах со сложенными на груди руками; на голове у него круглая шапочка, в правой руке рожок, а на спине небольшой крест. Ниже пояса вырублена греческая древняя надпись, сильно попорченная. Из этой надписи с трудом разобрано несколько верхних слов; смысл этих слов: погребен... не то Пак, не то Бак – трудно разобрать»². Ниже надписи на трех сторонах изображены воины – одни из

них стреляют из лука друг в друга, другие преследуют зверей; на четвертой, левой, стороне во всю высоту нижней трети памятника виден огромный змей с пятью головами в виде пальцев.

Воспоминание о смерти Баксана с семьей братьями сохранилось также до этих пор в траурном хороводе. До сих пор по весне в некоторых аулах девушки с цветами в руках, распустив волосы по плечам, составляют хоровод, кружась то вправо, то влево, они припевают: «Убиты, убиты Дауовы восемь сыновей! Увы! Дауовы восемь сыновей!»

Памятник, поставленный на речке Этоко, известный под именем памятника Баксана, быть может, представляет не Баксана, адигейского героя-нарта, а другую какую-то иноплемennую личность?

Ясность, положительность и предания, и песни сестры Баксана не допускают сомнения в действительном изображении этим памятником личности адигейца или анта – Баксана; сомнение окончательно разрушается мнением известнейшего знатока славянства г-на Хомякова, который в статуе Баксана, перенесенной из Этоко в Пятигорск, положительно находил изображение славянина.

В надписи на пьедестале статуи Баксана видно имя: Григорий Пак или Бак. Имя Пак или Бак очень натурально переименовано греком-скульптором из имени Баксан. К кому же относится христианское имя Григорий, когда об этом не упоминается ни в предании, ни в песне? Очень естественно: Григорий Пак-Бак – тот же Баксан. Многие атихе в глубокую старину были христианами; христианство они заимствовали и от аланов, исповедовавших в VI столетии христианскую религию, и от греческих колоний по берегу Черного моря. Адиге, или атихе, принявшие христианство, подобно всем крещеным славянам носили в старину два имени: одно народное, а другое – данное при крещении: великий князь Ярослав, названный при крещении Георгием, назывался и Ярославом, и Георгием, народное имя было более употребительным, более новостным. Так же точно Баксан, бывший христианином, а это видно из креста на его спине, носил два имени: и Баксана, и Григория.

Подкрепляется ли предание атихе о смерти Баксана с семьей братьями посторонними историческими указаниями?

Смерть атихейского Баксана совершенно совпадает с рассказом готского писателя Иорнанда. Иорнанд говорит: «Готский царь Винитар распял на крестах антского князя Боксу с 70 его вельможами».

Баксан адигейский, убитый с семьей братьями, очень вероятно, тот же антский князь Бокса, распятый с 70 вельможами на крестах; разница только в передаче одного и того же события разными личностями.

Первая гроза гуннов явилась в IV веке под предводительством Баламбера или Воламира. Баламбер разбил готов, убил готского царя Винитара, мучителя антского князя Боксы, освободил от готского ига антов. Но в IV веке анты жили на севере от Черного моря. Какие же это анты жили-были на Этоке?

Антские орды и прежде, и в IV веке, и после то прикочевывали с Дуная на Кавказ, то откочевывали обратно, оставляя Кавказу свои народные отрывки. Эти отрывки разных антских орд то смешивались с оседлыми жителями Кавказа, то группировались особо в крепких местах Кавказа; укрепленное место Бергустан

¹ Река Баксан вытекает из подножия Эльбруса, течет по Баксанскому ущелью, впадает в реку Малку.

² И. А. Бартоломей.

указывает на эту отдельную группировку антских отрывков в одно соединенное товарищество. Памятник Баксану поставлен сестрой на речке Этоко; выходит, старый князь Дауо, отец Баксана, жил на этой речке в числе соединенных антских отрывков; сын же его, знаменитый Баксан, со своими братьями, со своей дружиной то уходил с Кавказа, примыкая к дальним антам, то возвращался опять на Кавказ, на родину. Баксан убит не на родине, а где-то далеко, доказательством этому слова в песне сестры Баксана: «Восемь пар волов привезли тело Баксана на родину».

Анты, освобожденные от гнета готов Воламиром, входили в состав гуннов, совместно воевали с гуннами. Отрывки антских орд под рукой гуннов увеличились на Кавказе. Грозный бич Божий Аттила, по-кабардински Атль-уй-виж, по преданию кабардинцев, пытался покорить кавказских адиге, или атихе. Атихейцы укрепились в горах от Эльбруса к Баксанскому ущелью; Аттила при виде неприступной местности, готовности адиге защищаться, отступил. Об этом событии сохранилась песня, в которой сказано: «Господь Бог помиловал нас, горы и ущелья наши. Бич Небесный отступил». С тех пор эта горная местность, спасшая адиге от погрома, называется *Ошхаомахо*, или Счастливая. Но впоследствии эти же адиге охотно служили в войсках Аттилы.

Кавказские атихе с большим уважением сберегали память о византийском императоре Юстиниане I (по-кабардински, Юстук). Клятва Юстук, его столом, его тронном была самая сильная клятва у адиге.

Юстук из уважения к адиге называл себя атихейским Нартом. В этом кабардинском предании о Юстике видны отрывки дунайских антов. В 527 году анты сидели в Северной Дакии, эти анты служили в войсках Юстиниана I. Дунайским же антам в 647 году римский полководец Туллийан поручил защищать Луканию от готов; и анты разбили готского царя Тотилу.

Задолго до Юстиниана христианство уже было в среде атихейцев. Это видно из надписи на памятнике Баксана: «Григорий-Бак». Кабардинцы, или атихе, называли священников шоген. По словам Шоры Бек-Мурзина, Юстук, стремясь распространить у атихейцев христианство, прислал к ним архиерея – по-кабардински, шехника, об этом шехнике сохранилась до этих пор песня:

*Шехник – наш защитник и воспитатель. Шехник наш свят. Воспитатель рассуждал о Законе Божьем с вершины Лесистого кургана.
И на Лесистом кургане сковали ему дом из жести, с дверьми из литого серебра, там-то обитал светлый Божий дух.
И ангелы беседовали с мудрым старцем; свет от бороды его уподоблялся свету факела.
Он парит, как птица, поднимается под облака и видит творящих беззакония.
Ребро его не простая кость, но кость слоновою и благородный золотой крест сияет на его груди.*

Уар-хунны, или уары, пришедшие из Приволжья в Данию, называемые аварами, а Нестором – обрами, свирепые видом, высокие ростом, страшно угнетали славянские племена. В VII веке авары эти под предводительством Хама Баша, нахлынув волной на северную сторону Кавказа, покорили кавказских атихе.

В предании кабардинцев сохранилось грозное имя аварского хана Баяна, называемого кабардинцами ханом Байканом. В борьбе с аварами народная память сохранила имя знаменитого атихейского героя, князя Лавритсана; этот князь был могучим защитником свободы атихе, непримиримым, грозным врагом хана Байкана. По преданию, князь Лавритсан был сыном Халмиса, имел мужественную осанку, высокий рост, широкие плечи.

В предании замечательна женитьба Лавритсана. Князь Лавритсан присватался к дочери атихейского князя Коготлуко по имени Малякибох. Малякибох потребовала от Лавритсана *ауасы*¹: «Сто человек мидийского племени, сто человек племени даков, сто одежд из светлого сукна, сто сиртских налокотников, сто кольчуг с золотыми гвоздиками». Лавритсан, выполнив требование Малякибох, женился на ней. Предание о смерти Лавритсана сбивчиво и разноречиво: то говорится, что Лавритсан убит ханом Байканом, то передается, что Лавритсан скрылся где-то; при этом прибавляются пророческие слова жены Лавритсана: «Он вошел в Русь, а вернется через горы»². Та же неясность, сбивчивость в предании о могиле Лавритсана: то говорится, что Лавритсан похоронен под одной из гор Бештау около Пятигорска. Кабардинцы называют до этих пор путь от Черного моря до Кубани и до реки Баксан смертоносным путем Байкана; белый конь Байкана вошел в народе в поговорку; до этих пор при виде красивого белого коня говорят: «Байканов белый конь!». До этих пор сохранилась в народе молитва: «О святой Илья! Явись на огненной своей колеснице и порази громом хана Байкана на белом его коне!». Покоренные ханом Байканом атихе, находясь в войсках этого хана, участвовали в дальнейшем походе Байкана и на маджар, и на персиян – в Дербент. Кабардинцы называли маджар гуртами или угуртами; в этом имени ясно видны уйгуры. В далеком походе авар в Дербент Байкан, вероятно, имел в виду помочь своим одноплеменникам, дагестанским аварам. Во время похода хан Байкан, опасаясь, с одной стороны, измены адиге, а с другой – зная их храбрость, зная их быструю решительную атаку в битвах, посылал атихе первыми в битву. Народная память из события этого похода сберегла две песни, в которых гегуоко выразил блестящие подвиги адиге. Первая песнь о взятии маджарской крепости Гуртат на речке Куре, впадающей в Куму, где находится до этих пор урочище Маджары; вторая песнь – о взятии Дербента.

Запылала каменная крепость Гуртаты, как бы зажженная огнем молнии, и огромные камни, закопченные дымом, валились подобно падающему с неба граду.

Но неустрашимый нарт наш Эльзико смело приблизился к раскаленным стенам, а Хатошуко никого не допускает опередить себя.

Могучий Шератлоко, которого рука низлагает двух человек разом, мстит за пролитую кровь братьев; он, устремляясь на врага, помнит, что отец его смотрит с неба на подвиги сына; но никто не поддерживает его усилий!

Юный Хошоко давно бы кинулся в битву; но старцы, жалея мать его, княгиню Шамиху, которая, сидя дома, вздыхает и плачет о нем, удерживают Хошо-

¹ Ауаса – у атихе то, что у древних славян было вено, или выкуп за невесту.

² Упомянутая Русь была Русь Приволжская, известная адыгейцам.

ко. Но Хошоко успел приблизиться к врагам; он наносит смерть острыми стрелами; вот уже три колчана опорожнены им!

* * *

Всадники наши громили Дербент; они были в блестящих шлемах; но всех и краше, и богаче шлем князя Гугова.

Ислан с дедовского лука пускает на врагов меткие стрелы, которые с ужасным свистом поражают многих смертью.

Доблестный Муко-Джиную Падисов убит под гордо развевающимся ханским знаменем, рука его схватила уже древко, но вражий меч поверг его мертвым на землю.

Нарт наш Джаним Догов, отраженный неприятелем, снова бросается в сечу. Великан Паков, истребляя врагов и направо, и налево, прокладывает мечом себе дорогу.

Персидские шлемы, разбитые, разрубленные, валяются по земле. Вот смуглый Болот Гатов, спешась, ринулся с толпой штурмующих на разрушенную уже стену!

Из того похода Байкана, по преданию, едва ли треть атихейцев возвратилась на родину.

Предания кабардинцев, или атихе, о погроме их предков аварским ханом Байканом, о князе атихейском Лавритсане выражают исторические события антов, поражаемых аварским ханом Баяном.

Хан аварский Баян в царствование императора Тиберия громил антов. Знаменитый славянский Лавритас на требование хана Баяна о покорности, о дани отвечал: «Мы привыкли покорять других, привыкли брать с других дань; так будет всегда, пока у нас будут мечи». Аварский хан Баян – тот же, по преданиям атихе, аварский хан Байкан, разница только в выговоре этого имени; так же точно князь, по атихейскому выговору, Лавритсан – одно лицо с античным князем Лавритасом, по выговору греков. Этот же Лавритсан-Лавритас назывался чехами Лавретом, упоминаемым старинным чешским певцом в известной поэме «Славы дочь». В поэме этой поэт говорит: «О тени Лаврета, Святополка! Можете ли вы восстать из гробов своих? Вы узнали бы горесть народа и стыд ваших внуков. Чужая жажда испивает нашу кровь, и сыны забыли славу отцов...»

В атихейских, или кабардинских, преданиях о Лавритсане неясность, противоречие, неизвестность и смерти, и могилы Лавритсана ясно указывают, что Лавритсан, или Лавритас, не был на Кавказе, не участвовал в борьбе кавказских адиге с ханом Байканом; предания же о Лавритасе, или Лавритсане, занесены на Кавказ отрывками дунайских антов. Но при этом является вопрос: приходил ли аварский хан Баян, или Байкан, с войском на Кавказ?

Название пути на Кавказе именем Байкана, поговорка о белом его коне, взятие Байканом и Гуртата, и Дербента отвечают положительно на этот вопрос.

По преданию кабардинцев, хан Байкан от Кубани до реки Баксан живших на этом пространстве атихе разорил дотла; много перебито атихе, много взято в плен,

дома сожжены, поля опустели. После погрома хана Байкана, по уходе этого хана с Кавказа атихе, обессиленные, расстроенные вконец, потеряв и прежнюю силу, и прежнее значение, переселились на левую сторону Кубани, смешались с черкесами, потеряли племенное свое наречие; поудержали и племенное имя «атихе» и племенные предания¹. За Кубанью атихе, смешанные с черкесами, мало-помалу окрепли, образовали разные общества с разными названиями. В течение двух веков, с VIII по X, смешанные атихе снова являются энергическими, смелыми бойцами, только уже под другими названиями – под именами обществ черкесско-адыгейского народа. Виднее других обществ видны были косоги, или касоги, переименованные впоследствии в шапсугов; косоги, составляя смешанное общество – адиге с керкетами, – были сильнее, знаменитее других закубанских обществ; вследствие этого и осы, и русские всех закубанцев называли косогами.

До X века в преданиях не видно ни дружбы, ни борьбы с хазарами, не видно отношений к печенегам. Неизвестно, помогали ли атихе, или косоги, печенегам выжить в IX столетии маджар с Кавказа.

В X веке видна борьба атихе, или косогов, с хазарами на Дону. По народному преданию, атихейский князь Безруко Балотоков, соединив свои силы с силами князя Алешко Канжова, выступил против хазар. Алешко шел впереди, наткнулся на значительные силы хазар, был опрокинут и взят в плен хазарами. Безруко, шедший далеко позади, поспешил на выручку, опрокинул хазар, но не выручил Алешко. Князь Алешко находился три года в плену у хазар – в Саркел, хазарской резиденции на Дону. В это время хан Татарский с большим войском подошел к Кубани, завязалась схватка закубанцев с ханом. Закубанцы были не в силах одолеть хана, призвали на помощь опсов, или осов. Хан, не желая бесполезно проливать кровь, предложил атихе, или косогам, мир с условием: чтобы они помогли ему взять хазарский город Саркел (Саркал). Безруко, желая и отомстить хазарам, и выручить из плена Алешко, принял охотно предложение хана. Взятие Саркела гегуако выразил в следующей песне:

Стены мотодские обгазены кровью врагов, жестокая битва кипела; много пало нарттов у Саркела, много пало еганских юношей; но атихе стояли крепко.

Вот трубач на белом коне трубит тревогу, снова зывает нарттов на новый бой, снова закипела битва у моря Азовского.

Атихейцы терпят голод; попечительная заботливость Безруко насыщает усталых ратоборцев.

Мужественный Хамоко, пораженный в голову стрелой, продолжает сражаться. Является Хату на прекрасном коне; но не будет уже он гордиться конем, конь его, уязвленный в битве, пал. Храбрые Договы яростно бьются с врагами.

Прибыл Конфир, и враги утратили своего обожаемого князя, ездившего на белом коне; тогда ничто не могло удержать стремления наших воинов, не устоял и Каменный мост, последний оплот неприятельский.

По взятии Саркела хан одарил атихийцев богатой добычей. В этом предании видны: и поход князя Святослава на Кубань, и взятие Святославом совместно с ясами, с косогами хазарской резиденции – Саркела, или Белой Вежи на Дону.

¹ Оставленные атихейцами места заняли до Кубани осы, или опсы.

Народная память, обремененная позднейшими событиями с татарскими, крымскими ханами, не зная или забыв имя князя Святослава, приходившего из далекой страны на короткое время, назвала Святослава ханом Татарским; татар же в то время еще не было.

Народная память атиге, или косоогов, помнит княжество Тмутараканское, называет это княжество Тамтаракой, помнит своего силача Ридадю, но не помнит или забыла имена князей Тмутараканских; помнит и борьбу, и смерть Ридади, но не помнит имени князя, поборовшего, убившего Ридадю. Эта борьба князя Мстислава с косоогским великаном Редедю, бывшая в XI веке, отнесена Шорой Бек-Мурзиным в XV столетие, ко времени князя Идара, явный анахронизм.

В XII столетии половцы, выжившие и с Кавказе, и с Дона печенегов, стусевали Тмутараканское княжество; в этой стусевке видно также участие атиге, или косоогов, которые, не упоминая о половцах, приписывают уничтожение Тмутаракании, или Тамтарака, себе. Тяжкая доля, постигшая Тмутаракань, видна в поговорке, сохранившейся до этих пор у кабардинцев; они в ссоре говорят: «Пусть тебя постигнет участь Тамтарака! Будь ты Тамтарака!».

Грозный наплыв монголов, смыв понизовье Северного Кавказе от Каспийского до Черного моря; владея и в XIII, и в XIV столетии понизовьем, держал в зависимости горцев. Половцы истреблены монголами, остатки их ушли за Дон; много ясов, или осов, много косоогов, или черкесо-адигов, выступивших совместно с половцами навстречу полководцам Чингисхана в Дагестане, перебито, много взято в плен, уцелевшие скрылись в горах. Золотая Орда в Ахтубе на Волге, с одной стороны, Крым, занятый татарами, с другой стороны, хозяйничали на Кавказе.

Кабардинские и атихейские предания не передают ни гнета монголов, ни своих удач, ни своих неудач в борьбе с монголами. В этом молчании преданий о монгольском периоде видны и неодолимое могущество монголов, не позволявшее Кавказу встать, помериться силами с монголами, и снисходительная, сносная власть монголов, не касавшихся внутреннего управления, прав, расправы, хозяйства кабардцев.

Не менее того монгольское владычество остановило, расстроило народное развитие, подорвало значение, силу племенной, народной власти. Монголы, приучив племена повиноваться своей власти, способствовали и своеволию, и неповиновению племенным властям.

В исходе XIV века Тимур Ленг, разбив хана Тохтамыша наголову, разгромив Золотую Орду, уничтожил на понизовье Северного Кавказа племена от реки Судак до Кубани. Расстроенные осы укрылись в горных ущельях до Кубани; а за Кубанью скрылись черкесо-адиге. При Тимуре Ленге был последний монгольский погром. Прошла монгольская гроза, и осы, и черкесо-адиге опять расширились по понизовьям.

По мнениям Потоцкого, Рейнегса, Дюбуа, Шоры Бек-Мурзина, в исходе XIV или в начале XV столетия Араб-хан из династии Черкесской, владевший и в Сирии, и в Египте, разбитый турками, бежал с большою свитой в Константинополь. Из Константинополя по повелению греческого императора поселился в Крыму. По смер-

ти Араб-хана сын его Абдан-хан бежал тайно из Крыма на Кавказ, где был принят дружелюбно черкесо-атицейцами.

Абдан-хан своей развитостью, опытностью, умом имел сильное влияние на черкесо-атицейцев. Но Абдан-хан вскоре по прибытии на Кавказ умер. Место Абдан-хана заступил сын его, юный Кес. От Кеса и по народным преданиям, и по родословной князей произошли все кабардинские или адыгейские нынешние княжеские фамилии. Когда именно прибыл на Кавказ Абдан-хан, в исходе ли XIV или в начале XV столетия?

Для решения этого вопроса следует взять личность, время жития которой было бы положительно известно. Такая личность – кабардинский князь Темрюко, тесть Иоанна Васильевича Грозного.

Так как Абдан-хан вскоре по приезде на Кавказ умер, то следует начать счет времени от Кеса. В промежуток времени от Кеса до Темрюка было 8 поколений, считая по общепринятой всеми норме поколение в 25 лет, или четыре поколения в столетие; прошло 200 лет. Князь Темрюко жил во второй половине XVI столетия, это подтверждается женитьбой Иоанна Васильевича Грозного на дочери Темрюка. Выходит, князь Кес жил в исходе XIV столетия.

По смерти Абдан-хана сын его Кес – твердого энергического характера, благородной честолюбивой души, замечательного ума – утвердил за своим родом владычество над народом.

Атихейский народ признал Кеса своим старшим князем «Псыши-Кест» – сын Кеса; Адо был достойным преемником власти отца. По смерти Адо сын его Хурофатлаг был слаб и телом, и умом. При этом князе и выказались, и усилились беспорядки.

Род Абдан-хана рождался с древними знатными атихейскими фамилиями, поставленными силой событий в зависимость. Переродившиеся фамилии интриговали, враждовали и между собой и с другими фамилиями; своеволие буйной завзятой части народа, существовавшей еще до Абдан-хана, непокорной и общественным порядкам, и общественным властям, жившей в горах, ущельях, усилилось – к этим ущельникам, или кабардинцам, вследствие и ссор, и интриг князей присоединилось немало и народа, и князей. При слабом Хурофатлаге не было ни единства, ни силы уговорить ущельников, или кабардинцев.

По смерти Хурофатлага сын его Инал, великого и ума и характера, взял управление народом в свои могучие руки. Инал для достижения задуманной им цели подружился с абазинцами, которые от Абхазии тянулись в горах к Эльбрусу. Абазинцы, находясь в дружбе с ущельниками, или кабардинцами, присоединялись своей дружбой к силе ущельников. Инал, подружившись с абазинцами, разрывал дружбу их с ущельниками. Инал первоначально принялся уничтожать интриги и буйство князей древних адыгейских фамилий. Он крутыми мерами достиг цели: смирил князей, ввел порядок. Потом при помощи абазинцев принялся за ущельников. Разбитые Иналом ущельники переселились за Кубань, заняли подгорные ущельистые места от Эльбруса до Чегема, присмирели, признали над собой власть Инала. Инал строго преследовал нарушителей общественного порядка. Он никого не щадил, казнил более виновных, других наказывал телесно.

При переселении ущельников из-за Кубани, ущельники оттеснили осов от Кубани. Эти-то осы, очень вероятно, просили алагирцев дать им места для поселения. Алагирцы, дав этим просителям-осам места, называли их куртатинцами от осетинского слова *курта* – просить.

Инал, очистив Закубанье и от интриг, и от своеволия князей, и от буйства ущельников, утвердил прочно свою власть, устроил, по старому обычаю, советы из 40 старейшин, или судей, которые судили-рядили народные дела.

Сорок этих судей, говорят, заседали в древнем каменном здании – Хасамыва, или камень заседания судей, построенном задолго до прихода Абдан-хана в верховья Кубани; в этом здании был камень, на котором были вырублены конское копыто и собачья лапа, выражающие и благородство, и верность; эти изображения, быть может, заимствованы из готской геральдики предками адиге.

Недалеко от Хасамыва находился другой каменный дом с каменными корытами для водопоя лошадей: Шона или Шуана – дом всадников; развалины обоих этих домов существуют до сих пор.

Инал, покончив дела в черкесо-адигейских обществах, объединив их под своей властью, решил, наконец, покончить с абазинцами. Он послал на абазинцев кап-согов, абазинцы разбили их; тогда Инал, собрав войско, выступил лично против абазинцев. Инал разбил абазинцев; абазинский князь Оздемар бежал в Абхазию; Инал проник в Абхазию, разбил абхазов. В этой битве был убит князь Оздемар. После смерти Оздемара Инал остался один полновластным князем всех закубанских обществ.

Инал, находясь в Абхазии, во время переговоров с абхазцами о мире, умер, тело его похоронено в Абхазии на реке Бзыбе, могила его, называемая по-абазински Инал-Кубе, до этих пор в большом уважении и в абхазском, и в черкесском народе.

Инал, говорят, носил на груди золотой крест. От этого он назывался Инал-Теген. Инал был великий мудрый князь. Он был женат три раза. От первой жены имел сына – Жанхота, от второй жены – двух сыновей: Минболота и Беслема, от третьей жены – двух также сыновей: Унармеса и Киргиша.

Сыновья Инала далеко не имели доблестей отца; вздорные, гордые, заносчивые, они потеряли в народе уважение, поперессорились между собой, разделились на три части.

Жанхот, считаясь главой других князей-братьев, поселился на реке Хетаке, впадающей с левой стороны в Кубань. Минболот с Беслемом переселились в Кемиргой, где прежде жили атихейские князья – три брата, Болотоко, Занн и Хотоккой. Болотоко был некогда знаменит; его называли атихейцы князем из князей, Унармес поселился у кабардинцев. Киргиш, женатый на дочери бжедуховского князя Ельджеруко Хамишева, помер; жена его по смерти мужа родила сына, названного Идаром; дед его Ельджеруко Хамишев, отец его матери, воспитывал Идара. По разделении сыновей Инала интриги, вражда, неурядицы князей не прекращались. Дети сыновей Инала вступили в открытую борьбу. Сын Жанхота, Кейтуко, переселяясь из Хетако в Кабарду, изгнав сына Унармеса, Тохтамышу, с его детьми – Безруко и Калишем, утвердился в Кабарде.

Минболот с Беслемом утвердились в Кемиргое, или Темиргое; от Минболота произошли кемиргоевские князья, а от Беслема – князья бесленеевские.

Князь Идар, возмужав, высказал себя достойным внуком Инала. Умом, характером, энергией, благородством князь Идар вполне напоминал народу Инала. Идар, приобрел и уважение, и повиновение закубанских обществ, потребовал повиновения от кабардинцев, потребовал от кабардинцев удела двоюродному своему брату Тохтамышу с его детьми, изгнанному из Кабарды.

И князья, и кабардинцы отвергли требование Идара. Тогда Идар с дедом своим, Ельджеруко Хамишевым, с двоюродным братом Тохтамышем, собрав войско от всех закубанских обществ, выступил в Кабарду. Кабардинцы устроили на правом берегу Баксана, в урочище Казбурун, сильные укрепления.

По просьбе кабардинцев осы с абазинцами прислали им в помощь три тысячи воинов. Князь Идар, вступив на правый берег Кубани, опрокинул кабардинцев, жег аулы, убивал непокорных. Кабардинцы укрепились в Казбурунских укреплениях. Князь Идар атаковал эти укрепления; завязалась жестокая кровопролитная Казбурунская битва, выраженная гегуоко в следующей песне:

В нашем Казбуруне все готовы к жестокой битве. Наши храбрые витязи побуждают друг друга выступить из-за стен Казбуруна, ринуться на неприятелей.

Вот выступает доблестный князь Ельджеруко Хамишев на добром своем коне! Вот идет храбрый, блестящий князь Идар!

Тлаходуова серый конь падает у ворот Казбуруна, построенного в виде четырехугольника.

Сошлись, смешались и люди, и кони в пеструю безобразную толпу!

Падает храбрый Алтай Багоруко, пораженный стрелой в голову!

Ельджеруко Хамишев, князь Идар, несмотря на ужасную сечу, одинаково упрямы. Смотря на успех или неуспех, князь Ельджеруко Хамишев то прядает через ограду, то возвращается назад.

Семегда Касибиев, погладив свою бороду, сбивает ударом бердиша ворота крепости.

Добрый, неотразимый Женжери Кургоков один наносит ужасные поражения.

Доблестный, победоносный Ельджеруко Хамишев, храбрый, могучий князь Идар отчаянно бьются при переправе.

Два героя – Богорсоковы, сражавшиеся в ограде Казбуруна, у которых окровавленные рукоятки шашек едва ли высохли, влагают свои шашки в ножны, полагая, что враги сдаются.

Мужественный Ельджеруко Хамишев, храбрый князь Идар, словно прикованные стрелами к седлам, не останавливают битвы.

Вот запылали Богорсоковы аулы! Битва кипит! Слышны крики, стоны, вопли! Из зажженных аулов бегут, накинув на головы траур, женщины.

Мужественный Ельджеруко, храбрый князь Идар, неумолимые, как огонь, теперь будут милостивее.

Напшева тегелия наптана кровью, удары его шашки словно вынули сердце у семи передовых отрядов.

Храбрость малочисленных бжедуховских всадников, подобно чуме, наводит ужас на души противников.

А Косой Коноко, не желая битвы, удалился с многочисленными кабардинцами.

Храбрые бжедуховские всадники желали бы опять броситься в сечу, но изнеможение сил удерживает их на месте.

Абазинские же пешие толпы легко таскают на своих плечах копченую баранину, они не думают о славе.

Амифонов белый конь издыхает от усталости, а блестящий богатырский щит Амифона пробит, утыкан стрелами.

Князь Идар и храбр, и мужественен, но не сравниться ему с Шипсовым, этим князем из князей.

Мужественный Ельжеруко, доблестный князь Идар блистают в сечи, как молнии среди туч!

Докшуко же без пользы истер свои руки в бурьяне!

Коноково поколение должно помнить до позднего потомства благодеяния Кургока!

По народному преданию, в Казбурунской битве убито множество народа с обеих сторон. Князь Идар при всей своей энергии не мог в Казбурунской битве одолеть вполне кабардинцев.

Обессиленные, расстроенные кабардинцы просили мира. Идар принял предложение, кабардинцы признали Идара старшим своим князем; обещали во всем ему повиноваться, обещали послушников его воли казнить, с условием, чтобы Идар переселился в Кабарду.

Идар, приняв предложение кабардинцев, поселился в Кабарде. С тех пор кабардинцы, став в среде черкесо-атихейских обществ первенствующим обществом, выдержали множество битв с внешними врагами, не менее испытали и неурядиц, и усобиц.

Знаменитый князь Идар через несколько лет умер в Кабарде, оставив кабардинцам двух сыновей: Пату, или Бату, и Маремшао.

В период времени от смерти Идара до возмужалости внука Идарова – Темрюко, сыне Маремшао, беспорядки и усобица увеличились в Кабарде.

В Кабарде с детьми Идара, Бату и Маремшао, жили и дети Кейтуко Жанхотова, и дети Безруко Тохтамышева. В Кабарде же жил и потомок Инала – князь Шалох Тотлостанов, или Таусултанов. Этот князь замечателен и своими интригами, и своею энергией. Неуживчивый князь Шалох предложил кабардинским князьям – своим родственникам – разделиться, но предложение Шалоха не было принято кабардинскими князьями; через это раздоры усилились в Кабарде.

Шалох с приверженными к нему уорками, или дворянами, уговорил некоторых старшин из народа переселиться из Кабарды за Терек. Шалох достиг цели: несколько аулов под предводительством Шалоха переселились за Терек. Это переселение, оставленное кабардинскими князьями без преследования, увеличиваясь разным сбродом, образовало Малую Кабарду под управлением князя Шалоха Таусултанова. Оставшиеся в Большой Кабарде князья из рода Жанхотова враждовали с князьями из рода Тохтамышева.

Тохтамышевы гордым, вздорным, дерзким характером заслужили общую ненависть. Вследствие этого составлен был общий заговор: князья Тохтамышевы были перебиты.

Тогда же в Большой Кабарде жил потомок Инала князь Кошкао – честолюбивый, вздорный, заносчивый. Кошкао для достижения корыстной цели готов был продать, разорить родину.

Во время этих неурядиц в среде князей подавали большие надежды два юных брата: Кемиргоко и Темрюко – дети Маремшао, внуки Идара. Храбрейшим же, благороднейшим князем того времени был бесленеевский князь Ельжеруко Коноков.

В записках Шоры Бек-Мурзина перепутанность хронологии резко бросается в глаза, записки основаны на народных преданиях, а народная память, полная передаваемых тяжких событий, не знает времени, смешивает события по времени, вставляет нередко в события одного времени деятелей времени другого.

В период времени от смерти Идара до возмужалости Темрюко в числе врагов, нападавших на кабардинцев, показаны Шорой: татары, шамхал Тарковский, уцмий аварский и могучие тургуты, или калмыки. Появление тургутов в то время – явный анахронизм. Хо-Урлуко – хан торговцев, или тургутов, по исследованиям отца Иакинфа, появился в первый раз с 50 тысячами кибиток в далеких Сибирских степях в двадцатых годах XVII столетия. Около половины XVII века Хо-Урлук доходил до Волги; разорял астраханцев, ногаев, черкесов.

Сын Хо-Урлука, Шукур Дайчин, покорился России в 1655 году. Стало быть, народная кабардинская память позднейшие события, или события XVII столетия, отнесла и в XV век.

По народному преданию, тургуты с тарковскими татарами в огромном числе приблизились к реке Малке; кабардинцы, отправив в горы свои семейства, багаж, скот, лошадей, выслали тысячу отборных всадников против наступающих врагов. Враги эти, переправясь через Малку, опрокинули кабардинцев. Кабардинцы, укрепясь у подгорья дружно, мужественно встретили врагов, но не могли устоять и бежали в горы. В горах кабардинцы, укрепясь, решили защищаться до последнего.

Враги не замедлили проникнуть в горы; завязалась кровопролитнейшая битва; враги одолевали, изнуренные кабардинцы пришли в отчаяние. В это время осы с абазинцами, в числе двух тысяч, подоспели на помощь кабардинцам. Кабардинцы при помощи союзников бросились с ожесточением на врагов, опрокинули, смяли врагов, преследовали их до Малки. В этой битве пало множество народу; еще более перебито врагов. В этой битве ранен Шалох Таусултанов, другие говорят, что Шалох был убит в битве, иные же уверяют, что Шалох был взят в плен, долго находился в плену, был, наконец, выкуплен из плена. Битва эта, доведшая бежавших кабардинцев в горы до отчаяния, называется в предании Каш-Катау, или «беги в горы».

Битва эта породила бранную поговорку: «Чтоб ты попал в горы, где нас резали».

Битва эта выражена в следующей песне:

Льется кровь ручьями в нашем Каш-Катау! Нет места развернуться нашим доблестным наездникам, нашим храбрым витязям, в узком ущелье.

Доблестнейший из всех князей герой наш князь Кидиршоко погиб в Каш-Катау.

Молодой Тебсоруко при разрушении моста упал в пропасть.

Богатым налокотникам, валявшимся на земле, завидовал сам шамхал.

Князь Казы Бишаишников, узнав о поражении, о тяжком положении кабардинцев, поскакал со своим войском на помощь – на своем белом коне, пасшемся в горах с дикими тиграми. Князь скакал так быстро, что лопнули новые подпруги у его седла.

Могучему князю срубить голову с плеч легкая забава и левой, и правой рукой: он равно наносил сильные удары, он никогда не выезжал из битвы с целым копьем.

Кидирмурзовский конь борется с быстрой волной, а седок его, Богдидар Коголуко, уже много переломал копий.

Ейдаровы двое сыновей на рыжих конях, сражаясь с неприятелем, защищая друг друга, пали в жестокой битве в Каш-Катау.

Тахтабиев сын Баташ, оборотясь назад, пустил стрелу, которой пробил вражеских знаменосцев. Золотые их латы валяются в кустах.

Лук у Шаганова сына, Маршанкула, не могли натянуть два человека, а пущенная им стрела пробивает разом трех человек.

Берд, сын Ханцева, был так знаменит, что своим появлением наводил ужас на врагов.

Ночью Ардашао, сын Шипшева, не заботился о покое, все его попечения обращены на войско; стрела его, поражая врага, издавала звук, подобный звуку молота.

Кабардинский князь, неугомонный, своекорыстный Кошкао, уговорил аварского уцмийа, называемого кабардинцами уцмием хаданским, напасть на кабардинцев, расстроенных домашними раздорами. Аварский уцмий, собрав войско, пригласил и ногоев, и калмыков, или тургутов, двинуться огромной массой к Тереку.

Кабардинцы, узнав о движении аварского уцмийа, пригласили на помощь своих соседей; устроили между Баксаном и Чегемом окопы, отослали семейства с багажом в горы. Закубанцы поспешили на помощь кабардинцам, собранным под начальством внуков Идара – двух братьев, Кемиргоко и Темрюко, сыновей Маремшао. Абазинцы явились под предводительством владельца Лоова, закубанцы – под предводительством знаменитого бесленеевского князя Ельжеруко. Главное начальство над всем собранным войском поручено было князю Ельжеруко.

По переправе аварского уцмийа за Терек князь Ельжеруко с передовым отрядом встретил уцмийа, вступил в переговоры. Получив отказ, Ельжеруко отступил к своим окопам. Через два дня уцмий подошел к окопам, князь Ельжеруко бросился навстречу врагам, завязался жестокий упорный бой, длившийся два дня. Во время боя кабардинцы слышали со стороны Чегема грохот, подобный грому, видели на том месте дым.

Кабардинец по имени Ортано послан был разузнать, в чем дело.

Ортано ночью подкрался к тому месту, где был звук и дым, увидел передовой пикет, у пикета часового, воспользовавшись оплошностью часового, Ортано быстро, ловко удушил его, взял большое огнестрельное оружие без замка с деревянной ложей; оружие это, или фалконет, Ортано представил кабардинцам; за эту ус-

лугу он был награжден повышением в знатное дворянское достоинство. На третий день битва возобновилась с новым ожесточением; в этот день был убит уцмий, при этом враги смешались, кабардинцы, заметив суматоху в неприятельских войсках, быстро, дружно атаковали неприятеля: врубались, опрокинули врагов, гнали их до Терека, и только одна треть неприятельского войска успела спастись; в этой резке был убит вожак, виновник бедствий князь Кошкао. Битва эта названа Кишжибек, что означает «спасение не в каменных стенах, в мужестве людей».

Битва эта выражена в следующей песне:

Косцы наши отложили работу до будущего лета, а созревшее просо наше уничтожено кабанами.

Наши табунчики прискакали домой на голых седлах. Наши молодые женщины горько рыдали.

Люди наши износились от беспрестанной ходьбы в ущелья, даже железные котлы в дороге побились.

Мы надеемся на чегемские окопы, стояли готовыми к битве, а князья наши отматривали кишжибекские позиции.

Уцмий стремился в битву! Началась битва кровопролитная; два наших отряда войск объединились в укрепления.

Кровь врагов лилась подобно широкому потоку, а трупы убитых неприятелей лежали на полу подобно деревянному мосту.

Вскоре после этой битвы знаменитый герой этой битвы князь Ельжеруко Коноков скрылся неизвестно куда. Через семь лет, говорит предание, Ельжеруко явился. Бесленеевцы очень обрадовались прибытию князя, но вскоре народ заметил, что князь их помешался.

Поселившийся за Кубанью грек Докшукин, бывший шогеном, или священником, вылечил Ельжеруко.

Выздоровевший князь Ельжеруко не раз поражал и тургутов, и татар.

Следующая песня выражает подвиги князя Ельжеруко:

С тугого лука пущенная стрела прямо, быстро полетела, неся ханскому войску смерть.

Ретивый конь его, Емиш, могучими копытами топтал головы калмыцкие; тысячи трупов падали на пути его.

Татарские передовые наездники, занявшие уже берег реки Ходзу, с ужасом бегут назад.

Богатырская подруга – острая шашка – вложена в ножны, ибо не над кем ею потешаться.

Доблестный Ельжеруко, исполненный храбрости, с гордой самоуверенностью смотрит на великого хана.

Камня на камне не осталось когда-то от города Саркела, та же участь постигла восставших против князя кемиргоевцев.

По примеру отцов своих Ельжеруко с благородной твердостью, с небольшими силами защищал окопы чегемские.

Золотая перевязь и его атласная тегелия забрызганы кровью дерзких врагов.

Враги с натянутыми тетивами не устрашали героя. Послушный конь его, Емиш, в последний раз ринулся в толпу врагов. Гордое животное сослужило последнюю службу!

Дети Маремшао – внуки Идара, Кемиргоко и Темрюко, – вполне оправдали надежды народа: Кемиргоко совместно с Темрюко твердо, благоразумно управляли народом, прекращали смуты, беспорядки в народе, ссоры, неурядицу между князьями, поражали внешних врагов,

По народному преданию, князь Кемиргоко похоронен на боевом своем коне верхом, в полном боевом наряде. Народная память, указывая до этих пор на огромный курган между реками Чегем и Баксан, называет курган этот могилой Кемиргоко. По смерти Кемиргоко князь Темрюко один управлял народом, был благоразумен, дальновиден, великодушен, мужествен; он благородной жадой славы, строгой скромной жизнью напоминал, по словам Шоры Бек-Мурзина, русского князя Святослава, он восстановил в Кабарде порядок.

Князь Темрюко, поражая внешних врагов, распространил и свое влияние, и свои владения: с одной стороны, по Кубани до Черного моря, с другой – по Тереку до моря Каспийского.

Христианская религия, не совсем еще угасшая в кабардинском народе, слава русского царя Иоанна Васильевича, покорителя Астрахани, влекли кабардинцев к Иоанну Грозному.

Князь Темрюко с лучшими людьми Кабарды присягнул на верность Иоанну Васильевичу, обещал ему помогать против всех врагов. Союз князя Темрюка с царем, скрепленный женитьбой царя на дочери князя Темрюко Мариан, принявшей в святом крещении имя Марии, оживил христианство в Кабарде, немало кабардинцев приняло святое крещение.

Флетчер говорит, что при Иоанне Васильевиче Грозном было в числе иностранных войск четыре тысячи кабардинцев.

Кабардинцы участвовали в походе при завоевании Иоанном Грозным Ливонии.

Князь Темрюко при движении крымцев в Россию помог Ивану Васильевичу Грозному. Царь Иван Васильевич при движении крымского хана Девлет-Гирея посылал с целью отвлечь крымцев воеводу Ивана Шереметьева, окольничего Данилу Адашева – делать поиски в Крым. Атаман днепровских казаков князь Вишневецкий помогал кабардинцам, он совместно с кабардинцами разбил крымцев у Азова.

Народная память кабардинцев сохранила и дружбу, и родство князя Темрюко с царем Иваном Васильевичем.

Битва кабардинцев с крымским ханом Девлет-Гиреем выражена в следующей песне:

Прошло семь дней в ожидании неприятеля; ничего не видно, ничего не слышно в степи! Войско наше стоит празднo на водах Ахупса¹.

Спасибо царю Ивану! Он известил нас о приближении неприятеля. Доблестный герой князь Темрюко готов разить общего врага.

¹ Эта речка ныне называется Афипс. Она впадает недалеко от города Екатеринограда в Кубань с левой стороны.

Загорелась жестокая сеча! Стрелы крымские метят в Темрюко подобно зимнему инею, от которого белеют и поля и деревья.

Одна роковая стрела жестоко ранила князя Темрюко: рана была так глубока, что трудно было вынуть из раны стрелу.

Крепость ваша взята пришедшим из-за моря, через перешеек, с несметным войском могучим врагом¹.

Крепко пытались крымцы перейти Ахупс, пытались сбить наших! Плохо было бы без присутствия храброго Темрюко. Наши устояли...

Мужественный Кайдан Етлухов с золотыми усами отличался в бою. Герой Темрюко не охал от раны.

Идар Тамбиев, заметив робость наших, бросился в средину врагов! Пристыженные братья Седиевы повернули за ним своих коней...

Битва эта была в 1570 году, в этой битве, как видно из истории Карамзина, были взяты крымцами в плен два сына раненого князя Темрюко: Мамструк и Беберук; третий сын Темрюка – Салтан, названный в святом крещении Михаилом, сопровождавший сестру свою Мариан в Москву, остался в Москве. О Мамструке или Манструке, брате царицы Марии Темрюковны, известном силаче, говорит старинная русская песнь или былина, что Манструк в Москве одолевал в борьбе всех московских силачей, но явился наконец Ванюшка Хроменский: этот Ванюшка, схватившись бороться с Манструком, поднял его вверх, перевернул его в воздухе кверху и положил на землю.

Князь Темрюк умер от застарелой раны. По смерти Темрюко народ грустно повторял: «Помер наш доблестный герой князь Темрюко!».

От смерти князя Темрюко, или от исхода XVI столетия – до потомка Темрюко – князя Кургоко Хатажукина – прошло четыре поколения; выходит, князь Кургоко Хатажукович жил в исходе XVII столетия.

В этот период, последний период кабардинской старины, быть может, кстати припомнить, что все знаменитые личности, как то: Инал, Идар, Темрюко – личными только своими достоинствами поддерживали и в среде князей, и в народе порядок; со смертью же этих личностей опять возобновлялись и опять длились беспорядки, неурядицы и между князьями, и в народе, неразвитом, без твердых религиозных основ, связанные и властью, и безвластием князей. В этом периоде, подобно предшествовавшим периодам, в путанице хронологии, в куче княжеских имен, невыясненной, невысказанной последовательно Шорой Бек-Мурзиным, необходима также выборка; но многое пропущено, многое неизвестно: пропущено княжение сыновей Темрюко; неизвестно, Михаила ли, Мамструка ли или же Беберука были сыновья – Казы и Шогеноко? Известно только, что они были внуки Темрюко. Из них князь Казы правил Большой Кабардой, а князь Шогеноко управлял Малой Кабардой. Оба они поддерживали порядок в народе, поддерживали и связь с Россией, отстаивали независимость кабардинцев от напора внешних врагов. Князья эти с

¹ Крепость эта, или, вернее, земляные окопы, была устроена князем Темрюко на реке Ахупс, или Афипс.

князем Шозия, узнав о движениях турок с крымцами по повелению султана Селима II, под начальством паши Касима, от Азова в Астрахань, поспешили с отборным отрядом на помощь Астрахани. Князья эти, увидев беспорядочное отступление турок с крымцами, быстро налетели на них, многих истребили, много добыли добычи.

Крымский хан Девлет-Гирей, желая наказать кабардинцев за поражение, нанесенное кабардинцами при отступлении от Астрахани, собрал спустя три года огромное войско; с этим войском Девлет-Гирей ввалился в Пятигорье; завязалась упорная, жестокая битва; при всей своей силе Девлет-Гирей не мог одолеть кабардинцев: и Казы, и Шогеноко выказали замечательную стойкость.

Девлет-Гирей, видя решимость кабардинцев умереть до одного, отступил. Жизнь внуков Темрюко богата блестящими победами и над крымцами, и над ногаями, и над шамхалом Тарковским.

Ко времени внуков Темрюко относится вражда двух братьев – князей кемиргоевских. Старший брат, правитель Кемиргоевского, или Темиргоевского, общества, князь Антиноко имел две жены; вторая жена, по имени Сатенуй, была замечательной красоты. Меньший брат, Казбулат, любимый народом, влюбился в Сатенуй. Антиноко, узнав о страсти брата, вспыхнул мщением. Загорелась непримиримая вражда между братьями, Казбулат бежал в Турцию. В Турции Казбулат, получив обещание и поддерживать, и утвердить его старшим князем в Кемиргоевском обществе, возвратился на родину, привлек на свою сторону народ. Антиноко бежал в Крым. Из Крыма Антиноко с большим войском двинулся против брата. Разбив войско Казбулата, Антиноко убил брата. Воспитатель, или аталык, Казбулата сложил про эту битву следующую песню:

Именитые, единокровные витязи, два спутника Жендеров, доведены до жалкого состояния с бедным Казбулатом.

Доблестный князь Мокмоко в кольчуге с короткими рукавами бодрствует для Казбулата.

Несчастный Казбулат!

Сыплются тучи стрел! Мужественный Коноко Карабов, стоя согнувшись, не пропускает ни одного всадника.

Несчастный Казбулат!

Преследуемый князь Джанклиш не привык бежать, он храбро отражает врагов. Жаль бедного Казбулата!

Блестящий, благородный князь Мокмоко, никому не делавший зла, пал за Казбулата.

Насчастный Казбулат!

Высокий витязь Хумаров согнулся от раны у ворот ограды; я вынужден был перепрыгнуть через тело Хумарова.

Бедный Казбулат!

Пиизединоко, в пышной одежде, залитый золотом, знатнейшей фамилии, а сделать ничего не мог.

О несчастный Казбулат!

Можно ли надеяться на боязливых всадников, трусливых пехотинцев, на турок с головами, повязанными чалмами? Они не в состоянии что-либо сделать. Жаль бедного Казбулата!

Каждую ночь хожу я к морю, все аулы обошел, но никто не внемлет моему горю. О бедный Казбулат!..

При набеге ногайцев под предводительством мурзы Алкайса на Кабарду знаменитый князь Казы был убит обманом; голова его была увезена ногайцами. Кабардинцы, выдав дочь Казы за одного из князей или мурз ногайских, заключили с ногаями мир, выручили голову Казы. Знаменитый Казы оставил трех сыновей: Хатажуко, Жанбота и Мисоста.

По смерти Казы не было силы, сдерживающей и своеволие князей, и буйство народа. Так говорит предание: из-за сита или решета поссорились два кабардинца, от ссоры дошли до драки; в драку эту вмешались другие кабардинцы, кончилось побоищем, в котором до 500 людей обоего пола убито; тела убитых погребены в одной общей могиле, недалеко от реки Баксан. Могила эта до сих пор называется «Ситовой могилой».

Князь Хатажуко Казыевич, видя беспорядки, интриги, ссоры и между князьями, и между дворянами, и между чернью, решил принять жестокие меры. Хатажуко при помощи братьев и приверженных к нему дворян и народа убил двух князей, сеявших смуты в народе; потом удавил двух племянников князя Шозия, наконец, изменив клятве, убил сонного старика-князя Шозия. Такими крутыми жестокими мерами Хатажуко восстановил, утвердил в Кабарде порядок. Хатажуко удачно отражал нападения на Кабарду калмыков, или тургутов; выдачей же своей дочери за калмыцкого хана Домбу-Кульбу приобрел и мир, и дружбу тургутов. Хатажуко, разделив Кабарду на три части по числу братьев, установил с согласия народа, чтобы младшие братья признавали старшего брата главой или старшим князем. От Хатажуко, Жанбота и Мисоста происходят нынешние княжеские фамилии Большой Кабарды: Хатажукины, Жанботовы и Мисостовы. По смерти Хатажуко остались четыре сына: Кургоко, Адилгерий, Мухамет и Исмаил. Вскоре умерли и Жамбот, и Мисост. От Жанбота остались четыре сына: Бек-мурза, Кайтуко, Али-мурза и Султан-Али; а от Мисоста – три сына: Хатажуко, Али и Ислам. От умершего прежде князя Шогеноко правителем Малой Кабарды остался один сын – Алегуко. Алегуко перессорился с князьями Малой Кабарды – фамилии Таусултановой. Князя Большой Кабарды также перессорились. Опять пошла неурядица. Ссора началась с двух князей, сыновей Жанбота – Бек-мурзы и Кайтуко, за уделы. В ссору этих князей вступились и другие князья и уорки, или дворяне.

Кургоко, старший князь Кабарды, старший сын Хатажуко, с трудом и мирил князей, и поддерживал порядок.

Малокабардинский энергичный князь Корошай Шалохович Таусултанов, или Тотлостанов, изгнав из Малой Кабарды Алегуко, положив конец неурядицам в Малой Кабарде, вступил в управление Малой Кабардой. В то время сильная Ногайская орда Шан-бека, утвердившаяся в Большой Кабарде на Тереке, построила мечети, воздвигла высокий каменный минарет, стесняла кабардинцев. Кабардинцы не имели ни единокровия, ни решимости, боялись вступить с открытую борьбу с ногаями.

Князь Корошай Шалохович, воодушевив, соединив всех кабардинцев, напал на ногаев ночью, завязалась жестокая битва; кабардинцы одолели ногаев.

Много было перебито ногаев, много взято в плен, остальные бежали к Дону. Кабардинцы разрушили ногайские каменные мечети, оставили один только высокий минарет, существующий до этого времени у Терека. Битва кабардинцев с Шанбековыми ногайцами выражена в следующей песне:

Между Жанботовыми детьми возникла вражда к вреду общему. Мы строим дома, а вражда изгоняет нас из домов наших.

Если бы был жив наш князь Казы, не понесли бы мы кровопролитий, не увидели бы богатых шатров, сооруженных из добычи, отнятой у нас.

Много было работы арбам при похоронах мертвых; они неумолимо переходили поля, как будто в день богатой жатвы.

Шалох в постыдном плену, как худой конь опутан недоуздом, а Косого Жанбека увезли на верблюде.

В единоборстве с Лихоулом Свиткул жестоко ранен в локоть, а Лихоул лишился руки; в то же время Казибек отбил себе дивного коня рыжей масти, со звездочкой на лбу.

Мурза Ахкаш, узнав о начатой битве, прилетел к своим с быстротой птицы. Он бодрил свое войско, готовых отступить. Он бросился подобно орлу вперед.

Ахкаш из султан-бекского лука много поразил противников. Ему приятен звук оружия; он не хочет покинуть поле битвы, хотя уже крепко ранен Батаком Шарманоковым.

Батак лишился отличного своего гнедого коня, но он с Саралпом, оба пешие, не уступая конным, вторглись в неприятельские укрепления.

Сел Саралп на осетинского коня, омыл в крови свою шашку, а Химаш Етлухов возвратился с битвы лишь с обломком копья.

Озармесе Янчоко покровительствует Ауси-Герге¹. Левая рука Озармеса силой равняется удару молнии; от размаха его шашки не устоит ни один богатырь; усталый конь его уже лежа щиплет траву.

А брат его Темаркан, на белом коне, останавливает бегущих назад, угрожая им постыдным колпаком; сам же в битве, из толпы врагов выхватывая лучших, передает их своим.

Двинулись ногаи на Тотлостановы аулы, оставив вправо Татартуп. Да сохранит нас в день битвы Ауси-Герге...

Доблестные герои наши стояли твердо; а всадники наши, спешась, врезались в средину врагов.

Хотя лишились мы и прежнего могущества, и прежнего богатства; хотя князь Корошай Тотлостанов равнодушно смотрел, как враги наши и кочевали свободно на наших степях, и теснили нас.

Но теперь князь Корошай прибыл к нам без церемонии; серый конь его пал в битве, а Корошай натянул лук свой наподобие колеса; стрелы его лука проникали в тела врагов до самых перьев.

¹ Ауси-Герге – Иисус Христос, или Иисус Греческий.

Князь Корошай наносит врагам тяжелые раны; сам, раненный в спину стрелой, не покидая битвы, убил еще татарского князя.

В XVII столетии был замечателен кабардинский князь Казбулат Муцалович Черкасский, не упоминаемый ни в преданиях, ни в записках Шоры Бек-Мурзина.

Князь Казбулат Муцалович был внуком князя Сунчулея, поселившегося со своим аулом, в царствование Феодора Ивановича, на Тереке, супротив возобновленной крепости Терки. Сунчулей был потомком князя Инала из малокабардинской фамилии князей Таусултановых, или Тотлостановых. Сын Сунчулея, князь Григорий Сунчулеевич Черкасский, был известным боярином при царе Алексее Михайловиче.

Князь Казбулат Муцалович Черкасский в 1661 году явился с женой в Москву, был и обласкан и одарен с женой царем Алексеем Михайловичем. Князь Казбулат, уезжая из Москвы, был утвержден царем старшим князем, или валием, Кабарды. Очень естественно: назначение князя Казбулата валием Кабарды, не признаваемое кабардинцами, было номинальным достоинством. Князь Казбулат своей безупречной приверженностью к России, своими личными достоинствами принес немало пользы России.

Князь Казбулат принимал с князем Прозоровским – Терским воеводой – деятельные меры к отражению Стеньки Разина, грабившего побережья Каспийского моря. По смерти Стеньки Разина воровской атаман Федька Шелудяк засел в Астрахани. Князь Мстиславский не мог взять Астрахань, если бы не подоспел на помощь князь Казбулат; он, выманив из Астрахани Федьку Шелудяка, для личных с собой переговоров, схватил, связал его; тогда Астрахань сдалась князю Мстиславскому. В 1672 году князь Казбулат со знаменитым калмыцким ханом Аюкой и донцами разбил турок у Азова, доходил до Перекопа, много побил крымцев, много истребил их улусов.

В 1675 году князь Казбулат с черкесами, калмыками, донцами, соединясь с русским воеводой стольником Иваном Леонтьевичем, перешел вброд Сиваш, или Гнилое море, ворвался в Крым с тылу перекопских укреплений, разбил крымцев, опустошил их улусы и с богатой добычей прошел в Днепровское Запорожье. В 1678 году князь Казбулат с тысячами черкесов участвовал под предводительством знаменитого князя Григория Рамодановского в поражении турок под Чигирином. В этой битве, как и в других битвах, князь Казбулат отличился и мужеством, и благоразумием. Князь Григорий Рамодановский очень любил, очень уважал верного, неизменного князя Казбулата Муцаловича.

Князь Кургоко Хатажукович стремился и водворить согласие, порядок в Кабарде, и отражать внешних врагов, но сила турок с крымцами пересиливала кабардинцев. Кабардинцы не могли уже с успехом отражать напор и турок, и крымцев. Крымцы при хане Каплан-Гирее совместно с турками завладели и Закубаньем, и Кабардой, обложили тяжелой данью – по одной душе с аула, вводили всеми средствами ислам. Гордые князья с гордой аристократией склонили головы перед могуществом врагов; только Машуко – княжеский чагар, или крестьянин, знать не хотел крымцев. Он, собрав толпу энергичных единомышленников, упорно, без устали действовал против крымцев. Хан крымский потребовал выдачи Машуко, но

Машуко, узнав о требовании хана, бежал в горные тущобы. Кабардинские князья поступили малодушно: они, не имея в руках Машуко, отдали хану его сестру.

Машуко, огорченный, взбешенный выдачей сестры, принялся мстить неблагодарным; он и грабил, и резал неблагодарных. Машуко долго скрывался на горе у Пятигорска. Князья, проследив его убежище, убили Машуко; с тех пор гора у Пятигорска называется до сих пор Машук.

Тяжесть врагов выводила кабардинцев из терпения. Князь Кургоко Хатажукович долго думал и передумывал об угнетении кабардинцев; но крымские с турецкими войска, находясь в Кабарде, имея многих приверженцев в среде кабардинцев, зорко наблюдали.

Однажды крымский паша, занимавший Большую Кабарду своим войском, пировал с гостями. В числе гостей был старший кабардинский князь Кургоко Хатажукович. Паша с пренебрежением обращался с князем Кургоко: выкурив трубку турецкого табаку, выколотил пепел из трубки на голову князя Кургоко. Мщение загорелось в груди князя; но он, не подав даже виду, выждав время, спокойно, почтительно откланялся паше. По прибытии в свой дом Кургоко ночью созвал всех князей, рассказал им о тяжком позоре в его лице всех князей, заклинал их, связал их клятвой – отмстить врагам, освободить Родину. С общего совета решили перерезать всех врагов. Вследствие этого решения был секретно поднят весь народ, как один человек. Кабардинцы напали врасплох во всех местах своей земли на врагов. Все крымцы с турками, говорит предание, были вырезаны кабардинцами. Через год крымцы, будучи не в силах совладать с кабардинцами, укрепились в Хаджи-Кале, откуда, действуя на приверженцев или поклонников ислама, начали посредством их распространять ислам, ссорить кабардинцев. Спустя еще два или три года, крымцы с турками в огромном числе приблизились к Кабарде. Кабардинцы, отправив в горы жен, детей, стариков, имущество, скот, выступили против врагов. Князь Кургоко Хатажукович, собрав 300 ишаков, навьючил их сеном. Ночью князь Кургоко, приблизясь к стану врагов, приказал зажечь сено на ишаках и с гиком, криком, со стрельбой гнать ишаков в неприятельский лагерь. Ишаки, понуждаемые ударами, уколами, с ревом бросились в неприятельский стан. Испуганные крымцы и турки в беспорядке суеились, метались, тогда кабардинцы дружно, быстро ворвались в неприятельский лагерь, разбили наголову врагов. Эта блестящая победа не повела к блестящим результатам. Раздоры кабардинских князей обессиливали кабардинцев; турки с крымцами пользовались этими раздорами, усиливали свое влияние, вводили ислам, искореняли христианство; сочувствие к России лучших кабардинцев уничтожалось.

По смерти князя Кургоко Хатажуковича, оставившего двух сыновей: Мугамета и Пшу, старшинство, вследствие и неурядиц, и интриг, перешло к князьям Бекмурзе и Койтуко – сыновьям второго брата Хатажуко – Жанбота. Эти Жанботовичи непрерывно враждовали между собой. По смерти этих князей сын Бекмурзы – Асламбек – с честью управлял кабардинцами, подчинил своей власти осетин и низовых чеченцев до реки Аргун. По смерти Асламбека князь Хатажуко – сын Мисоста, третьего брата, Хатажука, – принял в достойные руки старшинство, покорил абазинцев и карачаевцев.

Сын Мисоста, Адиль-Гирей, бывший мусульманином, ввел окончательно ислам между кабардинцами, принял в руководство своего управления кабардинцами строгий шариат. Но Россия не переставала сочувствовать Кабарде.

В 1736 году калмыцкий князь Дундук-Омба, подручник России, с донскими полковниками Краснощековым и Ефремовым напали на Кубани на татар, разбили их наголову, забрали в плен до 10 тысяч душ обоего пола. В 1739 году, вследствие перевеса оружия русских над турками, кабардинцы, по Белградскому трактату, объявлены вольным народом, независимым ни от Турции, ни от России; но должны находиться под покровительством и России, и Турции, должны были давать своих аманатов и России, и Турции.

В 1774 году кабардинцы, по Кючук-Кайнарджийскому трактату, присоединены навсегда к России.

Так адыгейцы, или анты, оторванные историей от славянского корня, слившиеся с черкесским племенем, по истечении многих веков со множеством переворотов в своей исторической судьбе, примкнули опять к славянскому корню – к России.

П. И. Головинский

ЦГА КБР, ф. 1191, оп. 1, д. 656 (Фонд Шортанова).

ДОРОГА В ЦАРСТВО МЕРТВЫХ...

В истории Канжальской битвы, состоявшейся в начале осени 1708 года, немало темных страниц: неизвестен точный день ее главного сражения, имеются сомневающиеся в месте его проведения, нет ясности о войсковом контингенте крымцев. Публикация во французской королевской «Газете» за 23 марта 1709 года (см.: Кабардино-Балкарская правда. 2013. 4 сент.) дополняет это событие новыми подробностями. В частности, тем, что хан, предводитель крымских татар, столкнувшись с трудностями, «выделил двадцать тысяч воинов одному князю из числа своих родственников, дабы проникнуть к черкесам с другой стороны, откуда сам с большей частью своей армии силой овладеет проходом». Речь в данном случае скорее всего идет об отряде, оказавшемся в верховьях реки Малка – том самом, что был, согласно народным преданиям, практически полностью уничтожен в ходе решающей битвы.

Сегодня появилась реальная возможность уточнить хотя бы примерную численность того отряда. Дело в том, что нами найдено возможное место захоронения крымцев. Ориентиром для поиска как раз и стали фольклорные источники, сохранившие память о происшедшем в топонимических названиях данной местности – Канжальская долина, Курган де лежа добычи, Дорога в царство мертвых и др.

Анализируя их местонахождение, ориентируясь на съемки из космоса, расспросы людей, кому известны эти места вдоль и поперек, в один из многочисленных выездов на место мы обратили внимание на одиноко лежащий камень, имеющий собственное название – Абрамыва (в переводе – «тяжелый, огромный камень»; в эпосе «Нарты» упоминается абра-камень – камень невероятных размеров, с помощью которого богатыри мерялись силой).

Камень этот, расколотый надвое, сравнительно небольшой (метров 7–8 высотой), но открывающийся именно с его высоты угол зрения позволяет увидеть внизу, в нескольких сотнях метров, многочисленные земляные возвышенности, расположенные одна рядом с другой. Судя по всему, для захоронений были использованы складки местности (небольшие овраги), позволившие отдать последнюю дань мертвым захватчикам с наименьшими усилиями для победителей.

Предположение это нашло косвенное подтверждение и в ходе исследования данного участка с помощью полевого варианта прибора ИГА-1 – индикатора геофизических аномалий, воспользоваться которым предложил его разработчик уфимский ученый Ю. П. Кравченко (astra@ufacom.ru). Прибор представляет собой высокочувствительный селективный измеритель электромагнитного поля, позволяющий определять местонахождения геофизических аномалий (геопатогенных зон), в том числе человеческих останков и предметов объемом не менее 5 кубических дециметров на глубине 3 метров.

С помощью ИГА-1 удалось выяснить, что невдалеке от камня Абрамыва, на пригорке, свободном от леса, действительно находится обширная геопатогенная зона, позволяющая сделать вывод о наличии вероятных захоронений. Вероятно, в этих братских могилах и нашли последний приют захватчики, так как своих погибших местное население увозило.

Возможное проведение археологических раскопок в этом месте (на высоте 2232 м над уровнем моря с координатами 43 градуса 37 минут северной широты и 42 градуса 43 минуты восточной долготы) позволит уточнить детали события, имевшего место 305 лет назад.

КАНЖАЛЬСКАЯ БИТВА В ЛЕГЕНДАХ И ПРЕДАНИЯХ

КРЫМЦЫ В КАБАРДЕ ¹

Крымцы были мусульмане, а кабардинцы – идолопоклонники.

«Можно заставить их делать все, что ни заблагорассудится нам», – так говорили крымцы и часто нападали на кабардинцев

Войска крымцев располагались на земле Кабарды. В каждый двор ставили по три крымца. По три месяца оставалось войско к Кабарде.

У начальника были особые позолоченные палочки.

Заметит военачальник красивую девушку в каком-либо доме, сейчас же поставит эту палочку у стены дома, и тогда хозяин дома не имел права ни открыть, ни закрыть дверей без разрешения обладателя палки ².

Военачальник, которому принадлежала палка, оставался на всю ночь в этом доме и спал с девушкой, которую за приметил еще днем.

Пришло войско крымского хана Лыгота Толстого ³ и расположилось на вершине горы Кертмен ⁴.

Как-то утром Мурзабек Тамбиев и Мурзабек Кундетов верхами въехали в один двор и там увидели молодую женщину, которая вела просо.

¹ Есть четыре записи (из них три на русском языке в СМОМПК (выпуски XII и XXXVII) и у Баранова). В 1733 г. Кабарда официально признала власть хана. Сказания теряют историческую перспективу: один и тот же сюжет относится ко временам Мамай (XIV в.) – паши Алегота – («Лыгот») и к концу XVIII века (Бетал-паша – 1790 г.). Публикуемое сказание относит события к началу XVIII века (1733–1739).

² Так было. Позже кабардинские пши следовали этому примеру. Владея Балкарией, они установили такую незыблемую власть, что достаточно было положить их представителю камень в начале участка земли, чтобы никто не смел туда вступить. Камень, положенный представителем пши у дверей сакли, преграждал вход и выход.

³ Испорченное Алегот-паша, турецкий, а не татарский военачальник. Он был послан султаном как начальник карательной экспедиции после описанного в сказании случая, когда, видимо, были истреблены только слабые гарнизоны татар. Битва с ним произошла у горы Кинжал (верховья Малки), и именно о ней говорят другие варианты, вводящие тему прихода войск хана после истребления сборщиков.

⁴ Гора между Кинжалом и Иналом.

Всадники и говорят:

– Вот как рано поднялась эта красивая женщина! Наверное, она за ночь не малое удовольствие получила от крымцев.

Красивая женщина услышала эти слова и сказала в ответ:

– Что за диво! Во времена таких трусов, как вы, только и могут происходить такие дела. Нынче они ночевали со мной. Плохо ли, хорошо ли, но это уже прошло. А вот завтра они будут ночевать с вашими женами. Коли вы не трусы, сделайте так, чтобы крымцы не пользовались вашими женами.

– Нет, не будет этого, Уашхо-каном клянемся! – воскликнули всадники. – Сейчас же пойдем к Хатокшукову! Либо пусть он даст совет-помощь, либо убьем его, а сами начнем войну с крымцами.

Так сказали они и поскакали¹.

– Ну, что будем делать? – спрашивали друг у друга собравшиеся у Хатокшукова².

Посоветовались и решили, что в следующую ночь каждый хозяин прирежет крымцев, какие стоят в его доме. Решили выполнить это во что бы то ни стало. Дали в этом крепкую клятву³.

Наступила ночь.

В эту ночь вырезали крымцев.

Наутро был опрос: «Кто не вырезал крымцев?» Оказалось, Кармовы нарушили крепкую клятву.

Тогда все селение набросилось на крымцев в доме Кармовых, и так были уничтожены остатки войска крымского хана.

Кто верхом, кто пешком, и старые и малые, все, у кого только была обувь, пошли на гору Кертмен и там истребили всех крымцев.

После этой резни кабардинцы собрались и стали проверять, «кого нет среди них».

Оказалось, нет Мурзабека Тамбиева. Все отправились на поиски Мурзабека.

Когда кабардинцы напали на лагерь крымского войска, сам Льгот Толстый с пятьюдесятью всадниками спустился с горы и бросился вовсю удирать домой.

Льгот Толстый был огромен.

Один бок его коня был бел, другой черен.

Мурзабек Тамбиев погнался за ним и один перебил всех всадников, а самого хана Льгота привязал арканом к хвосту коня. Затем Мурзабек согнал всех лошадей и повел их обратно табуном.

¹ Роль Кургоко Атажукина (Хатокшукова) здесь, по сравнению с другими записями, умалена за счет Тамбиева.

² В XII выпуске СМОМПК интрига усложнена романтической вставкой: паша влюбился в жену Миншака Ашабова; последний отказался «выдать» жену паше. Этот Ашабов (по двум записям) проявляет особое геройство в битве с крымцами. В нашей записи его роль ничтожна.

³ У Ногмова дополнена деталь: «Не исполнившим сего повеления назначен был значительный штраф и, сверх того, в знак трусости черный шелковый (?) колпак».

Увидели его кабардинцы. Встретились.

Мурзабек Тамбиев с крымцами дрался так рьяно, что его золотой шлем опустился на глаза.

Миншак Ашабов подъехал к Тамбиеву, хотел снять с его головы шлем – и не мог. Тогда сам Мурзабек двумя пальцами снял со своей головы золотой шлем и отшвырнул его.

Льгота Толстого положили на арбу и столкнули в пропасть.

И там, где хан разбился, теперь не растет трава¹.

Когда стали делить добычу, решили: Тамбиеву дать долю пятидесяти всадников, но Тамбиев наотрез отказался от своей доли.

Мне ничего не нужно. Дайте мне только ханского коня и золотую шашку; я их подарю пши Кабарде.

Уважили его просьбу: дали ему ханского коня и красивую ханскую золотую шашку.

После разгрома крымцев победители устроили большое празднество. Стали они играть в игру «всадник-пеший». Уорки на конях, а тлхукотлы на ногах стали играть в войну. Соорудили укрепление. Один всадник дрался с целым отрядом пеших. Он их давил, топтал, а пешие отбивались дубинками, стаскивали всадника с коня. Затеяли вот такую игру. Начали драться.

Пешие стали теснить всадников.

Всадники начали опасаться, что пешие окажутся победителями. Вместе с всадниками и старшие пши беспокоились. Крикнули:

– Эй-эй, кто их разгонит?

Тамбиев по зову пши сел на коня и вступил в драку. Он сразу разогнал пеших.

Пши Хатокшуков видит такое геройство Тамбиева и говорит:

– В нашем роде хранится золотая чаша². Налейте в эту чашу бузы, преподнесем ему. Это будет нашим приветствием славному Мурзабеку.

Все одобрили слова Хатокшукова.

Пригласили Мурзабека и сообщили ему, в чем предложение Хатокшукова.

Тогда Мурзабек сказал:

– Не в моем обычае не повиноваться пши. Если на то ваша воля, я подниму эту чашу вместе с хохом – добропожеланиями в честь Кабарды. Пусть будет возвеличен пши Кабарда вместе с моим хохом, когда поднимаю эту чашу.

Все единодушно одобрили слова Мурзабека. Поднесли ему чашу, а он передал ее пши Кабарде. Кабарда ее принял от него со словами:

¹ «Свержение» ига было использовано различными фамилиями для увеличения своего политического капитала. Обработка этого варианта – «тамбиевская», другие особо выдвигают Ашабова, третьи – Атажукина. Ногмов Тамбиевым в этом эпизоде уделяет ничтожное внимание.

² Действительно существовавшая реликвия. Чаша называлась «Кабарда». В Малой Кабарде была своя чаша, называвшаяся «Батыра чаша».

– Хотя ты поднял чашу вместе с хохом – добропожеланиями в честь моего имени, но все же ты ее возьми обратно, – пусть твои молодые друзья выпьют ее.

С этими словами пши возвратил Мурзабеку чашу.

Мурзабек поступил так, как сказал пши Кабарда.

Мурзабек говорит своим молодым друзьям:

– Друзья! От нашего имени возвратим эту чашу пши Кабарде, но раньше давайте устроим скачки. Кто придет первым, тот возьмет чашу в руки и поднесет ее пши Кабарде.

Вот что предложил Мурзабек.

Конь Мурзабека пришел первым, и Мурзабек самолично поднес чашу пши Кабарде.

Кабардинский фольклор. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 352–354.

МШЕНИЕ КУРГОКО ХАТОКШУКОВА ¹

Когда над нами были крымские татары, Кургоко Хатокшуков был главный пши. Он говорил: «Никак нельзя, чтобы крымские татары были господами над кабардинцами».

А крымские татары кабардинских не то что тлхукотлов, а пши-уорков ставили ни во что. Для своей потехи запрягали людей в арбы, сами садились в арбы, и наши люди катали крымских татар, пока те не скажут: «Стой!».

Вот и сказал Хатокшуков: «Никак нельзя, чтобы крымские татары были господами над кабардинцами». Стал думать Кургоко Хатокшуков и придумал.

Поехал он к самому начальнику крымских татар, Льготу Толстому, и сказал ему:

– Никак нельзя, чтобы твои крымские татары так глумились над нашим народом. Я тебя очень прошу, Льгот Толстый, окажи милость.

Льгот Толстый в то время курил трубку.

Он сказал Хатокшукову:

– Подойди!

Хатокшуков подошел. Льгот Толстый взял да и высыпал горящую золу из трубки на голову Кургоко Хатокшукова и при этом сказал: «Вот моя милость! Получай! Стой, пока не скажу: довольно!»

Взял Льгот Толстый обеими руками большую чашу бузы и стал пить. Пил-прихлебывал.

А Кургоко Хатокшуков стоял, и зола тлела на его голове. Кургоко Хатокшуков стоял и молчал.

Выпил Льгот Толстый чашу до дна и сказал:

– Довольно! Хороша моя милость?

Ничего не сказал на то Кургоко Хатокшуков ².

¹ Это эпизод из атажукинской версии.

² Мотив стойкий, но относится к разным лицам (в XII выпуске СМОМПК – к Миншаку Ашабову). В одной из наших записей связан с пши Касеем (в роли хана) и безыманным женихом (в роли Хатокшуко).

Приехал он домой и стал думать, как прогнать крымских татар, как отплатить Льготу Толстому за трубку и золу.

Думал, думал Кургоко Хатокшуков и придумал.

Сказал он своим людям:

– Пригоните к моему дому триста ишаков.

Пригнали.

Хатокшуков сказал:

– Привяжите к каждому справа охапку сена, сколько может захватить человек, и слева охапку сена, сколько может захватить человек.

Как он сказал, так и сделали.

Прошел день. Вечер прошел. Ночь наступила.

– А теперь, – говорит Кургоко Хатокшуков, – поставьте ослов мордой в сторону крымских татар и подожгите сено справа и слева.

Как он сказал, так и сделали.

Только сено загорелось, ишаки завопили и бросились что было силы, да прямо туда, где стояли крымские татары ¹.

Испугались крымские татары и бросились бежать, кто куда. Их начальник Льгот Толстый – тот с перепугу сорвался со скалы и разбился. Так, как упал, так и не встал Льгот Толстый.

Кабардинский фольклор. Нальчик: Эль-Фа, 2000. С. 354–355.

СВЕРЖЕНИЕ ИГА

Междоусобицы кабардинских владетельных князей, длившиеся очень долгое время, довели народ до такого состояния, что он был уже не в силах отразить нашествие полчищ крымского хана Батал-паши, который разорил много аулов, а народ обложил большою данью. За этой данью приезжали из Крыма в Кабарду каждый год, осенью, многочисленные сборщики. И брали сборщики все, что видели их глаза: рогатый скот, красивых женщин. С народом кабардинским они обращались бесчеловечно: отнимали у мужей жен, у отцов дочерей, а стариков всячески оскорбляли, а порой и убивали.

И долго терпел народ иго крымского хана, наконец, терпеть дольше стало не под силу, и тогда решил он выбрать почетных народных представителей и послать их к хану с просьбой ограничить дикий произвол сборщиков дани. Выбор народа пал на князя Атажукина, известного стойкостью своего характера и умом, а в спутники ему были избраны два почетных узденя.

Весной послы с богатыми подарками явились в Крым, поднесли хану подарки и просили допустить их предстать перед ним.

Принял хан подарки, повелел ввести к себе во дворец только князя Атажукина.

Хан сидел на дорогих подушках, поджав под себя ноги, курил трубку из длинного чубука.

¹ Ср. способ, каким мстила древлянам Ольга.

Представ перед ним, князь Атажукин взял шапку свою под мышку, опустился на колени перед ханом и начал говорить о том, как сборщики дани разоряют кабардинский народ, издеваются над ним.

– Могущественный повелитель, – говорил князь Атажукин, – кабардинский народ просит твоей милости: укроти произвол сборщиков дани, прикажи им не обижать наших жен, дочерей и стариков.

Хан все время молчал, только пускал клубы табачного дыма, а когда князь Атажукин кончил говорить, он спросил его:

– Кабардинский народ просит моей милости?

– Твоей милости, могущественный повелитель, – сказал князь.

– Вот возьми ее! – проговорил хан и высыпал из своей большой трубки огонь на бритую голову князя.

Кожа на голове князя загорелась, лопнула, но князь, несмотря на сильную боль, по-прежнему покорно стоял перед ханом, ничем не показывая ему, какое мучение испытывает он.

Когда потух огонь на его голове, хан сказал ему:

– Ступай и скажи народу кабардинскому, какую милость ему дал я!

Князь встал, поклонился хану и, не повертываясь к нему спиной, вышел.

Своим спутникам князь не сказал о том, как принял его хан.

– Все обошлось хорошо, – сказал он.

Возвратился князь в Кабарду, собрался народ выслушать его.

– Хан прислал народу милость, но о ней народ узнает только осенью, – сказал князь, умалчивая о том, как хан жег огнем ему голову.

– Знаем мы эту милость, – отвечал недовольно народ, – его милость совсем разорила нас.

– Еще больше разорит, если вы будете оставаться безропотными рабами, – сказал князь.

В глубоком молчании разошелся народ. Наступила осень. Скоро должны были прибыть в Кабарду сборщики дани. Князь Атажукин собрал народ.

– Выслушай меня, кабардинский народ, – сказал он.

– Говори, – ответили старики.

– Скоро приедут к нам ханские собаки, – сказал князь, – и по-прежнему будут они грабить наше имущество, бесчестить наших жен, дочерей, а мы будем молча смотреть на их подлые дела. Жена будет плакать, просить мужа: «Защити меня от насильника». А что в ответ скажет ей муж? Он ничего не скажет ей, потому что боится ханских собак...

– Мы знаем, о чем ты говоришь, – сказали старики. – Но время наше еще не подошло: мы еще слабы, а у хана войска много...

– Нет, – сказал князь, – мы не слабы, а боимся...

– Не дело ты говоришь, князь, – сказали опять старики. – Если мы теперь восстанем против хана, то он опять явится к нам с большим войском, выжжет все наши аулы, а нас обратит в рабов... Надо подождать, пусть народ окрепнет...

Ничего на это не сказал старикам князь и ушел из собрания.

С ним вместе ушли сто молодых кабардинцев.

Князь им сказал:

– Хотите умереть за кабардинский народ?

– Хотим, – ответили они.

– Тогда слушайте. Скоро приедут к нам ханские собаки. Надо радушнее принять их, не жалея для них ни крепкой бузы, ни жирной баранины. А ночью, когда они лягут спать, надо перебить их, оставив только двух-трех, чтобы они могли вернуться к хану и рассказать ему о происшедшем. Хан явится в Кабарду со своим войском, и тогда нашему народу поневоле придется взяться за оружие. Победит народ хана – будет наслаждаться победой, а не победит, пусть умрет: лучше смерть, чем рабство!

– Мы готовы умереть! – ответили кабардинцы.

Спустя три дня приехали в Кабарду ханские сборщики дани, и только в немногих аулах они были убиты ночью во время сна, а в остальных аулах народ так обозлился на них, что сразу набросился на них, поубивал всех, за исключением трех, нарочно оставленных в живых.

И сказал князь Атажукин этим оставленным в живых:

– Поезжайте к своему хану-собаке и скажите, что терпению кабардинского народа настал конец. Когда я просил у него милости для своего народа, хан жег мне огнем голову, говоря: «Вот моя милость!». Я молчал тогда. А теперь говорю ему: «Народ кабардинский требует тебя, хан, помериться силой с ним». Поезжайте и скажите хану, что услышали от меня.

Уехали сборщики дани, и кабардинский народ понял, что теперь ему осталось одно: победить или умереть.

Поспешно вооружился он и стал ждать ханских полчищ.

Весной хан явился в Кабарду с громадным войском и расположился в местности при впадении реки Кичмалки в реку Малку. Здесь и произошло сражение.

Кабардинцев было значительно меньше ханского войска, но они были воодушевлены любовью к родине и ненавистью к врагу и дрались отчаянно.

Ханское войско не выдержало дружного натиска кабардинцев и бросилось бежать. Кабардинцы преследовали их по хребту горного кряжа Аурсентх вплоть до горы Кинжал, где бой и прекратился. Ханское войско было почти все перебито, и хану только с жалкими остатками удалось бежать в Крым.

Дорого и кабардинцам стала эта победа, но она дала им свободу: крымский хан уж больше не являлся в Кабарду.

Баранов Е. Кабардинские легенды. Пятигорск: Пятигорское эхо. Типография К. К. Кабардина, 1911.

ТАТАРЫ НА КАВКАЗЕ

Крымский хан Киплан-Гирей завоевал Кабарду, очень быстро явившись туда неожиданно со своим войском. Не приготовившись к защите и растерявшись от внезапного нападения, кабардинцы заявили покорность. Хан взял с них заложников и остался на некоторое время в Кабарде. Свое войско он расположил в аулах. В каждом дворе было по два крымца. Татары всячески издевались над бедными кабардинцами. После обеда последние должны были, в знак покорности, запрягаться в арбы и возить своих постояльцев, пока им не надоест. По вечерам татары ходили по домам и осматривали кабардинских женщин, чтобы взять к себе.

Это продолжалось около полугода. Половина крымского войска стояла лагерем на горе Кинжал, у предгорья Эльбруса. Туда кабардинцы гоняли скот для прокормления своих врагов.

В селении Ашабовом жил знатный кабардинец по имени Миншак Ашабов, князем же кабардинцев был Кургоко Атажукин. Один крымский паша заметил, что у Миншака есть красивая жена, и распорядился, чтобы ее привезли к нему. Вечером пришли к Миншаку люди за женой, но он отказался ее уступить. На следующий день призвали Миншака к хану, который положил свою большую трубку на голову Миншака, перевернув ее горячей золой вниз и держал до тех пор, пока огонь в трубке не выгорел; Миншак стоял не моргнувши глазом, как будто он не чувствовал никакой боли. Удивившись твердости его духа, хан отпустил его домой.

На речке Мазехе, правом притоке Малки, стоял аул Кармов. Здесь были два брата. Хан сам гостил у них и был женат на их сестре. У этого хана был пелуан (борец), которого никто доселе не мог победить. Однажды хан велел огородить плетнем место для борьбы и дать знать по аулам – кто хочет побороться с пелуаном. У братьев Кармовых был крестьянин – Бей, который был так силен, что, отправляясь в лес вырубать ступицы, ободья колес и все деревянные принадлежности арбы привязывал к большому брусу и нес на своих плечах, не чувствуя тяжести, как будто это была вязанка дров. Этот Бей и захотел сразиться с ханским пелуаном. Начался бой. Сам пелуан кричал и ревел, как лев, вызывая соперников. Позади него сидел хан и курил из длинной трубки. Вдруг подошел к пелуану Бей, схватил его мускулистыми руками, поднял вверх и швырнул о землю с такой силой, что пелуан только стонал от боли, лежа еле-еле живым. Хан, не ожидавший ничего подобного, был до такой степени поражен, что вскочил с места, бросился на Бея и пробил ему голову.

Этот и другие поступки возмущали совесть кабардинцев и ненависть их против врагов росла. Создали глашатаев князей на сход, перечисли все оскорбления от татар и решили в следующую ночь умертвить всех татар, расположенных по домам кабардинцев. Бей был во главе недовольных. Ночью он ворвался в дом братьев Кармовых, убил хана своей шашкой и поднял мятеж. Кабардинцы под начальством князя Кургоко напали и на лагерь татар. Половину войска они истребили, а остальных обратили в бегство. Так кончилось господство татар на Кавказе в 1703 году.

Фарфоровский С. Татары на Кавказе (По легендам кабардинцев). Русский архив. М., 1915. Кн. 2. № 7. С. 260–261.

БИТВА У ГОРЫ КИНЖАЛ

Годы текут, как вода в реке, но память о временах минувших жива в народе. О жестокой битве кабардинцев с полчищами крымского хана рассказывает эта легенда.

Было это в предгорьях Эльбруса – там, где гора Кинжал разделяет реки Баксан и Малку.

В 17** году хан Гирей вторгся в Кабарду с большим войском. Много горя принесли с собой враги. Застигнутые врасплох, кабардинцы не смогли дать им отпор.

Тяжела была неволя. Захватчики вели себя в кабардинских аулах, как дома: обложили жителей данью, самых красивых женщин насильно забирали себе в жены, мужчин заставляли работать на себя и впрягали в арбу вместо лошадей.

Хлеб, скот, баранов, лошадей – всё, что попадалось на глаза, отбирали ханские сборщики. Крымское войско, расположившееся лагерем у горы Кинжал, держало жителей в подчинении и страхе.

Долго переносил народ все мучения, но наконец терпение его истощилось. Как-то раз кабардинцы собрались в одном из аулов и стали держать совет: что дальше делать? И решили:

– Пошлем к хану своих гонцов. Пусть попросят, чтобы уменьшил дань и приказал своим людям не своевольничать так.

Главным среди гонцов выбрали князя Кургоко – храброго, решительного, прямого по характеру.

Прошло немного времени – и кабардинские послы прибыли в Крым. Они привезли хану богатые подарки. Хан принял подарки и спросил, зачем пожаловали послы.

Тогда Кургоко вышел вперед и сказал:

– Твои сборщики разоряют наши аулы. Народ измучился и прислал нас просить тебя: уменьши размеры дани и позволь нам выплачивать ее самим. А чтобы слово твое было нерушимо, выдай нам о том грамоту.

Хан слушал, сидя на бархатных подушках и поджав под себя ноги, и лицо его мрачнело от гнева.

Когда Кургоко кончил свою речь, Гирей долго сидел молча, обдумывая ответ и поглядывая искоса на стоявших перед ним кабардинцев. А потом процедил сквозь зубы:

– Хорошо. Езжайте в Кабарду и объявите народу о моей милости.

Кабардинцы ехали назад довольные, поверив обещанию. Но пока они добирались домой, ханские сборщики опередили их. Гирей повелел им собрать дани втрое больше прежнего. Стон и плач стоял в аулах, когда послы народа вернулись туда.

Скоро и сам хан прибыл в Кабарду. Среди его телохранителей был один пелуан, огромного роста и необыкновенной силы. Его никто не мог победить, и хан очень гордился этим.

Однажды Гирей велел огородить плетнем место для борьбы и кликнуть клич по аулам: не желает ли кто из кабардинцев померяться силами с его пелуаном.

Долго не находилось охотника бороться с таким силачом, но потом из одного аула пришел крестьянин по имени Бей. Бей был очень силен. Он мог поднять арбу одной рукой, словно вязанку дров. Посмотрев на хваленого крымского силача, Бей усмехнулся и вызвался на борьбу.

Наступил день поединка. Народу собралась тьма-тьмущая. Хан сидел на видном месте, покуривая из длинной трубки. Пелуан стоял, самодовольно усмехаясь, – грудь колесом, ноги что бревна.

Бей вышел из толпы, остановился против пелуана, и не успел тот опомниться, как крестьянин схватил его, легко поднял вверх, размахнулся и с силой швырнул на землю. Пелуан так и остался недвижим: Бей вышиб из него дух.

Не помня себя от гнева, хан подбежал к Бею и так ударил трубкой по голове, что пробил ее. Бей упал. Кабардинцы подняли крестьянина и унесли. Женщины перевязали Бею голову, приложили целебные травы. Через семь дней рана зажила.

А ханские сборщики продолжали без стеснения грабить народ. Тогда старейшины собрались на тайный совет. Долго совещались и решили:

– Дальше терпеть нельзя. Надо истребить врагов.

Хана и его телохранителей пригласили в один из самых богатых домов аула. Ничего не подозревая, крымчаки пили и ели и, как всегда, насмехались над кабардинцами. Наступила ночь, и перепившиеся гости уснули. По сигналу Кургоко началось избиение врагов. Бей убил нескольких телохранителей Гирея, но самому хану удалось бежать в Крым.

А тем временем кабардинцы под начальством Кургоко напали на ханский лагерь у горы Кинжал. Половину крымчаков перебили тут же. Оставшиеся в живых бросились наутек по ущелью, но кабардинцы догоняли их и топили в Малке. Остальных загнали в сосновый лес в долине Лахрана. Почти все враги полегли там под ударами кабардинских сабель.

После битвы у горы Кинжал Кургоко собрал народ и велел привести пленных, которых кабардинцы нарочно оставили в живых. Он сказал им:

– Идите в Крым и расскажите вашему хану обо всем, что вы видели и слышали. И еще скажите, что мы больше не признаем его власти.

Узнав о случившемся, разгневанный хан прислал в Кабарду большое войско.

Войско Гирея расположилось там, где река Кич-Малка впадает в Малку. Здесь-то и разыгралась битва, какой еще никогда не бывало на кабардинской земле.

На одного кабардинца приходилось по двадцать крымчаков, но люди дрались храбро, предпочитая смерть позору неволи. Рядом со взрослыми становились дети, и древние старики брались за оружие.

Враги не выдержали натиска кабардинцев и бежали. Кабардинцы гнали их до горы Кинжал и почти всех перебили. Лишь жалкие остатки войска Гирея вернулись в Крым.

Так народ освободился от ханского гнета. Гора Кинжал и поныне считается как бы славным памятником героической битвы кабардинцев с крымскими завоевателями.

Акритас П., Стефанеева Е. Легенды Кавказа. Нальчик, 1958. С. 58–61.

КАБАРДИНЦЫ В СВОИХ ЛЕГЕНДАХ

В легендах, как и в других народных сказаниях, всегда более или менее точно отражается мировоззрение создавшего их народа, очень часто в них же можно найти и исторические намеки на его прошлое. Поэтому для сколько-нибудь серьезного знакомства с той или другой народностью необходимо знание ее словесной литературы.

С многочисленными народностями, населяющими Северный Кавказ, мы знакомы так мало, что не много людей, постоянно живущих в крае, которые могли бы только перечислить эти народности, а о знании их быта, нравов, мировоззрения, истории, особенно словесной литературы и говорить нечего. Правда, кое-что из легенд, сказок, песен и прочих различных кавказских народностей было переведено и напечатано в издаваемом Кавказским учебным округом «Сборнике описаний местностей и народов Кавказа» и в «Терском сборнике», издаваемом Терским статистическим комитетом. Но оба издания малодоступны для широкой публики, притом же в них можно найти только сырой материал, то есть почти дословные переводы, для чтения которых требуется известный навык.

Поэтому нельзя не приветствовать недавно вышедший в свет сборник Евгения Баранова под заглавием «Кабардинские легенды». Собранные здесь легенды даны в литературной обработке, следовательно, в удобочитаемом виде. Конечно, литературная обработка произведений народного творчества дело рискованное: при такой обработке меняется не только форма, но нередко страдает и внутреннее содержание, так как народное мировоззрение уступает мировоззрению автора, но в данном случае этого опасаться нечего: Е. З. Баранов родился и вырос в Кабарде, следовательно, дух кабардинского народа должен быть ему хорошо знаком, и можно быть уверенным, что он ограничился художественной обработкой сюжета, оставив неприкосновенной его сущность.

Изданная г-ном Барановым книга невелика и включает в себе только четырнадцать легенд, так что трудно ожидать, чтобы в них можно было найти все стороны кабардинского мирозерцания, все их воззрения на жизнь и ее проявления, но все же и в этих легендах мы находим нечто такое, что выгодно отличает кабардинца от его соседей. На первый план выдвигается отношение кабардинца к женщине, которое рисуют несколько легенд («Кара-Куденет», «Месть», «Девлет и Миса», «Жабого Казанок и его жена», «Илячин», «Хадыжа»). Кабардинцы – мусульмане и с формальной точки держатся, конечно, того взгляда на женщину, который свойствен мусульманству:

– Твое дело рожать детей, коров доить, готовить обед, – говорит Кайсын своей жене Илячин, когда та стала расспрашивать его о том, что его беспокоит.

Но кабардинская легенда признает, что женщина способна и на чисто мужские дела. Кара-Куденет случайно делается спутником неизвестного воина. Воин угоняет табун арабских лошадей. Хозяин табуна догоняет и вступает в единоборство с неизвестным воином. В критический момент Кара-Куденет помогает спутнику одержать победу. Затем выясняется, что неизвестный воин не мужчина, а девушка, мстящая за смерть своих пятерых братьев, и Кара-Куденет женится на ней. Интересная подробность: рассказывая народу о случившемся, девушка, не подозревая, что Кара-Куденет все слышит и видит, правдиво рассказывает об этой помощи, которую ей оказал случайно взятый спутник. Очевидно, в Кабарде не разделяют общемусульманского воззрения на женщину, как на вечнолгущее существо.

В легенде «Месть» жена, переодевшись мужчиной, едет мстить за убитого мужа. Она берет в спутники князя Адильгирея Атажукина, но без его помощи убивает трех братьев, убийц ее мужа, головы их отправляет с Адильгиреем к свекрови, а сама убивает себя на трупе мужа (еще ранее отысканном ею). Здесь мы видим сочетание чисто мужской доблести и глубоко трагической женской любви. Не с узкомусульманскими взглядами на женщину возможно создать такую величавую и в то же время трогательную женскую фигуру.

Легенда «Илячин» говорит о женщине, ставшей спасительницей своего народа. Крымский хан с огромным войском подошел к кабардинскому аулу. Каприз ли это был, или расчет, но хан предложил кабардинскому князю решить вопрос не битвой, а поединком двух силачей. Выбор кабардинцев пал на Кайсына. Но когда оказалось, что придется бороться с чудовищным ногойцем, Кайсын усомнился в своей победе. Случайно в этот вечер отцу Кайсына пришлось убедиться, что сноха его Илячин обладает огромной силой. И Илячин в мужском костюме в единоборстве одерживает победу и тем спасает свой народ от разорения. Интересно, что, согласно легенде, победительница сохранила скромность. Когда после боя Кайсын, сам не знавший, кто боролся за него, спрашивает богатыря, оказавшегося его женой:

– Ты ли это, Илячин?

– Я, – ответила она и прибавила только: – А что? Не веришь, что женщина кроме рождения детей и доения коров способна и с богатырями бороться?

Повествуя о насильственном браке с немилым, который кончается тем, что жена бежит от мужа с любимым человеком, но, пойманная мужем, с достоинством умирает под ударами его кинжала, легенда («Девлет и Ниса»), видимо, на стороне не оскорбленного мужа, а несчастных любовников.

Легенда «Хадыжа» по своему сюжету сильно напоминает одну из легенд Боккаччо. Здесь, как и там, жена, несправедливо оклеветанная негодяем, переодевшись, добивается признания своей невиновности. В этой легенде есть еще одна черточка, ставящая ее очень высоко в этическом отношении. Мнимо обманутый муж и не думает о мести жене, а только желает скорее умереть. Такое отношение нелегко встретить и у высокоцивилизованных народов, а мы его встречаем у кабардинцев!

Но кабардинец не ограничивается признанием в женщине человека, он способен идеализировать ее. Об этом свидетельствуют легенды «Машуко» и «Чудная женщина», рассказывающие о явлении избранным неземных женщин, возбуждающих в людях чистое, духовное поклонение.

Одна из легенд – «Араби-хан» – содержит в себе исторические намеки на происхождение кабардинского народа. По ее словам, кабардинцы с Араби-ханом пришли из Аравии и при помощи грузинского царя вытеснили ногойцев. В этой же легенде упоминается и о русских: теснимые Араби-ханом ногойцы обратились за помощью к семи русским богатырям, которые, однако, ограничились, так сказать, дипломатическим вмешательством, отправив посольство к грузинскому царю. Это упоминание, несомненно, имеет историческую подкладку, так как сношения русских с кабардинцами начались очень давно: несомненно известно, что еще в XI–XII столетиях на Северном Кавказе существовало русское княжество Тмутаракань, и наши летописи рассказывают о борьбе тмутараканских князей с ясами и косогами, в которых историки видят теперешних осетин и кабардинцев.

Другая легенда – «Свержение ига» – вспоминает эпизод из борьбы кабардинцев с крымскими ханами. Само собою разумеется, что историческая подлинность рассказанного эпизода ничем не доказана, но легенда чрезвычайно интересна полным отсутствием всякого бахвальства, так часто проглядывающего в сказаниях других народов о подвигах их предков. Крымские татары, разгромив кабардинцев, своими насилиями и поборами сделали жизнь кабардинского народа невыносимой. Кабардинский князь Атажукин едет к крымскому хану и умоляет его о милости своему народу. Но хан неумолим и оскорбляет просителя, выколотив на его голову содержимое трубки. Затаив обиду, едет Атажукин домой и видит, что кабардинцы не решаются восстать, опасаясь многочисленных ханских полчищ. Тогда Атажукин решает на крайнюю меру: он подговаривает сотню удалцов перебить ханских посланцев, чтобы, кроме борьбы на смерть, у кабардинцев не оставалось другого выхода. Но ханские посланцы сами помогли Атажукину: своей жестокостью они довели народ до полного отчаяния, началось восстание и ханские полчища были разбиты, хотя «дорого и кабардинцам досталась эта победа», – заканчивает скромно легенда.

Легенда «Мусса» показывает, что в душе кабардинца можно пробудить добрые чувства даже в момент самого сильного возбуждения страстей: певец Мусса своим пением заставляет помириться двух враждовавших между собою братьев в ту минуту, когда один из них собирается убить другого.

Особый интерес для понимания кабардинской психологии представляет легенда «Кто дороже». Содержание ее таково: молодому, 16-летнему, кабардинцу представляется случай отомстить убийце своего отца, и случай этот более не повторится, и если он не воспользуется им, то опозорит себя и все станут называть его трусом. Но отец его дал клятву женить своего сына на дочери соседа; в этот день девушка выходит замуж за другого, и юноша, чтобы исполнить клятву своего отца и не оскорбить его памяти, должен увезти ее. И в тот же день в его дом должен приехать друг его отца, и он должен его встретить и принять, иначе «позор падет

на его голову». Таким образом, юноше приходится решить, какая из трех предстоящих ему обязанностей священнее и должна быть выполнена прежде других. И вот его решение, принятое после долгого раздумья: «Убийце отца, пока он жив будет, я всегда сумею отомстить. Невесту я украду, если она даже сделается женой другого человека. Но если я не приму в своем доме друга покойного отца, то что может быть позорнее этого?».

Читая «Кабардинские легенды», начинаешь понимать, почему на Северном Кавказе, где племенная рознь так велика, одни только кабардинцы пользуются общими симпатиями. Когда года четыре тому назад между ольгинскими осетинами и базоркинскими ингушами вражда дошла до кровавого столкновения, кабардинские депутаты явились в роли примирителей, и голос их был заслушан с одинаковым почтением обеими сторонами, хотя в данном случае кроме племенной розни налицо была и рознь религиозная: ольгинские осетины – христиане, а ингуши – мусульмане.

В заключение позволю себе остановиться на самой передаче Е. З. Барановым кабардинских легенд. Сами легенды мне неизвестны не только в подлиннике, но и в дословном переводе, так что я лишен возможности высказаться, насколько эти легенды в передаче Е. З. близки к своему первоисточнику, но как уже было упомянуто, он очень хорошо знает кабардинский народ, любит его и потому трудно допустить, чтобы он решился пожертвовать народной идеей. Что касается языка, то он, как это и нужно для этого рода творчества, отличается простотой, ясностью и силой, местами доходя прямо до библейской простоты, которая так обаятельно действует на людей.

Чтобы не быть голословным, привожу конец легенды «Мечь»:

«Кончила княгиня рассказывать Адильгирею, приказала слугам привести во двор три арбы дров, сложить их вместе и зажечь костер.

И на этот костер положила три отрубленные головы и смотрела, как горели они, и радовалась, что они были головами убийц ее сына.

И когда костер потух, осторожно сняла она с него кости, оставшиеся от трех голов и превратившиеся в уголь, и в деревянной ступе толкла их, толкла и просеивала сквозь частое сито.

И стали кости мелкими, как мука, мягкими, как пыль.

И наполнила княгиня этой мукой большую чашку, вышла с ней в степь.

И был ветер сильный в степи...

И брала княгиня горстями из чашки пыль и бросала в разные стороны.

И ветер уносил ее далеко-далеко.

Как далеко – кто знает, кроме ветра?»

Решетин Николай. Терские ведомости. Владикавказ, 1911. № 112.

В ОТНОШЕНИИ ДОСТОВЕРНОСТИ БИТВЫ НЕТ НИКАКИХ СОМНЕНИЙ

Экспертное заключение Центра военной истории России Института Российской истории РАН по вопросу исторической значимости Канжальской битвы 1708 г.

В национальной истории кабардинцев, балкарцев и осетин битва у горы Канжал имеет важнейшее значение.

В 1708 году войско крымского хана Каплан-Гирея (1678–1738) было наголову разбито ополчением, возглавляемым выдающимся военным и политическим деятелем – кабардинским князем Кургоко Хатакшочиевичем, которому удалось объединить народ на пространстве от р. Кубань до р. Сунжа. Канжальское сражение – одно из важнейших в военной истории Северного Кавказа XVIII века. Канжальская битва положила конец зависимости народов Кабардино-Балкарии от турецкой и крымской военной силы. После нее крымские ханы потеряли значительную часть своего военного авторитета.

Канжальское сражение существенным образом сказалось и на международных отношениях в Восточной Европе. В 1708 году, когда армия шведского короля Карла XII надвигалась на Москву с запада, русскому правительству реально приходилось считаться с вероятностью удара крымско-татарских войск с юга.

Разгром хана Каплан-Гирея I снял эту угрозу. В переломный период Великой Северной войны войска Крымского хана не были посланы на помощь шведам на Украину – под Полтаву. Крупные военные события 1708–1709 годов – Канжальская битва в сентябре 1708 года, битва при д. Лесной 28 сентября 1708 года и Полтавская битва 27 июня 1709 года – привели к кардинальному изменению международной обстановки в Восточной и Северной Европе.

В отношении достоверности данной битвы нет никаких сомнений. О ней существует множество реальных источников восточно-европейского (русского, турецкого, крымско-татарского, калмыцкого, молдавского) и западно-европейского (французского и немецкого) происхождения.

Хотя нет прямых доказательств, вполне допустимо, что в битве могли участвовать и соседи кабардинских князей, находившиеся от них в зависимости, в том числе – дигорцы (осетины), абазины, балкарцы и другие. События, связанные с нашествием крымцев, отразились в фольклоре этих народов. Битва у подножия Эльбруса изменила судьбу горцев, которые с этого времени окончательно и определенно стали ориентироваться на Россию.

Крымское ханство в то время представляло собой самостоятельную децентрализованную монархию, которая управлялась ханами, членами их семей, татарскими и ногайскими феодалами. Цели Порты и Бахчисарая были разными. Для Стамбула приоритетными были балканское и иранское направления, для Бахчисарая главными были отпор наступлению России, борьба с адыгами и сепаратизмом ногайцев.

После похода хана Селим-Гирея I (отец Каплан-Гирея I) в Кабарду и завоевания в 1696 году устья Дона и выхода к Азовскому морю России укрепились установка кабардинцев на конфронтацию с Крымским ханством. В отличие от ханов Крыма Порты в 1708 году твердо придерживалась мирного курса в отношении к России.

Хотя кабардинцы считали, что их было меньше, чем кубанских ногайцев (Князь А. Б. Черкасский – Петру I 30 июня 1711 г. – Письма и бумаги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 11. Вып. 1. С. 436), но в целом сила Кабарды, несмотря на то что она была раздробленной, увеличилась. Она все решительнее отказывалась платить дань крымцам невольниками и лошадьми.

Нет сомнения, что к покорности приводить Кабарду в 1708 году отправилось несколько десятков тысяч человек. До места битвы татарам пришлось пройти не менее 700–800 км, преодолевая завалы кабардинцев в теснинах. Дисциплина, как у всех нерегулярных частей, у них была слабая. В ночь перед сражением боеготовность полностью отсутствовала. У кабардинцев, напротив, перед нашествием врага было чувство всеобщего подъема и единения. Храбрость, отличное владение оружием, военная хитрость и неожиданность ночной атаки предопределили сокрушительный разгром воинства Каплан-Гирея, которое преследовалось вплоть до «земли ногаев». Потери среди кабардинцев были ничтожны.

Канжальская битва, получившая широкую международную известность, к настоящему времени основательно вошла в новейшую историографию.

Центр военной истории России рекомендует продолжить поиски исторических свидетельств битвы и организовать такие же комплексные ландшафтные и археологические исследования местности, как и проводившиеся в отношении Куликовской битвы 1380 года.

24 декабря 2013 г.

ПАМЯТНИК МУДРЕЦУ

Имя Жабаги Казаного (1864–1750) – народного мудреца, гражданского реформатора, дипломата – широко известно на Кавказе. Образ его, читаем в монументальном труде «Сказания о Жабаги Казаного», вошел в устное творчество многих народов Северного Кавказа как эталон мудрости, справедливости и рыцарской доблести и до сих пор продолжает оказывать благотворное влияние на мышление и поведение людей.

После смерти Жабаги разноречивые племена региона стали причислять его к своим этническим героям. Существует балкарское предание, согласно которому Чегемское и Баксанское ущелья оспаривали честь считаться родиной мудреца. Три населенных пункта Кабарды – Заюково, Аушигер и Кенже – считают его своим земляком (в разные годы своей жизни мудрец проживал в этих местах), но родился он все-таки в одном: в поселении, на месте которого находится нынешнее Заюково: на правом берегу Баксана, под Желтой горой, что лежит напротив устья реки Гунделен. Недалеко отсюда обрел он и свой последний покой.

Но до последнего времени место захоронения было неизвестно. Вернее будет сказать – неизвестно официальной науке; местные же жители передавали сведения о нем из поколения в поколение.

Опросив десятки людей, подняв исторические источники, архивные материалы, мы выяснили, что над селением Заюково, с правой стороны Баксана есть место, которое и сегодня называется именем мудреца: Казанокъуей кумб – поляна Казаного. Здесь, на пригорке, стоял его домик, здесь он был и похоронен, именно сюда приходили люди, сохранившие память о своем великом соплеменнике.

Считая, что столь знаковая личность, каким был Жабаги, живший со временем в ладу, творивший и в малом и большом для будущего, достоин постоянного уважения и памяти потомков, мы предложили провести молекулярно-генетическую экспертизу. И если она подтвердит их предположение – перенести прах выдающегося общественного и политического деятеля из этого заброшенного и не посещаемого людьми уголка.

К сожалению, наше предложение так и не было услышано теми, кто по долгу службы должен был отреагировать, предложив пути исправления исторической несправедливости, допущенной потомками. Но на него

откликнулись простые люди – заюковские парни, решившие установить памятники (рядом с мудрецом захоронена и его супруга) на месте захоронения своего великого земляка. Нашли спонсоров, на деньги которых изготовили два мусульманских памятника из розового туфа.

Судьбе было угодно, что в это же время на ребят вышли потомки Жабаги из Карачаево-Черкесии и Адыгеи. Ведь только в ауле Зеюко, что в Хабезском районе Карачаево-Черкесии, основанном Казанокowymi, выходцами из кабардинского Заюково, прибывшими сюда в начале XIX века, проживает около 500 потомков мудреца. Есть они и в Адыгее, а вот в Кабардино-Балкарии их практически не осталось.

Одним словом, народная инициатива, благодаря молодым людям, стала набирать обороты. Для того чтобы добраться до Казанокъуей кумб, пришлось выезжать на это место неоднократно – нанимать трактор и обновить горную дорогу; расчистить площадку, на которой располагался домик, спилить ветки дерева, нависающего над ним. И дожидаться погоды, которая позволит ощутить происходящее как праздник для всех, кто примет участие в этом святом деле.

К 7 апреля 2014 года все было сделано и все сошлось: десятки людей собрались у памятника Жабаги, установленного в центре селения Заюково. Среди них солиднейшая делегация из Карачаево-Черкесии – более тридцати представителей фамилии Казанокowych приехали за свои средства, чтобы отдать должное мыслителю, чье имя продолжает жить в народной памяти. Среди них и Казанокowy из Адыгеи.

И вот стелы погружены, кавалькада машин с трудом преодолевает дорогу, петляющую по горе, – даже вездеходимые «пазики» приходится брать на буксир. Желаящих выкопать яму под установку памятников не перечесть, также как и тех, кто переносит массивные туфовые стелы. И тут происходит поистине чудо – в месте для ямы, которое выбрали произвольно, лопата выворачивает человеческие кости. Чьи они? Весьма возможно, что Жабаги. На это должна ответить молекулярно-генетическая экспертиза, тем более что есть с кем сравнивать.

Уже после установки памятников собравшиеся еще долго не расходились – подходили к стелам, поглаживали их руками, фотографировались на их фоне. Приобщением к прошлому, к истории, ее вершинам духа стала народная инициатива, проявленная теми, кому близко и дорого имя Жабаги.

У причастных к неординарному событию большие планы: последний приют мудреца будет обогорожен: Казбек Казанокow на личные средства планирует возвести здесь навес, установить на его крыше солнечные батареи, чтобы в ночное время из Заюково, с трассы, ведущей по Баксанскому ущелью, было видно сияющее в темноте имя: Казанокow

Мудреца, чье слово всегда будет слышно и значимо.

В ПОИСКАХ ЗАОБЛАЧНОГО ПОСЕЛЕНИЯ

Зимой 2013 года мы сообщили о том, что в верховьях Чегемского района, на высоте более 3000 метров над уровнем моря, располагалось неизвестное поселение. Отголоски сведений об этом сохранились в народных преданиях балкарцев. Косвенным подтверждением того, что у истоков реки Джунгу-су имеются непонятные объекты рукотворного, судя по всему, происхождения, стали снимки со спутника Quick Bird (быстрая птица), на которые первым обратил внимание сотрудник Высогогорного института Михаил Докукин.

Ясность могла внести только наземная экспедиция, которую и удалось осуществить в июле того же года. В этом нам помог депутат Парламента КБР Салим Жанатаев – большой патриот Чегемского ущелья, с детства знакомый с этими местами, исходивший их вдоль и поперек с охотничьим ружьем, а посему знающий здесь буквально каждую тропку и расщелину. Именно Салим с помощью главы администрации селения Хушто-Сырт Ескендера Гижгиева сумел найти лошадей, так как пешком мы ни в коей мере не смогли бы управиться за один день. Двигаться же решили не с верховий, как планировали раньше, а с соединяющего Чегемское и Баксанское ущелья перевала Актопрак, примерно в середине которого имеется дорога, уходящая влево, в нужном нам направлении.

И вот ранним утром, для чего пришлось выехать из Нальчика еще затемно, кавалькада из шести всадников, которую составили два названных

выше лица и их помощник – молодой парень Азамат, а также наша творческая группа тронулись в путь. Сказать, что это путешествие было в охотку, значит, покривить перед истиной – горная тропа, практически не знающая пологих участков, а все время вздымающаяся вверх, – не самое большое удовольствие для тех, кому конь не друг и не брат. И хоть утверждает арабская пословица, что «земной рай можно найти в книгах премудрости, на спине лошади и над сердцем женщины», безоговорочно соглашаясь с первым и последним, конскую спину, особенно в момент, когда ты на ней, весьма непросто соотносить с райскими кущами и тем более неземным покоем. Какой тут покой, когда на иных участках лошадь так настойчиво пытается взобраться на кручу, что в какой-то момент перестаешь осознавать – ты еще на ней или уже под ней. Тем более что одному из авторов этих строк попала такая повидавшая жизнь кобыла, которую, что подгоняй, что не подгоняй, с места не сдвинешь, пока она свой кус травы не урвет и челюстями не переработает. Причем ухитрялась она это делать на таких кручах, где задержка на каждое лишнее мгновение виделась откровенным покушением на драгоценную жизнь.

Салим Жанатаев

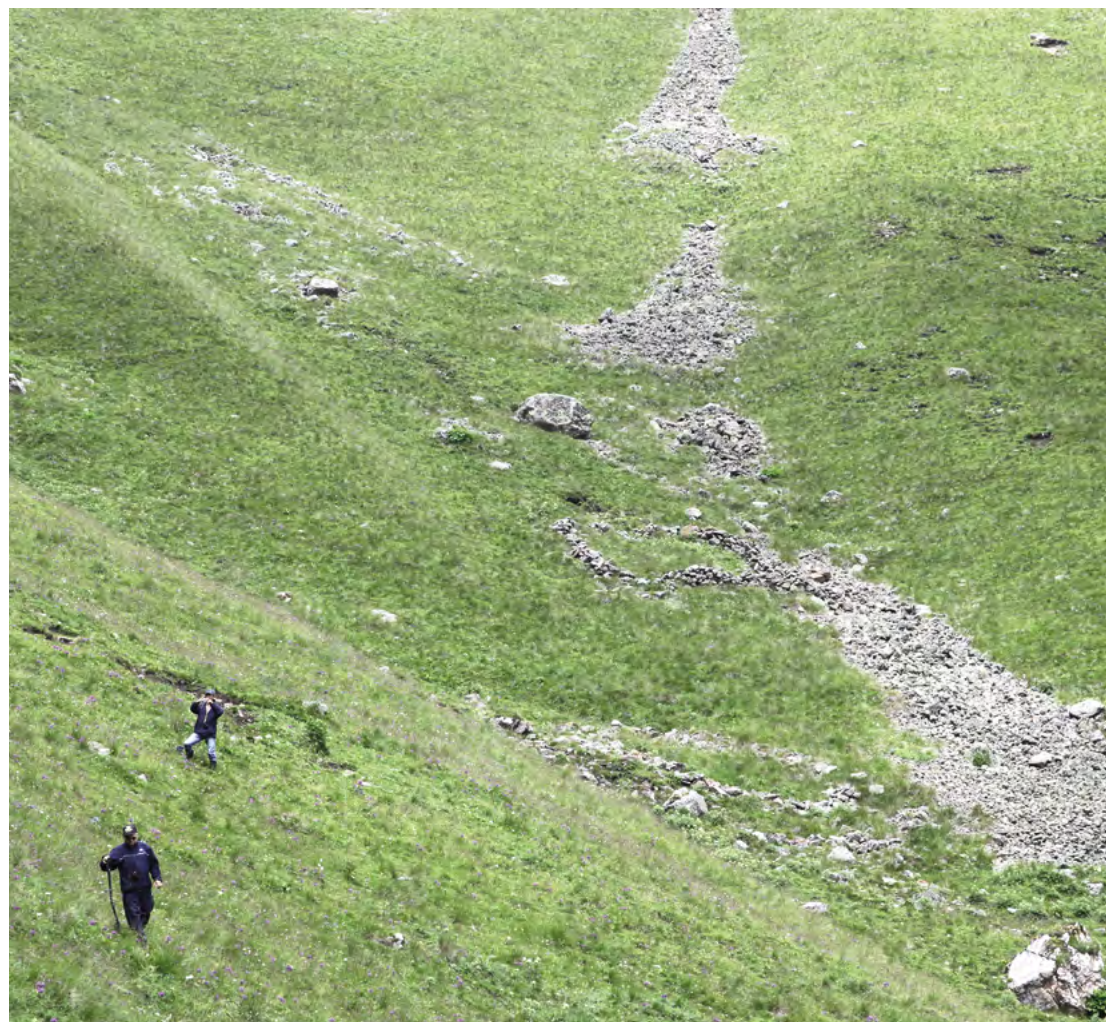
Восхождение свое мы начали от коша, расположенного примерно на высоте в полторы тысячи метров, и за три часа поднялись на высоту в два раза большую, обогнув горы Голугарде, Кекташ, Коджаха, Хобетани. Названия приводим так, как они обозначены на карте, хотя наши спутники называли и другие, более им привычные и за себя говорящие: местность Згора, урочище Дзыгишки, Лабу. Наконец, взобравшись на очередной гребень, мы как будто у долгожданной цели. Но никакой относительно ровной площадки здесь нет и в помине: достаточно отвесный косогор хоть и служит надежной защитой от ветра, но не предполагает долговременного проживания; правда, развалины какого-то небольшого строения говорят о прошлом человеческом присутствии.

Спешиваемся и продолжаем движение. И вот перед нами открывается местность, где явственно видны следы рукотворной деятельности – это цирк (форма рельефа в виде естественного чашеобразного углубления в привершинной части склонов гор. – *Авт.*) с относительно невысоким скальным обрамлением и перепадом высот до двухсот метров. В центре его – отдельные скальные образования, рядом с которыми заметны фундаменты каких-то построек. Достаточно аккуратные квадраты, выложенные один над другим, просматриваются как по правую сторону цирка – они видны четко, так и по левую, где соседствуют с каменными осыпями, под которыми некоторые из них, вероятно, и скрыты. Трудно сказать, что это – людские жилища или загоны для скота, хотя для последних столь необычное расположение нехарактерно.

Салим, четыре с половиной десятилетия назад пасший в этих местах вместе с отцом скот, рассказывает, что в те времена у основания цирка располагался кош, где чабаны находились и в зимнее время. Действительно, в этом месте самой природой созданы благоприятные условия для проживания: значительная продолжительность периода освещенности солнцем, защищенность от сильных ветров, недосыгаемость от воздействия снежных лавин, камнепадов и селей. Травы здесь не просто вдоволь – с избытком, а значит, заготовленная впрок, она позволяла скоту кормиться всю зиму, вплоть до новых побегов. Непонятно, правда, располагался ли на этом месте только кош, проживала ли отдельная семья или находилось целое поселение. Но одно ясно: людям это место было известно, они здесь жили, а вот как давно – без дополнительных изысканий ответить сложно.

В этот раз нам провести их не удалось. Погода резко испортилась, с низовий поплыл густой вязкий туман, в какое-то мгновение поглотивший весь цирк, да так, что в двух шагах спутников не стало видно: находили друг друга только по голосам. К тому же начался дождь, причем такой обильный, что вмиг потемнели и набухли от воды хваленые непромокаемые куртки.

«Туман и дождь одновременно – это надолго», – философски заметил Ескендер, и мы стали собираться обратно, приняв решение спускаться

другой дорогой – практически в два раза длиннее той, что поднимались, но проходящей мимо пещер-жилищ и старинного балкарского поселения.

Что означает термин «надолго», нам стало ясно в ближайшие два часа – по скользкой от влаги траве ехать верхом, особенно по-над обрывом, невероятно опасно – не дай бог лошадь поскользнется и придавит всадника, а то и утянет его за собой вниз, в пропасть, которая уходит на многометровую глубину. Значит, надо продвигаться пешком, ведя лошадей за поводья.

Тут мы и поняли смысл народной поговорки «сидящему на коне не понять пешего». Тропа, пробитая в траве, что в человеческий рост, хлюпала разбитой земляной жижей, в которую ноги проваливались где по щиколотку, а где и по колено. На относительно же ровной местности царствовали мочаки. Для тех, кто не знает, что это такое, процитируем автора работы «Горные чеченцы» (1893) русского чиновника Н. Е. Иваненкова: «Избыток влаги, собираясь в мелкие струйки, пробивается по пластам земли на поверхность ее. Вследствие этого в горах часто встречаются на высоте от 800 саженей и выше, далеко вне пределов лесной растительности, так называемые «мочаки» – напитанные, как губка, водою верхние пласты земли, дающие начало ручьям, пробивающимся прямо из-под верхнего слоя ее целыми потоками».

Даже при чтении испытываешь определенного рода дискомфорт, а уж в реальной обстановке поминаешь эти самые мочаки всеми печатными (а про себя и не печатными) словами. Тем более, если постоянно хлюпает снизу, непрерывно льет сверху, из-за пелены дождя ничего не видно спереди, напитавшаяся влагой одежда тянет к земле, которая порой уходит из-под ног по причине отвесности спуска. Итак: час, второй...

И когда уже кажется, что нет сил больше идти, рельеф местности позволяет воспользоваться лошадьми. Но теперь тропа идет прямо по лесным зарослям и каждая ветка стремится отметиться на твоей голове. И если небольшая оставит только царапины, то та, что помощнее, коль вовремя не прижмешься вплотную к лошадиной шее, скинет без всякого сожаления. А если дерево это к тому же растет над каменной осыпью, уходящей вниз на сотню-другую метров к далекой речке, то дух захватывает от перспектив полета, вернее было бы сказать, принудительного спуска в один конец (юмор здесь таков: вниз спустишься сам, вверх поднимут то, что от тебя останется).

Остается надеяться только на лошадь, которая, как известно, видит дорогу ногами. И хоть седоки из нас были не ахти (вспомним народную мудрость: каков всадник, такова и лошадь), самые верные друзья человека не подвели: спустили вниз в целости и сохранности. Из-за дождя, правда, удалось только издали сфотографировать жилища-пещеры со следами каменной кладки и лишь осмотреть расположенные под ними остатки фундамента.

Все наше путешествие к заоблачному поселению заняло 14 часов, но разгадать его тайну еще предстоит.

ВОЕННЫЙ ОБОЗ

Многие наши последние находки связаны с селением Заюково, что лежит по трассе, ведущей в Приэльбрусье. В ходе многочисленных встреч с местными жителями, бесед с представителями старшего поколения мы неоднократно слышали о том, что где-то в верховьях селения в 1918–1919 годах был спрятан обоз с оружием. Так, Асламурза Гедгафов, которому в этом году исполняется 92 года, рассказывает, что, когда отряд Назира Катханова стремительно вошел в Заюково, белые уходили поспешно, вооружения у них было много, а тягловой силы не хватало. Возможно, что именно они спрятали в верховьях часть оружия.

Первым наткнулся на обоз, а вернее будет сказано на участок, где закопали его груз, заюковец Муаед Шикабахов. Место это находится не так далеко от Заюково, по правую сторону Баксана и называется *Шыд уанэ*, что переводится как «ослиное седло». Весьма колоритное название, а уж то, что спрятано в ямах, колоритнее, вернее было бы сказать экзотичнее, вдвойне. Прямо посередине дороги, по которой раньше заюковцы добирались до Нальчика (она значительно короче нынешней, но ныне совершенно заброшена), практически в каких-то 20–30 сантиметрах от поверхности навалом лежат ...гранаты и снаряды. От времени – все-таки прошло почти сто лет – они утратили свою смертоносную силу: черный порох, которым были начинены, отсырел, превратился в труху.

Гранаты Зеленского

Начинаем раскапывать и не устаем поражаться – гранат и снарядов здесь множество. За какие-то десять минут мы сложили на лужайке десятки артефактов. Почему употреблено это слово? Потому, что найден, как мы считаем, очень редкий взрывчатый боеприпас, которого нет даже в музеях. Во всяком случае наши поиски в Интернете не дали однозначного ответа, но по внешнему виду (графическому, так как «живых» образцов не осталось) и описанию можно сделать вывод, что перед нами так называемая граната Зеленского.

Информации о ней и ее разработчике практически нет. Известно только, что полковник Зеленский (по другим источникам Зелинский) первый свой боеприпас создал во время Русско-японской войны. Но он имел многочисленные недостатки: частенько не взрывался по причине мягкого грунта или слабого броска, и наоборот – при случайном падении мгновенно срабатывал у ног гранатометчика. Даже в доработанном варианте эти недостатки устранить до конца не удалось.

Первоначально граната Зеленского предназначалась для метания вручную (впоследствии был разработан вариант для винтовки). Она имела яйцеобразный чугунный корпус с внешними насечками, а сам корпус – два отверстия, через которые производилось снаряжение его зарядом. В качестве заряда, как мы уже говорили выше, использовался черный порох. В одно отверстие ввинчивалась пробка со штырем, который служил стабилизатором гранаты на траектории (и шомполом при метании из винтовки), в другое ввинчивался накольный механизм. Он состоял из корпуса, колпачка с закрепленным в нем ударником. При ударе о преграду происходило разрушение чеки и деформация колпачка. Ударник продвигался и накалывал капсюль-воспламенитель, луч огня от которого попадал на заряд пороха.

Считается, что граната полковника Зеленского была самой тяжелой из созданных в 1914 году – ее полный вес достигал 900 г. Но дело в том, что вес найденных в Заюково гранат значительно больше – целых два кг. Превышают известные размеры и их габариты: ширина 8,8 см, длина 14,4 см. Пробка со штырем (он служил стабилизатором) в нашем случае представляет из себя обычную деревянную затычку, вырезанную армейскими умельцами, сам штырь – кусок проволоки. Отверстие, куда вкручивался ударник, также забито аналогичным способом.

Одним словом, если перед нами все-таки граната Зеленского, то весьма необычная, конструктивно измененная. Так ли это, мы узнаем в самое ближайшее время – сотрудник Центрального музея Вооруженных сил РФ Александр Никонов уже получил фотографии боеприпасов.

Граната – самый необычный из них, а есть еще снаряды, судя по калибру (76,2 мм), от полевой скорострельной пушки образца 1902 года, более известной как «трехдюймовка». Это легкое полевое артиллерийское оружие активно использовалось в Русско-японской, Первой мировой, Гражданской войнах. «После развала Российской империи в 1917 году, – читаем в энциклопедии, – была принята на вооружение Красной армии и оставалась на вооружении Белой армии, националистических сил в областях с малой численностью русского населения, анархистов и просто бандитов на всей громадной территории бывшей Российской империи». Прямотаки наш случай.

Атрибутировать третий вид снарядов мы не смогли – ясно, что это взрыватель, но к чему – неизвестно.

Нашу правоту подтвердило и заключение, подписанное Сергеем Евгеньевичем Плотниковым, старшим научным сотрудником фонда вооружения и техники отдела фондов Центрального музея Вооруженных сил РФ.

Относительно гранаты – это, пишет эксперт, «шомпольная ружейная граната системы русского полковника 4-го запасного инженерного батальона Михаила Михайловича Зеленского. Эта граната была создана им в 1914 г. перед Первой мировой войной. Она имела чугунный литой корпус. Весила граната 930 гр. Для метания вставлялась шомполом в ствол винтовки образца 1891 г. и выстреливалась специальным холостым патроном, имела взрыватель ударного действия. Могла применяться и для метания рукой. Была самой мощной и самой опасной в эксплуатации в русской армии».

Далее о снаряде – это «предположительно корпус артиллерийского шрапнельного снаряда, вероятно, калибра 76 мм, без ведущих поясков и дистанционной трубки – взрывателя. Россия, не ранее 1900 г.».

Что касается третьего снаряда, то это «вероятно, головной ударный взрыватель. Госпринадлежность, конструктор, марка нами не установлены. Время бытования, вероятно, начало XX века».

Одним словом, еще одна из легенд, в которую мало кто верил, нашла свое реальное подтверждение: военный обоз Белой армии спустя почти сто лет явил свой груз.

ЗАПОВЕДНИК КОНКРЕЦИЙ

В урочище Батыршатала, что сразу за поселением Кашхатау, есть два безымянных ущелья. Они небольшие – 4–5 километров; родниковые речки, протекающие по ним и образовавшие ущелья, также не удостоились названия. И это как будто закономерно – обрывистые, достаточно крутые берега, состоящие из рыхлых глинистых отложений, осадочных пород, постоянно осыпаются, отчего вода в речках мутная, землисто-серая, а сами ущелья в узких местах малопроходимы из-за перегораживающих их деревьев. А если к этому еще добавить отсутствие солнца по причине того, что кроны деревьев не пропускают его лучи, постоянную сырость грунта, высокую влажность воздуха, то станет ясно, почему люди в этих ущельях столь редкие гости. А зря, ведь именно перечисленные выше условия первопричина того, что здесь происходит образование конкреций. Напомним, что этот геологический термин обозначает минеральные тела, резко отличающиеся от вмещающих пород по физическим свойствам, структуре и составу; чаще всего – округлые, но которые, в зависимости от условий роста, могут иметь и другие очертания.

В безымянных ущельях, где мы побывали, конкреций, представляющих из себя шаровидные образования самых разных размеров – от небольших, с детский мяч, до огромных – 3–4 метра и больше в диаметре, – великое множество. Они повсюду – как в самом русле реки, так и в грунте берегов, в некоторых местах встречаются целыми группами. Эти гигантские каменные шары словно созданы для игры – многие из них представляют практически идеальную сферу. Даже не верится, что столь сложная геометрическая форма создана природой. Так и представляешь, как эти шары гоняют по лужайке игроки гигантского роста. Но доставить конкреции на равнину невозможно – дороги по ущелью нет, вертолету не пробиться сквозь густой полог леса, да и весят шары многие тонны. Значит, украшать им русло реки, как и тысячелетия назад.

Но вот небольшие могут стать весьма интересными сувенирами. Ведь центрами стяжения в них являются не только частички горных пород, но и, к примеру, остатки растений, раковины моллюсков, отчего многие имеют слоистое строение.

Такие разновидности конкреций, содержащие внутри радиально ориентированные трещины, расширяющиеся к центру, называют септариями.

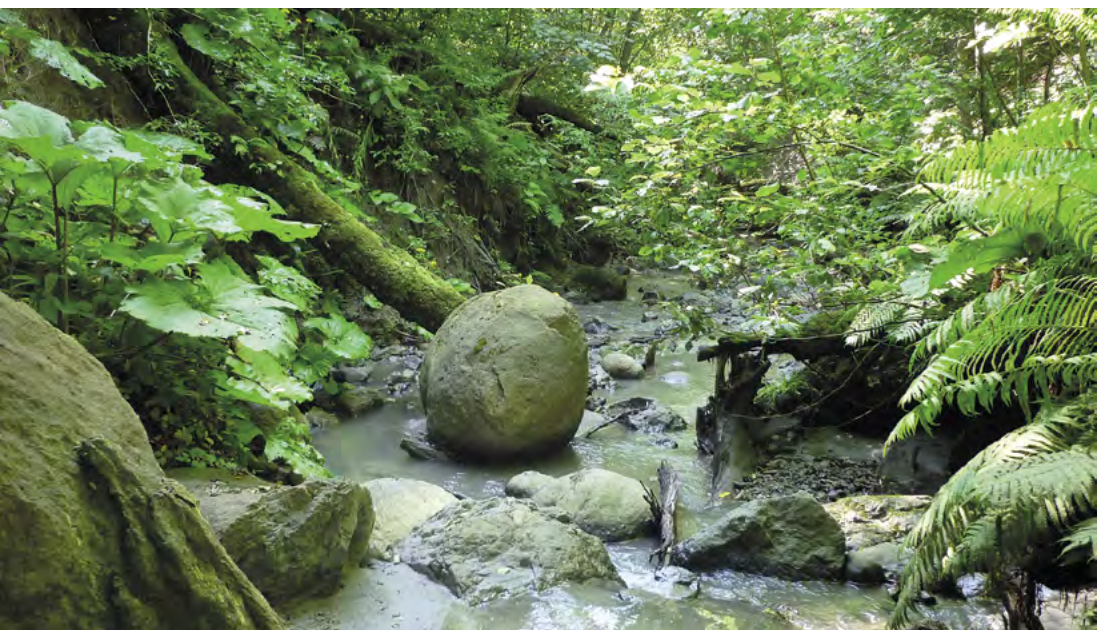
Если трещины эти минерализованы, образуется перегородчатый рисунок, по которому септарии и называются (от лат. «septum» – перегородка).

Немало среди них «черепаших камней» – такое название получили септарии с минерализованными заросшими трещинами, выходящими на поверхность и разбивающими ее на участки, что напоминает узор на панцире черепахи.

Встречаются и аммониты (от имени древнеегипетского божества Амона со спиральными рогами) – ископаемые организмы, имевшие наружную раковину, состоящую из нескольких оборотов, располагающихся в одной плоскости, соприкасающихся друг с другом или в различной степени перекрывающих друг друга.

Таких мест, где можно заглянуть в историю нашей планеты, в Кабардино-Балкарии немало – ведь глинисто-карбонатные породы, в которых зарождаются (выразимся так) каменные конкреции, образуют на территории республики (в зоне Лесистого хребта) непрерывный пояс. Шаровидные же встречаются в поймах рек (в частности, Шалушки), в верховьях Заюково и целом ряде других.

КАМЕННЫЙ МИР

...Практически каждый, кто проезжает селение Жанхотеко, что на трассе, ведущей в Приэльбрусье, обращает внимание на огромные камни, лежащие напротив одного из домов по левой стороне. Они – идеально правильной формы: круглые, тареловидные (чем-то напоминающие силуэты НЛО) – задерживают взгляд, будоражат воображение. Но если вы остановитесь у этих скромных ворот и, более того, войдете во двор, то будете поражены огромным количеством каменных артефактов, представленных на сравнительно небольшой территории. Их, без всякого преувеличения, тысячи – огромные, до метра и более в диаметре, камни лежат по обе стороны двора, горами, вернее кучами за домом, в котором хозяин не живет (для этих целей он приспособил времянку), в самом доме, где на полу вольготно чувствуют себя сотни удивительнейших природных творений одно другого краше.

Геологи называют эти камни конкрециями (от concretio – стяжение, сгущение), подразумевая под ними минеральные тела, резко отличающиеся от вмещающих пород по физическим свойствам, структуре и составу. Обратившись к Геологическому словарю, узнаем, что «рост минеральных зерен конкреции происходит во всех направлениях от (или вокруг) одного или многочисленных центров. Центрами роста нередко оказываются посторонние тела, в частности, органические остатки. По форме чаще округлые, но в зависимости от условий роста могут иметь и самые разнообразные очертания». И далее: «термин «конкреция» подразумевает под собой пространственно целостный минеральный агрегат с некоторой определенной внутренней структурой и внешней поверхностью».

Конкреции бывают первичные и вторичные, одноактные (их рост осуществлялся безостановочно) и многоактные (вокруг образовавшегося в процессе роста ядра происходила собирательная кристаллизация). По структуре конкреции различают зернистые, радиально-лучистые и сферолитовые. Глинисто-карбонатные конкреции в осадочных породах, содержащие внутри себя радиально ориентированные трещины, расширяющиеся к центру, называют септариями. Трещины в септариях образуют единую внутреннюю полость, а когда они еще и минерализуются, возникает перегородчатый рисунок, от которого (septum на латинском «перегородка») септарии и получили свое название. Септарии из осадочных

пород с минерализованными заросшими трещинами, выходящими на поверхность и разбивающими ее на однотипные полигональные участки, называются «черепашьи камни» – внешне они действительно напоминают узор на панцире черепахи.

Впрочем, всем, кто интересуется специфическими аспектами данной темы, советуем обратиться к геологической литературе, мы же расскажем, как все эти каменные артефакты оказались в одном из жанхотекских дворов. Дело в том, что здесь живет Шамиль Жабелов – обычный балкарец, труженик, который в своей жизни многим чем занимался (был и строителем, и фермером, и пастухом), но толком к 50 годам себя так нигде и не нашел. Так бы и шли его годы дальше, деля жизнь на привычную работу и не менее определенное вечернее времяпровождение, если бы однажды он не обратил внимание на необычный камень, увиденный в одном из ущелий. Был это как раз расколовшийся пополам септарий, буквально заворотивший Шамиля сказочной вязью шестигранного узора, словно нанесенного удивительным художником.

Тот камень, несмотря на его достаточно большие размеры, он все-таки дотащил домой. И уже вечером долго-долго вглядывался в разбежавшиеся во все стороны прожилки, чем-то напоминающие щупальца невиданных животных. А на следующий день Шамиль взял старый рюкзак и отправился на речку, где, к своему удивлению, практически сразу наткнулся на целое «стойбище» (как он выразился) септариев.

Было это лет шесть назад. Именно с этого момента Шамиль потерял покой и сон – ежедневно он уходил на поиски каменных артефактов – облазил все окрестности Жанхотеко, изучил все речки, впадающие поблизости от селения в Баксан. Научился видеть – здесь нет никакого преувеличения – какова она, каменная сердцевина. Сбивая ноги, натружая спину – попробуй потащи рюкзак, чей вес составляет десятки килограммов: камни ведь легкими не бывают, – он за короткое время собрал на своем дворе коллекцию, которой позавидовал бы любой геологический музей.

Но камнями, даже самыми красивыми, сыт не будешь. Так пришла идея продавать септарии, предварительно разрезав их пополам с последующей шлифовкой и полировкой поверхности. Но бизнес этот не принес особого дохода. Шамиль пошел дальше – стал укладывать септарии в специальную форму, заливать щели между ними бетоном и клеем. После шлифовки получается великолепная столешница, на которую можно глядеть часами – так привлекателен и загадочен удивительный узор, созданный природой-художником. Сидеть за таким столом – словно совершать путешествие во времени: в далекое прошлое планеты.

Но сказать, что материальная сторона стала главной для Шамиля в собирании камней, значит, пойти против истины. Для него это было и остается

Шамиль Жабелов

ся любимым делом – возможностью вначале самому увидеть в сером неприглядном валуне удивительную красоту, будоражащую воображение. А увидев, сделать так, чтобы ее разглядели и другие. И поэтому

он раз за разом на своей старенькой, выдавшей виды «Ниве», приседающей на все четыре колеса под непомерным грузом, уезжает в экспедиции, значительно расширив территорию поиска. Он знает, какими каменными раритетами богато Канжольское плато, какие чудеса (септарии кирпично-коричневой окраски) рождает Тызыльское ущелье, какие великолепные образчики огромных аммонитов встречаются по берегам речки Хэо.

Аммониты (от латинского *ammonoidea*) – еще одно увлечение Шамиля. Это подкласс головоногих моллюсков, вымерших сотни миллионов лет назад и названных так в честь древнеегипетского божества Амона, обладателя спиральных рогов. Большинство аммонитов имели наружную раковину, состоящую из нескольких оборотов, располагающихся в одной плоскости, соприкасающихся друг с другом или в различной степени перекрывающих друг друга. Причем раковина аммонитов была разделена на множество камер, большую часть которых заполнял газ, а меньшую – жидкость.

Множество аммонитов, как гладких, так и скульптурированных, самых разных размеров – от нескольких сантиметров до полутора метров – имеется в коллекции Шамиля. В ней же и камни, сохранившие скелеты доисторических животных. Увидев их в каменном ложе, тщательно вырубленном Шамилем, мы, казалось, заглянули в далекое-предалекое прошлое планеты, когда в небе и на земле властвовали птеродактили – рептилии отряда летающих ящеров.

Снимок скелета с помощью преподавателя СКГИИ Джабраила Тайсаева мы отослали в Палеонтологический институт Академии наук России. Его сотрудник Александр Фёдорович Банников, крупнейший специалист по палеоихтиологии, прокомментировал фотографию так: «Два экземпляра являются фрагментами костистых. Возможно, один из них является тар-

поновой *Lyrolepis*, а другой – тунцом *Thunnus*, что указывает на бартонский возраст (кумский горизонт)».

Относительно великолепно сохранившихся острейших зубов, найденных нами в тех же местах, где Шамиль обнаружил запечатанный в каменном ложе скелет, А. Ф. Банников сообщил следующее: «Позвонки, чешуя, лучи плавников *Lyrolepis caucasica* и два зуба акул, видимо, *Macrorhizodus praecursor*».

Уточним: кумский горизонт (названный так по реке Куме) – это толща битуминозных мергелей и сланцев, развитая в Предкавказье. Охарактеризована она, кстати, остатками названных выше рыб – *Lyrolepis caucasica*; залегает между хадыженским горизонтом и свитой белой глины, относится к верхнему эоцену. А так как объяснения одного геологического термина связаны с другим, закончим на этом, добавив, что эоцен – вторая геологическая эпоха палеогенового периода, продолжавшегося 22 миллиона лет (начался 56,0 и закончился 33,9 миллиона лет назад). Наступил за палеоценом и сменился олигоценом, если кто не знает.

Вот в такие невиданные дали и невероятные эпохи уводит нас коллекция Шамиля Жабелова – жанхотекского энтузиаста, влюбленного в природу, бескорыстно готового поделиться своим богатством с каждым, кто понимает: мир камней таинственен, неповторим и чарующе прекрасен.

Одна из находок Шамиля Жабелова

«ЧИП», ВПАЯННЫЙ В КАМЕНЬ

В многочисленных путешествиях по Кабардино-Балкарии мы не раз находили артефакты, которые в прямом смысле слова ставили в тупик: странные вкрапления в каменной породе, которые напоминали реальные предметы – гвозди, шурупы, геометрически правильные фрагменты каких-то механизмов. Неужели и это дело рук природы? Такие необъяснимые предметы любители всего необычного называют НИО (по аналогии с НЛО) – неопознанные ископаемые объекты. Список их к сегодняшнему дню достаточно велик и впечатляющ. Назовем лишь несколько.

Железный гвоздь, найденный в 1844 году в каменоломне Кингуди (Шотландия) в пласте горной породы, возраст которой составляет не менее 60 миллионов лет.

Металлическая ручка от ведра, найденная в том же карьере; правда, возраст ее в пять раз меньше – какие-то 12 миллионов лет.

Гвоздь внутри золотого самородка, найденный в 1851 году.

Металлический болт длиной около 5 см, найденный в 1869 году в американском штате Невада в куске полевого шпата в породах возрастом 15 миллионов лет.

Железный наперсток, извлеченный из куска угля в 1880-х годах в Колорадо. Сама жила располагается на 90 метров ниже местного уровня и

Молоток, вросший в известняк.
Ок. 140 млн лет

Артефакт «стержень» в камне.
Ок. 300–320 млн лет

сформировалась не ранее 70 миллионов лет назад, так называемый «зальцбургский параллелепипед»: шестигранный металлический предмет с двумя выпуклыми противоположными гранями и четырьмя вогнутыми. Обнаружен в 1885 году в куске бурого третичного угля, чей возраст составляет не менее 25 миллионов лет.

Золотая цепочка, найденная в 1891 году в Иллинойсе в дугообразной полости внутри глыбы угля.

Железный котелок, найденный в 1912 году в штате Оклахома, в каменном угле, чей возраст составляет не менее 300 миллионов лет.

Молоток с деревянной ручкой, вросший в известняк, возраст которого насчитывает около 140 миллионов лет, найден в 1934 году в штате Техас. По заключению экспертов, он «изготовлен по неизвестной технологии».

Этим же возрастом датируется обломок скалы, внутри которого находится нечто напоминающее рыболовную катушку, аналогичную современным. Найдена она в 1979 году в штате Теннесси.

Каменная «тарелка» (диск Сабу) диаметром 70 см с тремя тонкими лепестками, загнутыми к центру и цилиндрической втулкой посередине. В местах загиба лепестков края к центру окружность диска продолжается тонким ободом круглого сечения около сантиметра в диаметре. Непонятно как назначение «тарелки», так и способ ее изготовления. Найдена среди глиняной посуды в 1936 году во время раскопок мастабы чиновника Сабу в Саккаре (3000–3100 год до н. э.)

Или два факта иного рода – на куске мрамора, поднятом с 18-метровой глубины в 1831 году, имеются два надреза в форме латинских букв. А на сломе горной породы в китайской провинции Гуйчжоу, возраст которой достигает 200 миллионов лет, видны четкие иероглифы. Реликт этот известен как «Камень потерянных слов».

Исходя из приведенных выше примеров может сложиться мнение, что большинство данных артефактов сосредоточено за границей, но это не так. Объекты размером от нескольких миллиметров до 3 сантиметров, напоминающие спиральки, найдены в толще пород на Урале. Материал – сплав меди, вольфрама и молибдена, возраст – около 300 тысяч лет. В 1975 году на Украине обнаружен на глубине около 8 метров шар из черного непрозрачного «стекла». Пласт глины, в которой он

Каменная «тарелка» (диск Сабу)

находился, имеет возраст не менее 10 миллионов лет. В Калужской области найден каменный обломок, внутри которого предмет, напоминающий небольшой болт с гайкой.

Наличие данных раритетов не поддается объяснению. Если не считать ими те, что перед нами «изделия», созданные предшествующими высоко-развитыми цивилизациями, обитавшими ранее на Земле. Или, по другой версии, – космическими пришельцами, чей «мусор» какими-то путями оказался в толще осадочных пород на дне древних морей и океанов.

Именно первая версия стала основной после находки в Краснодарском крае в бассейне реки Лаба камня со странным фрагментом, напоминающим современный чип. Фотографии своей находки ребята («армавирские уфологи», как они себя сами величают) прислали нам. Решено было опубликовать снимки в живом журнале в надежде, что кто-нибудь из читателей сможет объяснить, что это такое. Таких не нашлось.

Тогда ребята обратились в НИИ нанотехнологий и новых материалов Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт). И вот что говорится в полученном заключении, подписанном кандидатом геолого-минералогических наук А. Б. Кафтанением: «Для определения представлен окатанный уплощенный образец размером 15 x 11 x 4,5 см серо-коричневого цвета с приполированной площадкой. Структура породы детритовая, грубообломочная со светлыми вкраплениями более крупных (до 2 см) часто таблитчатых органогенных обломков. Органогенный материал в основном состоит из фрагментов скелетов морских лилий (криноидей) и подчиненного количества створок мелких раковин округлой формы размером до 1 см. Наиболее характерный отпечаток раковины в углублении со стороны приполировки, но с другого края образца. Обломки карбонатных скелетов в процессе метаморфизма замещены кальцитом. Органогенные обломки «погружены» в мелкозернистую песчано-глинистую массу (матрикс) кварц-карбонатного состава с незначительным количеством слюды.

Таким образом, образец уверенно диагностируется как обломок криноидных известняков. По свидетельству И.А. Семенухи, начальника геологосъемочной партии Центральной геологосъемочной экспедиции (г. Ессентуки) и с учетом места находки в бассейне р. Лаба – предположительный геохронологический возраст – силур-девон, то есть 410–450 млн лет.

Приполированный фрагмент – это фрагмент стебля лилии в приосевом срезе (вдоль стебля), где полости амбулякральной (Амбулякральная (амбулякральная) система – воднососудистая система, уникальная гидравлическая локомоторная система иглокожих, служащая для движения, дыхания, выделения и осязания) системы и скульптурные углубления были забиты илом».

К документу приложена справка, гласящая: «Морские лилии (Crinoidea) – один из классов иглокожих, принадлежат к числу древних групп, давно уже переживших период наибольшего процветания. Всего известно ископаемых около 1500 видов из 220 родов. Морские лилии существуют с ордовика (кембрия?) доныне. Они были широко распространены в морях палеозоя (Palaeocrinoidea) и мезозоя (Neocrinoidea), где обитали на мелководье. В палеозое все морские лилии были прикрепленными, в мезозое появились формы без стебля и перешедшие к планктонному и псевдопланктонному образу жизни.

Palaeocrinoidea (с относительно большим телом и короткими руками, неподвижно соединенными пластинками, с интеррадиальными пластинками и прикрытым пластинками ртом и амбулякральными бороздками). Это донные животные с телом в виде чашечки, в центре которой находится рот, а вверх отходит венчик из ветвящихся лучей (рук). Вниз от чашечки у стебельчатых морских лилий отходит прикрепительный стебелек длиной до 1 м, прирастающий к грунту и несущий боковые придатки (цирры); у бесстебельчатых – только подвижные цирры. На концах цирр могут иметься зубчики, или «коготки», которыми бесстебельные лилии прикрепляются к грунту.

Характерным отличием морских лилий от всех остальных современных иглокожих служит их обычное положение ртом вверх и прикрепленность к одному месту. Стебель состоит из округленных или 5-угольных члеников, соединенных между собою или сочленениями, или неподвижно (швами), несет кружки членистых боковых придатков. Нередко среди одинаковых члеников встречаются более крупные узловатые членики, несущие усики (циррии). На нижнем конце стебель расширен или разветвлен; внутри его и цирр проходят каналы, заключающие часть нервной системы, обособленные части полости тела и часть системы осевого органа. У одних родов стебель достигает длины нескольких метров, у других – короткий или редуцируется. Через стебель проходит осевой канал, имеющий различное поперечное сечение. Сочленовная поверхность часто бывает покрыта разнообразной скульптурой. У ископаемых форм известен стебель длиной до 20 метров.

Скелеты лилий после гибели обычно рассыпаются на отдельные элементы. Чаще всего встречаются членики лилий, их скопления образуют криноидные известняки».

Итак, в данном случае все вопросы как будто сняты – предполагаемый чип оказался морской лилией.

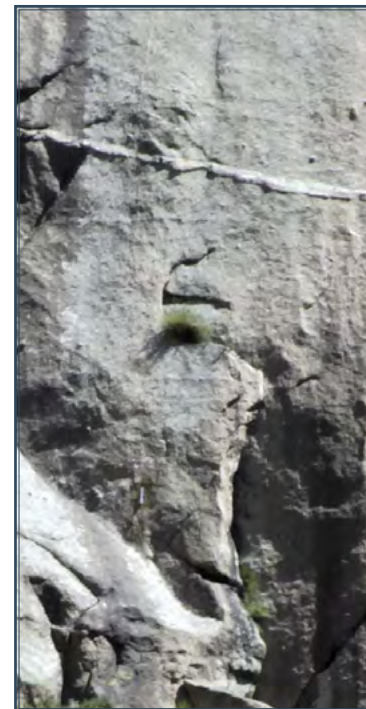
Но они остаются, как и в случае с расположенным в Баксанском ущелье около селения Былым огромным камнем, на котором выбит (прорезан?)

пропилен?) некий символ, неизвестно что изображающий. Знак ли это? Некий код, шифр, указание на что-то? Или все куда проще – элементарное воздействие природных сил? Каждый волен судить сам.

Как и в отношении графического символа (буквы) на одной из скал, нависающей над трассой, ведущей в Приэльбрусье...

Камень с «прорезями» у сел. Былым
Буква «Э» на одной из скал Баксанского ущелья

МЕНГИРЫ – ОРИЕНТИРЫ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

Долгие годы мы пытаемся хоть как-то приблизиться к разгадке менгиров, установленных в разных местах Кабардино-Балкарии. Но чем больше информации собираем, чем насыщенней становится карта, на которой мы отмечаем выявленные места их расположения, тем четче понимаем: от ответа мы так же далеки, как и были в начале двухтысячных, когда стали собирать сведения об установленных вертикально одиночных камнях удлиненной формы.

Именно так переводится с нижнебретонского (*men* – камень, *hir* – длинный) данное слово. Эти камни, врытые на определенную глубину в землю (чаще всего на 70–80 см), отличаются друг от друга прежде всего следами приложения рук человеческих. Одни из них, так сказать, самые примитивные – природные (дикие) – совершенно не обработаны. Другие носят следы весьма поверхностного и достаточно грубого обтесывания. Третьи содержат элементы художественного видения.

К ним, в первую очередь, относится знаменитая группа менгиров из Северного Приэльбрусья, которые, по мнению ряда археологов, являются стелами, изготовленными скифами, знакомыми с образцами как киммерийского, так и переднеазиатского искусства.

В частности, археолог Бияслан Атабиев, отмечая определенную условность в определении памятника – цилиндрического столба с грубой и предельно лаконичной пластической проработкой верхнего конца, – констатирует: «Изображение выполнено крайне примитивно: контуры носа, бровей и всей нижней части лица обозначены одной непрерывной линией, широкой и глубоко врезанной, образующей замкнутый круг. Глаза показаны посредством двух круглых выемок, а рот – коротким дуговидным желобком. В технике выпуклого рельефа изображена только окантовка нижнего края шлема, а также гривна (?) в виде горизонтального валика вокруг подразумеваемой «шеи». С двух сторон шлема, у «висков», от нижней окантовки свисают два полуовала с точками в центре. Вероятно, это так называемые «наушники» – точнее, приспособления для крепления ремешка от шлема».

И далее: «На наш взгляд, это (головной убор. – *Авт.*) не что иное, как ассирийский шлем с короткими боковыми ушками для ремешка, посредством

которого шлем держался на голове воина. Появление таких шлемов на Северном Кавказе исследователи датируют временем либо «не ранее конца VIII в. до н. э.», либо «не позднее рубежа VIII–VII вв. до н. э.». Думается, эти ориентиры дают некоторое основание предварительно отнести данное изваяние к началу VII столетия до н. э.

Но означенный возраст вряд ли применим к другим мегалитическим памятникам (менгиры входят в их число) – по сути, первым рукотворным сооружениям, дошедшим до нас. Более того, если еще совсем недавно их датировали III – началом II тысячелетия до н. э., относя к культуре позднего неолита и раннего бронзового века, то сегодня все больше сторонников у теории куда более древнего происхождения – вплоть до IV тысячелетия до н. э.

Но не возраст главная загадка менгиров, а их предназначение. Многие ученые связывают вертикально установленные камни с погребальным культом, что объективно отвечает нашему восприятию, но противоречит фактам. Дело в том, что рядом с менгирами не отмечено следов погребений. Речь ведем только о Кабардино-Балкарии и соседствующей с ней в горных верховьях Карачаево-Черкесии. Правда, археологических раскопок как таковых в этих местах не проводилось, но визуальный осмотр не подтверждает наличие захоронений. Как не свидетельствует о них и современная изыскательская техника – в частности, индикатор геофизических аномалий, позволяющий определять местонахождения человеческих останков и предметов на глубине до 3 метров.

Не находит в нашем случае подтверждения и то, что менгиры использовались для определения времени астрономических событий. Как одиночные, так и групповые они не позволяют сделать вывод, что их расположение позволяло определять, допустим, периоды солнцестояния и равноденствия.

Менгир в Северном Приэльбрусье

Тогда что же? Привязка к местности (определение границ)? Но предположительные ответы на вопросы «кем, зачем и когда» загоняют эту версию в тупик. Как и ту, что менгиры служили ориентирами для движения: ряд из них установлен уж очень далеко от троп и путей, в местах, куда люди попадали достаточно редко. А уж то, что многие камни сгруппированы на достаточно малой площади, окончательно выбивает почву из-под географической версии.

Остается сакральный смысл установки мегалитов. Эту версию мы, кстати, высказали, рассказывая о «воине» из Северного Приэльбрусья. Вот отрывок из того, десятилетней давности, материала: «Обхватив менгир, закрыв глаза и постояв так несколько минут, один из авторов этих строк вдруг почувствовал, как какая-то неизвестная энергия проходит через него – словно тысячи иголок закололи по всему телу, а само тело завибрировало, готовое взлететь, оторваться от земли».

Возможно ли, что менгиры устанавливали на местах силы? Этим летом мы побывали в самых разных местах Кабардино-Балкарии, где сохранились менгиры. С группой баксанских ребят – энтузиастов-краеведов, тон в разысканиях которых задают преподаватель истории заюковской школы Мухамед Маршенкулов и предприниматель Анзор Кармоков, – у истоков реки Харбаз, что в Северном Приэльбрусье, с егерем из Зольского района – на плато Канжол. Пробывали в этих местах достаточно долго; на Харбазе даже подняли и вновь установили поваленный менгир. И все наши спутники отмечали необычную тишину этих мест, чувство спокойствия и умиротворения, овладевшее ими. Ощущение, что менгиры, которых обхватывали руками, словно вибрируют, чуть ли не дрожат, было не только у нас, но и у других. Причем рассказывали об этом не сговариваясь.

Следовательно, для мест их установки характерна какая-то особая энергетика. Об этом косвенно свидетельствует и тот факт, что через какое-то время трое из нас неожиданно одновременно почувствовали головную боль, правда, в тот момент, связав ее с переутомлением – уж очень тяжело и долго было добираться до этих (речь о Харбазе) мест. Но самое интересное, что переутомление это практически сразу забылось, и даже поздно вечером, когда мы вернулись домой после поездки длиной в 370 километров, половина из которых пришлось на бездорожье, оно не ощущалось. Когда другие подобного рода путешествия выматывали так, что хотелось лишь одного – поскорее добраться до постели и дать покой уставшему телу.

Понятно, что речь идет сугубо об индивидуальном восприятии, но тем не менее.

В Интернете, знакомясь с материалами, касающимися менгиров, нашли такое заключение: «Исследования последних лет показали, что распо-

ложение менгиров на территории биолокационных аномалий линейного типа обусловлено тектоническими разломами земной коры, по которым перетекает энергия, оказывающая определенное воздействие на человеческие организмы. В древности менгиры использовались для проведения ритуалов и целительных обрядов».

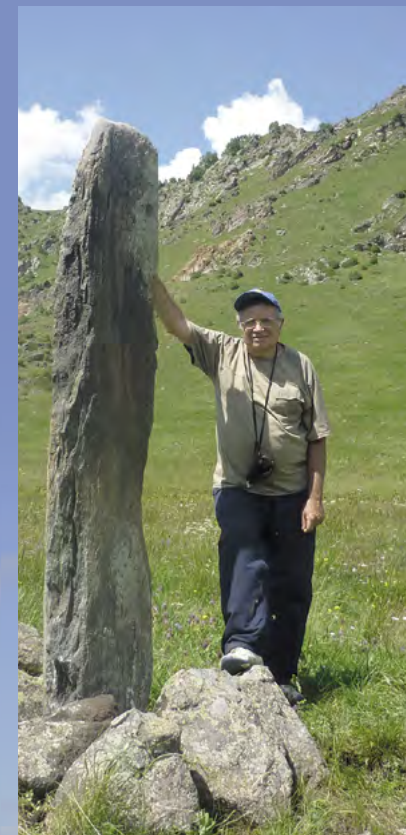
В последующем мы получили подтверждение того, что восстановленный нами харбазский менгир скорее всего расположен именно на подобного рода разломе. По нашей просьбе ребята, повторно побывавшие в Северном Приэльбрусье, провели замеры с помощью простейших приборов (TriField Natural EM Meter; K-II EMF Meter) и обнаружили, что они весьма активны. Более того – свидетельствуют об аномалиях, не характерных для этих пока еще девственно чистых от цивилизации мест.

Впрочем, ведь и техника может ошибаться.

Но верится, что когда-нибудь мы получим убедительный ответ на вопрос, о чем сигнализируют через тысячелетия менгиры Кабардино-Балкарии...

Менгир у истоков реки Харбаз >

Менгиры на границе КЧР и КБР

«ОБЪЕКТЫ» ИЗ ТУФОВЫХ БЛОКОВ...

В магматических (туфовых) массивах, повсеместно встречающихся на территории Кабардино-Балкарии, при остывании происходило значительное сокращение их объема и вследствие этого – появление многочисленных, закономерно расположенных трещин, разбивающих массив на отдельные блоки (отдельности) различной величины и формы.

А не могли ли их приспособливать для своих нужд люди?

...Летом 2011 года в верховьях селения Заюково краеведом Артуром Жемуховым был обнаружен вход в подземную шахту, уходящую на глубину 80 метров. Стены из туфа, на первый взгляд сложенные из разновеликих, плотно подогнанных друг к другу камней, давали волю развернуться самой безудержной фантазии: по силам ли природе соорудить такой объект?

Обнародованные нами в Интернете сведения о шахте-пещере перепечатали сотни сайтов, большинство читателей почти единодушно приняли версию, что перед нами работа представителей иной цивилизации. Но какими же возможностями они располагали, если для нас, живущих в XXI веке, подобное не представляется реальным?

Выпиливали блоки из туфа? Но при помощи чего? И как, с помощью каких механизмов доставляли вниз?

На популярном сайте «Лаборатория альтернативной истории» выдвинуто немало версий технологий возведения из мегалитов знаменитого города инков Мачу-Пикчу. Многие участники дискуссии отрицают механическую обработку как таковую и, отталкиваясь от формы составляющих кладку камней, убеждены, что

< Вход в шахту-пещеру в верховьях сел. Заюково
Одно из «колен» шахты-пещеры

она выполнена из бетона, а сами блоки отливались с использованием пластичных форм с последующим укладыванием их в деревянную (щитовую) опалубку.

Немало сторонников и у так называемой «пластилиновой» технологии, при которой камень с помощью неизвестной ныне энергии, действующей на определенной частоте, размягчался (приобретал желейность), а после установки затвердевал.

Версии эти вызваны тем, что при ручной механической обработке камня, не позволяющей получать идеально ровные поверхности, качественную кладку осуществить невозможно, то есть зазоры как таковые должны были остаться. В нашем случае их нет. Но если возраст стены многотысячелетний, то камень, в силу определенной пластичности, присущей любым твердым материалам, мог заполнить стыки, заполнив со временем зазоры.

Следовательно, если шахта над селением Заюково имеет искусственное происхождение, то люди, ее соорудившие, обладали неизвестными нам технологиями обработки камня и механизмами (а скорее, опять же технологиями, причем, вероятнее всего, гравитационными) доставки и установки каменных блоков.

Но стоит ли отбрасывать версию природного происхождения шахты-пещеры? Она сложена из туфа, а это, напомним, горная порода, образовавшаяся из вулканического пепла при извержении вулканов. В работе «Природные ресурсы Кабардинской АССР» (1946) читаем: «Пеплы и туфы образуют в Кабардино-Балкарии поверхность всех водоразделов в бассейнах рек Нальчик, Кенже, Шалушка, Каменка, Чегем и Баксан, распространяясь на территории шириной более 30 км. Наибольшая мощность туфов отмечается в центрах их извержения – так у Каменки высота обрывов каменных пород достигает 50 метров, а на горе Хара-Хора у селения Заюково уже 150–200 метров».

Исследованиями туфового пласта на Кавказе занимался известный геолог Владимир Павлович Ренгартен (1882–1964), согласно данным которого «конгломераты, относящиеся к апшерону (красные песчано-глинистые осадки с конкрециями сферосидерита), кверху постепенно обогащаются туфовым материалом и затем переходят в сплошные туфы».

«...У селения Заюково подобные конгломераты налегают на прослой туфа. ...В некоторых частях туфового тела имеются совершенно не сцементированные пепловые разности, что наблюдается в районе между селениями Заюково и Баксангэс... для которых характерна ясная слоистость туфа».

Возможно ли, опираясь на сказанное выше, утверждать, что найденное в этих местах отверстие, ведущее на глубину в десятки метров, создано природой? Да, утверждает нальчикский геолог Вера Давиденко, убежденная, что природе по силам все: «Туф заюковского участка представляет собой скопление продуктов выброса вулкана – пепла, обрывков лавы, вулканического стекла и, в небольшой степени, обломков пород, слагающих стенки кратера. Материал выброса при накоплении был горячим и поэтому при застывании образовались трещины отдельности – то есть весь туфовый массив оказался как бы разбитым на блоки. Углубление, обнаруженное в районе селения Заюково, представляет собой одну из таких трещин гравитационного отрыва, для которой характерны ровные поверхности соприкосновения».

Коль так, то заюковская трещина не может быть единственной. Руководствуясь этим, мы начали поиски похожих объектов. И безрезультатно. Уже в первые дни после публикаций о шахте-пещере на нас вышел нальчанин Сергей и сообщил, что несколько лет назад в самом конце нальчикских садов, что за телевышкой, на одной из возвышенностей он наткнулся на подземный вертикальный вход, уходящий на не менее чем двадцатиметровую глубину. Именно такой длины у него оказалась веревка, которую он, привязав к ней камень, спускал вниз.

Дважды мы выезжали на указанное Сергеем место, в том числе и с ним, но шахту так и не обнаружили: с годами ландшафт несколько изменился,

вход наверняка оказался засыпан землей, сползающей под воздействием осадков с возвышенности.

Но включенные в орбиту поиска энтузиасты посоветовали нам обратить внимание на туфовый массив, расположенный в верховьях пригородного поселка Звездный. И не раздумывая, взяв в попутчики человека, сохранившего память об этих местах из детских лет, когда он неоднократно лазил по подземным ходам, уходящим внутрь хребта, мы двинулись в путь.

Звездный, как известно, – это бывший военный городок Нальчик-20. И хотя сейчас стал он обычным открытым поселком, все здесь по-прежнему держится на военных, посвящено их проблемам и нуждам. Места тут удивительно красивые, особенно летом. Все в зелени лесов – они густые, мало пропускают влагу. И даже если только что прошел сильнейший ливень, тропинка не хлюпает от грязи, отойдешь же в сторону – на ковре из прошлогодних листьев сухо и тепло.

Несколько часов шли по дороге, некогда, в советские времена, пролежавшей по гребню, ибо наш гид помнил, что один из подземных ходов находился от нее буквально в пяти шагах. Но за прошедшие десятилетия дорога заросла, более того, в ряде мест исчезла совершенно, а все вокруг настолько изменилось, что ориентировка на память прошлого потеряла всякий смысл.

Туфовый разлом в окрестностях Нальчика

Тем не менее вскоре удача нам улыбнулась. Оказалось, всего лишь надо внимательно смотреть по сторонам и обратить внимание на облачки пара, струящиеся из земли, ставшие заметными по той причине, что день был зимний, температура минусовая.

Подойдя ближе, мы обнаружили, что пар поднимается из отверстий в туфовом гребне. Два из них оказались достаточно глубокими, что выяснилось после того, как был осуществлен спуск, в котором пришлось задействовать альпинистское снаряжение. Более того, в них имелись уходившие в разные стороны ответвления, правда, настолько узкие, что проникнуть в них оказалось практически невозможно. Но визуальный осмотр свидетельствовал: стены «подземных ходов», также как и в Заюково, представляют из себя блоки (отдельности) различной величины и формы. По большому счету перед нами и воочию предстали трещины гравитационного отрыва в их классическом виде.

Другой вопрос, что люди, первыми обнаружившие эти природные сходы, могли использовать их в каких-то своих целях. Ведь в отличие от заюковской шахты-пещеры, температура в которой до расконсервирования держалась на одном, достаточно низком уровне (примерно, шесть градусов тепла), в «шахтах» Звездного она была куда выше, чем наверху: почти двенадцать градусов выше нуля, что и создавало эффект парообразования. Находясь внутри скального гребня на достаточно небольшой глубине (около

десяти метров), мы чувствовали себя более чем комфортно – сбросили даже куртки. А когда поднялись наверх, ощущение было таким, словно из парилки или, по крайней мере, жарко натопленной комнаты, мгновенно оказались на суровом жгучем морозе. Хотя температура, повторимся, была в это время на поверхности лишь слегка минусовой.

В этот раз свидетельств проживания или нахождения людей в подземных катакомбах мы не нашли, но надежды не теряем: ведь, по свидетельствам очевидцев, таких спусков-проходов в верховьях поселка Звездный множество.

Вход в шахту в окрестностях Нальчика

ЗВЕЗДНЫЕ «КРЕПОСТИ» ИЗ МЕГАЛИТОВ

Занимаясь поисками трещин гравитационного отрыва в туфовых массивах, залегающих выше поселка Звездный, которые могли использовать для своих нужд люди, мы встретились с интересными людьми – Андреем Беловым и его супругой Наташей, большими любителями гор и всего, что с ними связано.

В разговоре выяснилось, что в годы перестройки Андрей, бывший офицер, как и многие армейские люди, остался не у дел: воровать не мог, обижать не хотел, жертвовать принципами не желал. Демобилизовался, работу не нашел. Но жить-то на что-то надо – занялся домашним хозяйством: стал разводить коз. Неприбыльным и хлопотным оказалось дело: с утра до вечера на косябе да выпасе. Так что истоптал вокруг поселка чуть ли не каждый уголок – все тропинки исходил, любую лошину знает, на каждую горку поднимался. Видел немало занимательного, пригласил и нас ознакомиться с необычными объектами – крепостями, как он выразился, сооруженными из мегалитов.

Мы воспользовались приглашением.

Но вначале напомним, что мегалиты – это огромные каменные глыбы (необработанные или с минимальной обработкой), используемые для сооружения различных объектов. К ним, в частности, относятся древнейшие архитектурные сооружения доисторических (дописьменных) обществ. Соорудившие эти памятники культуры так и называют – мегалитические.

На этом и остановимся, так как к мегалитам и мегалитическим сооружениям современные исследователи относят достаточно большую группу строений. Скажем только, что общей характерной особенностью мегалитов являются каменные глыбы, плиты или блоки весом в десятки, а то и сотни тонн.

...По тропинке, которая обходит стороной военное стрельбище, громящее от автоматных очередей, уходим влево от аккуратного, утопающего в цветах домика Беловых.

Тропинка с каждым шагом набирает разбег: вначале медленно петляющая из стороны в сторону, она все больше заостряет угол подъема, а потом буквально взмывает ввысь, заставляя в иные моменты хвататься руками за ветки деревьев и кустарники.

Вот и наша первая остановка – дорогу преграждает необычный камень. Камень этот – высотой чуть более полуметра, а диаметром полтора метра – действительно создает впечатление о том, что к нему прикасались

«Мельничный жернов»
в окрестностях Нальчика

руки человеческие. Во-первых, его внешняя поверхность идеально ровная, словно сточенная. Во-вторых, точно посередине имеется отверстие – такое же, как в мельничном жернове, но не сквозное, а глубиной около двадцати сантиметров.

Сказать что-то более определенное весьма затруднительно: дело в том, что от камня осталась только половина. Природа, конечно, великолепная мастерица, но почему-то мало верится, что она, а не руки человеческие создали этот «мельничный» (выразимся так) жернов. Рядом с камнем протекает ручей, и это еще один плюс в доказательство версии причастности человеческих рук к обработке великана. Только что могла делать мельница на этой горе в пяти километрах от ближайшего поселения?

Кстати, у местных жителей она носит негласное название «Пик-1», что, без всякого сомнения, пошло от военных. На карте гора никак не обозначена, лишь стоит цифра – 1000 метров. Это ее высота. Примерно такую же показал и наш высотомер.

Пик этот выделяется среди других. Он и расположен отдельно от них – такая кругленькая «пампушечка», которой словно предназначено служить сторожевым холмом, а может, и крепостью.

Удивительно, но, поднявшись наверх, вдруг обнаруживаешь действительно крепость, словно венчающую гору. Сложена она из огромных камней, узких, длиннющих – десять и более метров, поставленных на попа и плотно примыкающих друг к другу. Причем некоторые из них столь ровные, что напоминают обработанные блоки – прямой угол и с боков и снизу. Пик выложен такими мегалитами в основном с южной стороны. Более того, имеются даже своего рода наблюдательные площадки, с коих можно обозревать окрестности.

Ощущения, конечно, потрясающие – создается впечатление, что мы как будто парим над окружающей местностью, глядим на нее из поднебесья,

созерцая все вокруг на огромном многокилометровом расстоянии. Еще более усиливает этот эффект вид города: Нальчик, расположенный далеко в низине (в котловине), – с вершины как на ладони.

Огромные камни выстроены в ряд по периметру пика – где на относительно равном расстоянии друг от друга, где – вплотную друг к другу. И практически всюду они отвесно уходят вниз, делая подступ к горе с этой стороны практически невозможным.

Андрей предполагает, что в этой выкладке имеется какой-то смысл, что вовсе не случайно великаны положены друг на друга – более того, примыкают столь плотно, что между ними не просунешь даже лезвие ножа.

Что здесь было в далекие времена и было ли что, сказать трудно. При всем нашем богатом воображении считать означенный объект крепостью было бы слишком большим допущением. А главное – с какой целью и зачем? И не менее важно – с помощью каких механизмов и сил?

Впрочем, здесь можно было бы порасуждать о том, что жившие в древности обладали иными, чем мы, возможностями. Ливанская легенда гласит, что люди умели передвигать огромные глыбы... взглядом. С этой целью отбиралась группа лиц, энергию которых объединял старший. Люди, со-

средоточив свои взгляды на каменной глыбе, добивались того, что мегалит начинал перемещаться.

Сохранились также описания того, как тибетские монахи, под звуковое сопровождение барабанов, поднимали вверх огромные камни, становящиеся в этот момент невесомыми.

Но тогда, скажете вы, нарушаются законы гравитации, что в нашем мире невозможно. Это правда, но правда сия не позволяет ответить на вопрос, каким образом древние египтяне, строители пирамид, передвигали многотонные каменные глыбы, а жители острова Пасхи – каменных истуканов; как возводились мегалитические сооружения древней Мексики...

Да зачем так далеко ходить? Ученые до сих пор не могут понять, каким образом уже в наше время один человек – латыш Эд Лидскалнинш (1887–1951), приехавший в начале прошлого века во Флориду (США), смог соорудить каменное чудо, названное им «Парк с вратами судьбы». Он построил из многотонных коралловых плит сад камней. Достаточно сказать, что блоки, каждый весом под 30 тонн (вдвое больше, чем вес блоков в пирамиде Хеопса), он, спускаясь к морю, вытесывал и доставлял по ночам на достаточно неблизкое расстояние. Более того, и работал в основном по ночам, при свете фонаря. Стоит сказать и о том, что у строителя парка не было инструментов – практически никаких технических приспособлений, даже машины; не пользовался он и электричеством. Кстати, при росте 152 см весил 45 кг, страдал прогрессирующей формой туберкулеза. Общий же вес созданного им в одиночку сооружения превышает 1100 тонн!

После смерти строителя появились очевидцы, утверждающие, что видели, как коралловые глыбы плыли по воздуху, занимая на земле с идеальной точностью отведенные им места. Но можно ли им доверять, вот вопрос. Сам Эд как-то проговорился, что раскрыл секреты египетских строителей. В этом уверен и исследователь Кристофер Данн, автор книги «Тайна Кораллового замка»: «Есть только один человек в мире, на собственном примере доказавший решение тайны возведения египетских пирамид! Но человека этого уже нет на свете».

Другие ученые убеждены, что латыш строил свой парк с помощью магнитной энергии Земли, которую он смог, выразимся так, приручить.

Но вернемся к «крепости» над поселком Звездный. И, будучи реалистами, скажем, что в нашем случае только природе под силу ворожать такие махины и сооружать столь замысловатые сооружения. Тем более если вспомнить, что совсем недалеко от нашего объекта – надо преодолеть всего несколько небольших хребтов – пролегает Чегемское ущелье с его знаменитым садом камней, по правую сторону от селения Нижний Чегем. А далее и не менее знаменитый Лашкутинский сад камней. То есть перед нами одна каменная гряда, протянувшаяся на десятки километров.

О том, как оказались эти камни положены друг на друга, стоит только гадать. Какую-то ясность в этот вопрос может внести внутренняя структура каменных монолитов. Ее прекрасно можно рассмотреть в небольшой пещере, имеющейся в горе. Видно, как сверху стекала вода, находя лазейки и дыры, обтекала монолиты, придавая им весьма необычную форму.

Ежевика, которой заросло все вокруг, спустила со скалы свои длинные побеги, и пещера оказалась прикрыта густым, не пропускающим ветер и влагу зеленым пологом. Здесь можно и отдохнуть, переждать непогоду. Здесь находят себе временный приют дикие звери – во всяком случае лежка кабана имеется.

Пик-1 – первый из трех подобных, расположенных в этих местах. Другие еще более величественны, еще более напоминают крепости, схожие... – здесь приходит на ум тоже весьма некорректное сравнение – с приемными антеннами, нацеленными в космос. Только опять же вопрос: кто посылал сюда сигналы и кто их принимал?..

Места эти, ранее посещаемые весьма часто, ныне практически пустуют, заброшены. Заросли тропинки, которые то и дело преграждают поваленные деревья, бурелом. А ведь отсюда до города каких-то полчаса езды на машине да полтора-два часа пешком.

Мегалиты поселка Звездного застыли в ожидании лучших времен, но наступят ли они? И если наступят, то какие сигналы – из космоса? с земли? – разбудят их...

Андрей Белов, краевед

«ЗАМКИ», ВОЗВЕДЕННЫЕ ПРИРОДОЙ

Северный склон Эльбруса всегда привлекал внимание ученых: именно отсюда взойшли на вершину первые покорители снежного великана из состава знаменитой экспедиции Эммануэля; академик Г. В. Абих в 1874 году опубликовал в Тифлисе работу «Краткие сведения о некоторых малоизвестных минеральных водах на северном склоне Кавказа»; ученый А. П. Герасимов, автор целого ряда научных работ («Исследования на северном склоне Эльбруса», «Северо-восточное подножие Эльбруса», «Отчет об исследовании водораздела между Малкой и Муштом»), описал последствия катастрофического селя 1911 года, перекрывшего находящиеся здесь минеральные источники. Именно с последними связывают известность этого места, закрепившегося в обыденном сознании как Джилы-су.

Один из авторов этих строк впервые попал туда в семидесятых годах прошлого века, когда, будучи сотрудником газеты «Советская молодежь», вместе со старейшим фотокорреспондентом республики Леонидом Пузенко выехал к животноводам, находящимся в летний период в урочище.

Скрашивал тяжкую (без всякого преувеличения) дорогу лишь рассказ Леонида Ивановича – человека колоритнейшего, скорого на подъем, не знавшего в свои немалые годы усталости и исходившего (именно так – не объездившего) буквально всю Кабардино-Балкарию вдоль и поперек.

На слова Леонида Ивановича был скуп (за него говорил фотоаппарат), а тут его остановить было невозможно – рассказ старожилы республики о Северном Приэльбрусье звучал словно песня. Именно тогда удалось познакомиться с этими необыкновенными местами и увидеть своими глазами многочисленные нарзанные источники, буквально в считанные дни освобождающие организм от шлаков; искупаться в не менее знаменитом Серебряном источнике, возвращающем интерес к жизни; лицезреть Поляну грибов и Ущелье песчаных замков...

...Если подняться чуть выше источников, то откроется потрясающей красоты вид на долину реки Малки. Сбоку располагается балка Кала-Кулак, более известная у туристов под другими названиями – «Ущелье замков», «Долина замков»: экзотические каменные пирамиды действительно напоминают замки самой причудливой формы.

Если глядеть на них с расстояния в несколько сотен метров, то складывается впечатление, что перед тобой рукотворное произведение. Так

Долина «замков» в Северном Приэльбрусье

рельефно выточены сами конусовидные «замки», проглядывающие (в большей степени – зрительно дорисовываемые) сторожевые башенки, а то и (правда, здесь воображению надо дать разыграться вовсю) силуэты стражников, охраняющих покой своих незримых хозяев.

«Замки», выстроившиеся на гребне рядами, похожи только на первый взгляд: даже их абрисы (очертания) разнятся, не говоря уже об индивидуальных особенностях.

Трудно поверить, что так изысканно и виртуозно может творить невидимый скульптор, которым многие туристы считают ...ветер. Исходя в данном случае из того, что процесс «сооружения» подобных объектов называется выветривание. На самом деле это известное заблуждение и ветер к данным процессам никакого отношения не имеет, а разрушение горных пород происходит под влиянием совершенно других причин, а именно: солнечной радиации, воды, воздуха, жизнедеятельности организмов.

Обратившись к соответствующей справочной литературе, уточним, что к числу «экзогенных геологических процессов» относится, в первую очередь, цикл процессов, начинающийся с разрушения горных пород и завершающийся формированием новых горных пород из продуктов разрушения. Происходят эти процессы на земной поверхности и обусловлены действием

солнечной энергии и силы тяжести. Приходя в контакт в поверхностной части Земли с атмосферой, гидросферой и биосферой, горные породы, ранее находившиеся на глубине, подвергаются изменению своего состояния, нарушению сплошности и, наконец, разрушению на мелкие частицы.

Все этапы в цикле экзогенных процессов имеют свои специфические названия, которые здесь нет смысла приводить. Скажем только, что на начальном из них – выветривании – действуют так называемые агенты: определенные вещества, объекты и явления (солнечная радиация, вода, атмосферные газы, иные химические реагенты, живые организмы, деятельность человека), воздействие которых на горные породы приводит к разрушению последних.

В зависимости от набора агентов и характера воздействия, выделяются три типа выветривания: физическое, химическое и органическое (биоген-

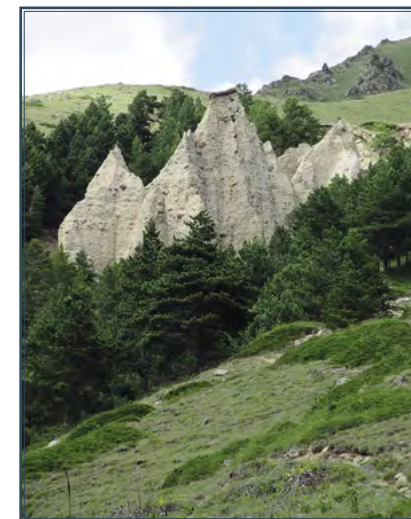
ное). В нашем случае можно говорить о преобладании первого из них – физического выветривания. Ведущий агент, вызывающий его, – солнечная радиация, а основной фактор – температурные колебания, возникающие в результате ее воздействия. При нагревании любая горная порода расширяется, при охлаждении – сжимается. В результате образуются трещины, в последующем – распад горной породы. Интенсивность происходящего зависит как от особенностей состава и строения выветриваемых горных пород, так и от сочетания внешних условий. В частности, климата. Наиболее благоприятен для развития физического выветривания климат с резкими температурными контрастами, в особенности с большими суточными перепадами температур. Именно такой в Северном Приэльбрусье, где случаются перепады дневных и ночных температур в десятки градусов. Мы сами были свидетелями того, когда термометр в половину четвертого утра показывал минус 20, а в полдень плюс 23 (правда, на солнце).

Имеет также свое значение рельеф (все «замки» расположены на крутых склонах), структура горной породы – размер в ней минеральных зерен. В нашем случае они достаточно крупные – откуда значительные колебания объема каждого зерна, ускоренный процесс дезинтеграции.

Одним словом, факторов много. Даже окраска имеет значение, так как темная горная порода под воздействием солнечных лучей нагревается сильнее, отчего подвержена большим колебаниям температуры и объема. «Замки» в Северном Приэльбрусье, как известно, сложены из темных горных пород.

Впрочем, мы слишком углубились в геологические реалии. Но о них здесь даже не хочется вспоминать: так завораживающе притягательно зрелище нерукотворных «замков». Именно поэтому так много людей созерцают их часами, пытаясь выгадать что-то, открывающееся только им одним, в остроконечных контурах...

Джилы-су не единственное место, где имеются подобного рода объекты. Такие же точно можно наблюдать в ущелье Ирик, до которого

Песчаные «замки» в ущелье Ирик

можно добраться, если у поселка Эльбрус свернуть направо и с час (в зависимости от степени подготовленности) идти по достаточно крутой, но найденной тропинке.

Ирик на балкарском языке означает «баран-валух» – животное, предназначение которого стать впоследствии шикарным шашлыком: нежным, воздушным, буквально тающим во рту. По одной из версий, именно этим отличались бараны, откормленные в означенном ущелье.

А по другой – в основе названия тюркское слово *ырык* – «свобода», «воля», то есть за баранами никто не присматривал, и они паслись здесь без присмотра пастухов. И тогда Ирик – «ущелье, где свободно паслись бараны-валухи».

Баранам-горопокорителям, достаточно опытным и бесстрашным, самостоятельно отсюда выбраться действительно сложновато: дорога от поселка все время круто идет вверх, приходится взбираться на такие кручи, что дух захватывает. Где-то внизу грохочет речка, до нее как будто далеко, но одно неверное движение – тропа частенько стелется над самым краем обрыва – и это «далеко» преодолеешь за какие-то мгновения, только, естественно, в положении катящегося бревна, и маловероятно, что в сознании, а уж без здоровья – несомненно.

Но падать, право, не стоит: песчаные замки поражают своим величием и ажурностью, нарзаны – а их здесь несколько и бьют они из-под земли тоже в весьма недоступных местах – непередаваемым вкусом, зелень полян, уходящих вправо под отвесным углом, – своей чистотой и нежностью. А уж если вы доберетесь до бокового ущелья, называемого Ирик-чат, – небольшой долины, окруженной с трех сторон возвышенностями, то будете воистину вознаграждены – вид отсюда потрясает. Ирик-чат будет приходить к вам в сны, заставляя вновь и вновь вспоминать о его красотах и таинствах. Впрочем, так же, как и «замки» Северного Приэльбрусья.

Останцы в окрестностях Кум-Тюбе

НЕРУКОТВОРНЫЕ МОСТЫ

Вот уже полтора десятилетия, из года в год, мы проводим почти полгода – май, все летние, сентябрь-октябрь – в поездках по Кабардино-Балкарии. Казалось, за это время всю республику можно было обойти вдоль и поперек, но тот, кто так думает, – ошибается. Несколько лет назад мы составили примерный список того, где хотели бы еще побывать, но со временем перечень этот не сократился, а наоборот – увеличился: местные жители спешат поделиться тем, что наблюдали, чему сами были свидетелями, о чем слышали от своих родителей, рассказывают хабары, передающиеся из поколения в поколение. Сколько же малодоступных ущелий, удивительных достопримечательностей, нехоженых троп нами еще не посещено, не увидено, не пройдено! И это ожидание нового, неизвестного, незнаемого радует и повышает тонус жизни: значит, страна чудес, которой мы считаем Кабардино-Балкарию, неисчерпаема.

Расскажем о малоизвестных объектах, достойных – по своей необычности и оригинальности – самого пристального внимания. Речь пойдет о каменных мостах, сооруженных самой природой.

Один из них в Северном Приэльбрусье – выше теплых источников, получивших название от урочища Джилы-су. Если перейти через мост и подняться к верховьям, откуда извергается с многометровой высоты знаменитый красавец водопад Султан, то взору открывается величественное нерукотворное произведение – узкий каменный мост. Смелчаки, спустившиеся к нему и более того – ступившие на как будто вибрирующее под ногами основание (это впечатление создается от мощи бурного потока реки, пробившей себе дорогу в узком мрачном каньоне), испытывают целую гамму чувств человеческих – от ярости, все сметающей на своем пути воды, от первозданности и величия наблюдаемого, от того, что ты над этой дикой бушующей внизу силой.

Одно из первых описаний этого природного чуда встречается в работе известного популяризатора путешествий по Кавказу Сергея Анисимова, побывавшего в наших местах сто лет назад, в августе 1913 года: «У самого большого из ледников Эльбруса Уллу-чиран один из самых оригинальных в мире мостов: между скалами из вулканических пород, стеснившими течение р. Малки, упал и застрял огромный обломок горы. Внизу бушует

и ревет Малка, а кругом ярко цветут синие генцианы (горечавки), белые ромашки, фиолетовые скабиозы и множество всяких альпийских цветов.

Малка, вырвавшись из вулканических скал, падает всем своим течением метров на 40 вниз. Вокруг водопада облако брызг, и в нем играют на солнце радуги. Немного ниже на зеленом горном мысу арбы, палатки, шалаши из ветвей. Под скалами и в пещерах люди. Это курортный лагерь вокруг известного «Горячего нарзана», рождающегося в неостывших еще лавовых массах Эльбурса. У берега реки обложен камнями небольшой водоем-купальня. В нем «кипит» нарзан и целым потоком выливается через край. Это и есть знаменитый «Горячий нарзан» с температурой +23° по Реомюру. Он известен еще по средневековым грузинским сборникам – «Карабадини».

Здесь мы прервем цитату – она будет уместнее в рассказе о самих источниках, ибо достаточно подробно, с приведением необычных деталей, применением методик того времени рассказывает о функционировании одного из первых народных курортов на территории Кабардино-Балкарии.

И скажем: места здешние настолько необычны, что легенды рождаются прямо на глазах. Так известный мифотворец Александр Асов убежден, что «события ранней русской истории происходили на Северном Кавказе, где и располагались первые русские царства». Эта довольно странная версия воспроизводится им в целом ряде книг: «Атланты, арии, славяне», «Атлантида и Древняя Русь», «Древние арийцы, славяне, Русь», «Священные прародины славян», «Русколань: Древняя Русь», общий тираж которых составляет более пяти миллионов экземпляров.

Так вот, А. Асов называет наш «природный мост из обвалившихся скал... «Калинов мост». Тот самый «Калинов мост», на котором, согласно древним славянским легендам, драконы, стражи Нави, заступали путь героям». И, перейдя через «Огненную реку Смородина» (под ней подразумевается река Кызылкол – «Красная река»), «можно попасть в мир богов

Каменный мост в Северном Приэльбрусье

и духов». Спорить с этим трудно – мы, во всяком случае, ни тех ни других не увидели и даже не ощутили их присутствия, но вот со словами А. Асова: «Какое живописное место! Не только древним людям, но и нам оно представляется образом Иномирья, Нави», – согласиться можно вполне.

Кстати говоря, популяризатор древней истории считает, что на соседствующем с мостом плато – Ирахит-сырте располагался Ирий – рай, чье описание «имеется во всех священных книгах мировых религий». Довольно рискованная гипотеза, в подтверждение которой автор приводит доводы весьма наивные и некорректные. Впрочем, его можно понять: от красот и таинств здешних мест воображение зашкаливает.

...Еще один каменный мост находится за селением Кенделен – по дороге в сторону Канжола. Он чуть в стороне от трассы, ведущей на пастбища, и поэтому о нем мало кто знает, машины практически не останавливаются. И зря: здесь, право, стоит задержаться, потому что зрелище открывается глазу поразительнейшее. Между двумя скальными выступами лежит десятиметровая (по ширине) и двухметровая (по толщине) перемычка, под которой пропасть в пару сотен, если не больше (никто еще не додумался измерить), метров.

Далеко внизу лежит уходящее в обе стороны невероятной красоты ущелье – Тызыльское; крошечной ленточкой (что свидетельствует о глубине разверзшейся под ногами бездны) видится сверху пробившая каньон одноименная речка. А если к этому еще добавить, что само каменное основание достаточно узко (меньше метра) и неровно (посередине имеется небольшой перепад высот), то у многих ступивших на него поджилки буквально трясутся. Не так повернешься, оступишься, налетит неожиданный порыв ветра и – прости-прощай... Впрочем, до земли лететь достаточно далеко, есть время о многом передумать.

Назир Хапаев и Исуф Ульбашев, приведшие нас к этому чуду, рассказывают, что в детстве (а от него их отделяет уже полвека) кенделеновские (на тот момент – гунделеновские) мальчишки устраивали здесь соревнования на скорость: кто быстрее пробежит через мост. Лучшим это удавалось за пять секунд (учитывая и подходы к объекту). Более того, один из малолетних смельчаков (известно его имя – Ляля Настуев) поспорил со своими товарищами, что пройдет по мосту на руках. Но вот выиграл он спор или нет, неизвестно. Сам Назир также собирался проделать этот смертельно опасный трюк, но друзья отговорили.

Проверяли свое самообладание на мосту и взрослые. В народной памяти сохранился эпизод, когда в семидесятых годах прошлого века

гунделеновский табунщик Магомет Бечелов переехал мост верхом на коне. Очевидец этого Жамал Отаров, которому уже далеко за восемьдесят, рассказывает, что на середине моста конь неожиданно остановился, стал раскачиваться, переступать с ноги на ногу, и показалось, он вот-вот рухнет вниз.

Но всадник, которому деваться было некуда – и справа и слева пропасть – не потерял самообладания и смог заставить своего верного друга пройти до конца. Правда, сам впоследствии рассказывал, что теперь не может спокойно, как раньше, проезжать по тропинкам, выходящим над пропастью – все время тянет отвернуться в противоположную сторону.

Какие ощущения испытывал еще один житель Кенделена по фамилии Шаваев, также погарцевавший над пропастью, нам неизвестно. Но очевидцы утверждают, что и его конь остановился на середине моста.

Заминка, произошедшая с обоими животными, имела свою причину: дело в том, что прямо на середине перемычки перепад высот – своеобразная ступенька. Заставить себя преодолеть ее может не каждый и многие поворачивают обратно. Именно наличием ступеньки объясняется то обстоятельство, что женщины проходят по мосту сверху вниз (в сторону селения), а мужчины снизу вверх (в сторону пастбищ). В такой экстремальной обстановке первое (спуститься) кажется психологически более легким, чем второе (подняться).

Мы попробовали и то, и другое. Разницы особой не ощутили: и так боязно, и так. Главное, не сосредоточиваться на мысли, что под твоими ногами многометровая пропасть, и не смотреть по сторонам. А просто – раз уже решился – идти вперед. Или вообще не ступать на каменный мост – тогда однозначно ничего с вами не случится.

Но вид, открывающийся с него, действительно надолго западает в память. И Тишик-кая (дырявая скала в переводе с балкарского) еще долго-долго будет приходить в сны, вызывая, как и на джилюсуевском мосту, целый сонм чувств: страх, восторг, радость...

Еще один необычный природный мост находится за сел. Бедык с левой стороны.

Всем прочим, желающим зримо увидеть природный мост, мы предлагаем отправиться в местечко Актопрак, что расположено у начала одноименного перевала в Чегемском ущелье. Мостов, правда, глиняных, здесь не один и не два, они по-своему красивы и оригинальны, а главное, прогуляться по ним совсем не страшно.

ОКОЛЬЦОВАННЫЕ ГОРЫ

О горе Кольцо – природном памятнике в окрестностях Кисловодска – слышали многие. Из выпущенного нашим издательством в 2007 году «Каталога экскурсий» можно узнать, что расположена гора эта в долине реки Подкумок, на склоне Боргустанского хребта и представляет из себя сквозное отверстие, возникшее в процессе размыва осадочных пород мелового периода.

Стоит здесь же назвать и причину происхождения подобного рода объектов. Как объясняют геологи, «при речных размывах третичного периода желваки подмывались и выпадали из более мягких слоев, что привело к появлению многочисленных гротов». Один из них вода и ветер просверлили насквозь, что и дало повод людям называть песчаный мыс со сквозным отверстием горой Кольцо.

Мало кто знает, что таких «дырявых» гор в Кабардино-Балкарии множество. Расскажем о некоторых из них.

Если от бывшего аула Думала свернуть влево, обойти нижней тропинкой развалины другого балкарского аула Ачи (здесь, кстати говоря, сохранилась одна из саклей – почти нетронутая временем, она зримое свидетельство своеобразия архитектуры балкарского народного жилища, так глубоко и детально описанного в знаменитом труде Э. Б. Бернштейна), то мы попадем на Ачинский перевал.

Тропинка хорошо найдена, но идти по ней надо достаточно долго. Одолев небольшой перевал, на гребне следует свернуть влево и взобраться по достаточно пологому склону вверх, где и открывается взору необычная гора. Природа-скульптор потрудились на славу, пробив в скальном массиве почти правильной формы отверстие. Ветер, дожди и снега обточили, сгладили его острые края. Издалека гора эта чем-то напоминает одноглазого циклопа. Если же взглянуть под другим углом зрения, то создается ощущение, что перед тобой громадное первобытное животное, превратившееся в камень и застывшее навсегда.

На нижнюю площадку горы можно легко взобраться, если постараться, то одолеть и два-три метра, на которых и начинается само кольцо. Ощущения, скажем прямо, поразительные, зрелище – запоминающееся надолго. Тебя, стоящего у основания кольцевого скального гребня, окружает по

Каменные арки в ущелье Тызыл
 < Гора Кольцо за сел. Ачи. Чегемское ущелье

периметру каменная стена. Чувствуешь себя песчинкой, которую вот-вот оторвет и понесет вниз, в долину. И действительно, непонятно откуда взявшийся ветер начинает настойчиво подталкивать к краю. Свистит, гудит, выражая свое недовольство тем, что кто-то встал на его пути, посмел хоть чем-то воспрепятствовать вольному пролету воздушного странника сквозь каменное горло, столь любовно и тщательно обрабатываемое им тысячелетия.

...Похожий и не менее удивительный природный объект есть и в Тызыльском ущелье – одном из самых красивейших в Кабардино-Балкарии. Оно начинается сразу за селением Кенделен и ныне, в силу разного рода причин, практически не посещается людьми. Весьма благоустроенная еще несколько лет назад дорога то тут, то там обрывается, смытая селями, перерубившими ее каменными выносами. Перебираемся через них на машине словно каракатица, переваливаясь с одного камня на другой; где-то приходится воспользоваться и лопатой, так как не удастся протиснуться по узкому, промытому водой желобу. У водокачки с грунтовой дороги надо поворачивать вправо и ехать по той, что когда-то вела к сенокосным угодьям и кошарам.

Верховья Тызыла были труднодоступны даже в советские времена, когда скот держали в самых отдаленных уголках, а скашивался практически любой участок альпийских лугов. А что говорить о сегодняшнем дне, коль есть здесь места, где уже более десятилетия не ступала нога человека.

Каменные арки в ущелье Тызыл

Обветшали, рассыпались от времени и непогоды кошары, заросли крапивой выше человеческого роста проходящие рядом с ними дороги, а в других местах они (дороги), отступив под напором летней растительности, полностью исчезли, слившись с окружающим ландшафтом.

В сплошном море зеленых трав, скрывающих нашу немаленькую (двухметровой высоты) машину, ехать, скажем сразу, небольшое удовольствие: куда попадешь, с каким препятствием столкнешься – можно только гадать, но пешком по июльскому травостою далеко не уйдешь. Решаем рискнуть и все-таки попытаться добраться до интересующей нас гряды скал, в которых имеются сквозные отверстия.

Преодолевая серпантин за серпантином, в иные моменты зависая над обрывистыми склонами, мы огибаем один скальной выступ за другим, в надежде, что глаза, а в большей степени интуиция не подведут и мы не свернем с пробитой когда-то колеи, по которой вилась дорога.

За пару часов проехали всего какие-то десять километров. Поняв, что если будем продолжать движение на машине, то рискуем остаться здесь если не навсегда, то на несколько суток точно: поиски трактора, а самое

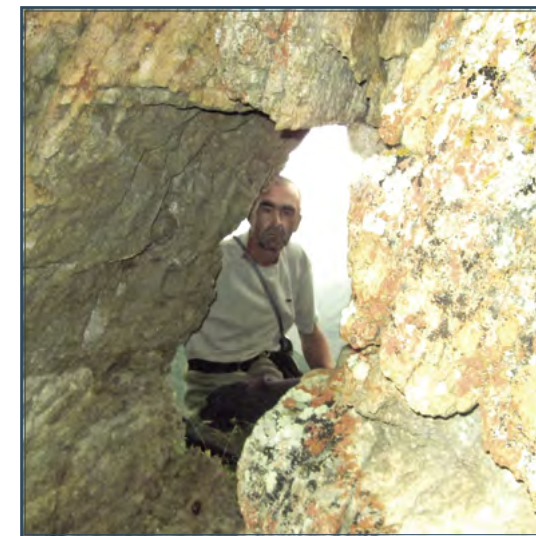
главное, доставка его в эти забытые человеком места – дело весьма непростое и дорогостоящее.

Сразу встал вопрос, как преодолевать эти чуть ли не километровые языки-каньоны? Обходить их по периметру, конечно, значительно легче, но тогда дорога по крайней мере утраивается, тем более что даже пробитые когда-то коровами тропки исчезли под воздействием природной стихии.

Спускаться вниз, пробивая, в прямом смысле слова, за неимением другого инструмента дорогу лопатой (тут в самый раз пригодились бы мексиканские мачете, но о них мы почему-то не позаботились), а потом подниматься наверх – дело не из простых, тем более держа в уме, что каждый спуск равен подъему. Остановились на комбинированном (исходя из ситуации) продвижении и, сопровождаемые яростными атаками мошары, проваливаясь в низинах по щиколотку в мочаки (заболоченные места), двинулись вперед.

Становилось понятно, почему люди выбрали эти места для поселения: недоступность – главное условие безопасности. Когда беда грозит отовсюду, когда посягательство на жизнь в порядке вещей, только отдаленность и скрытность обитания может служить хоть какой-то гарантией спокойствия. А о том, что здесь люди жили издревле и, без всякого преувеличения, тысячелетия, свидетельствуют земледельческие террасы. Как и многочисленные пещеры, вырубленные в скалах. Они настолько низкие (от полуметра и чуть выше), что вопрос о предназначении для проживания отпадает сам собой – это могильники, которые раньше были закрыты кладкой. Сейчас от нее не осталось и следов, как и от присутствия тех, чьи останки были замурованы внутри.

И, конечно, свидетельствуют сами жилища, ко-

Проем в скале в ущелье Кыртык

ими служили естественные пещеры, огороженные по краю рукотворной каменной кладкой. Поражает, какой невероятный физический труд потребовался для возведения столь массивных стен, да еще на такой высоте. Ведь расстояние от подножия до двух верхних пещер пятьдесят, а то и более метров. Следы ручной каменной кладки и связующего глиняного раствора однозначно свидетельствуют, что в них жили люди.

Место для обитания они выбрали, конечно, идеальное по безопасности: сверху добраться невозможно, снизу тем более; с боков – узкая тропка, местами обрывающаяся в пропасть (грохот случайно задевшего и устремившегося вниз камня мы слышали с минуту, если не больше, – он нигде так и не задержался). Мы сами в прямом смысле слова протискивались по краю скального выступа, держась за камни и траву левой рукой – чаще всего это была крапива, но, право, не до жжения, когда речь идет о жизни. Находящаяся же в правой руке альпинистская палка не находила упора, уходя куда как ниже человеческого роста. Думать о том, что будет, если оступишься или поскользнешься на подминаемых нами же жирных стеблях едкого, прожигающего кожу борщевника, право, не хотелось.

Но предстояло еще подняться на уровень самой верхней пещеры, так как именно там расположены интересующие нас объекты. Подойдя к ним, застываем, пораженные величиной и грандиозностью каменных проемов, выточенных ветрами и снегами за тысячелетия. При этом создавалось впечатление, что природа специально потрудились, дабы создать человеку идеальную площадку для предупреждения от возможной опасности. С нее Тызыльское ущелье просматривалось влево чуть ли не до самого начала; вправо виднелись замыкающие его скалы с заброшенными штольнями рудника поселка Солнечный; внизу ленточкой вилась речка и идентифицировались фрагменты дороги. Это действительно был идеальный наблюдательный пункт, предоставляющий шанс (прежде всего выигрыв во времени) оперативно спрятаться в жилищах-пещерах, убрать подходы к ним.

Еще одна гора-кольцо расположена в Кертыкском ущелье, но ее размеры не идут ни в какое сравнение с думалинским и тызыльским природными сквозными отверстиями.

Каменная арка недалеко от сел. Былым >

«КРАСНЫЙ СНЕГ» СВЕЯЩИХСЯ ЛАВИН...

Зимой в горах властвует один цвет – белый. Цвет снега. С ним соседствует темный – черный, коричневый. Цвет скал, на отвесных поверхностях которых не удержаться снегу. И если появляется какой-то другой – красный, к примеру, то это уже не цвет, а оттенок: рассветный отблеск на сверкающем снежном покрывале. Но был достаточно тусклый бессолнечный день, когда мы в верховьях Безенги впервые увидели красно-розовый снег. Он действительно был именно таким – арбузным и даже запах шел от него такой же, как от только что разрезанного кавуна.

Говорят, что при подобном зрелище у многих людей возникает, с одной стороны, ощущение ирреальности, а с другой – восторга, необъяснимого чувства прикосновения к чудесному. Не знаю, у кого как, но один из пишущих эти строки почувствовал определенного рода нерешительность. Ступать на такой снег было тревожно и боязно: казалось, что здесь совсем недавно произошла какая-то необъяснимая смертельная вакханалия и капли чьей-то живой крови легли тут и там на снежные пласты.

А ведь мы были в какой-то мере подготовленными к подобному зрелищу, более того, шли сюда именно за тем, чтобы увидеть «арбузный снег». Что тогда говорить о тех, кто впервые сталкивался с таким необычным явлением, об их чувствах от вида «кровавых пятен» там, где их не должно быть по определению.

У знаменитого английского горовосходителя Дугласа Фрешфильда в его «Исследованиях Кавказа» (1896), извлечения из которого выпущены нашим издательством, читаем: «Другой феномен, более распространенный на Кавказе, чем в Альпах, это «красный снег», который возникает благодаря небольшому периоду вегетации маленьких водорослей *Prodosoccus nivalis*. Исходя из моего опыта, это менее заметно в один год, чем в другие. Огромные площади ледовых поверхностей над ледником Безенги часто наблюдались с такой окраской».

Так что же такое красный снег? Еще знаменитый Аристотель в IV веке до н. э. в работе «Метеорологика» оставил описание феномена «красного снега», но понятно, что объяснения данному явлению не смог дать. Более того, на протяжении более двух тысячелетий оно вызывало вопросы у всех, кто сталкивался с ним.

Каких только объяснений не предлагалось: тут и атмосферные осадки, и упавшие с неба металлы, и химические щелочные реакции, и перелетные птицы... Удивительно, что всерьез рассматривающие последнюю версию обходили молчанием тот факт, куда подевались тушки этих самых птиц, обильно поливших своей кровью громадные снежные пространства.

А вот что писал (правда, не совсем по этому поводу) все тот же Д. Фрешфильд: «Обстоятельства разных происшествий, случившихся вследствие плохой погоды, вызывают интерес» и далее: многие исследователи считают, что «верховья ледников покрыты телами птиц в доступных для перелета местах, где они погибают в попытках преодолеть горную цепь. В июле путешественники натываются на скелеты уток, жаворонков и куропаток, и многих других, что едва ли узнаваемы. В сентябре синьор Селла встречал живых куропаток, но слишком слабых, чтобы избежать роковой клетки, в которой они оказывались. Эти наблюдения устанавливают факт, что мигрирующие птицы не перелетают, как предполагалось раньше, смело и даже вслепую, сталкиваясь со снежным препятствием в его наивысшей точке, а облетают хребет окольными путями».

Что касается красного снега, то только сравнительно недавно, в начале XIX века, наряду с неверными, возникло и правильное объяснение данного явления. Связано оно с экспедицией англичанина Джона Росса, целью которой было найти Северо-западный путь в Тихий океан.

Когда корабли экспедиции проплывали мимо Гренландии, капитан Росс обратил внимание на кроваво-красные потоки, стекающие по снежным склонам. Заинтересовавшись этим явлением, он распорядился отправить на берег членов экипажа, которые и собрали образцы красного снега. Понятно, что по пути в Англию снег растаял, но осталась жидкость темно-красного цвета, чем-то напоминающая вино, которую и принялись изучать ученые.

В том же 1818 году капитан Росс опубликовал отчет о своей экспедиции, сопроводив его ботаническим приложением, автором которого был шотландский ботаник Роберт Браун. Именно Браун первым высказал предположение, что причиной красного снега являются водоросли.

Красный снег

Так мы, не специалисты в данном вопросе, обратимся к научной литературе. «Снежные водоросли (*Chlamydomonas nivalis*) – это вид пресноводных зеленых водорослей. Термин *Chlamydomonas* относится к зеленым водорослям, а *nivalis* по-латински означает снег.

Основной пигмент снежных водорослей – хлорофилл, но помимо него они содержат красный каротиноидный пигмент, который защищает их от радиации и ультрафиолетовых лучей, а также поглощает тепло.

В отличие от большинства пресноводных зеленых водорослей, снежные произрастают в холодной среде. В течение зимних месяцев они скрыты снегом, а весной и летом получают от обилия света и таяния снега толчок к зарождению. Более того, красный каротиноидный пигмент, содержащийся в них, поглощает тепло, заставляя такой снег таять быстрее, чем обычный. Процесс развития становится быстрее, становясь причиной высокой концентрации цветения снежных водорослей. Это цветение видно в течениях, участках или глухих отверстиях красно-розовой расцветкой, когда водоросли разрастаются до поверхности снега. Потом, когда питательные вещества окружающей площади исчерпываются, снежные водоросли создают толстостенные ячейки, которые остаются спящими, до тех пор пока весна и лето не возродят цикл заново.

Снежные водоросли обычно находятся в горных и полярных областях. В одной только Северной Америке более 60 подвидов *Chlamydomonas nivalis*. В некоторых областях, например на возвышении Сьерра Невада в Калифорнии, цветение снежных водорослей настолько огромно, что достигает 10 футов (около 3 м) в глубину в снегу. Одна чайная ложка цветущих водорослей может содержать миллион ячеек снежных водорослей, каждая из которых 25–30 микрометров (1 микрометр=0,001 мм) в диаметре».

Действительно, горы Сьерра-Невада в конце весны, когда появляется «арбузный снег», привлекают альпинистов со всего мира. Зрелище это необыкновенное. Многие им настолько поражены, что машинально, а то и сознательно, употребляют снег вместо мороженого. Тем более что он так напоминает подобный деликатес, приготовленный из арбузного сока. Честно скажем, «безенгиевское мороженое» не вдохновило нас на подобный подвиг. Кроме того, вспомнилось, что постоянными потребителями данного вида водорослей являются отнюдь не люди, а снежные черви и блохи.

Но, как известно, на вкус и цвет товарищей нет: водоросли – важный источник питания, тем более, когда у них такой необычный вид...

Встречается у Д. Фрешфильда описание еще одного явления в горах Кабардино-Балкарии – речь идет о так называемых светящихся лавинах:

«Они (говоросходители. – *Авт.*) могут увидеть многие странные явления во время своего пребывания среди ледников. Звездный покой ночи будет взрываться падающими ледниковыми глыбами, и их падение станет видимым внезапным сверканием бесчисленных искр.

Такие светящиеся лавины были засвидетельствованы синьором Селла, мистером Донкиным и другими путешественниками. Синьор Селла в поисках научных объяснений этого феномена делает ссылку на опыт наблюдателей на пике Пайка в Колорадо и на свой собственный – в бурю в одной из хижин на Монте Роза. Кажется, что в определенном состоянии атмосферы трение снега и града в состоянии производить этот любопытный феномен».

А вот какую информацию мы почерпнули из книги «100 великих рекордов стихий»: «Для того чтобы изучать какое-либо природное явление, надо исследовать его там, где оно наблюдается наиболее часто. Таким полигоном для будущего академика Е. Фёдорова стали горы, и в частности Большой Кавказ и Эльбрус, а временной лабораторией – известная всем горнолыжникам и альпинистам страны алюминиевая «бочка» «Приюта одиннадцати» на склоне Эльбруса на высоте около 4200 метров. Пройдут годы, и Фёдоров станет организатором Высокогорного геофизического института в Нальчике, где будут сосредоточены основные исследования по физике гор. В конце 1940-х никакой «канатки» еще не было, и до «Приюта одиннадцати» будущий академик с товарищами в полном альпинистском снаряжении вынужден был подниматься пешком. Путь был долгим и трудным, и однажды на подходе к «Приюту» их застала гроза. Солнце ушло за хребет, и в горах начало стремительно темнеть.

Грозовое облако было еще на подходе, но люди ощутили покалывание во всем теле многочисленных иголок, а когда один из них снял шапку, волосы у него на голове встали дыбом, образовав светящийся синеватый нимб. Другой, продолжая восхождение, зачем-то поднял над головой ледоруб острием вверх. Раздалось громкое жужжание, и на металлическом острие вспыхнул огненный факел. Затем звук стал громче и пронзительней, а факел начал стремительно вытягиваться вверх, превратившись в огненный меч. «Брось ледоруб!» – успел за секунду до этого крикнуть то-

«Арбузный снег»

варищу Евгений. Испуганный парень отбросил его в сторону, и ледоруб заскользил по крутому склону вниз. И в ту же секунду в него ударила молния. Люди на какое-то время ослепли и оглохли, а парень, отбросивший ледоруб, был даже слегка контужен. На их счастье, разряд молнии был достаточно слабым, поэтому всё обошлось без серьезных последствий».

И далее автор Н. Непомнящий пишет о связи световых феноменов с лавинами: «На Памире есть места, где довольно часто сходят мощнейшие лавины объемом несколько сотен тысяч и миллионов кубометров снега. Гляциологи, наблюдавшие ночью сход таких лавин, сообщают о феерически светящихся облаках снежно-воздушной массы, пронизанных миллионами крошечных молний».

Лавины из слежавшегося снега ведут себя более спокойно. Если в горах наблюдатель ночью вдруг замечает длинную горизонтальную молнию, возникшую прямо на горном склоне, это значит, что произошел разрыв снежного пласта и вниз по склону уже скользит относительно монолитная масса плотного снега. Вторая вспышка света, еще более яркая, возникает при ударе этой массы о дно ущелья.

На Эльбрусе во время сильной низовой метели не раз наблюдали светящиеся снежные облака. Это явление возникает при трении движущихся под действием ветра снежных масс о поверхность ледника. Свечение лавин и горных метелей прекращается, как только снег начинает сходить по оголенному склону, то есть механизм свечения объясняется трибоэлектрическими явлениями в снежно-ледяной среде («трибо» – трение)».

К сожалению, в отличие от красного снега природа светящихся лавин, ряда других явлений, в частности, такого редкого, как «Меч Нибелунгов» – яркого светового луча, уходящего с гор вертикально вверх (осенью 1985 года подобный луч над одной из вершин Эльбруса наблюдали в течение 20 минут новосибирские альпинисты), остается по-прежнему неразгаданной...

ПЕЩЕРА, НАПРОТИВ КОТОРОЙ ТАНЦУЮТ КАМНИ

В разговорах с жителями селения Заюково мы неоднократно слышали о том, что здешние верховья – поистине кладезь разновременных памятников, требующих осмысления и изучения. Рассказывали нам о рукотворной пещере, вход в которую столь тщательно замаскирован, что его невозможно найти. О вертикально установленных камнях, которые в народе прозвали «танцующими» – стоящие друг против друга, они чем-то напоминают танцующую пару. О многочисленных могильниках, расположенных чуть ниже массива Хара-Хора и являющихся воинскими захоронениями.

Обнаружить последние помогла случайность. В июле 2013 года пресс-служба МВД по КБР распространила сообщение о том, что в восьми километрах от сельского поселения Заюково, в северо-западном направлении от пепельного карьера обнаружено захоронение человеческих останков. При осмотре выяснилось, что скелеты находятся в горизонтальном положении, расположены строго в одном направлении, на одинаковой глубине и достаточно ограниченном, хоть и обширном участке, что позволяет делать вывод об одновременности погребения. Как и о том, что это не индивидуальные могилы, а общая. Причем не местных жителей, а пришельцев, скорее всего завоевателей: в захоронении полностью отсутствует погребальный инвентарь. Умершие были уложены рядами, засыпаны достаточно большим слоем глины, а сверху еще привалены камнями. На боковинах прослеживается слой золы, что говорит о ритуале сожжения.

Были высказаны предположения о времени захоронения (средневековые) и другие причины (заразные болезни), но они так и остались версиями – некрополь, к сожалению, до сих пор не изучен; более того – засыпан.

Виктор Котляров,
краевед

Что касается рукотворной пещеры, вход в которую расположен у подножия холма, то здесь нам повезло больше. С помощью егеря Ахмеда и местных жителей Анзора Кармокова и Мухамеда Маршенкулова нам удалось ее не только разыскать, но и побывать в ней. Пещера находится справа от дороги, ведущей на уже упоминаемый карьер. Расстояние до нее от селения незначительно, что косвенно свидетельствует: она была вырыта местными жителями и служила им скорее всего убежищем, помогавшим скрываться от захватчиков. (Погребальная версия не находит подтверждения в связи с полным отсутствием соответствующего инвентаря и человеческих останков.) Вход в нее действительно настолько незаметен, что мы, находясь в шаге от него, даже не подозревали об этом. Убрав же землю, увидели узкий круглый лаз глубиной с метр или чуть больше. В самом низу его имелся другой, прорытый под прямым углом и уходящий внутрь холма.

Включив налобный фонарик и особо не раздумывая о том, что может ожидать впереди, один из авторов этих строк полез внутрь. Оказалось, что после примерно метров шести-семи, которые надо было ползти на животе или в крайнем случае на коленях, вырытый в глине лаз расширяется, позволяя встать в полный рост. Проход не горизонтален, а идет с уклоном вверх, и через метров 15–16 заканчивается ответвлениями, уходящими вправо и влево, то есть пещера имеет Т-образный вид. Сами ответвления примерно такой же длины, как и проход, но значительно шире и выше. Один из боковых залов (выразимся так) заканчивается приступком, чем-то напоминающим широкое ложе. В стенах на определенном расстоянии друг от друга имеются выемки, предназначенные скорее всего для установки светильников или факелов, но при этом следы от копоты полностью отсутствуют. Сами стены вырублены каким-то орудием наподобие широкой кирки (от нее остались следы).

Поражает объем проделанной работы – в помещении спокойно может разместиться несколько десятков человек, а при особой надобности – сотня, а то и две. Ведь пещеру надо было не только оборудовать, что само по себе требовало грандиозных усилий, но и перенести выкопанный грунт на достаточно приличное расстояние, дабы ее не обнаружили те, от кого местные жители предпочитали скрываться.

Кто именно вырыл означенный вертеп – в понятии убогое жилище (представители какого племени или народа), в какие времена (однозначно, что ему не одна сотня лет), с какими целями (помимо возможности укрыться от врагов), еще предстоит ответить. Заюковский старожил Асламурза Гедгафов, которому в этом году исполняется 91 год, рассказывал, что впервые о пещере он узнал в 1939 году из разговора стариков Татыма

Т-образная пещера в районе сел. Заюково

Шогенова, Цацу Купова и Бахита Шомахова, которым о ней рассказывали отцы, а тем, в свою очередь, их родители.

Есть еще один нюанс, вызывающий вопрос: откуда поступал в пещеру свежий воздух, когда там находились люди? Ведь, судя по всему, проход, ведущий вниз, закрывался снаружи и, чтобы его не обнаружили, достаточно тщательно присыпался землей. Следовательно, должен был присутствовать дополнительный воздуховод, который скорее всего находился или вверху холма, или где-то сбоку. Но ни его самого, ни места, где он мог располагаться, мы так и не нашли, хотя искали тщательно. Вероятнее всего, он засыпан. Да и в самой пещере заметны беспощадные следы времени: глиняный свод и стены разрушаются, сползая вниз. Тем не менее и сегодня те, кто спустится под землю, станут свидетелями грандиозного памятника, сотворенного человеческими руками.

Что касается «танцующих камней», то, без сомнения, их соорудила сама природа. Найти этих, вызывающих неподдельный интерес, каменных истуканов нам помог бывший заюковец Хусей Кармоков. Оказалось, надо ехать в противоположную от Хара-Хоры сторону, где и расположен гребень с выступающими из него пирамидальными камнями. Их здесь множество, стоят они группами по два-три и больше. И один действительно воспринимается как танцующая пара. Ведь ветер, снега и дожди так об-

точили «фигуры», что издавлек они на самом деле напоминают силуэты мужчины и женщины. Это восприятие еще более усилилось в тот момент, когда ветер пробежался по деревьям (камни расположены среди них, более того – некоторые растут прямо из них). Ветки задвигались и вместе с ними истуканы пришли в движение – в какой-то момент показалось, что их движения напоминают те, что делают танцоры, плывущие в «кафе»...

Об этих истуканах также сложено немало легенд, одна из которых гласит, что под одним из камней имеется вход в пещеру, уходящую внутрь гребня. Само собой, в пещере спрятаны сокровища, которых, естественно, никто никогда не видел. Как и вход. Да и мы, сколько ни искали его, так и не обнаружили. Зато обратили внимание на идеально ровные края многих камней – казалось, их отрезали каким-то невероятно большим режущим инструментом. Но это не так. Просто данный хребет сложен из туфа – горной породы, образовавшейся из вулканического пепла. А для породы этой характерна ясная слоистость, трещины отдельности, разбивающие туфовый массив на блоки с ровными поверхностями соприкосновения.

Но это нисколько не умаляет сами «танцующие камни» – они, сотворенные великим скульптором – природой, как и пещера, к сооружению которой приложили руку люди, вызывают неподдельный интерес, желание увидеть, прикоснуться, ощутить время.

«Танцующие» камни

ЛЕДЯНЫЕ СТАЛАКТИТЫ, РАСТУЩИЕ ИЗ ЗЕМЛИ

Наша публикация о малоисследованной многоуровневой пещере в районе селения Бедык, перепечатанная многими российскими интернет-ресурсами, способствовала тому, что местные жители сообщили еще об одном схожем природном объекте, находящемся в данном районе. Наши добрые друзья Назир Хапаев и Исиф Ульбашев предложили изучить эту малоизвестную пещеру. И в один из солнечных дней 2014 года мы, взяв в проводники Камала Тилова, молодого главу администрации селения Бедык, тронулись в путь.

Идти как будто предстояло не так далеко – пещера располагается прямо над трассой, ведущей в Приэльбрусье. Что значит над трассой? В нескольких сотнях метров над ней, у подножия скального выступа, до которого можно добраться двумя путями: коротким, но сложным, и длинным, но более простым.

Решили пойти коротким, тем более что местные ребята утверждали: он преодолим даже без специального альпинистского снаряжения. Надо только в одном месте лишь перепрыгнуть с одного карниза на другой и дальше открывается прямой путь к пещере. Это словечко «перепрыгнуть» немного смутило, но возможность съэкономить не менее километра при подъеме по весьма отвесному склону весьма обнадеживала.

Правда, до тех пор, пока один из авторов этих строк не увидел этот самый карниз. По большому счету это был даже и не карниз как таковой, а крошечная (высотой с полметра или чуть больше) расщелина в скале, обрывающаяся посередине и продолжающаяся где-то через метр. Обрывающаяся, понятно, в пропасть.

На вопрос, как именно предстоит преодолеть этот самый метр над пустотой, прозвучало оптимистическое: надо доползти до обрыва, приподняться на колени, сосредоточиться и со всей силы прыгнуть вперед. Вот и все. На сакраментальное «А если не допрыгну?», прозвучало жизнерадостное: «Допрыгните!».

Тем не менее, эта уверенность не вдохновила нас. Более того, один из спутников, намеревавшийся проделать сей акробатический трюк, перед самой полочкой замедлил движение, а потом (под наше дружное «Возвращайся!») стал спускаться обратно.

...Длинный путь оказался никак не обозначен – даже козьей тропкой, а посему пришлось продираться сквозь колючие заросли, в волю поиздевавшиеся над нашими куртками да и лицами. Идти по-над скалой, то вплотную к ней прижимаясь, то балансируя на крутизне, пытаясь с наименьшими потерями преодолеть барбарисовые заросли, не самое большое удовольствие. Но и оно показалось таковым, когда мы уперлись в скалу, которую нельзя было обойти сбоку.

Чтобы продолжить движение, надо было подняться вверх метров на семь-восемь. Только вот как? Вспорхнуть не получалось. После долгих консультаций, пришли к общему решению: привязать к веревке камень и перекинуть его через нависающий выступ. Камень под собственной тяжестью опустится к месту, где находимся, и тогда двое будут держать один конец веревки, а один из нас, цепляясь за другой конец, поднимется наверх и подтянет за собой остальных. Как это не удивительно, но подобное действие закончилось удачно.

И вот мы над скалой, но до входа в саму пещеру еще достаточно далеко. Продолжать движение по тропке, проложенной в незапамятные (то бишь советские) времена – сохранились вбитые в стену остатки троса, а там, где его не смогли протянуть, – деревянные мостки, предательски заскрипевшие под ногами, – мы не рискнули. Что вылилось в лишние полчаса, а то и больше карабкания по кособогу, поросшему скользкой травой; дополнительные физические усилия и крамольные мысли: а стоит ли овчинка выделки? И поэтому когда раздался возглас одного из спутников, что пещера рядом, поверилось в это не сразу. Тем не менее сие оказалось так. Открывшееся огромное отверстие скрывала скальная складка – вот почему пещеру не было видно ни с трассы, ни с противоположной стороны ущелья. Перед входом в нее навис огромный земляной язык – мягкий и зыбучий, что говорило о постоянном вымывании грунта, происходящем в ее чреве.

Преодолев достаточно отвесный подъем, мы оказались внутри скалы.

По дороге в пещеру

И замерли в удивлении, поняв, что стоим у начала туннеля, уходящего в темноту на десятки метров. Понятное дело, что сотворили это практически прямоугольное отверстие в скальном сплошном массиве силы природы, но глаз волей-неволей искал на стенах следы рук человеческих. Не они ли так тщательно шлифовали потолок, выравнивали углы, заделывали выемки?

Нет, не они, а, судя по всему, вода, просачивающаяся откуда-то сверху. В силу разного рода причин, и, в первую очередь, из-за большого доступа свежего воздуха, сталактиты здесь толком так и не образовались. Но получился другого рода эффект, который ранее нам еще не доводилось наблюдать. При минусовой температуре снаружи и плюсовой внутри, капли воды, падая одна за другой на мягкий земляной грунт, не просачивались в него, а образовали ледяные наросты – настоящие сосульки. Мы привыкли, что последние растут только сверху, здесь же создавалось впечатление, что рост идет снизу.

Блестящие иголки, кстати говоря, достаточно острые, буквально исполосовали пол пещеры. Среди них, ледяных сталактитов высотой тридцать и более сантиметров, выстроившихся в некоторых местах ровными рядами, приходилось буквально лавировать, чтобы не задеть при движении.

Но сам туннель оказался не таким уж и большим – примерно семьдесят метров в длину, семь-восемь в ширину и около четырех-пяти в высоту. Обилие мягкого грунта под ногами, по большому счету непонятно откуда, как и чем вымываемого, убеждало, что раньше пещера была значительно больше, а главное, выше. Заканчивался же проем сплошной скальной стенкой, не позволявшей сделать вывод, что он имеет продолжение.

Поверхностный осмотр пещеры убедил и в том, что люди в ней постоянно не жили. Не исключено и даже весьма вероятно, что использовали ее как укрытие. Уж в очень труднодоступном месте находится сей скальный схрон, а самое главное, он практически незаметен.

Правда, поиски каких-либо артефактов древности – в частности, наконечников стрел, результатов не дали. Впрочем, в силу усталости мы и не проводили их с должной тщательностью. Тем более что предстоял обратный путь. А январский день, хоть и на редкость теплый, уже прощался с солнцем, мгла опускалась на скалы и стоило торопиться – ведь впереди ожидала как минимум полуторачасовая дорога по отвесному склону, сплошь заросшему колючим кустарником. И это виделось столь тягостным и мрачным, что язык сам как будто ляпнул: «Неужели все-таки нет более короткой дороги?!».

Оказалось, есть. Она действительно значительно сокращала проделанный ранее путь, более того, вела напрямик к трассе, на которой терпеливо

Съемочная группа канала Рен ТВ в пещере

ждал нас транспорт, но заканчивалась ...обрывом. На глаз – не менее десятиметровым, что и подтвердила альпинистская веревка, закрепленная за нависшее над обрывом дерево. Спуск оказался значительно труднее подъема еще и по той причине, что скала имела отрицательный уклон и приходилось то и дело раскачиваться, чтобы задействовать при движении ноги.

...Автобусы, везущие ставропольских туристов в Приэльбрусье, дружно притормозили, и галдящая братия в разноцветных куртках моментально высыпала на трассу, принявшись возгласами поддерживать доморощенных альпинистов. О том, чтобы не удержаться на веревке (то бишь не шмякнуться об камни всем телом), и речи не могло быть. И сжав все, что еще было, в кулак, собрав последние, непонятно откуда взявшиеся силы, один из авторов этих строк плавно (как оказалось впоследствии, эта «плавность» до крови натерла руки) опустился вниз, элегантно отряхнулся от налипшей травы и снега и невозмутимо прошествовал к машине. А уж в ней потом долго-долго приходил в себя, не в силах отдышаться...

СЫЛТРАНКЁЛЬ – СИНОНИМ КРАСОТЫ

Сылтранкёль – красивое озеро. Именно так в переводе с тюркского определяется это название в большинстве путеводителей, исходящих из трактовки П. С. Рототаева, данной им в «Кратком словаре горных названий Кабардино-Балкарии». Где сылу – красивый (так было названо сначала озеро), а кёль – озеро. В то же время Б. Х. Мусукаев, автор исследования «Топонимия высокогорной Балкарии», топонимическое название Сылтран относит к так называемым непрозрачным.

Впрочем, какое это имеет значение, если Сылтранкёль на самом деле не то что красивое – красивейшее! Если не наикрасивейшее! – озеро в Кабардино-Балкарии. Кроме того, оно одно из самых крупных высокогорных озер Приэльбрусья – площадь его водной поверхности, расположенной на высоте 2950 м в скально-осыпной обширной котловине цирка вершин Сылтран и Мукал, составляет почти 30 га.

От северной оконечности поселка Верхний Баксан до озера несколько часов ходу – в зависимости от вашей физической подготовки, но не менее 5–6. Тропинка, петляющая вдоль массивных валунов, идет вначале вдоль реки Сылтран, далее по сосновому лесу, спускается в долину и вновь устремляется вверх. Этот подъем требует немалых усилий, которые сполна компенсирует увиденное...

Впрочем, об этом чуть позже, так как здесь самое время немного отвлечься и воспроизвести рассказ о том, как добирался до озера более 120 лет назад русский путешественник В. Я. Тепцов, отразивший свои впечатления в работе «По истокам Кубани и Терека» (1892).

Итак, «из Урусбиева мы сделали экскурсию к альпийскому озеру Сылтран-кёль, о живописности которого нам много наговорили. Озеро лежит верстах в 10–12 к северо-западу от аула. ...Путь из аула идет по правому берегу ручья Сылтран, который прорезывает аул и на его окраине сливается с Кыртыком. Ручей этот получает начало из озера того же имени.

...Тропа по скалам ведет только на расстояние 5 верст от аула и теряется в небольшом зеленом нагорье, по которому пасется аульный скот, оставляемый дома для хозяйственных нужд. За нагорьем возвышается скалистый кряж, составляющий оконечность одного из Эльборусских отрогов. Кряж этот спускается в долину Кыртыка несколькими красивыми уступами. Он прорезывается Сылтраном в поперечном направлении.

Прорез этот образует чрезвычайно узкое и дикое ущелье, загроможденное остроконечными валунами. Уступы кряжа образуют в ущелье Сыльтрана трое скалистых естественных ворот. За каждым воротами небольшая площадка, а за ней снова отвесные скалы. У озера были немногие и из урусбиевцев, а путешественники ...не заглядывали туда и вовсе (на самом деле, и В. Я. Тепцов об этом упоминает, в 1872 году на озере побывали знаменитые английские горвосходители Грове, Гординер, Мур и Уоккер. – *Авт.*).

Причиной этому – действительно невозможный путь или, лучше сказать, отсутствие какого бы то ни было пути. Приходилось кошкой карабкаться на скалы, срываться с уступов, прыгать с валуна на валун. Руки и лица наши были в крови от царапин и ушибов, но мы уже победили много опасных препятствий, и обидно было бы возвратиться, не достигнув цели. Сопровождал нас только брат Ахии. Он ободрял нас своим спокойствием, хотя сам шел к

озеру тоже только в первый раз. Вот, наконец, добрались мы и до последних ворот и, действительно, увидели чудную панораму альпийского озера».

А теперь сравните ту тропинку с нынешней, которую многие одолевают с трудом, и поймете: красота, в том числе и желание зреть красоту, во все времена требовали жертв и усилий.

Действительно, открывшееся взгляду зрелище поражает воображение, особенно если вам посчастливилось побывать у озера в солнечный день. В чаше из скалистых берегов, по воде зеленоватого оттенка, медленно плывут, словно подгоняемые невидимой силой, ледяные глыбы разных размеров. В воде отражаются снежные вершины близлежащих гор, заглядывающих в него, как в зеркало. Им ничто не мешает всматриваться в свое отражение, так как облака, проплывающие по нависающему небу, вследствие восходящих от озера воздушных потоков, рассеиваются или

лениво обходят горный водоем стороной. Великое спокойствие царит в этих местах, словно созданных для умиротворения и созерцания.

И вновь обратимся к работе Н. Я. Тепцова: «Озеро лежит на последней террасе, западная сторона которой окаймляется снеговым краем с коническими пиками и глетчерами, которые сползают прямо в озеро. Озеро невелико – не более квадратной версты. Форма его близка к эллиптической, с выемкой на большой восточной дуге. Вода в нем отликает голубовато-зеленым цветом. Поверхность воды спокойна: ее не рябит здесь и сильный пронизывающий ветер, который пронесется над вершинами и утесами, не достигая поверхности озера. Глубина озера, по всей вероятности, немаленькая: несмотря на хрустальную прозрачность воды, дна не видно уже на расстоянии сажени от берега. До прорыва 1881 года оно заметно было глубже, по крайней мере, аршина на 2–3. Озеро это лежит под снеговой линией, на высоте не менее 10 000 футов. Растительности вокруг него никакой: она прекращается уже перед последними воротами. С западной стороны в озеро падают осыпи снега с конического пика Кельбаш. В озеро проникают только косые лучи заходящего солнца. Глетчеры и снеговые поля, обращенные к озеру, почти весь день находятся в тени и не тают. Ни на одном глетчере мы не заметили и малейшей борозды, которую обыкновенно промывают во льду ручьи. Температура воды в озере в 4 часа пополудни была 4 °R.

Охотники, посещавшие озеро ранней весной, рассказывали, что видели на озере громадные плавающие ледяные глыбы причудливых форм. Мы их уже не застали.

Восточные берега озера низки и стеной обрываются в ущелье Сыльтрана. Здесь возвышается футов на 20 над озером скалистый утес с оголенной, как бы срезанной, вершиной. С вершины утеса открывается прекраснейший вид в долину Кыртыка и Баксана, на Главный хребет и на Эльборусский край. Эльборус был в тумане, но он, по всем вероятностям, должен быть видим отсюда. С вершины же утеса наблюдатель видит и все озеро, и окружающие его с трех сторон глетчеры, и снежные пики, тени от которых купаются в хрустальной воде озера. Юго-западные глетчеры сползают прямо в озеро и тоже купаются в нем; западные же нависли над гранитными скалами и грозят рухнуть в озеро.

На восточных берегах озера масса помета туров, медведей и индеек. Горные индейки (джумарики) гнездятся тут же в окрестных скалах. Перед нашим приходом пастух спугнул большое стадо туров с зеленого нагорья, куда они на заре спускаются пасться».

И сегодня все так, как и более столетия назад: «за вершинами Чаткара, Ирик, Советский Воин, Балык и другими нависает восточная шапка Эльбруса, мощные ледники его восточного отрога, древний Ачкерьякольский

лавовый поток, склоны хребта Кыртык. На юго-востоке открываются дальние снежные вершины Главного Кавказского хребта и его отрогов».

Вот только представителей животного мира за прошедшие десятилетия значительно поубавилось, но туры по-прежнему приходят испытать сылтранкелевской воды.

Река, выходящая из озера, бьющаяся в узком каньоне, падая с высоты, образует величественный водопад, завораживающий взгляд своей высотой и мощностью.

Одним словом, если вы ждете незабываемых впечатлений, озеро Сылтранкель их вам гарантирует.

ТЕМРЕЗ-КОЛ: «АРКА-ДВЕРЬ»

Эта экспедиция, к которой мы готовились достаточно долго, не заладилась с самого начала: середина июля, гнус в верховьях свирепствует, а в дороге выясняется, что заранее прикупленные репелленты остались дома. Возвращаться не решаемся, теша себя мыслью, что, может быть, кровопийцы еще не вошли во вкус.

Тут же еще одна накладка: проводник, бывший пастух, которого мы должны были подобрать по пути, на связь не выходит, более того, после многочисленных звонков узнаем, что даже его родственники не в курсе, где он.

Сообща принимаем решение продолжать экспедицию, тем более что сопровождавшие нас тырныаузцы Назир Хапаев и Юсуп Ульбашев дружно заверяют, что примерное место интересующего нас объекта они со слов пастуха знают, найти его – дело времени, а оно у нас есть. Наделенные горьким опытом, что практически все наши поездки, осуществленные без непосредственного участия информаторов, заканчивались ничем, тем не менее надеемся на лучшее и сворачиваем, как и намечали, у Быллыма на дорогу, ведущую к тырныаузскому хвостохранилищу.

Здесь мы бывали не раз, хребет Гижгит, остающийся по правую сторону, изучили достаточно хорошо, а вот примыкающий к нему массив, который называется Темрез-кол, как-то обошли стороной. Но именно здесь, как рассказывал пастух, он увидел в скале арку, нависающую над дверным проемом. Как он говорил, очень красивую, затейливо выложенную и во все не напоминающую вход в захоронение. Последние выделяются своей шириной и высотой: примерно где-то три-четыре метра на полтора, а увиденная им «арка-дверь» действительно была таковой, да и внешне схожа с дверью: около двух метров по высоте и чуть более метра по ширине. Получается, если перед нами рукотворное произведение, то это вход. Только вот куда и зачем?

Дух захватывало от разыгравшегося воображения и факт, что наш пастух, трижды поднимавшийся к объекту и каждый раз находивший его после длительных поисков (настолько он был незаметен в скальной фактуре), лишь придавал интригу грядущему поиску. Правда, несколько смущало то, что чем-то похожий вход, который мы тщательно искали побли-

Камень с «разрезами»
по дороге в Темрез-кол

зости (см. материал «Джинны массива Гижгит»), в конечном итоге так и не смогли обнаружить. А экспедиций провели несколько, сил истратили немало, ноги истоптали изрядно.

Как оказалось, те походы были всего лишь разминкой перед нынешним. Лошадей мы найти не смогли и пришлось все поиски вести на своих двоих. Дорога вверх под палящим июльским солнцем, в плотно застегнутых куртках – оводы, мгновенно почувствовавшие отсутствие распыляемых против них химикатов, приняли нас как родных: перед глазами висело сплошное облако из жужжащих насекомых, не раздумывавших в какую часть открытого тела впитаться – в лицо или руки. Причем желание испить крови переисливалось инстинкт самосохранения: гнус погибал во множестве, но свое черное, то бишь красное дело творил весьма успешно.

А если к этому добавить некошеную траву, угол подъема, который практически на всем протяжении составлял как минимум 45 градусов, а дальше все больше и больше – в некоторых местах приходилось продвигаться вверх, цепляясь левой рукой за нависающую перед тобой траву, а правой подстраховываясь альпинистской палкой. И чувство, когда думаешь, что

вот там, за этой горкой, откроется наконец основание массива, но преодолев ее, видишь, что перед тобой еще одна, за ней следующая и конца края им не видно. Когда приходится идти, а где и ползти по отвесному гребню, в котором трава предательски скрывает ямы, попасть в одну из которых значит, с большой уверенностью, вывихнуть ногу. А если захочешь обойти гребень сбоку, то наверняка угодишь в мочаки – налитую водой почвенную жижу, хлюпающую под ногами.

И так час, второй, третий... Вот оно, наконец, основание скального массива Темрез-кол. Прямо перед нами уходят на высоту в сотни метров скальные пики – мрачные, гордые, стоящие сплошной неприступной стеной. Первое и самое главное разочарование: продвигаться под основанием хребта практически невозможно – то там, то сям его прерывают каменные выносы, преодолевать которые необходимо с величайшей осторожностью: валуны разных размеров перемещаются под тяжестью тела,

увлекая за собой; упереться не во что, альпинистская палка не помощница. Кроме того, на пути крутосклонные ложбины, идущие одна за другой – только выберешься из одной, как перед тобой открывается следующая. Силы же на спуск еще как-то находятся, а вот на подъем их практически нет; обойти же ложбину понизу, значит незаметно для себя отдалиться от скального основания, т.е. от цели поиска.

Самую тяжелую часть работы – двигаться под скалами – берет на себя Назир. Он же замечает первым и следы, оставленные на влажном песочном грунте: медведя, предположительно самки и ее детеныша. Балкарские следопыты тут же вспоминают о своих карабинах, прихваченных ради безопасности. На наш взгляд совершенно лишних, только загружающих маленькую по составу экспедицию – из пяти ее участников один сразу отказался от восхождения, другой сделал это часом позже, вернувшись по следам на траве к машине. Оружие у спутников мощное – у Назира так вообще карабин Мосина 1939 года выпуска, бьющий на две тысячи шагов с сильнейшей отдачей: один из нас, после контрольного выстрела, еще пару дней ощущал боль в плече.

Но медведей поблизости не наблюдается и мы продолжаем осматривать основание массива Темрез-кол, в конечном итоге отдаляясь друг от друга на все большее расстояние, причем последним идет автор этих строк. Тем неожиданное (зная, что нас осталось всего трое) было услышать позади грохот падающих вниз, а значит, потревоженных кем-то камней. Обернувшись, увидел на только что оставленном гребне стоящего на четырех лапах медвежонка, смотрящего в нашу сторону. Он был один, но так как медведицы своих детенышей никогда не бросают, взрослый зверь находился где-то поблизости. Более того, было ясно, что если вначале мы видели медвежьи следы перед собой, а в конце концов звери оказались позади нас, следовательно, они прятались где-то рядом, когда мы мимо них проходили. Назир сделал вывод, что любопытство медвежонка и его преследование нас вызвал запах лепешки – балкарского хычина со свеклой, который мы только что дружно умяли. Впрочем, увидев, что нас трое, медвежонок дал деру, его мамаша, представлявшая куда большую опасность, так и не появилась.

Сил на дальнейшие поиски перестало хватать – ложбины преодолевались все медленнее, после каждых семи-десяти метров требовался отдых. И хотя указанные пастухом ориентиры были наконец-то найдены (одиноко стоящий каменный палец, «чертов палец», как мы его тут же окрестили, загадочный и величественный, скрытый от постороннего взгляда скальным массивом, а также каменные выносы, напоминающие лапы дракона), сама арка оставалась недостижимой.

Дело клонилось к вечеру – шел шестой час, откуда-то сбоку стал напирать туман и через какое-то мгновение скрыл от нас скальный массив. Начал накрапывать дождь – вначале он сыпал одиночными каплями, потом зачастил, и наконец полил, в прямом смысле слова, как из ведра. Невесомые полиэтиленовые плащи, предусмотрительно взятые с собой, мы тем не менее, стараясь избавиться от лишнего груза, оставили в машине. Так что промокли до нитки, а вернее до тела мгновенно. Естественно, температура тут же упала, а налетевший ветер напоминал о бренности человеческого существования: местонахождение легких ощущалось весьма рельефно.

«Чертов палец»
отбрасывает тень
на десятки метров

Понятно, что двигаться вдоль стены дальше в означенных условиях не представлялось возможным. Добраться до замыкающей массив Темрез-кол скальной вершины Тещины зубы также уже нам было не по силам. Но именно туда, на кош под горой Наужидза (с кабардинского зубья старой бабушки), мы попросили перебазироваться водителя и вернувшегося с полдороги четвертого участника экспедиции, уверенные в своих силах.

Ничего не оставалось, как двигаться вниз. По траве, скользкостью соперничающей со снежной горой, по склону, угол которого зашкаливал. Правда, можно было сесть на пятую точку и покатиться вниз не задерживаясь, только вот во что бы превратилось это самое мягкое место через десяток метров, даже представлять не хотелось.

Эти пару километров, подгоняемые дождем, по пояс мокрые, с ботинками, превратившимися в маленькие бассейны с холодной водой, мы преодолевали не меньше часа. И казалось, ниточка дороги, служившая ориентиром, все так же далека, как и в самом начале. Каменные ловушки, скрытые травой, болотистые места, напоенные водяными хлябями, ручьи, побежавшие и тут и там, гром, звуки которого буквально сотрясали тело, делали все возможное и невозможное, чтобы остановить нас. Словно кто-то невидимый и жесткосердечный, в чьих возможностях повелевать силами природы, пытался наказать нас за желание проникнуть в тайну, скрытую веками.

И мы отступили. Более того – позорно бежали, но мысль, что обязательно вернемся, жила в каждом. Эта мысль согревала наши тела, промерзшие от воды и ветра. Она придавала силы нашим ногам, уставшим от неимоверно тяжелого спуска, когда пальцы, упирающиеся в носок ботинок, стонут от боли. Она заставила одного из нас пройти еще добрых пять километров, чтобы уже в темноте выйти на машину и обрадовать находящихся в ней, все передумавших (в том числе самое плохое) за эти восемь часов наших спутников.

Уже в сплошной темноте мы выбрались из ущелья и лишь где-то к полуночи оказались в Нальчике. Казалось, лестничные пролеты, ведущие к квартире, преодолеть труднее, чем те почти двадцать километров, что вместились в сегодняшний день.

Стоило ли испытанное сегодня затраченных усилий? Ведь истории, подобные вышеизложенной, мы слышали неоднократно, более того – даже видели похожую арку на одной из скал с Суканском ущелье. Туда нас отвел нальчанин Борис Загиев – личность весьма прелюбопытнейшая. Сегодня ему много за восемьдесят и нам, знающим его десятилетия, даже не верится, что это так. Неутомимый путешественник (исхожена вдоль и поперек родная Кабардино-Балкария), любитель приключений (в советское время

судьба забрасывала его в такие уголки Союза, где и нога человеческая не ступала), человек мастеровой (был и старателем, но нашел себя в токарном деле), высокоразрядный специалист, которому на ставшем ему родным заводе «Севкавэлектроприбор» доверяли самые сложные задания. Сегодня есть обширные знания, есть высокопрофессиональный опыт, но подводит здоровье и что тут поделаешь. Остается память – о прожитом, увиденном, познанном и желание рассказать об этом другим, что нальчанин Загиев и хочет сделать в оставшиеся ему годы.

И арка в Суканском ущелье из их числа. Она, находящаяся в центре скалы, действительно поражает – своей соразмерностью, идеальной дугой, блоками, вплотную пригнанными друг к другу. Но и вызывает немало вопросов. Первый и самый главный – зачем на такой высоте (более двадцати метров над землей) возводить вход? Куда он может вести, если к нему нет подступа как такового?

Как и дверь с аркой, ведущая внутрь хребта Темрез-кол. Мы ее пока не нашли, но не сомневаемся, что она есть. Но вот что за ней? Скорее всего – ничего. Ведь арка над так называемой дверью может оказаться просто частью скалы, на которую природа нанесла орнаментальный узор, который человеческий взгляд воспринимает за проем. Тогда перед нами не вход, а каменный декор, нерукотворное детище природы. Но чтобы знать это достоверно, надо этот «вход» прежде всего найти, и если это на самом деле вход – в него войти.

«Будем искать», как говорил герой одного известного советского фильма.

«Лапа динозавра»

НЕБЕСНЫЙ СВЕТ НЕТЛЕННОГО ТЕЛА

В нашей, выразимся так, авторской копилке немало историй, объяснение которых невозможно с позиций обыденной действительности, так как описываемое в них носит фантастический характер, оно ирреально и не подлежит по большому счету обсуждению всерьез, если бы...

Если бы не множество свидетелей, а то и участников происходившего, если бы не передаваемые от родителей детям многочисленные детали случившегося. Разрозненные, сохранившиеся в памяти самых разных людей, они, собранные спустя годы воедино, напоминают чем-то детский пазл: многое еще неясно, непонятно, но в целом картина уже видна. И она достойна обнародования.

Началось все с рассказа Лидии Хуштовой, учительницы нальчикской гимназии № 2, которая на одной из наших встреч с читателями передала хабар, поведанный ей отцом – Ахмедом Шадовичем Хуштовым (1925–2003). Ахмед вспоминал о необычном случае, о котором услышал от родителей. Шад, отец Ахмеда, был одним из тех, кому довелось копать могилу для усопшего жителя селения. Он и рассказал, что копавшие погребальную яму неожиданно (место было выбрано внешне ничем не отмеченное) наткнулись на захоронение.

Лежал в нем пожилой мужчина, чье тело до удивительного сохранилось – вид его свидетельствовал о нетленности. Кожа, обтянувшая кости на лице, была не темного, а телесного цвета, закрытые веками глаза, казалось, сомкнулись на мгновение и вот-вот приоткроются, густая с сединой борода и усы не сгнили, более того, когда кто-то из курпцев не удержался и потянул за кончик усов, он не отвалился.

Самое интересное, сохранилась одежда покойного, резко отличная от одеяния местных жителей и представлявшая что-то вроде длинных широких штанов, поверх которых был надет халат или нечто похожее на него. Материя облегла тело и также не расползалась в руках, хотя по логике вещей давным-давно должна была стлеть от времени. Говоря о последнем, мы отталкиваемся не от возможной датировки захоронения (она неизвестна и вряд ли когда-нибудь будет установлена), а о том, что вокруг могилы в скором времени собрались все старики селения. Но и самые пожилые люди (а многим было за 90 и более лет) не смогли признать в покой-

нике односельчанина. О нем никому ничего не было известно. Да и место могилы (повторимся, абсолютно неотличимое от окружающей местности) говорило о том, что здесь со дня основания этого кабардинского поселения никого не провожали в последний путь. Следовательно, время жизни покойного уходило в далекое прошлое. Невиданная же сохранность трупа свидетельствовала о его святости.

Сельчане перезахоронили найденное тело, произвели полагающийся при этом мусульманский обряд. Но не только по этой причине (найденных святых мощей) запомнился сельчанам тот день, а по последовавшим далее событиям. И здесь мы обратимся к воспоминаниям Хамтаки Гужакова, 1935 года рождения. Его отец Шокудз (1895–1968), также принимавший участие в перезахоронении неизвестного, стал, как и другие верхнекурпцы, свидетелем весьма необычного явления. Ночью кладбище (как и предполагается, оно располагалось чуть в стороне от селения) неожиданно озарилось ярким лучом, спускавшимся с темного неба. Он был настолько интенсивным, что казалось, над кладбищем взошло солнце, только не оранжевое, а голубое. Многие из сельчан вышли из домов, чтобы взглянуть на это необъяснимое явление. И все они, как один, видели силуэты, похожие на человеческие, которые производили на кладбище какие-то действия. В своем мнении верхнекурпцы были единодушны: неизвестные, орудовавшие на кладбище, появились там только по одной причине – перезахоронения нетленного тела.

Что они с ним сделали – произвели ли какие-то манипуляции после осквернения (а вскрытие и есть осквернение) могилы, перезахоронили ли его или забрали с собой – осталось неизвестным. На кладбище сельчане на следующее утро идти побоялись. И еще долгое время обходили место захоронения неизвестного стороной.

Все случившееся можно было бы отнести на забитость и безграмотность местного населения, своего рода массовый гипноз, к которому, по мнению новой власти, были причастны прежде всего служители культа. И с этим можно было бы согласиться, но не находит логического объяснения, какие доводы ни привлекай при этом, – свет, льющийся с небес на кладбище. Если, конечно, не апеллировать к нашим сегодняшним знаниям об НЛО – десятки очевидцев свидетельствуют, что они зависают над интересующими их объектами, освещая землю мощными прожекторами.

Что же касается находки нетленного тела, то неподверженность гниению – одно из редчайших свойств человеческого организма, способного остановить после смерти естественный процесс разложения. Нетленность и мумификация (высыхание трупа), тем более бальзамирование – понятия несоотносимые. Не случайно католическая церковь не считает

Бернадетт Субиру (1844–1879)

Нетленная Бернадетт
Субиру

нетленными тела, претерпевшие посмертные изменения, к которому и относится тоже бальзамирование. Нетленность присуща ряду культур, но прежде всего оно почитается в христианстве, буддизме.

В книге писательницы Джоан Круз, которая так и называется «Нетленные» (The Incorruptibles), читаем: «Самый первый рассказ об этом феномене был найден в китайских летописях «Житие буддийских святых», где сказано об одном из самых знаменитых патриархов династии Сунь Гуй Нене. Он умер в 712 году и был похоронен в монастыре Куоен. В эпоху падения династии Сунь, в 1276 году, монгольские воины выкопали тело, желая убедиться в истинности слухов о его чудесной сохранности. Через 564 года после смерти кожа мастера оставалась эластичной и лоснящейся, без каких-либо признаков иссушения или разложения. Тогда монголы вспороли тело и увидели, что сердце и печень в отличном состоянии. Совершенно ошеломленные, они сочли за лучшее немедленно покончить со святотатством и бежать прочь».

В Интернете размещено множество фотографий нетленного тела святой Бернадетты Субиру (1844–1879), которую верующие могут видеть в стеклянном гробу в церкви французского города Невер. Чем заслужила эта несчастная нетленность (постоянно болела, провела большую часть в монастыре), не совсем понятно. Известно только, что спустя 30 лет после погребения ее могилу вскрыли и увидели, что тело более чем хорошо сохранилось. Очередное вскрытие, состоявшееся через 10 лет, явило ту же самую нетленность. Естественно, Бернадетту объявили святой, а собор, где выставлено ее тело, стал местом паломничества тысяч верующих. Что дает право скептикам утверждать, что к нетленности Субиру приложили руку священники, нанеся во время эксгумации на ее лицо воск.

Хамбо-лама Даши-Доржо Итигэлов

Это объяснение, конечно, достойно внимания, но как тогда быть с трупом Катарини Лабур, умершей в 1876 году и через 67 лет эксгумированной и тоже не подвергнувшейся разложению? С фактом 1977 года, когда в испанском населенном пункте Эспартинас при вскрытии семейного склепа был обнаружен труп одиннадцатилетнего Хосе Гарсиа Морено, тело которого было неотличимо от живого, хотя он умер сорок лет назад? И с одним из самых известных эпизодов нетленности – телом Хамбо-ламы Даши-Доржо Итигэлова, могилу которого эксгумировали в 2002 году (спустя 75 лет после смерти) и увидели, что у святого «были все признаки живого тела: мягкая кожа без каких-либо признаков гниения, сохранились на месте нос, уши, закрытые глаза (глазные яблоки на месте, не вытекли), пальцы рук и локтевые суставы подвижны, тело благоухало».

Джоан Круз, о которой мы писали выше, выделяет три категории нетленности тел: сохраненные умышленно; сохранившиеся случайно вследствие воздействия природных условий; истинно нетленные. Церковь объясняет сохранность тела человека после смерти духовными причинами: Бог делает мощи нетленными для укрепления веры, более того, наделяет эти останки Божьих угодников благодатью, способной исцелять человеческие недуги. Наука же утверждает, что сохранность трупа зависит от условий, в которых он находился (почвы, климата), а также использования

способов замедления разложения (бальзамирование, омыление – при последнем, когда осуществляется превращение человеческого жира в воск, тело после смерти сохраняет свой вес и выглядит как нетленное).

Но возникает другой вопрос – какое отношение к нетленности имеет свет, с которым все очевидцы в той или иной мере ассоциируют вскрытие могилы? Или, возможно, в народной памяти каким-то образом соединились воедино два различных события – находки нетленного тела и света в ночи, которое тоже может иметь свое объяснение.

Опросы местных жителей, с которыми нам помог старший инспектор Верхнекурпского заказника Джабраил Гуважиков, свидетельствуют, что описываемое нами событие продолжает жить в памяти сельчан. О нем помнит Аминат Ашхотова, старшая сестра Ахмеда Хуштова, чей возраст более девяти десятков лет. Хамтака Гуважиков, отец Джабраила, знает место, где копали ту самую могилу, что позволила вскрыть нетленные останки. И согласен ее показать. Но что делать дальше? И надо ли что-то делать?

Кстати говоря, занимаясь этой историей, мы услышали весьма любопытный хабар о том, что в селении Терекское (бывшее Болатово) в начале прошлого века проживал кабардинец по фамилии Тхагазитов, которого многие считали праведником. И когда он умирал, то сделал весьма необычное завещание: «Если засуха будет сжигать ваши поля, выкопайте мое тело и переверните его, дождь пойдет обязательно. И поступить так можно два раза».

Через десять лет, когда невиданная засуха буквально сжигала посевы верхнекурпцев, вспомнили они о словах Тхагазитова, разрыли могилу и были поражены сохранностью тела. Перевернули его и вечером того же дня пошел дождь. Через двадцать лет история повторилась: засуха неистовствовала. И вновь сельчане выкопали тело, которое по-прежнему оставалось нетленным, еще раз перевернули его и снова природа одарила терскую землю живительным дождем. К слову говоря, фамилию Тхагазитов можно дословно перевести на русский язык как «поверни бога два раза».

И еще один момент: рядом с местом, где лежит в земле тело человека, способное вызвать дождь, сразу после его захоронения забил родник.

Что все это может означать и означает ли, нам неизвестно. Но публикация данного материала вызвала повышенный интерес у представителей Терского района. Нам представили подробные данные о том самом праведнике – Ильесе Умаровиче Тхагазитове (1822–1914).

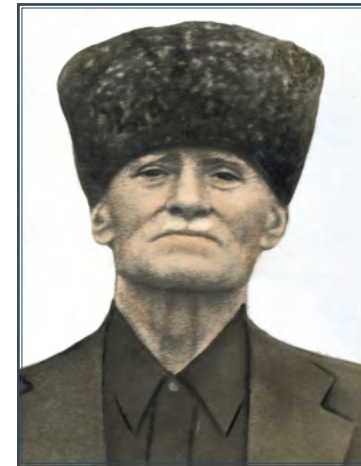
Личность это была на самом деле легендарная: учился в духовных учебных заведениях Египта, Турции, Сирии, был большим знатоком му-

сульманской религии, обладал широким багажом знаний; его познания в области народной медицины удивляли. Вот что написано о нем в книге «История селения Терекское» (2004): «Чувствуя неминуемую смерть, Тхагазитов заблаговременно забальзамировался настоями известных ему трав. Когда его покидали последние силы, он вызвал сына и двух близких родственников и завещал им: спустя восемь лет после его погребения поднять его из могилы, это поможет болатовцам в лихую годину.

В 1922 году, на восьмую годовщину смерти И. Тхагазитова, в Болатове и других малокабардинских селах разразилась сильнейшая засуха. Сын и родственники муллы вспомнили о завещании. Тело было извлечено из могилы. И каково же было удивление собравшихся, когда они увидели, что оно не разложилось.

Собрались посмотреть на это чудо люди почти со всех населенных пунктов Малой Кабарды. Сюда приехал и Хажумар Талович Карашаев – председатель исполкома Совета Мало-Кабардинского округа.

В этот день пошел долгожданный сильный летний дождь...»

Внук Ильеса Тхагазитова Мажид, свидетель извлечения нетленного тела

ПОВЕЛИТЕЛИ ДОЖДЯ

Обряд вызывания дождя, как бы не звучало иронично сие предложение, имеет давние традиции. Самое интересное, что были такие «специалисты» и в Кабардино-Балкарии. Собирая материал о Кязиме Мечиеве – великом поэте, основателе балкарской литературы, философе и религиозном просветителе, вылившийся впоследствии в книгу «Балкария: боль и гордость», мы были поражены еще одной, весьма необычной ипостасью своего героя – умением повелевать силами природы. Это не просто слова – свидетелей, которые видели, как «священнодействовал» Кязим, имелось предостаточно.

Вот что вспоминал Оюс Уянаев, один из опрошенных в процессе подготовки книги: «Летом следующего года случилась жесточайшая засуха – месяц дождя нет, второй. Куда идти кичмалкинцам со своей бедой, кого просить о помощи? Власти? Но они с небесной канцелярией не в ладах. Пришли к Кязиму – он и посоветует, и обнадежит, и выручит.

Мы, дети, любили играть рядом с баракком, где жил Кязим. И вовсе не потому, что место было удобное – знали, что, увидя нас, не пожалеет слова ласкового, гостинца щедрого. В один из жарких дней мы играли в песке, когда увидели Кязима, зовущего нас. Примчались тут же, ожидая по привычке конфет или пряников. Но на этот раз в руках Кязима были не сладости, а лошадиный череп, на котором виднелась какая-то синяя надпись. «Дети мои, – сказал старик, – возьмите эту кость и привяжите к камню в речке, да так, чтобы не унесло потоком. Вернетесь, я вам сделаю подарки».

Старшим среди нас был кязимовский внук Узеир Солтанов, он взял череп, и мы помчались на речку. А вскоре небо, на котором до этого не было ни облачка, потемнело, черная туча нависла прямо над Кичмалкой, и из нее полился на землю долгожданный дождь. Сельчане шли к баракку Кязима один за другим и благодарили его».

Один из нас писал по этому поводу: «Кязим не чуждался ни астрологии, которая в арабском мире ценилась как наука, ни эзотерических знаний, которые применял на практике. Обряд вызывания дождя, где он использовал череп лошади, и заклинание от падежа скота, где фигурировала отваренная лопатка животного, он дополнял мистическими письменами, выводя их химическим карандашом. Кстати, это еще один аргумент в пользу освоения им оккультной силы звуков и связанных с ними

буквенных знаков и их сочетания в реальной действительности, когда ему приходилось лечить и психические расстройства, еще один аргумент в пользу посещения им занятий в суфийской школе Дамаска».

А вот рассказ из книги «Необъяснимые явления». Называется он «Вызывающие дождь»: «В последнее десятилетие XIX века в Америку приехал австралиец Френк Мельбурн, который повсюду заявлял, что он профессиональный колдун, вызывающий дождь. В своих экспериментах он смешивал в определенной пропорции, спрятавшись за брезентовым пологом, какой-то порошок с жидкостью, отчего вскоре через десятиметровую трубу в воздух поднимались клубы чада.

Кязим Мечиев

Трюк Мельбурна был не нов. Еще шаманы, знавшие, что за большими лесными пожарами всегда следуют проливные дожди, разводили в периоды засухи большие костры. И даже американские солдаты во время Гражданской войны 1861–1865 годов говорили, что дожди – естественное следствие боя – «боевые штормы», как они их называли, поскольку, как свидетельствовал их опыт, за облаками порохового дыма появлялись дождевые тучи. Конечно, последнее могло объясняться и чистой случайностью.

В 1891 году фермеры из Гудленда, штат Канзас, наняли сообщу Френка Мельбурна, чтобы он вызвал дождь после длительного засушливого периода. Когда тот начал работать, на небе несколько дней не было ни облачка. Но как только химический чад Мельбурна поднялся в воздух, в тот же вечер появились темные тучи. Вечером фермеры радовались дождю.

Через год Мельбурну пришлось снова совершить подобное действие. И дождь был сильным! А вскоре после этого австралийский колдун исчез. Последнее, что о нем слышали, – что он будто бы уехал в Африку. Но вместо него, естественно, появились другие.

Метод еще одного «экспериментатора» – К. Джуэлза – состоял в том, что он поднимал на маленьком воздушном шаре заряд динамита на высоту от 150 до 300 метров, где и взрывал его с помощью электрического кабеля, убивая сразу двух зайцев: устраивал фейерверк для зрителей и проливные дожди для фермеров.

Но, наверное, самым знаменитым колдуном, вызывающим дождь, был Чарльз Меллори Хетфилд, который всю жизнь занимался вызыванием дождя, а когда прочел книгу Эдварда Пауэрс «Наука плювикультуры», сам начал проводить эксперименты. Эта книга наделала столько шума, что даже американский конгресс выделил средства, чтобы проверить теорию Пауэрс, согласно которой можно вызывать дождь научными средствами.

Хетфилд строил огромные баки на четырехметровых опорах, ножках, в них насыпал химикалии, перемешивая с водой, доливал кислоту и плотно закрывал бак деревянной крышкой. Минут через 20, когда крышку открывали, из бака поднимались вверх дурно пахнущие клубы дыма. За 25 лет своей работы Хетфилд получил 500 заказов в местностях вокруг Лос-Анджелеса, за которые требовал от 10 до 50 тысяч долларов. В ходе одного эксперимента он взялся наполнить водой высохшее озеро Хелмет, и ему действительно удалось поднять уровень воды больше чем на семь метров. Но наиболее блистательную работу он провел в пустыне Мохаве, где за три дня вызвал дождь, в результате которого на каждый квадратный метр пролилось примерно до тысячи литров воды».

Как видите, способы, которые использовал Кязим, в корне отличны от тех, что применяли его зарубежные коллеги: он не нуждался ни в какой «химии», а результат оказывался тем не менее положительным.

Здесь видится уместным вспомнить о том, что у балкарцев на случай наступления засушливых времен имелось весьма эффективное средство для вызывания дождя. Являлся им священный камень – сенташ. В обычное время он спрятан в земле, но если уж совсем немоготу и засуха убивает посевы на корню, жители ущелья выкапывали камень и дождь не заставлял себя ждать. Вот такой чудодейственный камешек – фольклорный персонаж.

Помнится, когда рассказывали о нем, мы скептически улыбались. И продолжали улыбаться до тех пор, пока один из жителей Чегемского ущелья не предложил нам съездить к месту, где закопан сей артефакт. Поездка эта в горные верховья, что над селением Нижний Чегем, обговаривалась тысячу и одним условием, была окружена завесой таинственности и обязательством никому о ней не рассказывать, а оказалась примитивной до обыденности. Единственная трудность заключалась в том, что до места пришлось добираться достаточно долго – видно, давно никто не пользовался могучими силами камня, и дорога, ведущая к нему, заросла и практически исчезла. Так что большую часть пути пришлось пройти пешком. Тем большим оказалось разочарование – под тонким слоем земли (сантиметров 15–20, не больше, непонятно от чего рыхлой) лежал удлиненный беловатый, самый обычный камень. Абсолютно такой же, какие мы видели по дороге.

Тем не менее наш спутник с особой осторожностью очистил камень от земли, приподнял его за край, а потом и поставил в уже имеющуюся и словно бы кем-то заранее подготовленную лунку. Высотой сенташ оказался где-то около метра или чуть ниже (рулетку мы, естественно, не подумали захватить, так как не видели необходимости в уточнении размеров), в обхвате сантиметров сорок-пятьдесят. Впрочем, какое это все имело значение? Мы смотрели на камень и не понимали, зачем сюда приехали, что хотели увидеть и в чем убедиться...

Процедура закапывания камня оказалась аналогичной откапыванию. Разочарованные и расстроенные мы молча отправились в обратный путь и даже не отреагировали на слова нашего спутника о том, что надо торопиться: скоро пойдет дождь, дорога размокнет и машина может застрять. Какой дождь, когда так жгуче припекает июльское солнце, так весело порхают бабочки и воздух напоен жгучими ароматами трав?!

Вот и машина, неуместная реплика водителя «С дождем или без?», и, подпрыгивая на ухабах, мы медленно едем вниз. Едем, не замечая, как быстро, буквально на глазах, темнеет вокруг, не воспринимая звук далекого громового раската и отблеск внезапно располозовавшейся спустившуюся темноту молнии. И лишь первые капли – вначале редкие, незаметные, потом более частые, сливающиеся в единый ритмичный стук, – приводят к осознанию: начался дождь. Впрочем, какой там дождь – настоящий горный ливень!

Слава богу, что уже совсем рядом селение, выбираясь к которому наша машина рычит и выбивается из сил. Последний рыбок – и мы на асфальтовом шоссе. Все облегченно вздыхают – теперь не застрянем. А дождь? Он и так должен был пойти после обеда – синоптики предупреждали. Но вот как долго будет продолжаться?

В этот самый момент один из авторов этих строк вспомнил, что крыша книжного склада издательства прохудилась и при сильном, тем более продолжительном ливне начинает протекать. И весьма естественной в этой ситуации была реплика: «А мы достаточно прикопали сенташ?»

Чарльз Меллори Хетфилд

ПРИЗРАЧНЫЙ КЛАД

Кто из нас в детстве не мечтал найти клад? А разве есть такие, кто откажется (если, естественно, появятся верные сведения) поискать его? Раз – и все проблемы решены, два – и жизнь бьет ключом, три – и ты король, который, как известно, все может (ну хотя бы в песне Аллы Пугачевой). Рассказы о кладах, зарытых на территории Кабардино-Балкарии, мы слышали неоднократно. Еще чаще сталкивались со следами их поисков – варварских раскопок захоронений в Зольском районе, в которых, как кто-то посчитал, спрятано скифское золото, невиданной глубины подкопов (более 20 метров!) в окрестностях Нальчика, сношения бульдозером части одного из курганов, расположенного по левую сторону селения Заюково. В последнем, как свидетельствовали местные хабары (проще – слухи), спрятана золотая колесница, до которой бульдозеристу добраться в силу каких-то причин не удалось. Людская молва и здесь нашла мистическое объяснение – как только часть кургана была снесена, небо, до того момента безоблачно-чистое, потемнело, сверкнула молния, загремел гром и охотник приключений и легкого заработка прекратил свое небогоугодное дело.

Но история, которую мы слышали (опять же в Заюково) от самых разных людей, выделялась среди прочих своей конкретикой: реалиями местных названий и именами действующих лиц.

Суть ее вкратце такова. Охотник, промышлявший в верховьях Баксанского ущелья, заночевал в полуразвалившемся домике, и приснился ему следующий сон. Некто призрачно-бесплотный, но обладавший, тем не менее, голосом, рассказал свою историю. Имярек этот в человеческом облике был грабителем с большой дороги. Многих людей он обидел, кого-то и жизни лишил, но в конце концов богатства собрал великие. А когда пришел ему черед уходить, рядом никого не оказалось. Так и умер он от голода, готовый подарить все свое золото тому, кто дал бы ему хоть кусочек пшенной каши на кончике ножа. (Упоминаем те детали, о которых слышали, поэтому упоминаем и нож, и кашу, о коих передавали и другие рассказчики.) Пришел же призрак в сон охотника с просьбой: раскопать его клад и раздать людям. Только тогда он, мол, сможет обрести покой. И место даже назвал, где запрятаны сокровища, – семь шагов от левого угла строения.

Проснувшись утром, охотник отсчитал семь шагов в нужную сторону, порылся в камнях, да ничего не нашел. Но странный сон этот не забыл, а поделился им с товарищами. Один из которых, спустя какое-то время, оказался рядом с тем жилищем и, хоть особой нужды не было (успевал добраться домой), решил заночевать в нем. И вот что интересно – сон ему приснился точно такой же. Появился призрак и начал жаловаться на свое несложившееся посмертное существование. Сказал о семи шагах, на расстоянии которых спрятан клад, попросил достать сокровища, чтобы обрести свободу: до тех пор, пока это не произойдет, он будет оставаться прикован невидимыми цепями к этому месту.

И вновь поиски не привели к результату – и этот охотник, хоть перевернул множество камней, до клада так и не добрался.

Хабар сей со временем распространился достаточно широко. Неоднократно многие заюковцы оставались ночевать в заброшенном строении, но не было слышно, чтобы кто-то что-то нашел.

Мы же, раз за разом выслушивая из разных уст одну и ту же историю с небольшими вариациями, решили внести в нее хоть какую-то ясность. И с этой целью снарядили целую экспедицию.

Участниками ее стали заюковцы Анзор Кармоков и Мухамед Маршенкулов – неразлучные друзья, которых связывает не столько возраст (первому около сорока, второй на десяток лет младше), не общий стол (хотя куда в селе вечером без него), а интерес к истории народов, населяющих их родную землю. Ради познания, приобщения к тайне, возможности постижения неизвестного, прикосновения ко всему необычному ребята готовы в мгновение ока собраться и ехать в самые дальние уголки родного Баксанского ущелья. Благо у Анзора есть свой транспорт – всюду проходимый джип «Патриот», на котором он взбирается на такие вершины, что у находящихся в машине сердце уходит в пятки от страха. Кармокову же и его штурману Маршенкулову все нипочем. Не случайно члены экспедиции канала Рен ТВ, снявшие в верховьях Заюково несколько передач из цикла «Тайны мира с Анной Чапман», с восторгом называли ребят сталкерами.

Они действительно настоящие сталкеры – первопроходцы, энтузиасты, патриоты родного края, эти простые кабардинские парни, один из которых – Анзор – в обыденной жизни предприниматель, депутат местного самоуправления, а другой – Мухамед – вот уже девять лет, после окончания КБГУ, учительствует, преподавая историю в МОУ СОШ №2.

Недавно друзья приняли очень важное решение. Узнав, что в верховьях Заюково найдена могила Жабаги Казаного, а общественность никак не отреагировала на предложение о переносе праха знаменитого кабардинского мудреца в Нальчик, Анзор и Мухамед решили на свои средства

заказать надгробные памятники Жабаги и его супруге и установить их на месте захоронения.

Ну а проводником нашим стал еще один заюковец – Арсен Хасаналиев, которому эти места известны вдоль и поперек – здесь и скот доводилось пасти, и охотничать. Маршрут наш лежал в правую сторону от Баксанского ущелья, далее к скалистой горе желто-коричневого цвета, чье название вызывает ироническую улыбку – Тещины зубы. Принято считать, оно навеяно торчащими из вершины зубцами, с коими имярек ассоциировал обладательницу донельзя исчербленных зубов, ставшую ему родственницей. Но кабардинское название горы более лояльно по отношению к теще: Науждза переводится как «зубья старухи».

Окрестности Тещиных зубов, до которой можно добраться на нашем транспорте (два отечественных «Патриота» – наш и Анзорский – в кавказских горах великая сила), лишь промежуточная точка маршрута. Далее надо идти вниз, а это несколько километров по горной, петляющей из стороны в сторону речке. Почему по речке? Да потому, что если раньше в этих местах регулярно пасли скот, которым (да и людьми впридачу) были набиты-натоптаны весьма сносные тропинки, то ныне от них не осталось и следа. По стерне, косогорам и буеракам, перемежающимся мочаками (заболоченными местами), идти практически невозможно – то под камень попадет нога, то провалится по щиколотку в всхлипывающей от радости трясине – неглубокой, правда, но какой хваткой!

Идем уже и час, и другой, а местечко, носящее название Тапкачы (означающее на балкарском что-то вроде «изготавливающий лестницы, ступеньки»), все никак не приблизится. Но как удивительно прекрасен

окружающий пейзаж: великолепная изумрудная зелень июльской травы контрастирует с чарующей голубиной небесного свода, которые соединяют своими пиками таинственные коричневые скалы. Царящее вокруг безмолвие, нарушаемое лишь звуками струящейся воды, остановило время: где мы? кто мы? зачем мы? Так текла река, тянулась к солнцу трава, пронзали небесную синь скалы и вчера, и год назад. Столетия, тысячелетия... Здесь, вдали от людей и достижений цивилизации, особенно четко понимаешь: мы гости, сменяющие друг друга, на этой земле, а хозяйка – она одна. Будем достойны ее хлебосольства и доброты, тепла и сердечия, покоя и света.

Вот, наконец, и Тапкачы – небольшой покатым склон, под скалами которого когда-то был загон для скота, а значительно ниже его, на относительно ровной площадке площадью метров в тридцать, каменные стены того, что некогда служило укрытием для чабанов и пастухов. Это своего

Баксанские сталкеры

рода сторожка, состоящая из двух небольших комнаток, поперечная стена которых уже незаметна. Но сохранились оконный и дверной проемы, стены высотой в два метра, обвалившиеся по углам. Впрочем, очертания их только угадываются под травяным пологом, буквально взявшим людское жилище в свой плен-полон: крапива, вымахавшая выше человеческого роста, правит здесь бал. И еще какой: жжется-огрызается, ворчливо скрипит-постанывает под ударами лопат, которыми размахивают ребята, стараясь освободить пространство внутри сторожки. Впрочем, зачем они это делают – не совсем понятно: призрак «давал» другую наводку: семь шагов от левого угла. Только от какого именно? И в какую сторону? Предполагая, что все-таки считать отталкиваться от входа, отмеряем семь шагов и упираемся в груды камней, совершенно незаметную под зеленым пологом. Лопатами здесь особо не поработаешь, надо ногами подминать под себя жалющую даже через толстые штанины крапиву. И понятно, что совсем скоро энтузиазм наших сталкеров начал угасать, а где-то минут через пять и вообще сошел на нет. Объем предстоящей работы, как и неуверенность, что мы выбрали нужное направление, стимулировал упаднические настроения: не так-то просто оказалось добраться до клада призрака.

Надежды на достижения современной техники тоже не оправдались: металлодетектор все-таки расщедрился, загудел и ...подарил нам ржавую подкову, но больше ни на что не сподобился. Более того, на месте, которое мы отвели под клад, даже ни разу не пикнул. Но по большому счету, он и не был работоспособен в зарослях, покрывших площадку вокруг сторожки.

Ничего не оставалось, как обратиться к самому призраку, что и попытался сделать один из авторов этих строк, отойдя чуть в сторонку от сталкеров, весело беседующих за непритязательным, но притягивающе-аппетитным столом.

Как к нему обращаться, было не совсем ясно: без имени – невежливо, по текущей сущности (эй, призрак!) как-то уж совсем фамильярно. Решил обойтись без экивоков и прямо задал (мысленно, естественно) вопрос: «Незнакомый друг (ну не враг же, раз мы пришли выполнить его просьбу), подскажи, там ли мы копаем?». Никто ничего не произнес, если не считать очередной тост, звучащий за импровизированным столом. Повторил вопрос, потом еще раз. Попытался представить себя на месте несчастного кладовладельца. Стало как-то холодно и неуютно, но подсказка так и не прозвучала. Правда, лопата, воткнутая в землю, где мы пытались вести раскопки, неожиданно наклонилась и упала. Посчитав это знаком, подошел, огляделся вокруг, но сторона, куда показывал черенок, показалась еще более заросшей, чем та, которую расчистили. Поэтому убедить себя (ничтоже сумняшеся абстрагируя ту, во многом мифологическую, ситуацию на нашу), что незачем ему было

лезть в такую ненасытную травяную гущу, не составило особого труда.

Так и не ответил этот безымянный призрачный тип на мой вопрос. Может, засомневался в наших посылах, абсолютно, кстати говоря, немеркантильных. Может, посчитал, что нас слишком много на один клад. А может, смутило его то, что мы, как законопослушные граждане, планирова-

ли найденное передать государству, чтобы получить вознаграждение в размере половины стоимости клада? Конечно, в нашей стране государство – это мы, а не я, как утверждал французский король Людовик XIV. Мы то мы, но мог же призрак этого не знать? Более того – наверняка не знал, ведь жил в другое время, когда богачи встречались, но об олигархах никто не слышал.

Да в конце концов, мог же наш призрак и просто спать: когда же ему еще отдыхать, если он по ночам бодрствует?! Одним словом, не дождавись ответа, автор этих строк присоединился к дружескому столу, чтобы хоть как-то подкрепиться. Ведь предстоял еще обратный путь – многочасовой, а дорога назад всегда труднее, чем вперед, куда идешь движимый и подогреваемый многочисленными посылками: найти, увидеть, узнать, прикоснуться, понять, поиметь, в конце концов, а назад чаще всего только с одним – лишь бы добраться.

Добрались. Больше того: полны желания вновь вернуться в те места. И вы думаете за кладом? Вовсе нет. За красотой. Сопричастностью с природой. За отдохновением, которое так редко приходит к нам в обычной жизни. За возможностью прикоснуться к неведомому и необъяснимому.

Ну а если ко всему этому еще и вдобавок поможем призраку обрести покой, то, считай, программа-максимум выполнена. Тем более что еще один из искателей приключений, заночевавший этой осенью в разрушенном домике, клянется-божится, что видел такой же сон.

А значит, неугомонный обитатель местечка Тапкачы, жди нас следующим летом, вернее весной, когда травостой еще не поднялся...

Последнее жилище «призрака»

ПОТУСТОРОННЕЕ

В ходе поиска в Интернете материалов по истории Кабардино-Балкарии наткнулись на сайт <http://agartis.narod.ru> и вначале не могли понять, что он из себя представляет, но, вчитавшись, ознакомившись поближе, осознали – в наше время, рядом с нами жил и творил человек, сумевший заглянуть в прошлое и отразить его в удивительных и загадочных трудах. Речь о Павле Григорьевиче Назарове, авторе 25 книг и 50 статей по древней истории и мифологии. Большинство из них являются составной частью грандиозного труда о ведической Арте, под которой автор подразумевал вселенскую правду, порядок и совершенство.

Наберитесь терпения и прочитайте, как канонируется этот проект: «В книгах дана история авестийской Арты, ведийской Артхи, античного совершенства Арти, эллинской доблести Аретэ, Астарты Артемиды Ортигии, римского Арта, авестийской империи Артаксерксов, Артакидов и Арташесидов, шумерской Аратты, ахейских стран Артавы и Дадонской Арты, еврейской Арцы, арабской аль-Арды, стран Ур-Арту и Суб-Арту, ведийской Арьяв-Арты, росоманской Аорсии, Древнерусской Артании и беловодской Агарты-Шамбхалы, учения буддийского Сиддх-Артхи и британского Артура...»

Прервемся, потому что это описание лишь малой части того, что затронуто в означенном труде, написанном, кстати, в стихотворной форме, охватывающем практически всю мировую историю, содержащем энциклопедический массив событий, имен, дат. Тех самых фактов, которые, будучи простым человеком, невозможно изучить, постичь, узнать, если только... Если только тебя не отметила десница высших сил. Если тебе не помогли, не подсказали, не направили.

Не спешите нас упрекать в ереси, давайте попытаемся понять, откуда автор мог знать (если не знать, домыслить) то, что касается истории адыгов. Он, никогда не бывавший на Северном Кавказе, не читавший этнографических трудов, незнакомый с обычаями, традициями, менталитетом народов, населяющих регион.

Впрочем, о его биографии мы поговорим ниже, а пока обратимся к 26-й книге ведической Арты, которая называется «Анналы Иналидов: черкеско-кавказская Урда от Тригарты и Ардилана до Эордии и Артабрии (1020–1690)» и атрибутирована как вышедшая в Челябинске в 2006 году.

Анонс ее гласит: «О внешней и внутренней политике Гуридского гулямского Делийского султаната (урды) – как восточного крыла Киргиз-койсакской орды, и Египетского мамлюкского султаната – как западного крыла Черкес-косо-когской или Черкас-казакской артели».

И далее: «Книга написана в традициях средневековых мусульманских анналов-летописей черкесской династии иналидов и является приложением к 25-й книги («Севериаде»), посвященной Агартису и его пращурам: жанейским, козожским и чигирским мореплавателям афаджанам из рода Кармоко-Ларуноко; иналидам: Кармокоевым, Егуновым-Кансуоковым и Чихириным, их контактам с антами, суварями, северянами, севрюками, саварами и саварками...»

Понятно: рядовому читателю сложно пробраться через подобного рода терминологию, поэтому обратимся непосредственно к текстам, насыщенным обилием исторических реалий и имен.

Итак, третья глава, озаглавленная «Кабарда и иберы...». Напомним, иберы, по античным источникам, восточно-грузинские племена, жившие на территории Иберии (Восточная Грузия).

Раздел 390: Кабарду пшир / Инал основал. / В тлашкателеву / Честь так называл. / Тлашкатели / Князьями там слыли. / Орки тоже / Князьями там были. / Тлашкателям / Они подчинялись. / Тлашкатели же / Пши поклонялись.

Как известно, генеалогические предания кабардинцев считают князя Инала родоначальником кабардинских, бесленеевских, темиргоевских,

Черкесское поселение на предгорьях Кавказа. Художник Христиан Готфрид Гейслер. 1800

Вооруженный черкес и знатный черкес в обычной одежде. Художник Христиан Готфрид Гейслер. 1800

хатукаевских и части хегакских княжеских родов. Согласно легенде Инал прибыл на Кавказ из Египта, более того, по арабско-турецкой версии считается, что он и мамлюкский султан Инал из черкесов, правивший в Египте с 1453-го по 1461 год, – одно и то же лицо. Известно, что верховный князь Кабарды середины XVI века Темрюк (Кемиргокко) считался правнуком князя Инала.

Относительно же сословного деления адыгского общества, обратимся к статье «Привилегированные сословия Кабардинского округа (Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 3): «Собственно в Большой и Малой Кабардах существуют следующие сословия: ворк (благородный)

и пшитль (неблагородный). К первому сословию относятся: пши, вид его – тума, тлакотлешь дижинугу, беслен-ворк и ворк-шаотлахуса; ко второму: пшекеу, азет, логанাপут, ог и унаут». А вот что писал Хан-Гирей: «Наименование пши (князь) произошло от слова «нахипш» или «выше», который на черкесском языке употребляется обыкновенно для означения высшей степени достоинства. Естественно, что люди, повиновавшиеся, почитали тех, от которых были в зависимости выше себя достоинствами, а потому это название присвоилось классу, облеченному верховною властью».

Раздел 445: Анты от / росоманов пошли. / Анты те – / роксаланов сыны. / Все адыги / от антов идут. / Их касогами / ныне зовут.

Перед нами словно цитата из труда Шоры Ногмова «История адыгейского народа». А вот как ее дополняет П. И. Ковалевский, автор книги «Народы Кавказа» (1914): «Кабарда происходит от древних антов, что доказывается многими данными кабардинских поэтических преданий, памятников и слов. Греки называли кабардинцев «черкесами». Пребывание антов, кабардинских предков, на нынешнем Северном Кавказе, доказывается свидетельством многих арабских, греческих и римских писателей».

Раздел 461: Те хоть крепости / Фряжскими были, / В городах / Византийцы тех жили. / Греки в них / И армяне селились, / Караимы, евреи, / Ютились. / Много турок / И руссов жило. / Фрязей в Кафе / Семьсот лишь было. / То купцы да / Епископы были, / Всеми урбами / Руководили... / Православными / Греки являлись. / Униатами / Эллины звались... / Чгук католиком / Зваться был рад, / Православный хоть / Был униат... / Там жанеец / Епископом был, / Католичеством / Фряжским рулил. / Жан тот / Архиепископом слыл. / Жан де Зих тот / Жанеевцем звался. / Жан викарием / Папы являлся. (1349) / Жан Жану-страну / Зихией звал. / В честь неё / И фамилию взял.

Каффа (Кафа) – так называлась античная Феодосия – во времена средневековья один из самых многолюдных городов Черноморского побережья, в основе роста которого лежало соперничество итальянских городских республик Генуи и Венеции. Знаменитый торговый центр – через него проходил Великий шелковый путь, многолюдный город. По запискам баварского путешественника Иоганна Шильтбергера (1380 г. – не ранее 1438 г.), автора «Книги путешествий» о скитаниях в Малой Азии, Египте, Средней Азии, Сибири и на Кавказе, в Каффе насчитывалось в начале XV века 21 тысяча домов, а этносостав был обширнейший: употребляя современные понятия – греки, армяне, болгары, евреи, русские, аланы, зики. Об этом подробно пишет А. Л. Пономарев, автор удивительной по информационной насыщенности книги «Население и территория генуэзской Кафы – по данным бухгалтерской книги Массарии – казначейства за 1381–1382 гг.».

Раздел 464: Янычары ж, что / В фортах селились, / С мамлюками, / Черкесами слились. / Бесланейцы ж / Адыгами звались, / К морю из-за / Хребта

не спускались. / Возле моря / Жанейцы там жили, / Братом старшим / Беслановцам слыли. / За Бесланом ж / Цвела Кабарда – / Тоже это – / Адыгов страна.

Здесь и далее Павел Назаров дает всестороннюю картину расселения адыгского этноса, которая по большому счету и в комментариях не нуждается, за исключением одного: автор и представления не имел кто такие абадзехи, бесланеевцы, бжедуги, жанеевцы, егарухаевцы, мамхяговцы, махосевцы, натухайцы, темиргоевцы, хатукаевцы. Допускаем, что из 12 основных адыгских племен он мог знать только о кабардинцах и шапсугах. Как и о абадзинах, шапсугах, убыхах, абхазах, но с такой детализацией, орографией расселения, употреблением топонимов...

Раздел 465: Все народы ж, / У Понта что жили, / Все адыгами / Вовсе не слыли, / Хоть им старшими / Братями звались – / Как «абаджи», / «абаски» писались, / Абадзинами, впрочем, / Не были, / Хоть и братьями / Тоже им слыли... / Сюга все / От абхазов пришли. / Их касогами / Тут нарекли. / Прежде Зихией / Жану их звали. / Как «Казахию» / Зиху писали... / Все шапсуги ж / На юге остались. / Все жанейцам / Родней ближней звались. / Их апсилы ж, / Абаски родили. / Их абаджами ж / Всех окрестили... / Дальше к югу / Убыхи селились, / Меж абхазов, / Абаджей теснились. / Те абаджами уж / Не являлись, / Но абхазами / Тоже не звались... / Там ахейцы ж, / Аше, проживали. / Возле Сочи ж / Шаше обитали, / Всех убыхов / Родней величали... / Те убыхи ж / Вокруг Туапсе / Возле берега / Жили уже. / Там Аше рядом, / Речка текла. / То ахейцев / Была уж страна.

Черноморское побережье. Художник Христиан Готфрид Гейслер. 1800

Кстати, многие исследователи считают, что Сочи происходит от названия одного из убыхских племен шача (шъача), проживавшего в междуречье Хосты и Шахе. Шапсуги и сегодня называют Сочи Шъачэ (Шъаше) – также, как Павел Назаров...

Раздел 541: Мы адыгами, / Антами были, / Псёл «водой» / По-адыгски крестили. / Псёл «апсу» мы, / Водю, зовём, / Ту-апсе / «двое-водьем» рекём. / То в Шумере мы / Имя приняли, / Там Апсу, / Мать воды, почитали. / Мы в Суб-арте / Тогда проживали.

О том, что означает название Туапсе нет однозначного мнения, но основные таковы: «место апсов (абхазцев)» и «две души» или «две реки (воды)» или «двуречье». У Павла Назарова это звучит поэтичнее: двоеводье. Кстати, вода по-кабардински «псы», а душа – «псэ». Последнее переводится еще как «наличие жизни».

Раздел 542: С нами анты. / Аорсы сроднились, / В севрюков мы / Орду превратились. / До Севера уж / Флавия нас (305) / Зрел на северных / Склонах Кавказ. / Плиний нас / На Кавказе застал. / Плиний Старший / О нас написал. / Нас «северами» / Плиний назвал... / Птолемей нас / Потом изучил. / Нас «суварами» / Птол окрестил. (300) / Птоломей нас / «саварами» звал, / Имя «сервиев», / «сервов» нам дал. / Нас «саурами» / Также писали. / Саувиру мы / Родиной звали. / Меотиду мы / Всю заселили, / По-северски мы / Песни учили.

Считается, что савиры (сабиры, савары, сувары) – группа кочевых племен первого тысячелетия нашей эры. Из военных хроник (очень немногочисленных) следует, что савиры являлись серьезной военной силой на Северном Кавказе, не раз осуществляли набеги на Византию. Последняя старалась использовать их в качестве наемников: именно савиры научили византийцев строить переносные тараны, с помощью которых последними был взят город Петру.

Раздел 543: Как Агартис / Великий писал, / Заберган к нам / Болгарский примчал. (25 кн) / Хан северов всех, / Антоу сплотил, / На Дунай вслед / Бояну отбыл. (560) / Синдилих вслед / За братом подался, / Антоу, севров / Набрать постарался. / После булгров / Кубрат возглавлял. (632) / Хан Кубрат / Аспаруха зачал. / Аспарух уж / Дунай перешёл. / Мёзу, Фракию / Хан там нашёл. / Там Болгарское / Царство возникло. (688) / Антоу племя там / Жить уж привыкло. / Анты в Сербию / Уж проникали, / Там склавинии / Уж покоряли. / Только тесно там / Антам всем было. / Племя антоу, / Северов решило / Вновь на Дон, / На Кавказ возвратиться, / На Тамани / В Анапе селиться.

Есть такой болгарский кинофильм «Хан Аспарух» (режиссёр Людмил Стайков, 1981) – историческая драма, воспроизводящая события, пред-

шествующие и сопутствующие созданию Болгарского государства. Аннотация к нему достаточно полно освещает события тех лет: «После смерти хана Кубрата (ок. 665 г.), его империя распалась, поскольку была разделена между его сыновьями. Старший сын Батбаян унаследовал Великую Болгарию, но после ухода своих братьев с отдельными племенами, был покорен хазарами. Второй сын, Котраг с племенем котрагов ушел в Среднее Поволжье и основал государство Волжская Болгария. Аспарух унаследовал племя оногондуров и под давлением хазар откочевал со своей ордой за Дунай. Найдя поддержку в славянских племенах и покорив несогласных, он завоевал у Византии Добруджу и в 679 году основал Первое Болгарское царство, заключив союз с местными семью славянскими племенами. После тщетных попыток византийского императора Константина IV покорить болгарские земли, он признал Болгарское царство в 681 году».

В другой аннотации, повторяющей все сказанное выше, уточняется: «Третий брат ушел на Кавказ – это Кабардино-Балкария». В статье И. Ангелова, председателя движения «За восстановление исторической памяти Болгар», читаем: «Государство, созданное Кубратом, просуществовало с 632-го по 668 г. н. э. не зная ни единого военного поражения. Напоминанием об этой древней Булгарской державе сегодня являются ...развалины крепостей в Кабардино-Балкарии и Карачаево-Черкесии». И у него же: «Старший сын Кубрата хан Батбаян блестяще выполнил завет отца. Как старший в семье взял на себя самую трудную задачу, благодаря чему народ выжил, обрел в разных частях света новую Родину, где предки болгар живут и поныне. История как-то умалчивает о заслугах Батбаяна, о нем известно, что нынешними потомками его племени утигуров являются кабардино-балкарцы и карачаево-черкесцы. ...Мы потомки всех Болгарий находимся в неоплатном долгу перед памятью этого великого болгарина и его малочисленным племенем утигуров и их потомками кабардино-балкарцами и карачаево-черкесцами». (Простите, но так у автора, которому, судя по всему, неведомо, что речь идет не об одном, а разных этносах. – *Авт.*)

Все это, но схематично и куда как более емко описал Павел Назаров.

Раздел 544: Так за Дон / Двести тысяч вернулось. (764) / Племя антов, / Северов сомкнулось, / Со склавинами / Перемешалось, / Уж болгарами / Чёрными звалось... / Там «антыгами» / Анты уж стали, / После имя / «адыгов» приняли... / Патриарх то / Никифор узнал, / В Цареграде / Про нас написал: / «Вновь в Артану / Северы прибыли, / Ясов всех / И алан захватили». (764) / Он «Артаной» / Задонщину звал. / Дон Танаисом ж / Он нарекал...

Раздел 557: ...На Дону / Кара-булгры селились, / Черно-булграми / Там окрестились. / Карачай и Болкар / Уж от них, / От северов / К Эльбрусу проник. / Кабарда там / С Черкесом не жили. / Карачай и Болкар / Там лишь были. (764–1427).

Раздел 565: Вдруг варяг / Святослав появился, / Саракел-град / Спалить изловчился. (965) / Тамутарху / Варяг захватил. / Град князь / Тьмутаракань заложил. / Чёрных с Дона / Булгар князь согнал, / На северов / Болгарских помчал. (970) / ...Булгры чёрные / В Киев ушли. / Там черкасами / Стали они. / На Донце, / На Осколе селились, / С севрюками там / Все породнились... – / «Беренджер» – / Варачан так писался. / Берендейский народ / Там зачался. / От савар род, / От варов их шёл. / В Варачане том / Гуннский был стол. / Берендеи / Саварами слыли, / Все боруссам / Собратьями были. / Перундеями / Их нарекали. / Все Перуна / Они почитали.

Раздел 567: ...Берендеи / Болгарам служили, / Коней в Истре / Болгарском поили, / Казаками, / Мамлюками были... / В Варачан они / Не возвратились, / В Кабарде / «Беренджер» расселились...

Раздел 568: Беренджеры / С мадьярами жили. / Все к мадьярам / На Дон уж отбыли. (880) / Град Маджар / В Кабарде их стоял. / Град мадьярских / Купцов принимал... / Берендеи же / В Киев пришли. / Там черкасами / Стали они.

В этих поэтических текстах находят объяснение многие исторические загадки: в частности, появления экзоэтнонима «черкасы»; зарождения Тмутараканского княжества (русского княжества, существовавшего в X–XII веках на Таманском полуострове, обитателями которого были касоги, аланы, русы, хазары, гоеки, обезы (абазинцы); истории Маджара – одного из крупнейших золотоардынских городов в XIII–XVI веках на Северном Кавказе, находившегося на месте нынешнего Будённовска – центра пересече-

Черкесское селение на предгорьях Кавказа. Художник Христиан Готфрид Гейслер. 1800

Маджар. Художник Христиан Готфрид Гейслер. Конец VIII в.

ния транзитных торговых путей из Закавказья в Северное Причерноморье и Поволжье. Путешественник XIX века Евгений Зичи, исследователь венгеро-черкесских связей, автор работы «Миграция венгров», сделал вывод, что (цитируем по газете «Новое обозрение». 1897. № 4685): «Последующая история гунно-мадьярских народов говорит, что раса эта была разбита на 3 части: одна часть направилась к западу и образовала венгерскую нацию, которая сохранила свой язык в течение десяти веков, вторая – к северо-востоку и смешалась с народами того края, там, где живут ныне башкирцы; третья вернулась на Кавказ, во-первых, потому, что он почти в течение 8 веков служил местопребыванием мадьярской расы и, во-вторых, потому, что еще Кавказ – это страна, которая в течение веков служила убежищем стольких других народов, что это дает мне возможность предполагать искать именно здесь остатки древних мадьяров, сохранившихся до наших времен.

Граф Зичи сам лично нашел поразительное сходство собственных имен венгерских и некоторых из кавказских племен. Кроме всего этого, он нашел на расстоянии 150 верст к западу от Каспийского моря, на берегу реки Кумы, развалины известного в древности города по названию Великий Маджар (маленький Маджар) и маленькую территорию, название которой соответствует среднему Маджару; потом, на расстоянии 2-часового пути оттуда, находится озеро Маджар-су (вода венгерская). В 6 верстах к запа-

ду от Сухум-Кале есть река от 60 до 80 верст длиною, которая называется также Маджаром».

Вот такие исторические реалии. А ведь есть еще и бытовые! Чего хотя бы стоит пассаж об одежде черкесов. Напомним только, что *фаиц* с кабардинского означает «костюм, платье, наряд». Ассоциируется это слово и с черкеской. У современной адыгской поэтессы Ларисы Шебзуховой читаем: «Как прекрасна кавказская фаша – / Утонченный веками наряд. / В ней кавказская выправка наша. / В ней особый кавказский заряд. / В строгих линиях – четкость пропорций, / Благородство и скромность души. / Стать горянки, подтянутость горца. / В горской фаши все хороши!».

А есть еще песня «Адыга-фаша (черкеска)», а в ней припев: «Слава Кавказа, знамя Кавказа – адыга-фаша. / Наша одежда, наша надежда – адыга-фаша».

Раздел 593: «Князи-орки мундиром, / «фаши» щеголяют. / Все оргузы «фаши», / Тот мундир, почитают. / Честь мундира блюдут / Орки, держат фасон. / Наш «фасон» от «фаши» / Тех касогов рождён... / Те черкески уж орки / Же сорок веков / Чтут, приняв их от древних / суб-артских богов. / В тех черкесках в Суб-Арту / Хурриты служили, / В помощь хаттам, касситам, / Гиксосам ходили. (3000–1530).

Раздел 594: По весне каждый орк / Свой «фаши» обновляет, / Пред артелью узденей / В «фаши» щеголяет. / Те уздени дворянами / Орков слынут. / Все в дружине дружинники / Дружно живут... / Все уздени коня лишь / Да саблю имеют, / Саблей хлеб добывают, / Не жнут и не сеют... / Орк в мундире прекрасном / Их в битвы ведёт, / В красной яркой рубашке / Как роза цветёт! / Все уздени с восторгом / На орка взирают! / От восторга аж очи / Узденей сверкают!

Раздел 595: Коль уздень вдруг фасон / Тот похвалит, любя – / Орк рубашку тотчас же / Снимает с себя, / Узду дарит «фаши», / Кодекс чести храня! / Сам же снова черкеску / Орк шить начинает. / До того же орк старый / Фаши надевает... / Орки хуже узденей / Бывают одеты: / Быстро сшить невозможно / Черкески же эти...

Раздел 596: Но уздени хабзу, / Аретэ соблюдают, / Одеания орков / Хвалить избегают, / Чтобы орк им рубашки / Свои не дарил, / Чтобы сам орк в рубашках / Атласных ходил... / Если орк всё ж рубашку / Дарить начинает: / Приглянулась узденю та, / Орк замечает – / Вмиг уздень отвечает: / «Ты мне не дари, / Сам в черкеске своей ты / Прекрасной ходи», – / Щедрость орка так узд / Ограничивает, – / «У тебя же другого / Фаши ещё нет!».

Раздел 597: ...Дар принять целый час / Тот уздень не желает. / Наконец орк фаши свой / Узденю вручает. / Сам орк в старой черкеске / На битву летит – / Лишь оружие златом, / Рубином горит. / Лишь сапожки прекрасные /

Черкесы. Художник Христиан Готфрид Гейслер. Конец VIII в.

Маком сияют, / Золотые застёжки / Алмазом сверкают... / Эти красные только, / Свои сапоги / И оружие орки / Дарить не вольны... / Все уздени чубы / Как и орки имеют. / Остальную же голову / Орки все бреют. / Гур Кансуху мамлюку / Они подражают, / В шароварах, чубах / Как Кансух все сияют.

Не правда ли, поразительное знание черкесских обычаев и традиций! Знание человеком, который по причине своих интересов и обязанностей практически не имел представления об адыгах. А ведь мы процитировали лишь малую часть – меньше 20 из сотен разделов, посвященных адыгам.

На сайте Южно-Уральского государственного университета размещена достаточно подробная биография П. Г. Назарова. Она, написанная, без сомнения, самим автором, оставляет довольно странное впечатление. Впрочем, судите сами: «Родился в 1962 г. в Саймановой долине, в Сунгурских горах, у Старомедного поселка, севернее г. Карабаш Челябинской области. ...В детстве маленький Павлик никогда не играл с другими детьми и не безобразничал, но много читал или путешествовал по окрестным горам. В 1977 г. начал составление «Всемирной летописи всех стран и народов» и

«Хроники правозащитного движения в СССР». В качестве источника – регулярно прослушивал около 20 зарубежных радиостанций, вещающих на русском языке. Делал ежедневные записи по каждой из 200 стран мира. К 1980 г. «Летопись...» насчитывала уже тысячу страниц».

Некая ирреальность, а если уж быть совсем откровенными – неадекватность ощущается при чтении этих строк даже несмотря на то, что они обрамлены реалиями советской действительности тех лет: школа, оконченная с золотой медалью, учеба в Челябинском госуниверситете, во время которой начал писать «Всеобщую летопись Древнего мира и Средних веков». Но трудовая деятельность в качестве лектора-международника в обществе «Знание» сменяется преподаванием балетных танцев в школе, далее учебой в аспирантуре МГУ, перестроечными событиями и непосредственным участием в них (был делегатом учредительного съезда Демократической платформы в КПСС, участвовал в защите Белого Дома от гэкачепистов). Но, решив, что «все цели демократизации России достигнуты, ушел из политики на позиции ведической созерцательности».

Созерцательность эта тем не менее вылилась в защиту в 1991 году кандидатской диссертации, подготовку докторской («Российская артельность и промысловая кооперация (от древнерусской Арты до 1960 г.)»), работу в Южно-Уральском госуниверситете старшим преподавателем, доцентом, старшим научным сотрудником, а с 2002 года, после переподготовки в Институте повышения квалификации работников высшей школы по специальности вэб-дизайн и интернет-технологии, методистом по современным информационным технологиям Центра гуманитарных и социально-экономических дисциплин ЮУрГУ. Потрясают финансовые фрагменты этих должностей: на четверть ставки методиста, на четверть ставки секретаря-машинистки...

Сведениями, которым уже более десяти лет, биография и заканчивается. Но на одном из сайтов мы нашли ее не очень радостное продолжение: «В самом начале Эры Водолея (считается, что эпоха Рыб закончилась в 2003 году. – Авт.) П. Г. Назаров был зверски замучен в системе карательной психиатрии КГБ СССР. Возможно, перед смертью он был освобожден и умер от голода или замерз на улице, лишенный жилья, одежды и пищи. Накануне смерти П. Г. Назаров оставался в сознании и успел переправить часть своих книг в Интернет. Рукописи его прочих 50 томов, возможно, до сих пор еще хранятся где-то в мрачных казематах уральских психиатрических клиник, но представляют собой лишь планы поэтических творений, а не сами эти шедевры, ибо основная часть этих поэм хранилась в памяти П. Г. Назарова, а не на бумаге. Так же лишь планами-конспектами являются размещенные тут 11–23 книги П. Г. Назарова».

«Смерть» – так озаглавлен этот раздел биографии человека, который называл себя «блаженный юродивый старец Агартис». И как будто верить сказанному надо, но верится с трудом. Уж очень много в данной трактовке эмоций при полном отсутствии фактов. А самое главное, остается неясным ответ на вопрос, что перед нами: грандиозная мистификация, бред душевнобольного человека или провидение, которое ему выпало донести нам.

В этой связи напомним значение последнего термина: провидение есть целесообразное действие Высшего Существа, направленное к наибольшему благу творения вообще, человека и человечества в особенности.

Мы склоняемся к последнему, ибо в творениях Павла Назарова – сумасшедшего, на взгляд окружающих, и юродивого (то есть мнимого безумца), по его собственному определению, есть нечто, что заставляет верить: его руками водили те, кто знает больше, чем мы, видит дальше, оценивает глубже. В силу того, что им открыто прошлое, то информационное поле, в котором собраны сведения о мире людей с его зарождения.

И в этом контексте нам кажется, что П. Г. Назарову был дан особый и редкий дар – общения с потусторонним миром посредством автоматического письма. Термин этот обозначает способность индивида писать осмысленные тексты вне сознательного контроля за этим процессом, причем не только в состоянии гипноза или транса. Ученые, изучавшие этот феномен, особенно в период увлечения спиритизмом, пришли к выводу, что «автоматическое письмо» представляет собой возникший в особых состояниях сознания доступ к бессознательному. Таких фактов известно великое множество. Считается, что русская писательница В. И. Крыжановская (1861–1924) создала свои произведения (множество исторических и оккультных романов: «Два сфинкса», «Железный канцлер Древнего Египта», «Сим победиши», «Геркуланум», «На соседней планете», «Адские чары», «В ином мире», «Дочь колдуна», «В царстве тьмы», «Мертвая петля» и др.) методом автоматического письма.

Мало кто знает, что британец Вальтер Скотт свои романы начал писать в пятидесятилетнем возрасте, причем создавал их с невероятной скоростью. Осталось свидетельство одного из современников, Уильяма Лейдло, который рассказывал, что «в его присутствии за неполных три часа были написаны без исправлений и помарок более сорока страниц убористого текста».

Сам Вальтер Скотт утверждал: «Порой мне кажется, что рука у меня пишет сама по себе, независимо от головы». А вот что писал доктор теологии Самуэль Никольсон в статье «Явленные шедевры»: «Нет сомнения, что наш великий соотечественник находился под постоянным влиянием какой-то светлой сущности, направлявшей его труды. Правы были современники, считавшие создание такого количества произведений физически невоз-

можным. Лишь высочайший духовный порыв, не всегда осознаваемый самим творцом, позволил сделать это. Ему сопутствовала помощь каких-то высших сил, которые осуществляли особое предназначение».

Впрочем, зачем далеко ходить – феномен автоматического письма помогает творить и одному из жителей нашей республики, создавшему за последние годы целый цикл произведений по истории адыгов, вышедших (в силу его материальных возможностей) отдельными книгами. Мы видели написанные им собственноручно рукописи – солидные кипы листов, заполненных строчками сверху донизу без всякого намека на знаки препинания. Более того, провели своего рода эксперимент, когда в нашем присутствии означенный имярек мгновенно, опираясь на кодовые слова, создал афоризм, из него – стихотворение, а последнее воплотил в притчу. Готов был писать и дальше – произведения более крупных форм... (И, к слову, пишет, одно за другим.)

Кстати, кодовые слова были такими: колесо, время. А афоризм, родившийся на их основе, звучал так: прошлое – это ось, которое крутит колесо будущего. Оцените.

...Нам никогда не узнать, кто водил рукой Павла Назарова, восстанавливая перед ним вехи истории адыгов, как и то, сколько в этих хабарах правды, а сколько выдумки. Но сам факт, что в созданном им грандиозном (от себя добавим – не понятом современниками) труде о ведической Артерте народу этому посвящена целая книга, говорит о многом.

Своеобразным продолжением данного материала нам видится статья «Черкесы, казаки и адехе», опубликованная в «Русском вестнике» 150 лет назад и впоследствии не перепечатывавшаяся.

Кто скрывается за инициалом Ф., которым подписана публикация, установил выдающийся кавказовед М. О. Косвен – он уверен, что написал статью Григорий Иванович Филиппсон (1809–1883). О Г. И. Филиппсоне известно, что с 1835 года он служил на Кавказе на различных должностях, с 1858 года являлся командующим Правым флангом Кавказской линии. Впоследствии сенатор, последний чин – генерал от инфантерии.

М. О. Косвен аннотирует статью, написанную в 1854 году, следующим образом: «Автор разбирает этимологию слова «черкес» и мнение Карамзина, отождествляющего «касоги», «черкесы» и «козаки».

Но, наш взгляд, статья значительно шире, отчето сегодняшний интерес к ней вполне оправдан.

ЧЕРКЕСЫ, КАЗАКИ И АДЕХЕ

Происхождение слова «черкес» нелегко объяснить. Его производят от слов: «сер-кюш» (по-персидски бунтовщик); «сер-кес» (по-персидски и -турецки голово-рез); «сер-кес» (адехское и тюркское: пересекающий дорогу, то есть разбойник); «шер-кес» (турецкое или арабское: нарушитель порядка, закона). Это невинная забава тех, которые считают этнографический вопрос решенным, если им удалось поймать похожий звук на каком-либо языке, даже не имеющем к делу никакого отношения.

Некоторые писатели производят черкесов от церкетов, о которых упоминается у древних географов. Так, Потоцкий¹ со странной уверенностью говорит: «Церкеты суть Черкесы».

Древние географы, начиная от Лже-Орфея (за VI веков до Р. Х.), Геродота и Скилакса Кориандрского до Аммиана Марцеллина (в IV веке по Р. Х.), упоминают о церкетах (которых одни пишут Cercetes, а другие Cerhetes), обитавших на восточном берегу Черного моря.

Страбон показывает жилище церкетов к югу от ахеев и гениохов, а Птоломей (географ II века по Р. Х.) – между сими народами; Арриан, Плиний и некоторые другие писатели помещают их к северо-западу от ахеев, говоря, что за церкетами живут скиты, киммерияне и меоты, жители Босфора, где находятся милезийские города, то есть Гермонаса, Цепи, Стратолика, Фанагория, Апатурос и Киммерион. Из этого с некоторым вероятно можно бы заключить, что церкеты жили к югу от нынешнего Геленджика.

Об ахеевках говорили, что они занесены бурей в эти места в эпоху древней Троянской войны, предшествовавшей той, которая воспета Гомером.

В земле гениохов (то есть возникших) писатели называют города Питион и Диоскурию, где ныне Пицунда и Сухум. Знаменитая Диоскурия (называвшаяся впоследствии Севастополис) была, по свидетельству тех же писателей, построена двумя возникшими – Кастором и Поллуксом, спартанцами, от которых произошел народ гениохи. Плиний и некоторые другие писатели называют этих возникших Амфитом и Тольхией, а Аммиан Марцеллин второго возникшего называет Церцием (Cercius)².

¹ Fragments historiques etc de J. Pototzky. T. 1. L. 27. Ch. 3. P. 34.

² Кстати заметить, что Страбон называет возникших Кастора и Поллукса Рекасом и Амфистратом. Надобно полагать, что эта басня различно рассказывалась.

Если таким образом возникшие дали гениохам название своего ремесла в народное имя, то нельзя ли допустить, что один из них, Церций, дал свое собственное имя другому народу – церкетам? В таком предположении, далеко не невозможном, догадки о дальнейшей судьбе церкетов делаются бесполезными, как догадка о народе, который или существовал только в воображении географов того времени, или, подобно гениохам, меланхленам и макрокефалам, сам называл себя совсем иначе (известно, что древние географы часто или заменяли подлинные имена народов переводом на греческий язык, или составляли названия по каким-либо отличительным чертам народов, как, например, макрокефалы и пр.). Прокопий, писавший в конце VI века по Р. Х., уже совсем не упоминает о церкетах и, описав подробно колхов, в его время называвшихся лазами, апсихов и абазгов, говорит, что за сими последними жили на берегу моря зехи и сагиды, в земле коих были Поттионт и Севастополис. За сагидами, говорит он, живут различные народы гуннов¹.

Для того чтобы утвердительно сказать, что черкесы происходят от церкетов, нужно было бы иметь достоверное указание распространения этого народа по берегу Черного моря и занятия им на северном склоне Кавказа земель, в которых ныне обитают горцы, известные нам под этим именем. Этих-то указаний и нет ни в одном из древних писателей. Церкеты исчезают без всяких следов. Таким образом, вывод г-на Потоцкого является не более как догадкой, основанной на сходстве звуков. Происхождение черкесов от церкетов не невозможно, но никак нельзя сказать, чтоб оно было вероятно, а еще менее – достоверно.

Наш знаменитый историограф Н. М. Карамзин говорит положительно, что имена: черкес (или черкас), касог и казак принадлежат одному и тому же народу². При таком взгляде на предмет дело идет уже не о невинной забаве корнесловием, а о решении вопроса, имеющего важное значение для истории России, особо южной.

Прежде чем приступим к рассмотрению этого вопроса, скажем, что в настоящее время на всем Кавказе нет народа, который бы сам себя называл черкесами. Это имя придают русские на Кавказе безразлично горцам северной стороны гор, вместе с другими названиями, столь же неточными: азиаты, азия, орда, татарва.

Люди более образованные дают название черкесы всем жителям северного ската гор включительно от Кабарды, Малой и Большой, до Анапы и устья Кубани. Это же нашли удобным почти все наши писатели, за исключением немногих, называющих черкесами преимущественно народ адехе, то есть нутхайцев, шапсугов, абадзехов, убыхов, некоторые мелкие народцы того же племени и, наконец, кабардинцев, хотя эти последние сами себя не называют адехе.

Приняв мысль Карамзина, нужно доказать, что адехе именно суть касоги или казаки и что именно часть их племени сделалась известной нашим летописцам с X столетия под именем черкасов.

Чтобы привести в возможную ясность этот темный вопрос, постараемся соединить немногие сведения, которые находим у древних географов и у писателей Средних веков об этих трех народах: касогах, черкесах и адехе.

¹ Geographie de Procope, tride Cousin.

² История государства Российского (под 1444 годом и во многих других местах).

В первые века по Р. Х. географы называют аланами жителей Кавказского пере-шейка, Херсонеса Таврического и стран, заключающихся между Доном и Волгой.

Аммиан Марцеллин говорит, что аланы покорили великое множество народов, которым дали свое имя, и распространились даже до реки Гангеса, а Прокопий Кесарийский, видевший аланов, утверждает, что они готского племени. Вместе с тем Аммиан Марцеллин прибавляет, что «имя Алан произошло сначала от гор». Ален на манджурском языке значит «гора», равно как на ассирийском тойра, от чего произошло название тавров. Имя Ален принадлежало особенно одной горе в хребте Имаус, ныне называемом Мустае¹. Несколько веков после того мы встречаем у восточных писателей под именем аланов народы, о которых наши летописцы упоминают уже под их особенными народными именами. Из этого можно заключить, что общее имя алан прилагалось ко множеству разноплеменных народов, повиновавшихся, по-видимому, одной власти. Какое, собственно, племя называлось аланами и составляло ядро Аланской державы – этого нельзя сказать с достоверностью, но надо полагать, что это было племя татарское или тюркское, которое пришло из Азии, с восточного берега Каспийского моря, где обитали древние массагеты. В состав державы Аланской входили разные племена готов, владевших Херсонесом Таврическим и живших на северо-западной оконечности Кавказского перешейка. Там мог их видеть Прокопий и по этой части державы Аланской заключить ошибочно, что все аланы – готы. Таким же точно образом мог ошибиться и Аммиан Марцеллин, положительно утверждая, что аланы суть древние массагеты, то есть племя тюркское.

Нынешняя Черномория и часть берега Черного моря, примерно до Новороссийска, имели в первые века христианской эры весьма пестрое народонаселение. В сочинениях Страбона, Птолемея и Плиния читаем, что этот край был населен множеством народов, которых одни имена известны этим писателям, да и то большей частью потому только, что они без всякой критики переписали их из предшествовавших писателей или внесли в свои сочинения по изустным рассказам. Готы и киммерияне (народ кельтский) из Крыма перешли на восточный берег Азовского и Черного морей, где нашли синдов и отживавшие свой век греческие колонии.

О синдах упоминают все древние географы, начиная с Лже-Орфея (VI век до Р. Х.). В их земле был порт и укрепленный город Синдика (*civitas Sindica*), а в некоторых вариантах *civitas Indica*), там, где ныне Новороссийск. Исследования Мальтебрена² проливают яркий свет на синдов и заставляют с достоверностью считать их колонией, оставленной в глубокой древности тем индейским племенем, следы переселений которого исчезли для истории и сохранились только в названиях урочищ, рек и народов. Я говорю о цыганах, которые в разных местах носят имена: синды, цинганы, цигонас, цингари, чинганы, ачингал, цигаине, джипси и хитанос.

¹ Hist. du royaume de la Chersonese taurique par Stanislas Sestrencerwz 2-m ed. 1824. T. 1. P. 139.

² Precis de Geographie universelle de Malte Brun. T. 6

В огромной номенклатуре народов, которую встречаем у древних географов, и особенно у Страбона, Птолемея и Плиния Младшего, часто попадает имя зингов, зигов и синдов, с разными изменениями. Так, Плиний помещает к северу от гор Киммерииона, между прочими народами, зингов (*Zinqi*). Сколько можно понять, Птоломей, почти современник Плиния, помещает тот же народ в горах нынешней Абхазии, по крайней мере к северо-западу от гор Коракса (Кодора). Около тех же мест Страбон упоминает о народе зиги. Плиний между разными народами, живущими на Дону, называет зигов (*Ziges*) и, говоря, что Танаис (Дон) протекает через земли разных народов, упоминает между ними синтиетов.

Прокопий Кесарийский говорит положительно, что за Абхазией, по берегу моря, жили зехи, что прежде римский император давал им короля, но что в его время они уже не зависели от Рима.

Это известие представляет первое точное указание жилища зехов именно в том месте, где в настоящее время находим народ, землю которого грузины называют Джигеты, то есть землей джигов, и который мы зовем джигетами. Сам себя этот народ называет саадзен; его земля находится между рекой Бзыбом, которая служит западной границей Абхазии, и обществом Хамыш, которое принадлежит к убыхам, народу адехе.

Имя зихов известно было генуэзцам и венецианцам, имевшим в XIII и XIV веках колонии в этом крае. Кажется, оно сделалось у них общим для всех жителей Восточного берега Черного моря. На карте Фредуция Анконского (составленной в 1497 году) страна к северу от Абхазии названа Зихия (*Zicchia*), а два приморских места – *Maura-Zicchia* и *Alba-Zicchia* (то есть Черная и Белая Зихия). Положение этих последних трудно определить по неточности очертания берега на карте Фредуция, но можно догадываться, что Черная Зихия находилась у Геленджикской бухты, а Белая – около устьев реки Мдымты, или Сочи.

Заметим, что Интериано, путешественник половины XVI века, долго живший в земле зихов, говорит¹: «...но зихи, так называемые по-итальянски, по-гречески и по-латыни, но которых турки и татары зовут чиркасами (*Tchiar-Kassi*) и которые сами себе дают имя адига (*Adiga*), живут от реки Дона по берегам Азовского и Черного морей до *Savo di Bussi*, то есть Пицундской бухты».

Отец нашей истории, Нестор, помещает на восточном берегу Черного моря за касогами – обезов, то есть абхазцев (*Abasgi*, *Arsili* древних географов; сами себя они называют и ныне абсче). Он не указывает в точности места жительства их, но должно полагать, что оно было недалеко от княжества Тмутараканского; ибо если бы они жили на месте нынешней Абхазии, то не могли бы быть известны нашим летописцам. Вспомним притом, что князь Изяслав I (1054–1077) был женат на княжне абазинской и что в 1223 году Чингисхановы военачальники, разбив в Дагестане яссов и половцев (по Абулгази, аланов), гнались за последними до Азовского моря и пределов России: «...поплениша Яссы, Обезы, Касоги и инех язык семь», – как говорит наш летописец. Присоединим еще, что в одной из русских летописей в чис-

¹ Giorgio Interiano. Della veita dei Zychi. Romanio. T. 2. P. 151.

ле стран, завоеванных Тамерланом, названы: «Орнач (по догадке Карамзина: Азов или Пана), Обеза и Темир-Кабы, ректе Железные ворота».

Ни Чингисхановы военачальники, ни Тамерлан не могли быть в нынешней Абхазии. Необходимо заключить, что они нашли обезов недалеко на юг от Азовского моря.

В Троицкой летописи говорится о бывшей в 1346 году моровой язве, известной под именем черной смерти: «...бысть мор велик на люди, на бессермены, и на татары, и на обезы, и на жиды, и на фрязы (то есть генуэзцы и венециане в Тавриде и Азове) и на черкас...». Опять видно, что летописец говорит об обезах, как о близких соседях.

Но были ли синды одноплеменны с зихами, а эти последние с обезами или абхазцами? Первое вероятно, хотя на то и нет положительных доказательств, а последнее сомнительно. Весьма возможно, что зихи были завоеваны абхазцами (обезами), а впоследствии как зихи (по крайней мере значительная их часть), так и синды покорены были адигами: последнее должно было произойти не в глубокой древности, но в народе диком и неграмотном память этих событий давно изгладилась и различные народности смешались тем удобнее, что как завоеватели, так и завоеванные были на одинаковой степени дикости.

Наши летописцы, начиная с Нестора, знают на северной стороне Кавказа только два народа: яссов и касогов. Последним дают место на западной, первым на восточной части северного ската Кавказа. Яссы распространились по Дагестану, где близ Дербента имели город Дедаков, взятый ханом Золотой Орды Мангу Тимуром в 1277 году, а также по берегу Каспийского моря до устья Волги.

Восточные писатели не употребляют имени яссов. Абульгази (Historie des Tartares) называет их аланами; но Карпини и Рубруквис, монахи и путешественники XIII века, говоря о кавказских аланах, упоминают, что они назывались также ассами или яссами, были христиане, искусные кузнецы и слесари, делали прекрасное оружие и хранили свою независимость. Рубруквис видел яссов в стане Батыя на Ахтубе, в 60 верстах от Астрахани, и недалеко от Сумеркента, древнего города, где жили яссы и сарацины, и который татары едва могли взять после восьмилетней осады.

Карамзин положительно считает яссов нынешними осами, землю которых грузины называют Осета, а мы самый народ зовем осетинами; но в этом весьма можно сомневаться как по соображению пространства земли, назначаемого для их жительства, так и потому, что не осталось ни малейшего следа владения осетин вне мест, которые они ныне занимают.

По всему видно, что слово «яссы» или «ассы» употреблялось в тогдашнее время как имя собирательное, для обозначения различных народов восточной стороны Кавказского перешейка, вроде того, как мы ныне жителей западной половины называем черкесами, а всех кавказских горцев – азиятцами.

Можно даже указать, хотя, конечно, до некоторой степени только гадательно, до какого места простиралась на запад земля яссов и где примыкали к ней касоги.

Константин Багрянородный (X век по Р. Х.) называет страну касогов Казахией. Осетин, жителей этой страны, и поныне называют казаками. Но какого племени были касоги? Где именно жили? В каких отношениях были с окрестными народами?

В VII веке с великим блеском и могуществом является в Византийской истории держава Хазарская и покоряет всю землю от устья Волги до морей Азовского и Черного, Фанагорию, Боспор и большую часть Тавриды. В состав этой разнородной державы вошли также яссы и касоги. В 964–966 годах Святослав I, взяв Белую Вежу, или Саркел, и разбив кагана хазарского, победил еще яссов и касогов.

«Тогда же, – говорит Карамзин, – как надобно думать, завоевали россияне город Таматарху, или Фанагорию, и все владения казарские на восточном берегу Азовского моря».

Об этом походе Святослава знают нечто и арабские путешественники. Географы Ибн Хаукан и Ибн-Эль-Варди, из которых первый был современником события, говорят об опустошительном вторжении русских в 968 году (358 г. х. в.) во владения волжских болгар и хазар, откуда они прошли до Семендера, нынешнего Тарки в Северном Дагестане¹.

Если эти писатели говорят действительно о походе Святослава (в чем можно сомневаться, потому что они полагают его в 968-м, а Нестор в 965 году), то из их показаний следует, что предприимчивый князь киевский не был в земле касогов, а еще менее мог покорить княжество Тмутараканское в низовьях Кубани.

В 988 году Владимир отдал в удел сыну своему, Мстиславу, это княжество, о котором тогда в первый раз упоминается в летописях. Когда и кем завоевано и из чего составлено это княжество, столь удаленное от остальной России? О том ни слова нет в летописях, которые, как справедливо говорит Булгарин, упоминая о маловажных набегах на мелкие финские племена, не умолчали бы о столь важном событии². Приобретение Тмутараканского княжества можно объяснить только добровольным присоединением его к России. Догадка Булгарина, что готские племена того края, узнав о владениях, основанных в окрестностях Киева варяго-русами, их единоплеменниками, вошли с ними в сношение и добровольно подчинились могущественному князю киевскому, догадка эта кажется нам весьма правдоподобной. Но вместо того, чтобы называть этих готов роксоланами, жившими там за 115 лет до Р. Х. и исчезнувшими на берегах Дуная в конце IV столетия, во время нашествия гуннов; вместо того, чтобы из роксолан произвольно делать роксоланов и россосов, для объяснения известных восточным писателям набегов русов на Ширванскую область и город Бердоа (в 913 и 943 годах); вместо всех этих произвольных и натянутых выводов Булгарина можно допустить самую общественную догадку, что еще во времена Рюрика или Олега черноморские готы вошли в сношение с варяго-русами. Мы знаем, что Аскольд и Дир, плывя по Днепру, пленились местоположением, основали Киев и сделались князьями окрестных славян, бывших данниками хазарского кагана. Легко могло быть, что сношения варяго-русов с одноплеменными им готами Тмутараканской области произошло также в конце IX или в первых годах X столетия. Товарищи же Аскольда и Дира, пустившиеся

¹ Френ Х. Письмена древних русов // Библиотека для чтения. 1836. Т. 15.

² Булгарин Ф. Россия в историческом, статическом, географическом и литературном отношении. Кн. 3. Гл. 6. С. 322–333.

далее искать счастья, или другие смельчаки, искатели новых земель, прибыли к устьям Кубани, нашли там одноплеменников и соединились с ними для дальнейших воинских предприятий. Действительно, Масуди, писавший в 957 году, говорит, что в 913 году (301 гиджры), следовательно, в начале княжения Игоря, русы на 500 лодках проникли из Черного моря в Азовское, потом в Дон и Волгу, спустились в Каспийское море и между прочим ограбили и опустошили область Ширван. В 943 году (332 гиджры) явились они снова на Каспийское море, вошли в Кур и овладели знаменитым городом Бердоа, при реке Тертере, в Карабаге. Более года держались они в этом городе и делали из него набеги на окрестные места. По словам Бора Гебрея (Chronicon Syriacum. С. 189, 193), в этом опустошительном походе участвовали вместе с ними славяне и лезгины¹. Участие славян легко объясняется тем, что они прибыли на Кубань вместе с варяго-русами.

Здесь надобно заметить, что византийские греки в первый раз узнали русов в 839 году, то есть за 23 года до прибытия норманских князей к славянам. Восточные писатели тоже около этого времени упоминают о черноморских русах. Это заставляет догадываться, что еще в начале IX столетия, если не ранее, норманские искатели приключений имели сношения со своими прикубанскими одноплеменниками, готами, которым они, вероятно, сообщили свое родовое имя рус или росс, общее тогда для всех народов, известных в Европе под именем норманнов². Все эти соображения по крайней мере весьма просто могут объяснить добровольное присоединение княжества Тмутараканского к Киевской державе. И действительно, Мстислав спокойно вступил во владение этим княжеством, данным ему в удел отцом его Владимиром. Судя по тому, что греческий император предложил Мстиславу общими силами уничтожить державу хазар в Тавриде, можно полагать, что этот князь нового удела был довольно могуществен. Андроник, вождь императорский, в 1016 году пристал к берегам Тавриды, соединился с войском Мстислава, в первом же сражении пленил кагана по имени Георгий Цул и тем положил конец владычеству хазар в Европе.

В 1022 году, говорит Карамзин³, Мстислав объявил войну касогам, «или нынешним черкесам, восточным соседям его области». Война кончилась единоборством касожского богатыря Редеди с самим князем Мстиславом, который, поразив своего противника, вступил в область касогов и наложил на них дань. В следующем, 1023 году Мстислав пошел с войском к берегам днепровским, под Лиственном разбил своего старшего брата, Ярослава, великого князя киевского, и в 1026 году великодушно разделил с ним государство: себе взял левую, а брату дал правую сторону Днепра.

Эти факты достаточно показывают, что княжество Тмутараканское было в то время очень сильно; иначе Мстислав, при всем удалстве своем, не в состоянии

был бы действовать так решительно и победоносно против двух могущественных противников: кагана хазарского и великого князя киевского. Вместе с тем видно, что подданные Мстислава по происхождению ничего общего не имели со своими восточными соседями – касогами, земля которых далеко не достигала берегов Азовского и Черного морей, по крайней мере против устьев Кубани.

Обратимся затем к объяснению вопроса, почему Карамзин положительно называет касогов казаками и черкесами?

Летописец наш Нестор говорит, что великий князь Владимир в 985 году, желая завладеть Камской Болгарией, отправился на судне вниз по Волге. Берегом шли конные торки, союзники или наемники россиян. Здесь в первый раз упоминается об этом народе. Другие показания более определительны. Наши летописцы называли торков и берендеев черкасами. В 1080 году торки обитали недалеко от Переяславля; некоторые из них перешли к россиянам и поселились в Киевской губернии, между реками Стугной и Росью. В то же время далеко за пределами тогдашней России они имели город Торческ, по объяснению Карамзина: «...ныне селение Торчица на берегу реки Торчи в Пятигорском уезде. В 1093 году, – продолжает Карамзин, – половцы (команы), взяв Торческ, опустошили все это пространство до Киева и Вышгорода. Владимир Мономах выгнал из России в 1121 году берендеев, печенегов и торков, новых пришельцев; утесняемые половцами (команами) и разбитые ими близ Дона, они искали убежища в окрестностях Переяславля, но, любя грабеж, не могли кочевать там спокойно. Однако ж многие из них остались на Днепре, были известны под общим именем черных клобуков или черкесов и служили россиянам. Летопись Владимирова времени упоминает еще о беловежцах, охотно принятых великим князем. Сии обитатели некогда знаменитой крепости Казарской на берегах Дона, взятой Святославом I, спасаясь от свирепости половцев, основали новый город в верховьях реки Остера и назвали его именем древнего, или Белая Вежа, хотя известные развалины (в 120 верстах от Чернигова) свидетельствуют, что в ней (в оставленной Казарской крепости) находились каменные стены, башни, ворота и другие здания»¹.

В 1152 году великий князь Изяслав Мстиславич, вместе с королем венгерским Гейзой, ходил против князя Владимира Галицкого. В дружине его были «все черные клобуки, еже зовутся черкасы». Они были конные.

Впоследствии они часто служили как наемники в дружинах князей против половцев и в междоусобных войнах, но были не всегда верны, а иногда изменяли даже на поле сражения, как, например, в 1159 году. В этом же году летописец в числе черных клобуков, кроме торков и берендеев (берендичи), называет одноплеменных им каспичей, а в 1161 году – коцей. «Где в одних летописях говорится о Торках, Берендеях и Печенегах, там в других называли только Черные Клобуки (см. Росс. Вифл. С. 225, и Воскрес. летоп. II. С. 28). Сие имя было им общим и, без сомнения, дано им от черных шапок. То же значит имя нынешних каракалпаков (то есть киргиз-кайсаков), некогда обитавших, по собственному их преданию, в

¹ Френ Х. Письмена древних русов // Библиотека для чтения. 1836. Т. 15.

² См.: Френ Х. Bulletin scientifique de l'Academie Imperiale des Sciences. Т. 4. № 9, 10; Сенковский О.-Ю. И. О происхождении имени русов // Библиотека для чтения. 1838. Авг.

³ Карамзин Н. М. История государства Российского (под этими годами).

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского (под упомянутыми годами).

России Восточной (Рычков П. И. Оренбургская топография. СПб., 1762. Ч. 2. С. 173–174)»¹.

Черкасы были племени тюркского, равно как половцы или команы. Сии последние сами себя называли *Sarchat*, как говорит путешественник XIII века Рубруквис. Абульгази дает общее имя кипчак всем народам, обитавшим между реками Доном, Волгой и Яиком, и причисляет их к татарам. Анна Комнена пишет, что печенеги и команы говорили одним языком.

Но команы и черкасы отнюдь не из одного места пришли в юго-западную Россию. Команы – азиатские татары, а торки, берендеи и прочие, то есть черкасы – давние жители Кавказа, у подножия которого мы уже видели их город Торческ. Но скоро их древнее отечество яснее обозначилось. Под 1187 годом Киевская летопись упоминает о казаках, живших по украинам, то есть южным пределам тогдашней России. Эти казаки, умножившись по нашествии татар новыми толпами удальцов бездомовных, посвятивших себя военному ремеслу, составили ядро запорожских казаков, которые правильное устройство как народ и как войско получили только в начале XVI века. Не только запорожские казаки всегда назывались черкасами, но вся нынешняя Малороссия и Украина не имели другого названия как черкасский народ. Это имя дается им позже во всех актах и грамотах монархов российских даже до конца царствования Екатерины II².

Столько фактов, без сомнения, дали Карамзину полное право сказать, что черкасы, казаки и касоги суть разные имена одного и того же народа.

Чтобы еще более объяснить этот вывод, вспомним, что черкасы являются в нашей истории в первый раз в 985 году, то есть через двадцать лет после разорения Святославом Белой Вежи и разрушения между Волгой и Доном Хазарской державы, в состав которой входили и касоги. Заметим притом, что во времена Владимира Мономаха (ок. 1121 г.) новые толпы черкасов поселялись на Днепре, гонимые команам от Дона, где они, вероятно, казаковали вместе со сбродом множества других племен, входивших в состав тогда уже разрушенной Хазарской державы. Так, наши летописи под 1147 годом в первый раз упоминают о бродниках, говоря, что они были христиане, обитали среди варваров, уподоблялись им дикой жизнью и, вероятно, состояли частью из беглецов русских. Они за деньги служили нашим князьям в их междоусобиях. Заметим и то, что около того же времени пришли беловежцы и близ места жительства черкасов, своих прежних соотечественников по Хазарской державе, выстроили новый город под прежним названием – Белая Вежа, вместе с тем обрусели, приняли христианскую веру и сделались известными под именем казаков, сначала украинских, а потом запорожских.

Нашествия татар в 1225 и 1236 годах опустошили пройденный ими край. Множество бродников, служивших татарам в 1224 году и ознаменовавших себя изменой после Калкской битвы, по словам путешественника Карпини, были истребле-

¹ Там же. Т. 2. Примеч. 192.

² См.: Полное собрание законов Российской империи, где находится по этому предмету множество документов в высшей степени любопытных.

ны татарами. Несмотря на то, другой путешественник того же времени, Рубруквис, в 1253 году нашел в стане Батыя и в окрестностях множество разноплеменных людей, и в том числе яссов, которые, заимствуя нравы своих победителей, скитались в степях и грабили путешественников.

Эти-то толпы удальцов всякого рода назывались в наших летописях ордынскими казаками. Слово «казак» в Юго-Восточной России перестало быть названием народа, а означало вольницу, наездников, людей бездомных, занимавшихся войной, как ремеслом. Так, в наших летописях встречаем казаков рязанских, азовских, ногайских, шибанских и тюменских. Все эти казаки не составляли какой-либо отдельной народности, ни даже отдельного постоянного сословия в каком-либо народе, не имели ни гражданского, ни даже постоянного военного устройства.

Донские казаки явились уже после падения владычества татар, в XVI веке, и составились из вольницы разных областей и народов, между которыми преобладало, однако же, великороссийское племя.

Должно заметить, что из всех этих казаков черкасами называли себя запорожские и уральские; и самый город Черкасск-на-Дону построен, по мнению Миллера, запорожцами, которые в 1570 году по требованию царя Иоанна IV в числе пяти тысяч прибыли туда с князем Михаилом Вишневецким и большей частью там остались¹.

Мы говорили уже выше, что черкасы, в X, XI и XII столетиях поселившиеся в Южной России, были касоги, подданные хазарского кагана, но должно думать, что сам народ касоги остался в своем древнем отечестве, потому что в 1223 году военачальники Чингисхановы, преследуя половцев из Дагестана до берегов Азовского моря, «поплениша, – говорит летописец, – Яссы, Обезы, Касоги и инех язык семь».

Весьма вероятно, что и теперь живущие в горах Кавказских, у подножия Эльбруса, карачаи, урусипи, чегемы, хуламы и балкары суть остатки этого древнего народа. Они происхождения тюркского, говорят наречием татарского языка, которое понятно для ногайцев, но очертанием лица совершенно не походят на сих последних, имеющих много черт из типа калмыцкого или монгольского.

Карачаи, урусипи, чегемы, хуламы и балкары – древние обитатели Кавказа. О приходе их туда не сохранилось никакого ни письменного свидетельства, ни предания. Генуэзцам и венецианам карачаи известны были под именем кара-чиоли (*caracioli*), туркам – под именем кара-черкес, то есть черных черкесов. Шарден, бывший в Абхазии в 1672 году, пишет, что «Карачиоли или, как турки называют их, карачеркесы суть северные черкесы. Несмотря на то что это самый красивый народ в свете, турки называют их черными черкесами, потому что туманы и облака беспрестанно покрывают их землю. Они были прежде христианами. Это видно по их обычаям и некоторым обрядам, которые они исполняют в своей земле, но теперь они не имеют никакой религии, ходят почти нагие, занимаются разбоем и суть самые смелые разбойники в свете»².

Заметим, что карачаевцы и до сих пор называют казаками тех из своих соплеменников, которые живут в отдельных пещерах, находящихся в верховьях рек,

¹ Донская Земля // Военно-энциклопедический лексикон. Т. 5. С. 187.

² Voyage du ch. Chardin en Perse 1811. Т. 1. Р. 182.

вытекающих из подошвы Эльбруса. Слову «казак» они придают значение одинокого, бессемейного. С другой стороны, у одноплеменных карачаевцам киргиз-кайсаков мы и по сие время находим, что одно племя, кочующее между Каспийским и Аральским морями, называется «черкес»¹. Эти соображения и свидетельство Шардена замечательным образом подтверждают тождественность карачаевцев, касогов и черкасов наших летописей.

Странная судьба этого племени, которое обошло вокруг всю Южную Россию и через восемь веков возвратилось под именем казаков в свое древнее отечество, на берега Кубани и Лабы.

Обратимся теперь к народу, который русские называют теперь черкесами, то есть адехе. Конечно, никто не скажет, что этот народ был одного племени с карачаевцами. Он говорит особенным языком, несколько не похожим на татарский, его наружность представляет строгий тип кавказской породы. Можно сказать, половина этого народа имеет русые волосы; часто встречаются голубые глаза.

Какого племени этот народ и откуда он пришел? Этого нельзя сказать положительно по недостатку исторических известий. В начале X столетия мы находим его в составе Казарской державы под именем кабаров или кабардов (cabari, cabardi). Могущество этой державы, разноплеменной, но в которой племя восточно-финское было, кажется, преобладающим, клонилось к упадку от двух главных причин: от завоеваний Олеговых (885) и от внутренних междоусобий. Так, между прочим, около 914 года три племени, из которых главное называлось кабарами (cabares), возмутились против власти кагана. Началась междоусобная война, в которой каган остался победителем, но не умел воспрепятствовать недовольным племенам оставить его государство. Некоторые из них ушли к украм, в Паннонию, другие – к подножию Кавказа, где находим их потомков под именем кабардинцев². Последний толкует, что слово «Кабарда» (Cabardah) значит «гористая земля кабардов», от тюркского слова «даг» – гора. Толкование, не имеющее, очевидно, никакого основания, потому что туземцы называют свою страну «Кабарт-ай», где «ай» или «ой» значит владение. По этому же примеру составлены названия участков других народов племени адехе, как, например, гатюк-ай, егерук-ай, темирч-ой и пр.

Должно полагать, однако же, что не все кабарды оставили Казарскую державу, но что по разорении Святославом Белой Вежи в 965 году часть этого племени последовала за каганом в Крым, где оставалась долгое время, как можно заключить из того, что одна река на этом полуострове до сих пор сохранила имя Кабарда. Вероятно, в татарский период нашей истории кабарды вышли опять из Крыма на северный берег Азовского моря. На карте Фредуция Анконского, составленной в 1497 году и найденной Яном Потоцким в Вольфенбюттельской библиотеке, показаны кабарды (cabardi) по берегу моря на правой стороне Дона; но в 1550–1557 годах живший у них венецианец Джорджио Интериано нашел уже их на восточном

берегу Азовского моря и говорил, что они жили от реки Тана, или Дона, до Savo di Bussi, то есть до Пицундской бухты. Из этого надобно заключить, что в течение этого полустолетия они заняли землю зихов, или зигов, стали известны в Европе под именем народа, ими покоренного, хотя сами себя называли уже адигами. Как произошло это занятие земли зигов и как смешались завоеватели с народом завоеванным, об этом не осталось никаких сведений у народа дикого и не имеющего письменных памятников. Южную границу их новой земли Интериано, без сомнения, показывал ошибочно, ибо каким образом захватили бы всю землю нынешних джигетов и часть Абхазии, которые никогда не были в их владении?

Если предположить, что кроме Пицундской бухты, названной на карте Фредуция Savo di Bussi, была какая-нибудь другая бухта того же имени, то во всяком случае она не могла быть севернее устья Мдзымты (мыс Аридлер) в земле джигетов, потому что к северу от этой реки не растет самшит, или кавказская пальма (buis, Buchbaum), давшая название этой бухте, где, вероятно, в то время продавалось много этого дерева, так как оно и ныне составляет значительный предмет торга.

Вообще надобно заметить, что сведения, передаваемые Интериано о нравах и обычаях адигов, весьма верны и добросовестны. Наблюдения свои он собрал, впрочем, только в северной части нынешней земли натухайцев или, точнее, в нынешней Черномории, где он пробыл около семи лет. Он говорил, что большая часть земли адигов покрыта болотами и камышами, через которые есть тропинки и тайные проходы. Адиги пользуются ими для набегов на сельских жителей, у которых отгоняют стада и увозят детей для продажи в Каир. Со стороны твердой земли они граничат с татарами, с которыми постоянно дерутся. Иногда переходят и через Босфор по льду, чтобы грабить крымских татар. Небольшое число адигов разгоняет целое войско татар. Адиги, по словам Интериано, христиане, имели греческих священников, но вообще были равнодушны к вере¹.

Около 1637 года посетил этот край доминиканский монах Иоанн Луккский. По известиям, которые он сообщил об адигах, видно, что за 80 лет, протекших со времени посещения Интериано, этот народ, распространяя на восток свои пределы, занял всю северную покатошь Кавказа до границы одноплеменных с ним кабардинцев². Это видно из того, что Иоанн Луккский называет в их земле две значительные реки: Пси, впадающую в Калканское море (Mer Calcané), и Силь, протекающую близ Кабарды. Пси, или Пшиз, собственно вода, есть название, которое адехе дают особенно Кубани, а Силь, по карте Делиля, есть название Верхнего Терека.

Но южную границу земли адехе Иоанн Луккский показывает гораздо севернее своего предшественника. Описывая землю абхазов (Abbassa), он говорит, что она находится между Мингрелией и землей черкасов, как он вообще называет адехе, и что в их земле есть две значительные реки: Соча и Субаши (Southe et Suba-su).

¹ Interiano G. Della vita dei Zychi. P. 141.

² Relation des Tartares, Periopiles et Nogais, des Circassiens, Mingreliens etc. Georgie, par Jean de Luca (on Lucque), reliquies de lordre de S-t Domcniue; Trevnot, Relations de divers voyages curieux qui n'ont piort ete publies etc. Paris, 1664. 2 vol.

¹ Небольсин П. Рассказы проезжего // Отечественные записки. 1853. Дек.

² История государства Российского (под годами 964–966); Historie du Royaume de Chersonese Taurique par St. 1824. P. 286.

В таком случае вся нынешняя земля убыхов принадлежала бы в то время абхазам, что и весьма вероятно, ибо в настоящее время разноплеменность и следы недавнего завоевания очень заметны на этом участке. Общество Хамыш, ближайшее к джигетам, состоит из смеси адехе с абхазским племенем.

Иоанн Луккский упоминает, что абхазы все христиане, хотя плохие, и находятся в беспрестанной вражде с Мингрелией и черкесами (то есть адехе), из которых большая половина в его время исповедовала ислаимизм. Заметим, кстати, что этот же путешественник сообщает, что для совершения христианских треб между теми черкесами, которые еще остались верными своей прежней религии, приезжает, хотя редко, священник из Терки, – любопытное сведение, которое показывает, что адехе не только были все христианами, но даже принадлежали к православному исповеданию.

Но какого племени этот народ адехе? Трудно решить этот вопрос. Аристократия этого народа гордится своим происхождением от арабских князей. Потоцкий и Рейнегс, а за ними Дюбуа де Монпере очень серьезно излагают генеалогию князей кабардинских, начиная от Абдул-хана, бывшего главой кабардинцев в Крыму в конце XIV или начале XV века. Такие затеи могут только вызвать улыбку каждого, кто знает Кавказ.

Мы уже выше говорили, что нутхайцы, шапсуги, убыхи и абадзехи называют сами себя адехе. Это имя они приняли не ранее XVI столетия, когда были уже на восточных берегах Азовского и Черного морей. *Хе* на их языке значит «море»; *аде* на арабском языке значит «остров» и «полуостров»; это же слово перешло и в тюркские наречия; на собственном языке адехе этого выражения не имеют. Таким образом, адехе значит «островитяне» или «жители морского полуострова». Довольно вероятно, что это имя произошло от полуострова Крым, на котором они жили около 300 лет под именем кабардов. Жители же нынешней Кабарды никогда не называли себя адехе, и их язык составляет наречие, мало понятное нутхайцу. Мелкие племена, живущие между нашей Лабинской линией и землей абазехов и шапсугов, говорят чистым языком адехе.

Затем все-таки остается нерешенным вопрос: к какому племени принадлежит народ адехе. Может быть, они потомки готских племен, живших в Тмутараканской области; может быть, они происходят от какого-либо из народов восточно-финского племени, входивших в состав Хазарской державы. Сколько-нибудь достоверный вывод можно сделать только после основательного изучения языка, обычаев и преданий этого народа. Это изучение нелегко. Его нельзя достигнуть, сидя в кабинете между фолиантами. Его можно производить только на месте, при всех лишениях и неудобствах жизни между дикарями – жизни безотрадной, какую ведут многие тысячи наших храбрых кавказских служивых.

Филипсон Григорий. Русский вестник. М., 1863. Дек. Т. 48. С. 847–865.

ВИДЕВШИЙ, ЧТО НАМ НЕ ДАНО ВИДЕТЬ...

Этого человека давно нет в живых, но то, что было в его возможностях, с какими потусторонними силами он контактировал и более того – использовал их, оставило след в памяти всех соприкасавшихся с ним. Понятно, что опираться только на воспоминания знавших нашего уникама, не есть убедительное доказательство творимых им излечений: люди склонны преувеличивать, особенно когда после событий пробегает определенное время. С другой стороны, что им от этих преувеличений? Да и чувство благодарности отдыхает: человека нет, зависимости от него никакой. Именно поэтому рассказанное поражает.

Его звали Мурат Наурузович Ахматов. Умер в 2002 году. Прожил неполных 37. Мать – кабардинка, отец – балкарец, но языка толком ни одного не знал. Был женат. Имел детей. Погиб насильственной смертью. Дату своего ухода знал заранее. За много лет до того трагического дня. Впрочем, рассказаем о том, что нам известно со слов его друга Юрия Юсупова.

Мало кто знал о второй, внутренней стороне жизни Мурата. Сам он не рассказывал, чтобы окружающие не посчитали его неадекватным. Но творившееся внутри него невозможно было долго скрывать. В один момент люди стали замечать, что на руках Мурата постоянно появляются синяки. На вопросы откуда, кто побил, отшучивался, от предложений наказать обидчиков отказывался, переводил разговор на другую тему. Да и как объяснишь тот факт, что синяки появлялись на его теле сами по себе. Появлялись по той причине, что во сне к нему приходила некая сущность и

Мурат Ахматов

музуила, что есть силы. Мурат первое время только защищался – выставлял руки перед собой, закрывал ими лицо, отчего на руках и появлялись синяки. Но сколько такое могло продолжаться? С другой стороны, не сам же он себе наносил удары, тем более синяки иногда возникали на таких местах (на спине), куда и захочешь дотянуться не дотянешься.

Как-то рассказал о своих ночных битвах бабушке Хауа. Она жила в Вольном ауле, знала наизусть Коран, соседи относились к ней как к эфенди. Бабушка первой и назвала приходящего по ночам – джинном, велела остерегаться его, сражаться с ним. Не руками – молитвой. А главное – не бояться. И в одну из ночей Мурат понял, что неожиданный гость не так силен, как ему казалось, более того – отступает перед его словом и растущей силой.

А потом Мурату открылось нечто, что позволило ему помогать людям. Этих случаев нам известны десятки, не знаем, какой из них был первым, поэтому просто расскажем несколько.

...У Мадины Ю. появилась на руках экзема. Куда только не обращалась, чем только не лечилась – не проходили болячки, только расплзались все больше. Но в отчаяние девушка впала после того, как вынесла свой диагноз известный в Нальчике аллерголог: «Это неизлечимая болезнь, доченька. Современная медицина бессильна, тут ничего не поделаешь».

Этот разговор нам передали чуть ли не в лицах, как и то, что произошло впоследствии. Уже было известно, что Мурат помогает людям, страдающим различными заболеваниями, поэтому обратились от безысходности к нему. Его лечение оказалось весьма необычным. Посадил девушку напротив себя и стал водить над местами, пораженными экземой, руками. Вначале просто водил, потом начал как бы собирать что-то с поверхности тела: поднимал пальцы вверх и стряхивал их. Резко стряхивал, бросая что-то невидимое на пол. Это напоминало манипуляции хилеров – филиппинских народных целителей, деятельность которых не признается современной медициной, а механизм воздействия на пациента полагается аналогичным действию плацебо.

Так продолжалось достаточно долго. Потом Мурат вышел из комнаты и сказал родственникам, что девушка здорова. Ему, естественно не поверили, ушли, недовольные и бурчащие. Но то, что произошло впоследствии, поразило всех: на следующий день сочащиеся ранки на руке покрылись пленкой, час от часу, в прямом смысле этого слова, стали сжиматься и в скором времени исчезли. Просто исчезли, даже не оставив следа. Словно их и не было.

Или такой случай. Женщине поставили диагноз – гангренозный аппендицит. Аппендикс расправился. Больная находилась в коме. Врачи отступили. Хирург тот прямо сказал: «Одна надежда на Аллаха». Дальше, со

слов свидетелей, произошло следующее. Приехал Мурат. Долго находился рядом с больной – врачи разрешили, так как надежд на излечение не было. Уходя, сказал родственникам женщины: «Не оставляйте ее одну – понадобится трубка, стал переливаться гной. Его было много, создавалось впечатление, что его кто-то словно выдавливает из тела силой. Гной перестал течь только к утру. А к обеду женщина открыла глаза. Хирург, которому родственники предлагали деньги, не взял их: «Моей заслуги в этом нет. Ни по каким параметрам она не должна была выжить». Выжила и до сих пор живет.

Другой случай. Сестра Юрия, девочка-подросток, впала в кому. Причина – нанесла себе ранение ножом, обвиненная в некрасивом поступке. Два часа пробыл в комнате с ней Мурат. Вышел шатаясь, опустошенный, с черным лицом, сказал: «Сестра пришла в себя, поздравляю тебя». Действительно, девочка очнулась, выздоровела. Более того, в скором времени к ним в дом явилась ее рыдающая подруга и сказала, что это она виновата в случившемся. Сказала, что ее совесть замучила, но Мурат уточнил: «Просто я страх твоей сестры передал ей, вот она и пришла».

Еще один эпизод. Имярек попал в серьезную аварию. В республиканской больнице поставили диагноз: перелом основания черепа, ушиб-размозжение мозга. Родственники упрашивали врачей, а те лишь разводили руками: «Если бы было давление, можно было бы попытаться помочь». Кто-то вспомнил про Мурата, его привезли. Он подошел к умирающему, взял его за руки, что-то говорил еле слышно. И – этому можно не верить, но тем не менее произошло именно так – давление стало 40 на 20. «Мало, – сказал врач, с удивлением наблюдая за происходящим, – надо еще поднять». И Мурат постарался: давление стало 90 на 60.

И произошедшее с матерью Юрия. Мучилась с головой, потом перестала вставать с кровати, принимать пищу, от бессилия и боли, невозможности ухаживать за собой решила, как потом говорила, уйти из жизни. Мурат остался с ней один в комнате. Называл по имени, что-то рассказывал. Потом стал делать пассы над головой – словно что-то собирал руками и отбрасывал в сторону. Мать стала засыпать. А когда проснулась – побежала (до этого долго не ходившая!) в туалет, а вернувшись, попросила поесть. С этого времени забыла про головные боли.

Или неслучившееся. Соседу Сулейману поставили диагноз: рак желудка. В Республиканской больнице вскрыли брюшную полость и зашили. Вердикт врачей был таков: «Ничего нельзя сделать. Время упущено. Год-полтора протянет, не больше».

Мурат зашел к соседу, которому после больницы полегчало (он повеселел, даже стал принимать пищу), посмотрел на него и сказал: «Сулейман,

хочешь пожить подольше? Если хочешь, бросай пить, курить. Давай съездим в лес, покажу тебе твоё дерево. Ты его будешь обнимать и оно оттянет твою болезнь. Не заберет, но оттянет».

Сулейман отказался, а когда спустя несколько месяцев дал все-таки согласие, Мурат лишь развел руками: «Уже поздно, я ничем не могу помочь». В скором времени сосед умер.

Эпизод за эпизодом, случай за случаем. Верить им невозможно, но как не верить, если есть реальные люди, умиравшие, но продолжающие жить. Что же это такое? И что за феномен представлял из себя Мурат Ахматов. Сегодня мы не сможем ответить на эти вопросы, как бы ни старались. Можем только рассказать, как работал нальчикский лекарь. Прежде всего надо отметить, что он этим не занимался постоянно, массово никого не принимал – только по просьбе близких или знакомых. Вознаграждения за лечение не требовал, но больной должен был оставить какие-то деньги на лежащем на столе развернутом носовом платке. Не важно какие, пусть даже железную мелочь. «Это не я лечу, говорил Мурат, это другие, они должны видеть благодарность за свою помощь».

Перед тем, как начать свои манипуляции, спрашивал у больного день рождения, какие-то незначительные детали из биографии. Мог во время сеанса выйти в коридор, постояв там, возвращался обратно и говорил больному: у тебя то-то и то-то, я в силах помочь, но благоприятное время для этого еще не подошло. Называл дату, когда к нему надо было прийти. И уже тогда обязательно помогал.

Расспрашивая посетителей, брал в руки ручку, которая, казалось, сама быстро-быстро выводила на листах бумаги нечто похожее на арабскую вязь: не то слова, не то узоры. Потом, перебирая эти листы, сообщал, чем болен пациент, сможет ли он ему помочь.

Мог лечить на расстоянии. Рассказывают случай с мужчиной, проживавшим в трехстах километрах от Нальчика. Ему не могли поставить диагноз, а он загибался прямо на глазах. Мурат сказал, что знает, чем тот страдает. Сделал амулет, который незаметно от больного вшили в его одежду, и тот поправился.

Часто предупреждал о том, чего делать не стоит. В частности, когда его друг рассказал о новых бизнес-партнерах, Мурат перебил его: «Отходи от этого дела. Они дали тебе задаток (действительно дали, но об этом Ахматов не мог знать), но потребуют во много раз больше».

Мог неожиданно сказать: «Тебя через месяц прихватит желудок, но ты не бойся – все само собой образуется». Или случайная встреча с парнем, электриком по профессии, произошедшая при свидетелях. Тот жаловался: мол, спина болит, врач прописал уколы хлористого кальция. Сделал семь уколов, а результата никакого. Мурат незаметно зашел к этому человеку за

спину, постоял, пригляделся к чему-то, только ему виденному, потом отвел товарища парня в сторону. «Ты знаешь, – сказал, – у него очень серьезное заболевание – воспаление правого легкого. Уколы не подействовали и этому есть причины. Я могу ему помочь, но для этого он должен меня попросить об этом».

Сказали электрику, а он отказался, испугавшись чего-то. Тем не менее, ребята его заставили произнести просьбу о помощи. Мурат проделал свои знаменитые пассы, а потом сказал следующее: «То, что я сделал, вернет силу введенных тебе лекарств. Но это еще не все. Ответь, где ты спишь?» – «На кровати отца». – «А от чего умер твой отец?» – «От рака легких». – «Вот и у тебя с легкими проблемы. Стена убила твоего отца. А сейчас она убивает тебя. Отодвинь кровать на метр от стены и будешь жить». На того парня страшно было смотреть, так он был поражен услышанным. Кровать он, кстати, передвинул; живой – недавно его видели в городе.

Случалось, что знакомые просили Мурата предсказать будущее. Чаще всего он отшучивался, но если кто проявлял особую настойчивость, резко отказывался: «Зачем тебе его знать? Все равно то, что должно произойти, произойдет». Это касалось и его смерти: знал, когда умрет (говорил об этом как задолго до самой даты, так и практически за месяц до нее, предупредив о своем скором уходе друзей), утверждал, что это невозможно предотвратить. Тем не менее, за жизнь боролся до последнего. Погиб от рук родственника: Мурат собирался разводиться, обстановка в семье была накаленной, с ним решил «поговорить» брат жены. Мурат был намного его физически сильнее, но от ножа голыми руками не спасешься, тем более, если удар тебе нанесли исподтишка. А потом, убегающего, добивали ударами в живот и сердце. Тем не менее Мурат был еще какое-то время жив после приезда «скорой». Совсем недолгое время... Убийца уже отсидел назначенный срок, вышел на свободу, живет.

Мурата же нет и нам никогда не узнать, для чего он пришел в этот мир, что должен был сотворить, кому помочь. Впрочем, последнее знаем: тем, кому помог. Эти люди его помнят и памятью своей делятся с другими. Рассказывают, каким располагающим к себе человеком он был; буквально притягивал людей, обвораживал их – улыбкой, манерой общения, умением слышать.

...Возникает вопрос: имеет ли право на обнародование рассказанная история? История, в которой ничего не придумано, а с другой стороны – откровенно пахнущая мистикой. Но мир многообразен и многомерен, и если мы сталкиваемся с чем-то, что не можем понять с позиций объективной реальности, то надо это не замалчивать, тем паче хмыкать и иронизировать, а просто сложить в копилку тех фактов, которые ждут своего объяснения. Которые обязательно будут объяснены, только со временем. И время это придет. Ждать осталось недолго.

ИНОПЛАНЕТЯНЕ В СУДЬБЕ КАТИ ЛЕЛЬ

Историю эту, случившуюся почти двадцать пять лет назад, мы хорошо знали, более того, описывали ее (к слову сказать, в весьма саркастическом тоне) в одной из местных независимых газет, появившихся в невиданном количестве в первые годы перестройки. Но в дальнейшем, начав заниматься темой таинственных явлений, тем не менее обошли данный курьезный случай стороной. Несмотря на всю его внешнюю сенсационность и наличие в героях весьма звучного имени, знакомого многим в нашей стране, не говоря уже о Кабардино-Балкарии. Вероятнее всего, причиной стала этическая составляющая – уж очень странно в этой истории выглядела ее главное действующее лицо Екатерина Николаевна Чуприна, более известная как Катя Лель.

Скорее всего мы бы к ней, этой истории, никогда не вернулись, если бы главный российский телевизионный канал – Первый – не анонсировал новый проект: мистическое шоу под названием «Черно-белое», в котором зрителям пообещали, что они станут свидетелями и участниками захватывающей борьбы между людьми, обладающими сверхспособностями. В центре внимания – экстрасенсорные расследования, призванные помочь людям, как нуждающимся в совете, так и тем, чьи истории ждут разгадки. Одна из передач и оказалась посвящена Кати Лель.

Вкратце суть случившегося с ней такова. В один из июльских дней 1990 года Екатерина Чуприна, на тот момент ученица неполных шестнадцати лет шестой школы города Нальчика, вместе со своими родителями находилась в доме, что по улице Мичурина, 23.

Был поздний вечер, когда... Впрочем, здесь уместнее предоставить слово тем, кто по свежим следам зафиксировал услышанное. В частности, Галине Тимониной, чьи записки о контактах с ...инопланетным разумом авторы этих строк выпустили в 1996 году в издательском центре «Эль-Фа», который они на тот момент возглавляли. Взяв псевдоним Левицкая, Галина Тимонина написала весьма парадоксальную книгу – «Зов космоса», в которой есть небольшая глава – «Любовь небесного посланца».

Итак, «в тот вечер, 9 июля 1990 года, семья Чуприных (по нашему совету автор обозначила их фамилию буквой Ч.) припозднилась с ужином. Лишь в половине одиннадцатого собрались все за вечерним чаем. Раз-

говаривали о чем-то смешном. От души веселились. Вдруг на кухне стало светло, как днем. Три луча конусообразной формы проникли в помещение, как бы ощупывая людей, находящихся здесь. Все замерли в испуге. И только Катя продолжала по инерции смеяться.

Так же неожиданно, как появились, таинственные лучи удалились. С их исчезновением прекратился смех у девушки. Да и до смеха ли ей было, если на нижней челюсти, где еще несколько секунд назад были зубы, зияли два черных проема. Боли от вырванных зубов Катя не почувствовала. «Операция» прошла бескровно.

Расследовать этот таинственный случай попросила Катина мама. Выяснилось, что Катя – личность неординарная. Обладает феноменальными способностями, хотя прежде никому о них не говорила. Иногда совершенно точно совпадали те события, которые девушка видела во сне, причем сны были подобны яви. Например, она в деталях увидела сон о своем пребывании в Польше. Но она не собиралась туда ехать. Однако выяснилось, что самодеятельный ансамбль, в котором Катя была солисткой, едет на гастроли в эту страну. И когда девушка была в Польше, то «узнавала» улицы, дома и лица, виденные ею раньше, во сне.

Бывали моменты, когда Катя невнятно слышала в мозгу приятный мужской голос. В последнее время дома она ощущает присутствие какого-то невидимого существа. Иногда чувствует на своем лице его пристальный, пронизывающий взгляд, и ей становится от этого не по себе. Иногда как будто энергетическая волна касается девушки, тяжелая портьера колыхается сама по себе, словно кто-то невидимый входит в комнату.

Проведя необходимые исследования дома и двора, успокоив девушку и ее родных, мы покинули таинственный дом. На прощание я попросила Катюшу звонить мне и информировать о дальнейших событиях. И они не заставили себя ждать.

Спустя три дня вновь услышала взволнованный голос девушки. Она рассказала о том, что во сне, как наяву, видела себя в большом закругленном незнакомом помещении. Вокруг стола сидели существа, похожие на людей, и беседовали. К Кате подошел незнакомец и сказал, что ее должны забрать на другую планету. «Не бойся, там очень хорошо, гораздо лучше, чем на Земле», – добавил он.

Катюша заплакала и взмолилась, чтобы ее не забирали, что она не может оставить родных. «А разве мы не достаточно тебя подготовили?» –

Лев Лещенко и Катя Лель

спросил он. «Нет, я не хочу, оставьте меня в покое!» – «Хорошо. Но ровно через неделю ты полетишь с нами. Готовься», – произнес тот же голос.

Катюша пробудилась от невыносимой жары и страха. Все тело и лицо покрылись потом. Состояние тревоги испытывали сестра и мама девушки, которые с того злополучного вечера спали вместе с Катюшей, чтобы ей было не так страшно. Мама рассказала, что не спала и видела, как те же лучи опять проникли в окно спальни даже через закрытые шторы.

Для Катюши и ее родных настали тяжелые дни. Они с волнением ждали назначенного момента. Мама от волнения сильно похудела, тем более что одна женщина сообщила, что она экстрасенс и имеет канал связи с Космосом, и по своей нетактичности сказала ей, что на днях ее дочь должна будет умереть, потому что заберут на другую планету ее душу.

В назначенный день в доме собрались все родные. Никто не спал, свет ни на минуту не выключали, стерегли Катюшу. Но, к счастью, все обошлось.

Подытожим летний сюжет на улице Мичурина. Неопознанный летающий объект, зависший над неприметным нальчикским домиком, яркие лучи, осветившие (вернее будет сказать – проникнувшие) комнату, где находилась Катя с родителями, исчезнувшие зубы... Факты весьма и весьма курьезные и неоднозначные, если не сказать больше. Но за них ухватились местные газеты (еще бы – до недавнего времени запретная тема космических пришельцев пользовалась невиданным успехом), о ней повсеместно судачили горожане.

А то, что после «безболезненного удаления» зубов в друзьях у девушки появился ...инопланетянин, вообще сделало эту историю притчей во языцех.

И здесь мы опять обратимся к книге Галины Левицкой, ибо к рассказанному в ней имели самое прямое отношение и как издатели, и как редакторы.

Итак, «прошло время. Как-то встретила Катюшу. Она похорошела, улыбка озаряла ее лицо.

– У меня все в порядке. Я теперь ничего не боюсь. У меня появился преданный друг, который всегда защитит. Он признался, что давно следит за мной, любит и никому не даст в обиду. Зовут его Роломар. Живет на планете Аракс, рост два метра. У него красивая внешность. Носит серебристый облегающий костюм. Он сказал, что я увижу его в 1992 году и что зубы мне обязательно вернут, и тогда я буду обладать необычными способностями и даже смогу лечить людей. Роломар не скупится на ласковые слова, говорит мне о своей любви: «Я давно знаком с тобой и всегда буду рядом. Ничего не бойся. Я всегда защищу тебя и твою семью».

Судя по всему, Роломар из той же команды, что и «стоматологи», но личное для него – право, неземной парадокс! – важнее планетарного.

И понятно почему: «Часто Катюша чувствует прикосновение к своему телу невидимых рук. То на одном плече ощущается покалывание, то на другом, то по голове как будто гладят. «Ты уже здесь?» – по-дружески беседует с Роломаром девушка».

...Вот так – не больше и не меньше: непонятно каким образом и почему, но двухметровый красавец с неведомой астрономам планеты Аракс попал под очарование нальчанки Катерины Чуприниной и – что уж недоговаривать – стал испытывать к ней неземные чувства, правда, пока только платонические. А как иначе прикажите понимать прикосновения, поглаживания, покалывания?

Тем не менее мама Кати, считая дочь большой выдумщицей, весьма скептически относилась к рассказам о Роломаре; даже утраченные зубы не убеждали. И женщину можно понять – известно, что люди думают, когда видят, как кто-то разговаривает с невидимкой (а по большому счету сам с собой), жестикулирует, улыбается... Это сегодня такие собеседники (с телефонным микрофоном в ухе) никого не удивляют, а в начале девяностых о мобильниках мало что знали и «саморазговорщики» (выразимся так) могли загреметь в известную чеховскую палату.

Одним словом, дабы мать не сомневалась, что у ее дочери с психикой все нормально, требовались доказательства космического присутствия. И Роломар постарался: «В детской комнате, где спят сестры, появились отпечатки руки с четырьмя пальцами и таинственные треугольники. «Это вам на память от меня», – прочли они.

Но родители сочли надпись эту весьма недостоверной. Тогда Катя попросила невидимку: «Если ты любишь меня, сделай так, чтобы мама убедилась, что ты есть». И вот неведомая сила потянула маму к столу, где лежала бумага с буквами, и ее рука сама стала двигаться от буквы к букве, выписывая текст: «Не волнуйтесь за дочь, я не дам в обиду ни ее, ни вашу семью».

Кстати говоря, классический пример примитивного спиритизма. Но как тут не поверить? Попробуй только: сила-то у пришельца какая нечеловеческая – и к столу притянул, и рукой водил!

«Так и живет в обычном доме в Нальчике небесный посланец, – заканчивает свой рассказ Галина Левицкая, – ежедневно напоминая о своем присутствии. По всему видно, что чувствует он себя равноправным членом семьи. Поняв, что Земля для любимой дороже, чем его планета, он решил пока остаться здесь».

Но Роломар, оказывается, не только остался рядом с девушкой (привязался, видно, не по-земному), но и взял над ней шефство – узнав, что «заветная мечта Катюши (она поделилась ею со своим другом) стать известной певицей», пообещал ей космическое протектирование. Вот ведь что полу-

чается: оказывается, и им, инопланетянам, ничто человеческое не чуждо: ради чувств готовы освоить даже такую сложную профессию, как менеджер.

Судя по тому, как сложилась дальнейшая судьба Екатерины Чуприниной, сдержал-таки свое слово Роломар, подтвердив незыблемую истину, что настоящим мужчинам (пусть даже родившимся не на Земле) можно и нужно верить. Тем более что житель Аракса избрал ускоренный вариант шефства: после окончания Северо-Кавказского института искусств, Катя уехала в Москву, где ее заметил кумир восьмидесятых Лев Лещенко. А благодаря ему – известный музыкальный продюсер, история взаимоотношений с которым оказалась почище космической и в конце концов стала достоянием бульварной прессы. И который, кстати говоря, уверен, что в карьере Кати Лель его деньги оказались куда более весомым аргументом, чем виртуальные обещания мифического Роломара и прочих, как он выразился, «зеленых человечков». Отчего после разрыва и пошла на спад карьера бывшей нальчанки.

И действительно, что-то давненько Катя Лель – народная артистка Кабардино-Балкарии и заслуженная Чеченской Республики, исполнительница некогда популярных хитов «Муси-Пуси», «Джага-Джага», «Мой мармеладный», не на первых ролях в отечественном шоу-бизнесе. Не этим ли вызвано обращение к истории почти двадцатипятилетней давности, которую певица держала все эти годы в секрете? Не беремся судить. Но будем объективными и скажем, что в процессе передачи Катя подтвердила под гипнозом подлинность произошедшего с ней. Того же мнения придерживаются и экстрасенсы. Да и соседи, с которыми мы беседовали в ходе съемок передачи «Черно-белое», утверждают: световые лучи над домом Чуприниных летом 1990 года действительно были. Но куда делись зубы – выпали ли сами или зачем-то понадобились инопланетянам – не знают.

Можно было, конечно, поинтересоваться у Роломара, но вот беда – он давно уже не выходит на связь. Как и его собраты – Зин-Нар, с которым общался в том же 1990 году известный нальчикский контактер Виктор Кострыкин, и Бабаджи, наставлявший долгие годы Галину Левицкую.

Относительно первого, уже писали не раз. И здесь стоит, как нам кажется, вспомнить газетную публикацию одного из авторов этих строк. Газета «Версия» № 13 за 1990 год, заметка называется «Зин-Нар не выходит на связь...». Ей предшествует преамбула: «Публикации о встречах с НЛО, параллельных цивилизациях, пришельцах из других миров наводнили стра-

ницы республиканской прессы. Не обошла эту тему стороной и «Версия», рассказав о доморощенных контактерах. И вот представился случай воочию столкнуться с неведомым».

Итак, «в воскресенье в Хушто-сырте, на восходе солнца ожидается контакт. Упустить такой шанс – всю жизнь потом жалеть! Срочно надо искать машину – сбор без двадцати пять утра, не каждый согласится встать в такую рань. Обзваниваю знакомых, рассказываю о том, что известно самому – есть некий контактер, регулярно выходящий с НИМИ на связь, и ОНИ дали ему знать, что покажутся в ЗОНЕ.

Заинтересованных – уйма. Неверящих – практически ни одного. Кое-кто побаивается: а вдруг заберут. Наконец, машину нахожу – страсти к непознанному все возрасты покорны: водитель, отнюдь не юнец, загорелся, тем не менее, как мальчишка. Прихватил, к тому же, и жену.

...Ночь без сна. Забываюсь на мгновение, и тут же звонит будильник: четыре часа утра. Оказывается, одиннадцатилетний сын уже встал, спрашивает взять с собой. Что ж, пропадать, так вдвоем.

Подъезжаем к условленному месту. Здесь уже ожидают три машины. Народу в них, судя по всему, более чем достаточно. Утешает: не мы одни не спали. И с другой стороны: раз едут, значит, что-то есть.

Ночь. Фары машин разрывают темноту ущелья. Тревожно и волнительно. Проезжаем Чегемские водопады. Еще километра четыре. Остановка. Площадка чуть выше дороги. Выходим. Народ разный – пожилые, молодые, мужчины, женщины. У некоторых в руках рамки из металлических стержней. Объясняют: «Вот «Чертов палец» (скала, поднимающаяся над противоположным гребнем) – ориентир для инопланетян. Два огромных камня чуть пониже – опознавательные знаки, заряженные: один положительно, другой отрицательно». И рамки показывают это. Действительно: беру в руки стержни, и они крутятся. Но про себя невольно думаю: «И для чего пришельцам столь незаметные (в космических масштабах) ориентиры, а может, аппаратура у них не столь качественная?»

По тропинке, скрываемой кустами барбариса, усыпанного красными ягодами, пыхтя и отдуваясь, поднимаемся минут 20–25. Довольно круто, и кое-кто изрядно поотстал. Но я с сыном в лидерах – тяга к познанию прибавляет сил. И вот оно, место будущего контакта. Относительно ровная площадка, окруженная со всех сторон горными грядками. Зрелище один к одному как в западных вестернах, наводнивших наши видеосалоны. Ковбоев только и не хватает. Но, может, их заменят неземные существа? Тишина. Лишь где-то далеко внизу глухо шумит река. Вооружившись биноклями, подозрными трубами, осматриваем окрестности. Никого. Ничего. И вдруг. «Вижу сущность!» – это тот самый, молодой, контактирующий. «Где?» – спра-

шиваю прерывающимся голосом. «Возле вас». Осматриваюсь, даже развожу по сторонам руки, неосознанно пытаюсь кого-то поймать. Воздух. «Смотрите внимательнее!». Уж куда дальше. Тщетно. «Вокруг вас свечение, вы светитесь. И другие тоже». Черт возьми, оказывается, уже засветился и главное, ничего не почувствовал. Ладно, свой ореол можно и не заметить, но чужие-то должны быть видны. Ничего подобного. Никто не светится. Сын подтверждает, что галлюцинирует только один молодой. Ну да бог с ним.

Взбираются отставшие. «Привет вам, инопланетяне!» – говорит один. «Зона не пропускала», – вторит другой. Где ж она, эта зона? Оказывается, нальчанин В. П. Кострыкин именно здесь

Скала «Чертов палец»
в Чегемском ущелье

как будто видел в 1968 году приземление космического корабля. Виктор Петрович вновь рассказывает о той давней истории, которая мне уже известна. Обхожу плато, настраиваюсь на контакт. Что-то не получается. Вот в сторонке двое мужчин где-то лет под сорок каждому смотрят в ту сторону, откуда должно появиться солнце. Доносится: «Зин-Нар, ты нас слышишь?».

Как ни напрягаю слух, ответа нет. Мужики не показывают разочарованности.

Вот трое парнишек. Один обращается к кому-то неведомому: «Ответь, дай знай, я тебя видел». Ответа не слышно.

Возвращаюсь к рассказчику, завершающему свое повествование: «Здесь надо построить пансионат, провести канатную дорогу, пробить источник. Люди будут лечиться, заряжаться. Зона подарит всем здоровье, бодрость». А вокруг только и слышно: «Энергетическая сущность», «Вижу голубоватое свечение», «Не выходите из зоны». Ребята усердствуют, бегают от одного края площадки к другому, ищут, зовут. Но им, как и мне, не везет. Появляются новые контактеры. Передаются по кругу заснятые в один из прошлых приездов фотографии. На них знакомое плато, какие-то люди, и все это на фоне пятнышек и точек. Невольно вспоминаешь о качестве отечественной пленки, бумаги и, само собой, фототехники...

Солнце всходит. Красота неопишная. Очень хочется верить. В неведомое, в многомерность мира, в то, что мы не одиноки во вселенной, что внеземной разум обогатит нас удивительными открытиями, что жизнь там, за незримой чертой, лучше, чище, надежнее. Очень хочется верить, но верить, простите, без дураков.

Разочарованные, спускаемся вниз. Стыдно смотреть на нашего водителя и его жену – им тоже не повезло. Сын бурчит под нос: «Сами они инопланетяне». Контакт не состоялся. Зону не увидели. Облегчения не почувствовали. К запредельному не приобщились. Может, не дано?».

И о контактах Галины Левицкой, которой она посвятила книгу «Зов космоса».

Строки из предисловия: «Неоднократно мне задавали вопрос, как у меня возникла мысль написать книгу. Вспоминаю, что много лет назад,

когда я работала в летней читальне парка культуры и отдыха Нальчика, со мной заговорил пожилой мужчина. Он показался мне необычным и каким-то загадочным, особенно его глаза, не по возрасту живые и пронзительные. «Вас ждет интересная жизнь. Пройдут годы, и вы будете писать», – сказал он. «Станный какой-то. Тоже мне, нашелся предсказатель», – подумала я и вскоре забыла об этом случае.

Когда начались наши биомозговые связи, долго не воспринимала их все-рез и даже не записывала получаемую информацию. Позже появилось желание вести дневники наших контактов с исследователями Системы «Зе» и, несмотря на занятость и дефицит времени, все же регулярно делала записи.

Теперь, когда у меня появилось желание написать книгу и это желание явилось откликом на поручение Учителя, пришли на память слова того мужчины.

В основу книги вошли дневниковые записи контактов с орионцами, работа «Спасем наш отчий дом», написанная ранее, и информации контактов нашего региона, полученные ими от своих Учителей. Кроме того, с начала работы нашего канала связи с нами произошло много удивительных событий, и мы встретили при помощи космических Учителей многих людей, обладающих фантастическими способностями. Поэтому я просто не смогла не рассказать обо всем этом. Работа над книгой продолжается и в настоящее время, так как каждый день с нами происходят еще более интересные и невероятные события, чем были раньше; и чем ближе мы будем подходить к концу нашего века, к новой космической эре, их будет все больше.

И если после прочтения этой книги хоть немного зернышек истины попадут в благоприятную почву и дадут добрые всходы в сердцах людей, буду считать, что поручение Учителя Бабаджи выполнено».

Уместным будет сказать, что спустя десять лет Галина Левицкая еще раз пришла в наше издательство, принесла новую книгу. Она вышла в 2005 году под названием «Великая сила любви». Как выяснилось, контакты автора с космическими учителями продолжались все эти годы достаточно активно. Но ничего нового контактер от них так и не услышала...

ТОЛЬКО ПРАВДА...

...На воскресной ярмарке обратил внимание на парня, привезшего на легковой машине множество стопок книг – неразобранные, лежащие вкривь и вкось, перевязанные кое-как, они свидетельствовали, что продавец к ним никакого отношения не имеет, что достались они ему в силу каких-то, скорее всего печальных, причин. В дальнейшем так и оказалось – библиотека принадлежала нальчанке, проживавшей в частном домике напротив ипподрома. Женщина трагически погибла, причем в момент наезда – мистика и только! – у нее в руках была книга о жизни после смерти, на которой даже остался след от автомобильной шины...

Не понимая о чем книги, какую ценность представляют и представляют ли вообще в наше нечитаемое время, парень стал продавать их исходя из внешнего вида и толщины. Толстая и в переплете – дорожке, мягкая и в обложке – дешевле. И когда он увидел, что практически все отобранные мною книги оказались непрезентабельными, посочувствовал: «Денег не хватает? Вы не стесняйтесь, я уступлю».

Все книги, привезенные им, были о потустороннем – мистике, загадочных фактах, паранормальных явлениях. Но самые интересные из них оказались действительно непредставительного вида – вышедшие в невзрачных переплетах, на некачественной бумаге, они говорили за себя своими названиями.

Именно тогда я приобрел работы Боба Фриссела, начинающиеся со слов: «В этой книге... Нет ни слова правды, но именно так все и происходит» и «...Есть немного правды». И тщетно искал третью, будучи уверен, что она обязательно должна быть: «...Только правда».

О чем пишет автор в своих экстравагантных трудах? О многомерности миров, окружающих нас, о реальности

контактов между представителями, проживающими в разных измерениях. На вопрос, как это возможно, Боб Фрисел отвечает: «У пианино есть восемь белых и пять черных клавиш, которые позволяют пианисту играть хроматическую гамму. Между соседними нотами находится двенадцать гармонических частот, или, говоря другим языком, двенадцать обертонов. Игра на пианино напоминает переключение телевизионных программ. Меняя каналы, вы настраиваетесь на волны различной длины.

Каждое измерение отделено от соседнего также и девяностоградусным поворотом. Если вы сможете изменить свою длину волны и совершить девяностоградусный поворот, то исчезнете из этого мира и окажетесь в том измерении, на которое вы настроились. Образы, воспринимаемые вашими глазами, изменяют свой вид согласно длине волны того мира, в котором вы очутились. На этой планете существуют разные миры. Все они находятся здесь, но наше сознание настроено на определенную длину волны. И всё же мы одновременно существуем в различных измерениях и воспринимаем их совершенно по-разному.

К примеру, если мы перейдем на один уровень вверх, что мы сейчас и осуществляем, то обнаружим, что, как только мы подумаем о какой-то погоде, такая погода и придет незамедлительно. Здесь же, на трехмерном уровне, это происходит с запаздыванием. И хотя наши мысли, безусловно, и здесь создают реальность, но ее манифестация, как правило, не бывает мгновенной.

Ключ к пониманию способности к перемещению из одного измерения в другое кроется в определении формы звезды-тетраэдрона, в основе которой лежит удивительная сущность – Меркаба».

На этом, впрочем, и прервемся и всех, кто интересуется как, по мнению Фрисела, можно активизировать световые поля Меркабы и использовать их в качестве средства передвижения в пространстве-времени, отсылаем к первоисточнику. По одной простой причине: нам это не удалось, хотя, будем откровенными, мы серьезно и не пытались, так как испытываем определенное недоверие к подобного рода теориям.

Тогда для чего, закономерен вопрос, затеяли огород городить? Если честно, только ради того, чтобы обыграть название третьей книги, так и не написанной американским контактером. Ибо в истории, которая будет поведана ниже, ТОЛЬКО ПРАВДА: реальные лица и факты. Итак, попытаемся воспроизвести события 30 дней августа-сентября 2013 года. Еще раз уточняя: все даты конкретны, лица – реальны, эпизоды подтверждены свидетелями.

Деятнадцатого августа на наш электронный адрес пришло письмо из Америки. В силу того, что большинство написанных нами книг посвяще-

но таинственным и загадочным явлениям, к нам часто обращаются люди, становившиеся свидетелями чего-то необычного, не укладывающегося в рамки существующих понятий. Поэтому тема полученного письма не вызвала вопросов. Они возникли потом и, забегая вперед, скажем, что ответы на них мы так и не нашли. Девушка (назовем ее Оксаной) сообщала, что родилась она в городе Нальчике 20 октября 1981 года. В возрасте 12 лет вместе с родителями переехала в США.

Построение фраз адресанта, неверное применение ряда слов свидетельствовали об отсутствии языковой практики – русский язык, став не основным средством коммуникационного общения, давался ей с трудом. Особенно это сказывалось на письме, отчего мы практически сразу приняли решение не мучить друг друга текстовыми посланиями, а перейти на разговорные. Оксана (так как главным действующим лицом в нашей переписке была она) стала присылать нам на электронную почту вначале звуковые, а потом и видеосообщения.

Что же было в первом письме? Многочисленные извинения, чтобы мы ее правильно поняли, не подумали, что она «больной на голову человек», так как с ней общается (в ней живет, правильнее было сказать) некий голос (сущность?), который ей подсказывает, как поступать в тех или иных случаях, предостерегает от ошибок, а то и оберегает от серьезных неприятностей. Что этот голос прямо-таки заставляет ее постоянно работать над собой, аккумулируя самые разнообразные знания и сведения.

В круге ее интересов как философия, психология, теософия, языкознание, квантовая физика, так и парапсихология, астрология, йога, метафизика... (В присланной позднее параллельной табличке, составленной на двух – английском и русском – языках было представлено множество дисциплин и направлений человеческого поиска). Все это ей нужно знать, утверждает голос, для того, чтобы она смогла ответить на «глубокие и стойкие вопросы внутри меня».

Но почему именно к нам обратилась Оксана? Оказалось, она на протяжении последних двух лет следит за нашими поисками и не только по причине того, что они осуществляются в месте, где она родилась. Но и потому, что ей велел обратить на нас внимание ...голос, сформулировавший свой интерес весьма необычно: «Они там, где это находится; я через тебя помогу им это найти». Последнее, будем искренними, вызвало определенного рода сопротивление: мы всегда считали, что сами по себе и никто за нас не определяет, что нам делать и как. А тут, оказывается, какой-то голос, неизвестно кому принадлежащий, мало того что следит за нами, так еще и предлагает свою помощь...

Одним словом, какие-то сомнения в адекватности вышедшей на нас Оксаны наличествовали. И ответив ей, мы намекнули о желании увидеть

какие-то доказательства рассказанного. А именно: что мы ищем? там ли ищем? нужно ли нам это искать?

«Все дороги ведут домой», – дословно ответила Оксана и поведала нечто, совсем далекое от потусторонней темы. Она рассказала, как ... были спасены во время гитлеровской оккупации Кабардино-Балкарии в 1942 году горские евреи (таты). Причем рассказала с такими деталями и подробностями, которые и нам, подготовившим к печати и издавшим книгу «Исход горских евреев: разрушение гармонии миров» (2000), построенную на интервью старожилов горско-еврейской колонии Нальчика, оказались неизвестны. В частности, откуда были взяты драгоценные подношения фашистам, позволившие потянуть время при решении расстрельной дилеммы к кому отнести татов – к евреям или горцам (по этому вопросу было направлено специальное обращение в Берлин, пришедшее как раз к освобождению Кабардино-Балкарии советскими войсками).

Тем не менее сообщенные факты (о них, накопив соответствующую информацию, мы еще расскажем) нас не убедили. Ведь достаточно много людей знали о перипетиях того смертельного противостояния, и родственники Оксаны (их фамилия была одной из самых известных и многочисленных в горско-еврейской колонии) могли ей в конце концов поведа-ть об этом. Сделав подобный допуск, мы попросили Оксану подробнее рассказать о себе и заодно ответить на один вопрос. Ответа на него девушка не могла знать. Прежде всего в силу оторванности от местных реалий и не привязанности к смысловому значению. Произнося это слово, мы спрашивали собеседников (кстати говоря, жителей республики), что это – если имя, то чье, если место, то что именно обозначающее – реку, ущелье, гору...

О себе Оксана сообщила следующее. Голос она стала слышать достаточно давно и долгое время никому об этом не говорила, хотя ее мучили кошмары, особенно по ночам. Когда родители узнали об этом (уже в Америке), показали девочку врачам, но те не усомнились в ее адекватности. Правда, зашла речь, что она живет в воображаемом мире, но многие, родившиеся под знаком весов, склонны к таким фантазиям. Нынешний врач Оксаны (психотерапевт) также не склонен преувеличивать степень ее психического нездоровья. Она у него бывает регулярно, но в Америке это в порядке вещей: психотерапевты здесь в ранге домашних докторов. У девушки высокооплачиваемая работа – не рядовая должность, требующая немалых профессиональных навыков (и они у Оксаны есть, как и авторитет у сотрудников), глубоких познаний, коммуникабельности. Ее ценят и к нечастым эксцессам (голос, он ведь такой, может заговорить с тобой – в тебе? – когда ему вздумается), под коими можно понимать определенный

эксцентризм, свойственный всем неординарным людям, относятся снисходительно.

Впрочем, подробный разговор об этом мы поведем ниже. А пока вернемся к проверке, устроенной девушке. Она подразумевалась, но произошла совершенно спонтанно. Уже в законченном письме, адресованном Оксане, словно сама по себе появилась приписка: «А о чем вам говорит слово Мамух?».

Дело в том, что как раз в этот день (в связи с разницей во времени между Нью-Йорком и Нальчиком, которая составляет то 8, то 9 часов – в зависимости от решения всевластной российской Думы – все наши беседы проходили ближе к полуночи) мы ездили в Зольский район. Осматривали гору, с которой, по преданиям, был дан сигнал началу битвы, состоявшейся в 1708 году на плато Канжол. Узнали, что сигналом этим стал костер, который зажгла девушка на горе, что неподалеку от Сармаково. Гора эта называется Мамух, по имени героической девушки. История эта – одна из версий того сражения, вероятно, имеющая под собой какую-то реальную основу. Но название Мамух не отражено в фольклорных источниках, хотя и присутствует в картографических. Хотя мало кто из сармаковцев о нем знает, а из жителей Кабардино-Балкарии слышали единицы.

Да зачем далеко ходить – наберите в любой поисковой системе это слово и увидите, что кроме ссылок на карту и созвучных персонажей ев-

Гора Мамух

рейской истории, других значений Интернет не дает. Так что Оксане не у кого было поинтересоваться смыслом данного слова, да и дедушка, который мог ей рассказать о том же спасении татов во время оккупации, давным-давно умер.

Насчет дедушки это, понятно, ирония, но нам было интересно, что ответит девушка и как ей здесь поможет голос, в существование которого мы по-прежнему не верили.

И практически мгновенно приходит письмо, в котором несколько отрывистых слов. Вот они: «Холодно... Ночь... Почему я здесь одна?».

И следом еще: «У нее нет выбора. Она мучается от потери. На этой холодной вершине. Ее согреет костер. Его пламя видно далеко...»

Кстати, эту историю мы рассказали корреспонденту «Кабардино-Балкарской правды», который обнародовал ее в материале «Чтобы помнить, надо знать», опубликованном в номере от 14 февраля 2014 года.

Сомнения как будто ушли: Оксана действительно что-то слышит, помогающее ей видеть какие-то моменты прошлого. Но при чем тут мы?

И тут же получаем ответ: «Я знаю, что вы ищите и где находится это место. Голос сказал мне, что это там, где вы нашли сигаретную пачку».

Это сообщение заставило вздрогнуть. Дело в том, что в биографии одного из авторов этих строк случился эпизод, имевший невероятное продолжение через десятилетия.

Вот рассказ Виктора: «В шестидесятих годах прошлого века меня, тогда двенадцатилетнего подростка, родственники взяли в Чегемское ущелье, в район турбазы «Башиль». Взрослые ушли по делам, а меня оставили поддерживать костер. Огонь стал тухнуть, и я, не найдя бумаги, вновь разжёл его пачкой «Казбека», лежащей поверх рюкзака. Впоследствии оказалось, что в ней лежали все наши деньги, три купюры – сто рублей, пятьдесят и десять. Закончилась эта история печально в том смысле, что меня в горы больше не брали.

Но спустя много лет этот случай имел неожиданное продолжение. В 2010 году я с группой профессиональных альпинистов отправился на поиски аномальной зоны, которая располагается в Чегемском ущелье, в местности, носящей название Кум-Тюбе – обожженная земля в переводе с балкарского. Путь по ущелью Джилги-су, начинающемуся за селом Эль-тубю, оказался настолько труден, что за целый день экспедиция смогла пройти не более пяти километров. Даже лагерь разбить было негде – кругом отвесные склоны. Наконец подходящее место нашли, поставили палатки, развели костер.

Я отошел буквально на несколько метров и вдруг увидел, что в темноте что-то белеет. Оказалось, это пачка папирос «Казбек». Машинально поднял ее, заглянул внутрь и обомлел: в ней находились три купюры – сто, пятьдесят и десять рублей. Только современные. В это невозможно поверить, тем не менее это было так. Впоследствии выяснилось, что в Кум-Тюбе надо было идти не со стороны Эльтубю, а с верховий, напрямиком от лагеря „Башиль“».

Понятно, что Оксана об этом никак знать не могла, но откуда мог почерпнуть эти сведения живущий в ней голос?

Здесь, как видится, самое время предоставить слово нашей американской корреспондентке. Вот отрывки из присланных ею диктофонных записей.

«Где-то лет в двенадцать на моем правом плече появилось какое-то новообразование, внешне оно малозаметно, просто темное уплотнение, которое как будто ничему не мешает, но часто напоминает о себе. Отчего его постоянно хочется скосырнуть. Чем-то оно напоминает имплантат, которые вживляют землянам инопланетяне.

Я не ясновидящая, ничего не предсказываю, не наделена никакими особыми талантами. Но ко мне часто приходят видения. Причем в любое время суток, независимо от того занята ли я или отдыхаю. Но самое главное, все, что я вижу, сбывается. Иногда, правда, не сразу, через определенное время, но обязательно сбывается. Вот лишь несколько эпизодов. Мои близкие друзья, супружеская пара, лет восемь не могли завести детей, уже отчаялись. У меня было видение. Я вижу их, а рядом девочку лет полутора-двух, с которой играю. Я рассказала им, описала, как выглядит девочка, ее прическу, черты лица, даже платье. Сегодня этой девочке два года. Она и та, что я видела, практически близнецы.

Или стою на тротуаре, жду, когда загорится зеленый свет светофора. Глаза сами собой закрываются, и я вижу такую картину: велосипедист, непонятно откуда выскочивший, налетает на женщину азиатской внешности, она падает, кричит, вокруг собираются люди. Открываю глаза, загорается зеленый свет, люди идут по переходу и на моих глазах велосипедист сбивает китайку. Начинают собираться люди, а я понимаю, что дважды пережила одно и то же событие: вначале мысленно, потом на самом деле, увидев воочию.

В 2004 году, отдыхая на островах, меня разморило на солнце, и я задремала в шезлонге у бассейна. Во сне увидела ребенка, который был под водой, он медленно опускался на дно. «Ты можешь его спасти, – сказал голос, – ты должна его спасти». Я вскочила с закрытыми глазами и ринулась к бассейну. Оказалось, на самом деле ребенок тонул. Молча, не сопротивля-

ясь, не крича. Мы вместе с родителями, которые прибежали на мой крик, вытащили его, откачали.

Или совсем недавняя история. Зная, что со мной происходит, домашние никогда меня не оставляют одну дома. Но так случилось, вначале ушел по своим делам старший сын, а потом и супруг с младшим сыном. Я осталась одна – пью кофе, смотрю телевизор и неожиданно для себя буквально проваливаюсь в сон. Но тут же открываю глаза, так как слышу, что в дверь стучат. Оказывается, муж с сыном вернулись. Более того, старший сын уже тоже дома. Он рассказывает, что достаточно долго пытался меня разбудить, но это ему не удалось, и он ушел в свою комнату. Это совсем на меня непохоже – я сплю очень чутко и всего несколько часов, не более четырех. Тем не менее, меня снова потянуло в сон. Когда же я открыла глаза, была поздняя ночь. Я посмотрела в окно и увидела огромный красный шар – это была не Луна, а именно шар, застывший напротив окна. Но я видела его какое-то мгновение, так как глаза сами по себе вновь закрылись. Я проспала весь день и всю ночь, после этого у меня на пальце появилось непонятное темное пятно. Похожих случаев было несколько, и после каждого на теле появлялись странные пятна.

Видения мои связаны с голосом. Он как бы их озвучивает, комментирует. Он постоянно во мне. Советует как поступить, на что обратить внимание, даже какие книги прочитать. Он словно пишет во мне и для меня картину необходимых знаний. Я никогда не интересовалась древней историей, религией, языкознанием, но голос сказал, что все эти знания пригодятся. Как и познания в области физики, метафизики, психологии, философии. Из мелких деталей, крошечных фрагментов, которые сами по себе ни о чем не говорят, но собранные вместе позволяют увидеть целое.

Голос оберегает меня, предупреждает об опасности. Был эпизод, когда во время ссоры в меня была брошена лампа, до этого стоявшая на столе и имевшая железную стойку. Голос предупредил меня об этом, более того, лампа изменила направление, а железная стойка прошла через руку человека, бросившего ее. В итоге ему пришлось сделать две операции. Я не понимаю, как это произошло, этого просто не могло быть – брошенные (в смысле рукой) предметы направление не меняют. Даже тот человек, что сгорая, не осознавая, что он делает, бросил в меня лампу, был поражен и назвал меня ведьмой. Но друзья и родственники к этому уже привыкли.

Началось это лет четырнадцать назад. Началось неожиданно и очень меня испугало. Представьте, в тебе есть еще кто-то помимо тебя. Кто-то, кто знает будущее и то, что ты должна сделать в нем, кто может влиять на это будущее, от кого невозможно спрятаться, скрыть плохие мысли, не

говоря уже о некрасивых поступках. Это тяжело, это страшно тяжело. Я не знала, как от него спрятаться, что сделать, дабы он оставил меня. У меня началась жуткая депрессия, пришлось обратиться к врачам, рассказать обо всем психологу. Я боялась, что меня посчитают сумасшедшей. Семь лет назад мне встретился доктор, который, по большому счету, вернул мне веру в себя. Он сказал: «Не волнуйся, ты просто необычный человек. У тебя сильнейшая энергетика. Тебе много дано, поэтому надо терпеть и жить». Когда мне совсем не могу, я иду к своему доктору и всегда нахожу поддержку. Со мной недавно произошел такой случай. Сын находился в своей комнате, а мне нужно было узнать, выключил ли он компьютер. И тогда я попыталась мысленно перенестись в его комнату и узнать, послушался ли он меня. Мне это удалось. Я увидела его как бы сверху – он лежал на кровати и возился с телефоном. И вдруг он поднял глаза, что-то увидел и громко закричал. Со стола полетели бумаги, телефон упал на пол, и тут я открыла глаза. В этот же момент услышала, как резко распахнулась, ударившись об стену, дверь, ведущая в комнату сына. Он вбежал ко мне и закричал, что в его комнату влетела ведьма, похожая на него, и зависла над ним.

Доктор улыбнулся и сказал, что подобное возможно и это вовсе не значит, что я сумасшедшая. Действительно, в обычной жизни я такая же, как все. У меня хорошая семья, высокооплачиваемая работа – я веду большую компанию, и ко мне многие приходят за советом. Но моя внутренняя жизнь, в которой существует голос, доставляет очень много хлопот и проблем, эта часть меня мне самой непонятна. Моя тетя говорила, что не надо будить спящих собак, а папа говорил, не трогай то, что не надо. Но ведь все происходит помимо меня самой. Я бы и рада никого не трогать, но голос постоянно напоминает о себе.

О том, что вы есть, мне тоже сказал голос. Это было тогда, когда вы разместили в Интернете свои сообщения по поводу найденной в горах пещере. Голос мне сказал, чтобы я набрала в поисковике на русском языке слова «пещера», «Кавказ». Так я узнала вашу фамилию, потом нашла адрес и написала вам. Голос дал мне понять, что вы ищете что-то очень важное и должны это найти. Потому что находитесь там, где надо искать.

Информация дается мне кусками и ее приходится собирать. Мне дается ключик, дверь к ключику я ищу сама. Если я открываю правильную дверь, голос ведет меня дальше. Такое чувство, что я не достойна этого познания. Будто во мне живут два человека. Один задает вопросы, другой – отвечает. В то же время голос и я как будто единое целое. Он нуждается в помощи, но такая же помощь нужна и мне. Этот голос со мной с детских лет. Бывает, что он разговаривает со мной по несколько раз в день, пока я не даю понять, что устала. Бывает, он сутками не напоминает о себе.

Голос мне сказал, чтобы я позвонила отцу и спросила, кто помогал евреям Нальчика во время войны и как это связано с фашистами, которые искали подземный город. Услышанное меня повергло в шок, я ведь даже не знала, что немцы были в Нальчике. Единственное, что мне было известно, это то, что прадедуска воевал. К этой информации голос добавил свою. Он с помощью компьютера помог мне найти фотографии, на которых немцы убивали беременных женщин с детьми на руках. Они просто убивали, ни о чем не спрашивали. Как с этой историей связан мой прадедуска? У него было золото с Древнего Египта, и оно было доказательством, что он знает место нахождения того, что искали фашисты. Прадедуска давал неправильную информацию, и это позволяло выиграть время. В конце концов, немцы поняли, что их обманывают, но оказалось уже поздно – Красная армия уже была рядом. Откуда у прадедуски были эти драгоценные вещи? Голос не дал мне ответ. Нашли ли немцы то, что искали? Голос сказал, они знали, что искали, но не успели найти. Это должно было случиться. И это случится. Просто тогда не пришло время. Но оно не за горами.

И тогда я нашла вас. Голос сказал, что вы мне понадобится. Может, я должна помочь вам, может, вы мне – я пока не знаю. У меня странная, не-

Транспорт немецкой дивизии «Волчья пасть» в Нальчике. 1942
Скарабеи из экспозиции Национального музея КБР

понятная миссия. Я ничего не хочу искать, но меня заставляют. Вероятно, на меня что-то возложено. И эта миссия как-то связана с вами. Голос сказал, что вы ищете Святой Грааль и думаете, что это нечто вроде чаши. Это так и одновременно не так. Чаша есть, но не в ней заключается ценность. Когда же я спросила: «А в чем?», голос ответил, что еще не пришло время об этом знать. И чашу найдете не вы, но зато вы можете найти портал. Портал – это вход в иные миры, в миры, которые существуют параллельно нашему, но куда попасть практически невозможно. Порталов очень много, они разные. Поэтому очень важно научиться их не только находить, но и различать. Нужно уметь себя защитить, чтобы выйти оттуда. Есть порталы-коридоры, через которые можно выйти к другим порталам. Меня интересует портал, закрытый с двух сторон. Он оставляет в себе людей, совершивших ошибки. Портал – это мост, по которому можно перебраться на другую сторону... Вы обращаетесь за подсказкой к мертвым людям, но этого делать не стоит, так как мертвые – это пустые коробки. «Тогда кто же им поможет?» – спросила я и он ответил: «Ты, через меня». Он сказал, что вы уже были в этом месте, но прошли мимо. Потому что его нельзя увидеть, вернее, нельзя увидеть сразу, а только почувствовать. Нет, точнее сказать – предчувствовать. И тогда он откроется.

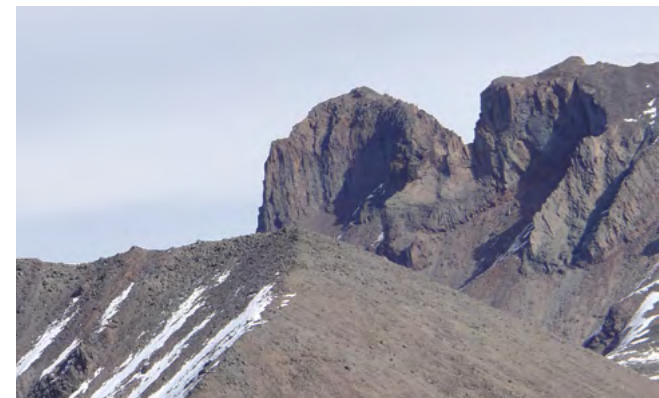
Голос мне советует закрыть глаза, успокоиться, ни о чем не думать. Я чувствую, что в этом месте что-то есть, но не могу понять, что именно. Хочу объяснить, как оно выглядит. Это место изолировано, но в то же время оно открытое. Чуть в стороне от него водопад. Поблизости небольшое озеро. Здесь всегда тихо, беззвучно и спокойно. Это тонкое, узкое, очень солнечное место, оно выше земли и притягивает к себе. Но зайти туда просто так нельзя. Даже если ты окажешься рядом с ним, у входа в него. Оно невидимо глазом, но ощущаемо на другом уровне. А для того, чтобы это ощущение возникло, нужен контакт. Портал притягивает, но не каждого. Кроме того, нужно, чтобы совпало множество факторов, и лишь тогда он откроется.

Это место вам известно, вы там были, но когда именно, я не могу сказать. Он говорит, что вам нужно туда вернуться. Он говорит, что надо научиться читать между строчек, видеть не только то, что открывается глазам. Вы должны были что-то почувствовать, когда там были, там что-то не так, как повсюду – другая аура, другая атмосфера, другое настроение. Прислушайтесь к себе, вы обязательно поймете, где именно это место. Моя задача помочь вам найти его, сделать так, чтобы вы не прошли мимо. Оно рядом с вами, оно там, где вы находитесь, прямо под ногами, и это посильнее египетских пирамид. Это возможность путешествовать – путешествовать не во времени (таких порталов просто нет), а в пространстве.

Кум-Тюбе

И эта возможность появилась совсем недавно, так как это место было изолировано от людей, к нему не было доступа. Нет, правильнее будет сказать не к нему, а в него. Люди здесь бывали, бывали неоднократно, но проходили мимо. Нужны, повторяю, соответствующие условия, должны совпасть место, время, действие и судьба. Вам это должно удастся, так говорит голос. Он советует вам помочь – дать через него соответствующие ориентиры и даже больше – через меня приобрести современные аппараты, позволяющие находить геопатогенные зоны (а портал и есть такая зона), то есть места, где естественный электромагнитный фон превышает допустимые нормы в десятки, а то и сотни раз. Эти приборы предназначены для исследования необычных явлений, с их помощью можно обнаружить признаки паранормальной активности».

После этого письма отпали последние сомнения в том, что из себя представляет описываемое место. Конечно, это Кум-Тюбе. Обратимся к нашему материалу «Отец Эльбруса», опубликованному в книге «Таинственная Кабардино-Балкария»: «Здесь, на водоразделе рек Чегем и Кестанты, расположено Верхнечегемское лавовое нагорье. Оно, как сообщает справочник «Вулканы», «находится в грабене палеозойских пород, который развился

вдоль поперечного меридионального Чегемского разлома. Плиоценовые липариты и их туфы покрывают площадь в 150 кв. км. Они образовались при извержениях и взрывах небольших вулканов. В конце плиоцена здесь сформировались два более крупных вулкана. Позднее они были сильно разрушены, их остатки находятся в западной части нагорья – Кюйген-Кая (3829 м) и Кум-Тюбе (3771 м)».

Так уж сложилось, что об этих вулканах в Кабардино-Балкарии мало кто знает. Опросив десятка два своих знакомых, мы услышали лишь один более-менее вразумительный ответ. А ведь Верхнечегемский – крупнейший из множества кавказских вулканов. Более того, всем известный Эльбрус – его сын и наследник.

Ученые подсчитали, что Верхнечегемский вулкан извергался не менее восьми раз: считается, что одно из них описал древнегреческий географ Страбон, автор знаменитой «Географии» – самого обстоятельного источника по истории и этнографии Северного Кавказа в начале нашей эры. Причем последнее извержение произошло всего несколько столетий назад (до 500 лет; Эльбруса – до 1500 лет), когда «из нескольких боковых центров излились закрученные канатные лавы. Сам конус вулкана высотой 2500 м и диаметром 16 км сложен более древними лавами, нижние из которых изливались в условиях равнинного рельефа. Мощность Верхнечегемского вулкана достигает почти 3000 м, после первого извержения его основание глубоко осело, и он оказался ниже Эльбруса.

...Эльбрус начал действовать одновременно с Чегемом, проявил большую активность и в целом моложе. Наследник Эльбруса – такой же полифазный вулкан – образуется в районе истоков Эшакона примерно через 2 млн лет, а более молодые – еще севернее. В ближайшие тысячелетия активность ожидается только в южной половине этого полукруга, а также в поперечной полосе к югу от Казбека».

...Мы поднимаемся все выше и выше, петляя по осыпям, используя тропки, проторенные лошадьми и яками. Они пасутся сами по себе и остаются здесь вплоть до того момента, пока траву не спрячет снег. Он уже покрыл не только дальние, но и все ближние вершины, языками спускается в лежащие по обе стороны плато. Еще немного – и четырехчасовой конный переход близок к завершению; мы на одной из высших точек лавового нагорья.

Слева, практически на одном уровне с нами, знаменитая вершина Кум-Тюбе с ее скальным изгибом. Внизу, под нами, относительно ровная площадка с горным озерцом и буйной речкой Джилги-су, уходящая в одноименное ущелье, то самое, что так и не пропустило нас в августе на плато. Справа еще одно плато, по которому мы и двигались, а далеко под ним, в клубящихся облаках, долина Чегема.

Вокруг удивительнейшая горная панорама снежных пиков, обрамляющих по всему периметру Верхнечегемское лавовое нагорье. Ослепительное солнце равнодушно освещает безжизненный безмолвный пейзаж. Ни звука – не слышно птиц, не гудит ветер. Тишина поражает и настораживает. Время словно остановилось. Никого и ничего.

Дрожь пробегает по коже от одной только мысли: каково же остаться здесь в одиночестве – спрятаться негде, укрыться – тем более, согреться нечем – на многие километры ни деревца. И ночевка, которую мы предполагали осуществить здесь (правда, в летний период), уже не выглядит столь привлекательной, даже в контексте возможной встречи с неопознанными объектами, кои здесь, на плато Кум-Тюбе, наблюдали неоднократно. Не случайно ведь исследователи непознанного называют места эти весьма таинственно: аномальная зона «Альфа». Но лично мы в день пребывания здесь ничего необычного, к сожалению, не увидели. За исключением двух каменных кругов, непонятно для чего предназначенных

и с какой целью сооруженных. Диаметр обоих (около четырех метров) не предполагает соотнести их (по причине малой вместимости) с чем-то вроде загонов для скота. Тем более что круги сплошные, без намека на вход и расположены на коротком (около тридцати метров) расстоянии друг от друга. С какой целью была осуществлена столь непродуктивная работа, для нас так и осталось неясным; открестились от кругов и пастухи, утверждая, что они были здесь всегда, по крайней мере, сколько они себя помнят. Тем не менее сомнений, что круги рукотворного происхождения, ни на мгновение не возникает.

Повторимся: необычного, выходящего за пределы разума и понимания, мы действительно не зафиксировали, но вот ощущение того, что не одни, наличествовало: то на одном из дальних склонов вспыхнет и мгновенно погаснет солнечный лучик, словно отблеск от увеличительного стекла бинокля; то при абсолютно чистом, свободном от облаков небе проплывет по земле тень – непонятно откуда взявшаяся, кем отраженная; то поймашь себя на желании обернуться, поймать чей-то пристальный взгляд, идущий откуда-то сверху, со стороны огромных, но в то же время соразмеримых друг с другом каменных плит, своеобразной выкладкой обрамляющих подступы к одной из вершин.

И понятно, что солнечный луч отражается отполированным куском магмы с металлическими вкраплениями, что разреженный воздух создает иллюзию движения, а напряженное воображение – присутствия, но, тем не менее, вера в чудесное, запредельное здесь велика как нигде.

В безмолвии мира природы ищешь ответов, и если последних нет, то многое, естественно, домысливается. Причем каждым из нас по-своему. Вот поэтому ниже мы расскажем о том, чему хоть и не были свидетелями сами, но во что верим. А если точнее – хотели бы верить...»

Так заканчивался тот материал, к которому сегодня следует добавить вот что. Оксана писала, что рядом с этим местом находится водопад, и мы действительно видели небольшой водопад по пути в Кум-Тюбе, но вот озера не встречали. Чабаны, держащие скот в верховьях, тоже утверждали, что не знают никакого озера. И отсутствие этого ориентира, о наличии которого утверждала Оксана, а ей сообщил голос, вселяло сомнения в том, что мы правильно определили искомое место. Но они исчезли, когда выяснилось, что озеро, вернее озерцо, в Кум-Тюбе все-таки есть. Оно появляется весной, но уже в середине лета, особенно если стоит жаркая погода, полностью высыхает.

И снова предоставим слово нашей американской корреспондентке.

«А еще мне было сказано, чтобы вы не боялись. Место мы найдем сообра, время пришло, осталось осуществить действие. Будет ли оно про-

изведено и когда, зависит теперь только от вас. Гору грехов – голос называл это место так, но на мой вопрос, почему она так называется, ничего не ответил – рожденный под знаком весов должен найти. Почему выбран именно этот знак зодиака? Потому что он особый, не относящийся ни к людям, ни к животным – единственное неживое в гороскопе, он своего рода баланс. Весы – это две половины. Одна – духовная, другая – земная. Весы – несчастные люди, потому что они всегда за справедливость. Иногда Весов называют посланниками Бога, они его глаз. Весы мучаются, пытаются понять, где правда, а где ложь. По большому счету, Весы – это тоже своего рода портал, дорога между этим местом и другим. Это дорога контакта...»

Относительно Весов все понятно – Оксана родилась под этим знаком. Но и один из авторов этих строк – Виктор знает не понаслышке все светлые и темные стороны Весов, имея к этому неживому знаку самое прямое отношение. Кстати говоря, астрология утверждает, что «способность Весов предсказывать будущее поразительна, особенно в сочетании с их легким, не омраченным мистическими предчувствиями характером».

Вот такой монолог (вернее, выжимки из него), скомпонованные из нескольких диктофонных записей. В нем, монологе, абсолютно ничего не добавлено, не приукрашено, не додумано, единственное, что сделано – разговорная речь воспроизведена в виде текста и приведена к нормам русского языка.

А ведь были еще (были и есть) письма, много писем, которые показывают, как шло наше общение, чего оно касалось, чем закончилось... Пробежимся по ним.

– Меня зовут Оксана Ш., настоящее имя Ш. Мне его поменяли лет в пять.

– Оксана, доброе утро (у нас уже утро), прослушали ваши записи, заинтересовались. Конечно, вы не сумасшедшая, а нормальный человек, но которому дано больше других – слышать то, что не слышат другие, прикоснуться к тому, что за гранью нашего понимания, увидеть (возможно) то, что скрыто от всех нас. Мы обдумываем все услышанное и зададим свои вопросы.

А пока первые из них – что конкретно сказал голос о месте, которое нам надо найти, для чего эта информация, что с ней связано, чему она может послужить?

Другая тема – спасение евреев от нацистов в Нальчике во время оккупации в 1942 году (ноябрь-декабрь). Для чего эта информация, какова ее связь с вами, вашей семьей, родственниками, что этой информацией голос хочет сказать, какое имя донести до нас?

Как все это стыкуется с нами, возможна ли энергетическая связь, только ли место, событие, что-то другое (Виктор по знаку зодиака весы) имеют к этому отношение.

– Это пока вся информация, которая у меня есть. Он сказал, что ее достаточно на сегодняшний день. Позже будет дана другая. Я в ожидании. Чего я жду? Понимания? Сообщения? Объяснения? Я не могу ему задавать прямые вопросы. У нас не простое контактирование: вопрос – ответ. Чаще всего он говорит загадками. Причем их надо не только разгадать, но вначале понять. Он знает, что я его не совсем понимаю. Он раз за разом повторяет, что они находятся в нужном месте. Он знает правильный путь, но хочет, чтобы я не от него узнала, как туда идти, а сама пришла к пониманию: туда идти надо так. Я не сумасшедшая. Было бы проще, если бы я была сумасшедшей. Я очень устала, maybe, you have something for me? Может быть, у вас есть что-то для меня?

Я говорила с моим отцом прошлой ночью. Он знает в подробностях историю о том, как горские евреи спаслись во время войны от смерти, чем они откупались и откуда взялись эти драгоценности. Золотые жуки – скарабеи, которых в Древнем Египте считают символом возрождения в загробной жизни, спасли нас. Мы не закончили наш разговор. Планирую увидеть отца в конце этой недели.

Я также пыталась войти в контакт с одним из профессоров Нью-Йоркского университета. У меня большой круг знакомых, среди них бывшие сотрудники НАСА, ЦРУ, ФБР. У них есть возможность получать сведения о тех вещах, которые официальная наука отрицает. Один из них говорил мне, что в России уже нашли портал...

– Оксана, мы прослушали ваши звуковые письма, узнали очень много о вас, понимаем, как непросто вам живется, неся в себе столько информации, которой нет выхода. Но здесь, в Нальчике, мы не можем найти ключей к вашей прошлой жизни. Ключи эти в вас самой, а не в тех, кто вас окружает. Если вам дано что-то донести до людей, вы сможете это сделать. Если замкнетесь в себе и своем внутреннем я, жизнь продолжится в том виде, какой есть сейчас. Относительно Мамах вы, оказывается, знаете столько же, сколько и мы. Какова ее дальнейшая судьба, нам неизвестно. Но, может, голос знает что-то о ней, спросите его. Получите ли вы ответы на конкретные вопросы, зависит, как нам кажется, только от вас.

– На сайте НАСА (http://www.nasa.gov/mission_pages/sunearth/news/tag-portals.html) появилось сообщение об обнаружении порталов. Полагаю вам его полный перевод. Речь в этой информации идет о так называемых магнитных порталах, которые расположены в десятках тысяч километров от Земли. Они – невидимые, нестабильные и неуловимые – открываются и закрываются без предупреждения. Эти порталы реальны, и авторы сообщения уверены, что смогут их найти.

– Виктор, я не знаю причин, почему мы встретились. Вероятно, потому, что ищем одно и то же и можем быть полезны друг другу. Я хочу вам по-

мочь, он говорит мне, что вам надо помочь. Я хочу найти оборудование, которое послужит вам. Эти приборы фиксируют изменения электромагнитных полей. Я пытаюсь найти оборудование на русских сайтах, но здесь мне нужна ваша помощь, так как я не очень хорошо знаю русский язык.

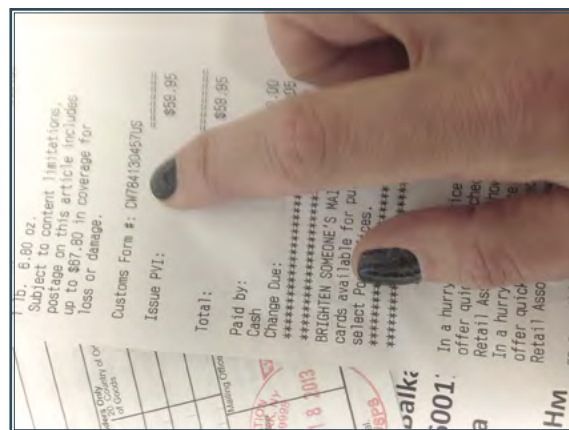
Подскажите мне и сайты компаний, которые занимаются обслуживанием туристов. Я хочу нанять вертолет, чтобы вы вылетели в этот район. Я все оплачу сама, только дайте мне знать, к кому обращаться.

– Я только что получила хорошие новости: нашла нужную вам аппаратуру. Компания может отправить детекторы непосредственно к вам в Кабардино-Балкарию. Срочно сообщите адрес, по которому их надо выслать. Я это сделаю самым быстрым способом.

– Я получила ваш адрес и сразу отправила его в компанию. Они обещали выслать детекторы уже завтра, но мне. Я переправлю их вам, как получу. Пожалуйста, дайте мне знать, если вам нужно что-нибудь еще. Я также добавлю некоторые вещи. Высылаю вам скан документа об отправке.

– Виктор, что вы знаете о Горе грехов? Она существует? Вы можете спрашивать? Он мне все время говорит про нее. Он хочет знать, что вы думаете о его помощи. Он сбивает с толку меня. Я думаю, он уверен, что вы знаете что-то о Горе грехов. Он хочет знать, как вы реагируете на эту информацию. Он очень близко сегодня, очень странное чувство, он находится близко от меня. Когда я спрашиваю его, почему я чувствую, что он дышит за моей спиной, он говорит мне, чтобы спросить вас, где вы смотрели последний раз.

Он ответил: Гора грехов не имеет ничего общего с тем, где вы искали в прошлый раз. Где вы были в последний раз?

Квитанция с номером посылки, присланная Оксаной на электронную почту авторов

Он меня замучил. Отвечает на вопросы притчами, смеется надо мной. Он словно гора, на которую мне надо забраться, чтобы получить ответы. Я ползу вверх, разбиваю ноги в кровь, а он все дальше и дальше. Большую часть времени он далеко от меня. Сегодня же он очень близко. С раннего утра, около трех утра. Мне очень неудобно, я чувствую себя неуверенно. Мне страшно. Я буду звонить моему врачу. Я сошла с ума.

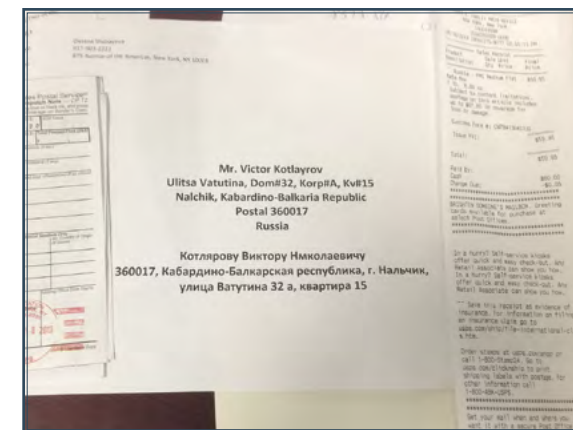
Он сказал: «Ты знаешь, где и что». Он сказал: «Им надо идти без страха и без вопросов. Вернуться туда, откуда страх заставил их бежать». Вернитесь туда мысленно. Вернитесь и откройте глаза.

Он расстроен тем, что мы не понимаем его, не можем использовать логику. Он сумасшедший и сводит меня с ума. Я попросила его остановиться, если он не может нормально общаться и объясниться. Я не буду продолжать. Моя головная боль убивает меня.

– Виктор, я получила оба детектора! Делаю видео как ими пользоваться. Я надеюсь, что мой перевод в порядке, я очень старалась доходчиво перевести. Если возникнут вопросы, у меня есть копии инструкций. Видео отправлю в ближайшее время. Вышлю также батарейки и аккумуляторы.

– Виктор, упаковочная коробка отправлена по почте. Батарейки в самих детекторах. Я хотела положить дополнительные батарейки, но это могло вызвать проблемы. Я перешлю батарейки и аккумуляторы позже. Вы должны получить посылку в течение 5–7 дней. Я хотела отправить пакет ускоренной доставкой, но для этого необходимо пройти рентгенологическое просвечивание. С батарейками это невозможно.

Высылаю квитанцию с номером посылки. I am so sorry...

А что было дальше? А ничего – переписка прервалась так же неожиданно, как и началась. Оксана просто-напросто перестала отвечать на наши письма. Ее телефонный номер, который она сообщила в одном из посланий, оказался заблокирован. Мы не знали что делать, как поступить. Раздумала общаться? Попала в больницу? Думать о плохом не хотелось.

А потом пришли два детектора, тщательно упакованные, с переводами инструкций, которые сделала сама Оксана. Перевод не совсем корректен, что и понятно, но вполне доступен: «Этот прибор был разработан, чтобы сделать полевые измерения для специальных исследований. Его чувствительность представляет интерес для исследователей в области парапсихологии». Далее идут подробнейшие инструкции, как считывать показания детектора и что они должны обозначать. Попытаемся разобраться и применить подарок Оксаны в полевых условиях.

Относительно ее же самой скажем следующее. В Нью-Йорке живет наш хороший знакомый Иосиф Мигилов – татский писатель, его книгу один из авторов этих строк редактировал в девяностых годах прошлого века, а в 2005 году в нашем издательстве вышел его роман «Оставленные жить». Роман этот написан десятилетие назад и как будто не имеет никакого отношения к нашей истории... Тем не менее, вчитайтесь в строки издательского предисловия к нему, озаглавленного «Преодолеть запреты»: «Никому из смертных не дано знать, какая кого ждет судьба, не знают этого и целые народы. Однако Космос милостив к тем, кто понимает его законы мироздания и умеет прочитывать знамения, посылаемые им сверху, кто исполнен светлых намерений и дружественных чувств».

И далее цитата из книги: «О Великая Пустота! Всесильная и Всепроницающая! Непостижима сила Твоя! Ты явила невыразимое и одарила нас Великим Таинством Возможного!.. Пусть будет омыта Душа Спасительными Водами Твоего Безбрежного Всепроницающего Сознания!..»

Иосифу Мигилову, автору этого построенного на еврейской мифологии произведения (чего стоят только названия его глав – «Печать Сатаны», «Долина призванного», «Лестница ледяных костей»), мы и адресовали свои вопросы относительно Оксаны Ш. И оказалось, что он знает эту молодую женщину, более того – она дочь его друга. Жива, здорова, но в детали он вдаваться не стал. Обещал сообщить позже. Ждем.

Эта история, в которой описана правда, одна только правда, обязательно найдет свое продолжение. Тем более что этим летом у нас намечена экспедиция в Кум-Тюбе – место под солнцем должно поделиться с нами своими тайнами.

В этом уверен голос, общающийся с Оксаной. В этом уверены и мы.

ПРЕОДОЛЕТЬ ЗАПРЕТ

Значит, чтобы написать такую книгу, Иосифу Мигилову надо было навсегда покинуть места, где он родился и вырос, где остались друзья и горы, солнце и речка, подступающая совсем близко к окраинам дома «Еврейской колонки» – так в обиходной речи местные жители называли густонаселенный район компактного проживания горских евреев. В начале 90-х годов прошлого столетия, после распада СССР, почти все они вынуждены были уехать. Тоской и болью разлуки пронизаны их письма в Нальчик, а когда выпадает им случай общаться за границей с кем-то из Кабардино-Балкарии, то поют они именно кабардинские и балкарские песни и говорят на этих, родных им, языках. И плачут...

Извечна гонимость евреев. Привычны глубоко затаившаяся печаль и покорность судьбе богоизбранного народа. Пришло третье тысячелетие, но еврейский вопрос не снимается, и мировая молва не благовоит к Израилю. Почему человечество захлестывает волна ненависти к евреям, почему сами они смирились с подобной участью – вот вопросы, на которые пытается найти ответ писатель Иосиф Мигилов. Обращаясь к древней истории, к патриарху Аврааму, усматривает его вину в том, что весь еврейский народ согласился на роль жертвы. Ведь Авраам, по Мигилову, не разглядел в явившемся ему в облике Мелхиседека дьявола и принес в жертву своего единственного сына Исаака, чтобы доказать преданность Богу. Но Бог только испытывает людей, а не искушает, как дьявол. Так было со дня сотворения человека, и Иосиф Мигилов предлагает нам свою концепцию мифа о взаимоотношениях оставленных жить на земле с Богом. Здесь Его нет, Он находится в других мирах, где у Него много работы. Но если душа человеческая отчаянно захочет Его присутствия в мире, то она способна привести Бога на землю. В отчаянии – вера, в отчаянии же затаена любовь – не только прозрение Доброго Одноглазого, это ведь и кредо автора «Оставленных жить».

Мигилов отважно вступает в Реку жизни Авраама и при помощи главной героини Хаймалки убеждает того не потворствовать дьяволу, не сотворять из евреев «болезненно самолюбивую жертву». Дальнейшую борьбу за восстановление Храма она будет вести не одна, а с обновленным, переродившимся Исааком, который получит имя Ицхак.

Силы дьявола могущественны и коварны, ненависть зла и безобразна, но Любовь, посланная Богом, поможет преодолеть все. Из-под разрушенного храмового основания поток воды вынесет серебряный сундук с Торой. Люди станут собирать средства на строительство нового Храма, они возродятся вместе с Храмом и пове-

рват в то, что Бог никогда не оставлял своего народа. Просто каждому следует преодолеть в своем сердце запрет на веру в Него. Запрет, который наложил дьявол. Бог в это не вмешивался, ведь выбор всегда за самим человеком. И если вкусил он от плода добра и зла в райском саду, разве не понимает, не разберется, где одно и где другое?

Никому из смертных не дано знать, какая кого ждет судьба, не знают этого и целые народы. Однако Космос милостив к тем, кто понимает его законы мироздания и умеет прочитывать знамения, посылаемые им сверху, кто исполнен светлых намерений и дружественных чувств.

«О Великая Пустота!

Всесильная и Всепроницающая! Непостижима сила Твоя! Ты явила невыразимое и одарила нас Великим Таинством Возможного!..

Пусть будет омыта Душа Спасительными Водами Твоего Безбрежного Всепроницающего Сознания!..»

Молитва Мигирова непостижимым образом подтолкнула меня к мысли, что, спасая Тору в самые страшные моменты своей истории, евреи спасали не только Закон, но саму совокупную душу своего народа, ведь каждой букве этой Книги соответствует одна еврейская душа. А душа, в которой живет Бог, уже есть сгусток бессмертной энергии (духа), который оживляет пески и камни, превращая пустыни в сады, обращает ненависть в любовь, приближает людей к познанию самой Жизни вместо привычного накопления информации о способах борьбы с ней. Печать Каина, столь долго стимулирующая зависть одних к другим, вызывающая вражду, ненависть, проливающая кровь, не должна ли и она разорваться на мириады огней, как двухголовое чудовище, созданное воображением Мигирова? Жить ради высокого, а не низменного. Владеть безграничным звездным пространством, а не пытаться завоевать ту пядь земли, где уже живут люди. Да, это из области мечтаний, но давно известно, многие из них сбываются, если упрямо идти к цели, преодолевая насмешки и боль, улюлюканье толпы и диктат устоявшихся обычаев и обрядов.

Миф, созданный Иосифом Мигириным, не только на еврейскую тему. Он несет всечеловеческое содержание, вселенское звучание.

Там, в Космосе, нет прошлого, настоящего или будущего, там все взаимосвязано, взаимообусловлено. Там возможно не только осмысление пройденного пути, но и активная духовная работа по исправлению ошибок, преодолению заблуждений, поиску истины.

Человек страха должен уступить место человеку свободному. И Бог возрадуется, что поняли мы его замысел, что вместо крови на алтарь его прольем воду. Ту самую, что символизирует Душу Мира, что утоляет жажду и гасит пожары, что есть первооснова жизни.

Иосиф Мигиринов, писатель из Нальчика, живущий в Нью-Йорке, это уже сделал. Своей книгой.

Мария Котлярова

Из предисловия к книге И. Мигирова «Оставленные жить». Нальчик, 2005

ТЫЗЫЛЬСКИЙ МИРАЖ

Не проходит недели, чтобы кто-нибудь не позвонил нам и не поделился какими-то необычными сведениями: рассказами о загадочных находках, интересных маршрутах, удивительных судьбах. Далеко не каждое такое сообщение становится газетным или книжным материалом, но наиболее значимые из них, подкрепленные документальными источниками, конкретными артефактами, свидетельскими рассказами, обязательно изучаются с привлечением специалистов и впоследствии обнародуются.

Но встречаются такие сообщения, очевидцам которым верить, но как описать увиденное ими и не увиденное тобой, не знаешь.

Молодой человек столкнулся в горах с чем-то странным и не совсем понятным. На плато Канжол, рассказал он, есть место, где воздух как бы мерцает. На просьбу уточнить, что это означает, последовало невнятное многословное объяснение, состоящее из междометий, эпитетов и восклицаний. Суммировав их и отбросив все лишнее, мы получили такую картину. Спустившись с плато Канжол в ущелье Тызыл (это примерно в тридцати километрах от селения Кенделен), юноша стал свидетелем странного явления. Под одним из нависающих скальных выступов что-то сверкало и переливалось. Вначале он подумал, что это отблеск от какой-то блестящей вещи. Но, приглядевшись внимательно, понял: переливается желтоватыми огоньками сам воздух. По специальной таблице мы впоследствии определили цветовую гамму. В ней оказались следующие оттенки: жемчужный (белый с желтоватым отливом), палевый (бледно-желтый с розовым отливом), соломенный (светло-желтый), нарцисс (теплый желтый), канареечный (ярко-желтый), кукурузный (желто-«горячий»), песочный...

Именно воздух, а не какое-то место под скалой или на скале переливался, существуя независимо от происходящего вокруг, на высоте около метра над землей и немногим выше. Воздух как бы пульсировал, все время находился в движении, то складываясь (наподобие гармошки) в одну узенькую (не больше полуметра) полоску, то растягиваясь в ширину раза в три большую. И в тот момент, когда он раздвигался, вся цветовая гамма приобретала законченную картину.

Более того, казалось, что в ней что-то происходит, отображается: из радужных вспышек вырисовывается нечто законченное и реальное. При-

тягательный и влекущий образ. Только вот чего, было не совсем понятно.

Само собой возникало острейшее желание: подойти, потрогать, прикоснуться к этому мерцающему чуду, подпитаться от него волшебной энергией. Что наш рассказчик и попытался сделать, но с каждым шагом приближения к странному феномену тот стал угасать прямо на глазах, а потом и совсем потух.

Когда же наш молодой человек оказался точно на том месте, где еще совсем недавно переливалась живая световая картина, то не увидел ничего. Абсолютно ничего: только шершавая, с трещинами скала, которая ну никак не могла быть даже предполагаемым экраном, на который проецировался луч невидимого проектора. Тем более что рассказчик был убежден: светился сам воздух.

Попытавшись понять, что это было, мы стали искать ответ во всезнающем Интернете, но ничего похожего не нашли. Известно такое явление, как солнечный столб, которое представляет собой «вертикальную полосу света, тянущуюся от солнца во время заката или восхода»; вызывается оно ледяными кристалликами, плавающими в морозном воздухе, отражающими солнечный свет. Понятно, что к нашему летнему наблюдению оно никакого отношения иметь не может.

Могло ли это быть миражом? Они – мнимые изображения отдаленных объектов – появляются вследствие такого явления, как рефракция (от *лат.* *refractus* – «преломленный»). Предоставим слово специалистам: «Воздух нагревается от поверхности Земли, и с высотой его температура падает. Однако если над слоем прохладного воздуха оказывается более теплый (принесенный, например, южными ветрами) и сильно разреженный воздушный слой, а переход между ними довольно резок, то рефракция значительно усиливается. Лучи света, идущие от предметов на Земле, описывают подобие дуги и возвращаются вниз, иногда за десятки, даже сотни километров от своего источника. Тогда наблюдается «поднятие горизонта».

Классический пример здесь увиденная ранним июньским утром 1815 года жителями бельгийского города Вербье в небе картина расположения войск (различима была даже форма артиллеристов!), готовившихся к битве при Ватерлоо. А ведь между Вербье и Ватерлоо более ста километров.

Известны и нижние миражи, которые «возникают в тех случаях, когда слои воздуха у поверхности Земли разогреты настолько, что лучи света, исходящие от предметов, сильно искривляются. Описав дугу у поверхности, они идут снизу вверх. Тогда можно увидеть деревья и дома, как будто отраженные в воде. На самом деле это перевернутые изображения далеких ландшафтов».

Получается, что вовсе не мираж наблюдал наш информатор. Тем более что спустя несколько дней ему удалось вновь побывать в этих местах и еще раз увидеть странную сверкающую занавеску, висящую рядом со скалой – она по-прежнему находилась в движении, то собираясь в одну ярко-желтую полосу, то раздвигаясь в большую яркую картину. Но и во второй раз молодой человек не смог разглядеть, что на ней изображено. Как и подойти: словно в насмешку «картина», заметив его движение, ярко вспыхнула и стала тускнеть, пока не растворилась в воздухе.

После этого наш информатор еще не раз бывал в тех местах, причем примерно в одно и то же время суток и при схожих погодных условиях (около двух часов дня при безоблачном небе, ярко сияющем солнце), но больше ни разу не стал свидетелем странного оптического явления.

Не верить рассказчику не было никаких оснований, и вот спустя год после его наблюдений, таким же июльским днем мы тронулись в путь. Если честно, настроенные весьма скептически, более того, прекрасно понимающие: невозможно, чтобы все совпало, чтобы мы тоже стали свидетелями необъяснимого эффекта. И тем не менее, какие-то надежды теплились. Ведь массив Канжол сам по себе место завораживающее: отдохновение и взгляду, и душе. Летом здесь удивительно комфортно: умиротворение и покой создают особое настроение. Отчетливо понимаешь: мы гости на

этой земле: сегодня пришли, а завтра уйдем. Ибо эти горы и лощины, земля и травы, облака и ветра были вчера и позавчера, десять, сто, тысячу лет назад. Другой вопрос: будут ли они такими завтра, послезавтра, через десятилетия или столетия: человек, думая, что он всесилен, способен на любые поступки в отношении своей планеты.

И снова кто-то невидимый и всесильный расставлял преграды на нашем пути. Мотор машины, еще вчера послушной и безотказной, перестал тянуть. Грешили на некачественное газовое топливо, которым только что заправились, но и на бензине уехали сравнительно недалеко. Проехав километров пятнадцать, окончательно заглохли, и хоть оба моих спутника были водителями с многолетним стажем, разобраться, в чем дело, они так и не смогли.

На наше счастье мимо проезжал молодой человек на тракторе, к которому была прицеплена газонокосилка, остановился, предложил помощь. Общими усилиями привели машину в чувство – оказалось дело в свечах, которые уже здесь, на Канжоле, мы заменили на новые, не заметив, что они с заводским дефектом. Разговорились с парнем, узнали, что зовут его Алим Малкандуев, здесь он с товарищами – пасет скот, места вокруг изучил досконально, знает одно необычное. В середине высокой скалы каменная кладка, закрывающая, судя по всему, пещеру. Подхода к ней нет, по рассказам стариков, он раньше был, но после того как в пещере что-то спрятали (похоронили кого-то?), его обрушили, чтобы никто не добрался.

Похожие хабары мы слышали неоднократно, при этом у рассказывающих их почему-то не возникало мысли об абсурдности подобного рода деяний: если прятать чего-то, зачем оставлять следы (в виде той же кладки). Но мы не стали разубеждать Алима в том, что в пещере скорее всего ничего нет и не было, хотя и договорились ближе к осени, когда спадет трава, совершить конную экспедицию в сравнительно далекое от найденных путей ущелье.

...Машина все-таки довезла нас до нужного места. Стоял великолепный июльский день: ни облачка на небе, полное отсутствие ветра, изумрудная трава, украшенная яркими, всех оттенков радуги, цветами, солнце, заполонившее своим теплом и светом все вокруг.

Впереди – отвесный и долговременный спуск: дорожек нет, все время надо смотреть под ноги, чтобы не заскользить по траве вниз. Тем не менее идем достаточно быстро, воодушевленные желанием увидеть нечто. Тишина стоит удивительная – шум протекающей внизу ущелья Тызыл бурной речки сюда не доносится, лишь порой жужжание редких шмелей нарушает тишину. Время, казалось, остановилось: нигде – ни на земле (постройка-

ми людей), ни в небе (самолетным следом) – нет свидетелей дня сегодняшнего. И в пастернаковском «Какое, милые, у нас тысячелетие на дворе?» слышится не ироничный вопрос к поступку или словам, несообразным с требованиями времени, как принято комментировать это крылатое выражение, а реальное ощущение: здесь ли ты или незаметно переместился через годы и века.

Здесь и сейчас. Вот и та скала, на которой некогда волновалась и трепетала под солнечным ветром сверкающая занавеска. И месяц тот – конец июля, и время нужное – середина дня (а день, напомним, – это время суток от 11–12 часов до 15–16), и погода один в один – безоблачное небо, обжигающее солнце, а на скале никаких цветковых пятен. Совершаем круговые движения, что на крутом склоне вовсе не просто, изменяем ракурс, но никакого колебания воздуха не замечаем. Тем не менее становится понятно, что солнце непричастно к наблюдаемому в прошлом году явлению: оно стоит прямо над скалой и лучи его никак не могли формировать тот эффект или феномен, свидетелем которого был наш информатор.

Та самая скала

Что же это тогда было? Грешным делом мелькает мысль: может, перед нами временная аномалия – хрональный портал, внешними признаками которого называют сгустки зеленого или белого цвета, напоминающие туман. Но наша занавеска была другого цвета. Впрочем, кто доказал, что именно названные выше цвета характерны для порталов, попав в которые можно перенестись в прошлое или будущее. И еще. Принято считать, что хрональные порталы располагаются исключительно в аномальных местах и зонах, так называемых Местах силы, которые можно определить по «колыhaniю как будто раскаленного воздуха, искажающего изображение, либо локального, неподвижного искажения видимого света, как в воздушной линзе». Вот это уже ближе к нам – описываемая «занавеска» (если она была, конечно) все время находилась в движении и исчезала при приближении к ней. Также определить Место силы можно по хаотичному поведению стрелки компаса и с помощью биолокации.

Но ни первого, ни вторых (палочек для проведения биолокации), ни тем более специальных приборов (а они у нас есть – прислала любительница таинственных явлений из Америки, убежденная, что мы обязательно найдем портал) для выявления геопатогенных зон в этот раз мы с собой не захватили.

А значит, надо будет как можно скорее возвращаться сюда – июль (а вдруг месяц года тоже имеет значение) подходит к концу. Поэтому послезавтра выезжаем. С надеждой и уверенностью. Лишь бы погода не подвела...

ФАНТОМЫ ВОДОПАДА СУЛТАН

...В личную почту на «Фейсбуке» пришло письмо с фотографией от Хачима Шахиева. Молодой человек только что (2 августа 2014 года) побывал в Северном Приэльбрусье и по дороге к Серебряному источнику увидел в небе какой-то отблеск – он вспыхнул на мгновение и исчез. Рассмотрев фотографию, удивился: типичный НЛО!

В путеводителе «Джилы-су», первое издание которого вышло в 2004 году, мы уже писали о том, что свидетелей появления в этих местах НЛО имеется предостаточно. С некоторыми мы беседовали и не почувствовали фальши в рассказах очевидцев. Необычное явление в Северном Приэльбрусье наблюдал и один из авторов этих строк...

История эта произошла ровно десять лет назад, но в силу разного рода причин, прежде всего ее ирреальности, не была обнародована. Именно последнее долго сдерживало желание описать увиденное – не хотелось выглядеть в глазах читателей вралем или по крайней мере выдумщиком. Но прошедшие годы, которые были густо наполнены встречами с необъяснимыми явлениями, необычными людьми, странными событиями, позволили посмотреть на события десятилетней давности с иной точки зрения. И подумалось: столь ли важно – виделось или привиделось, главное – оставило след, заставило задуматься – размышлять, проводить параллели, делать выводы.

Итак, лето 2004 года, старенькая издательская «Нива» потребовала капитального ремонта, а нам срочно надо было попасть в Северное Приэльбрусье: один из былымских пастухов (в Джилы-су он находился со скотом) сообщил через друзей, что под слоем мха он обнаружил наскальные изображения. Машину для поездки мы не смогли найти, встал вопрос, как добраться? Сразу скажу, что дорога, по которой сегодня все приезжают в эти благодатные исцеляющие тело и душу места, в то время представляла из себя весьма грустное зрелище: необорудованная, перерезанная многочисленными селевыми потоками, она далеко не каждому вездеходу была по силам.

Поэтому решили ехать через Тырныауз – до самого города на маршрутке, а оттуда на «Ниве», которую пообещал предоставить Ахмат Доттуев. Ахмат – удивительно отзывчивый человек (в этом мы еще раз убедились в ходе поездки), откликнувшийся на просьбу о помощи практически сразу,

хотя до этого мы были совершенно незнакомы. Естественно, о нем были наслышаны: интерконтинентальный чемпион мира по профессиональному боксу – это тебе не халам-балам, а для маленькой республики вообще личность знаковая.

Но не все оказалось так просто. Дело в том, что работника военкомата, который должен был сидеть за рудем ахматовской машины, куда-то срочно вызвало начальство. Стали искать другого водителя, но проходил час за часом, а мы все продолжали в ожидании сидеть в кафе. Сам Ахмат был занят – в спортивном комплексе «Геолог», где он был директором – проходили какие-то соревнования, причем даже не республиканского ранга, а выше. Одним словом, где-то после трех часов мы приняли грустное решение возвращаться, стали искать Ахмата, чтобы сообщить ему о нем.

Увидев наши огорченные лица, Доттуев все понял, но не попрощался с нами, как на его месте поступил любой другой, а попросил еще немного подождать. При нас дал распоряжение найти своего зама, потом что-то долго объяснял ему (мы стояли рядом и не понимали, зачем нам выслушивать все эти хозяйственные поручения) и наконец повернулся к нам. «Поехали!» – сказал он и ослепительно улыбнулся.

Улыбка у него действительно была потрясающая – во все лицо, не натяжная, а искренняя и светлая. «Куда?» – не поняли мы. «В Джилы-су, – удивился Ахмат, – куда же еще?» – «Как? А кто повезет? Да ведь и поздно уже». – «Я повезу. Успею, дорогу хорошо знаю».

И мы поспешно стали складывать в машину свое снаряжение. Что значит «успею», нам стало ясно уже на первых километрах – их, оказывается, надо было преодолеть более 60, но те, кто убеждал, что тырныузская дорога куда лучше малкинской, жестоко нас обманули. Может, она и была когда-то получше, но в тот раз, разбитая донельзя, петляющая из стороны в сторону, заваленная скатившимися с нависающих горных склонов камнями, показалась нам дорогой в ад.

Ни минуты (куда там – секунды!) покоя: машина дергалась, подпрыгивала (те же валяющиеся то тут то там камни Ахмат, дабы не терять времени, филигранно объезжал, но для этого взбирался на край склона или ехал над самой пропастью. Нас кидало из стороны в сторону, то вверх, то вниз; при особо затяжных прыжках крыша «Нивы» жалобно трещала от мощи наших голов. А о том, что чувствовали сами головы, говорить вообще не приходилось: звездочки плыли перед глазами. И когда они слились в один сплошной поток, один из нас не выдержал и с печалью в голосе спросил: «А куда мы так спешим?».

Оказалось, было куда – Ахмату еще предстояла обратная дорога, так как его ждали гости. Страшно было представить, в какую авантюру мы его втянули, а он согласился по доброте душевной: тырныаузскую трассу по тем временам преодолевали часов пять, не меньше, а тут за это время ему предстояло добраться не только до урочища, но и вернуться обратно в Тырныауз. Причем немалую часть пути по темноте. Как мы его ни уговаривали перенести отъезд на утро, Доттуев не согласился. Более того, успел даже попить водички, перекинуться с кем-то парой слов, и вот уже его «Нива» скрылась за поворотом.

Таким неугомонным, улыбчивым, отзывчивым он и остался в памяти. И слезы, когда мы узнали о его смерти (его подло убили в 2010 году в родном селении Кенделен), было не сдержат: столь искренней была боль потери, одним хорошим человеком на нашей земле стало меньше. Но это совсем другая история.

Уже смеркалось, когда Анзор, отвечающий за размещение гостей (их в те времена было значительно меньше), устроил нас: фотографа в комнате, где проживала повар и одновременно продавец пастбищного магазина, а автора этих строк в домике, где в основном находили ночной приют пастухи. Там стояло с десяток коек с засаленными матрасами и такими же подушками, но без белья, которое, как оказалось, надо было захватить с собой. Найдя что-то вроде более-менее чистой подстилки, положил ее на койку и прилег. А закрыв глаза, сразу же провалился в сон, в котором продолжалась поездка, машина виляла из стороны в сторону, все плыло перед глазами. Проснулся же от того, что машина тяжело зарычала: с всхлипами, надрывом. И рык этот (данное определение здесь только и уместно) не стихал и не стихал: казалось, «Нива» пытается осилить очередной перевал, но ей это никак не удается.

В тот момент, когда рев стал совсем невыносимым, я открыл глаза. Оказалось, что все эти звуки издавал лежащий рядом пастух: он храпел с такой силой, что мощь машинного двигателя проигрывала мощи его легких. Вот он, словно мотор, работающий на привычных оборотах, вначале заявлял о себе, потом звучал все громче и громче и наконец издавал такие громкоподобные звуки, что от децибел, казалось, дребезжали стекла в окнах, а от его дыхания край достаточно плотной накидки, которую я постелил на матрас, подрагивал, находясь в постоянном движении.

Такой же богатырский храп доносился с других коек – создавалось впечатление, что звуковые волны сталкиваются, пересекаются, словно пытаясь доказать, чья сильнее и мощнее. А если к этому еще добавить ядреный запах, буквально висящий в комнате: давно немых тел, мужского пота, водочного перегара («раздавить» по вечерам пару-другую бутылок зло-

дейки здесь всегда было в порядке вещей), то станет ясно: заснуть в этих условиях человеку, начисто забывшему о казарменных условиях проживания, практически невозможно. Хотя я и пытался это сделать: засовывал как можно дальше безымянные пальцы в уши (при этом с грустью вспоминая о таком изобретении человечества, как ватные палочки «беруши»), клал на голову подушку, но это была порочная затея, так как от звуков не спасала, но запахов только прибавляла. Наконец, поступал вообще неинтеллигентно: раз за разом толкал соседа – весьма хлипкого на вид, как оказалось утром, когда «поутру они проснулись» (закавыченные слова, напомним, название кинофильма по произведениям Василия Шукшина, тогда только что вышедшего на российский экран). Но все было бесполезно: «машина» не знала передыха, более того, даже водяной душ (оказавшись в полном отчаянии, дошел до того, что стал обрызгивать соседа из бутылки с минеральной водой, стоявшей на тумбочке) лишь на мгновение помогал. Сосед на мгновение затихал, но практически тут же начинал храпеть еще с большей силой.

Все описанные выше детали приведены здесь вовсе не ради придания колорита повествованию, а для того, чтобы стало ясно – произошедшее дальше не воображение находящегося в полудреме человека, а реалии, которые трудно выдумать, ибо они никак не вытекали из происходившего, а подводили к нему.

Отчаяние овладело автором этих строк, так как оставаться в помещении было просто невозможно. Пришлось встать, натянуть легкую куртку (что означает термин «легкая», особенно ощутилось за дверью) и выйти на улицу. Ночь стояла ясная, лунная, причем месяц как в люльке плавал между двух вершин Эльбруса, находящихся столь близко, что создавалось впечатление: руку протяни – и до них, и до небесного светила дотянешься. Было не просто морозно – пар шел изо рта, стоять на одном месте оказалось невозможно: мгновенно тело стало бить дрожь, пальцы заоченели. Идти в комнату, содрогавшуюся от храпа, не было желания. И тогда решил прогуляться к водопаду с величественным именем Султан, наполняющему все вокруг неумолкаемым грохотом.

Мимо бетонного ложа для приема ванн, источников, через мост (тогда он еще функционировал, пропуская на территорию лагеря жителей Кара-чаево-Черкесии, а сейчас, приподнятый мощным селом, годен только для пешеходов). Приходилось ступать достаточно осторожно – каменные глыбы затрудняли движение, но яркая луна позволяла видеть и натопанную тропинку, и все происходящее вокруг.

Шел третий час ночи. Пробираясь крутым скользким берегом, обходя препятствия в виде каменных завалов, подходил все ближе и ближе к водопаду, пока, наконец, не стал ощущать на лице влагу летящих от него на десятки метров брызг. Шум вокруг стоял невероятный, так как ничто не мешало водопаду царствовать над окружающей местностью: ни ветер, ни дождь, ни гром, ни какие-то другие природные явления.

Эта гудящая, звенящая, бурлящая мощь заполняла все пространство, она словно жила сама по себе: неумолимо, неостановимо била в каменное ложе и развешивая на десятки метров вокруг себя пелену из мириад мельчайших водяных брызг. Которые, создавалось впечатление, бились друг о друга, издавая при этом звуки, похожие на те, что слышны при ударе маленьких звонких молоточков, отчего воздух вибрировал, пульсировал, содрогался и ощущался как нечто живое. Луна наполняла все вокруг мягким свечением. На какое-то мгновение ее закрывали тучки, но практически сразу, словно пугаясь своей ответственности за мрак, убегали прочь.

Раздумывая идти или нет дальше (влага от водопадных струй неистовствовала), обратил внимание на две странные светящиеся полоски, расположившиеся по правую сторону от водопада. Вначале подумалось, что это отделившиеся, летящие в стороне от основной, струи, но приглядевшись внимательнее, понял, что это не так. Луна, засиявшая в какой-то момент особенно ярко, позволила отчетливо разглядеть, что это вовсе не струи, а два прозрачных «столба», неизвестно из чего состоящих, причем доста-

точно широких (на расстоянии казалось, что где-то метр-полтора каждый, не меньше). Причем начинались они от самой земли (упирались в камни), а заканчивались где-то на высоте 20–25 метров, во всяком случае, были меньше, чем сам водопад. Они просто заканчивались на определенном уровне, а дальше, прямо над ними, начиналось звездное небо. Создавалось впечатление, что они как бы вытекали из ночной звездной мглы.

Было особенно удивительно то, что эти так называемые «столбы» достаточно четко просматривались в темноте. Приглядевшись внимательно, заметил: «столбы» вовсе не были похожи на те, что появляются от лучей прожекторов НЛО (какие описывают очевидцы), зависающих над землей, свет в них был не постоянный и яркий, а пульсирующий, слабый, словно затухающий. Но самое главное – свет этот находился в постоянном движении, вернее было бы сказать, что внутри «столбов» что-то двигалось. Двигалось вниз, а потом, достигая какой-то точки, начинало подниматься обратно.

На память мгновенно пришел декоративный светильник, когда-то подаренный кем-то из друзей. В запечатанном стеклянном цилиндре, наполненном густой маслянистой прозрачной жидкостью, находилось множество маленьких разноцветных кусочков фольги. После включения и последующего нагревания обычной электрической лампочки, расположенной в основании цилиндра, фольга, отсвечивая всеми цветами радуги, вначале поднималась, а потом, остыв, также медленно опускалась, чтобы через какое-то мгновение снова начать свое нескончаемое броуновское движение.

Единственным отличием было то, что плывущие в столбах «кусочки» (трудно подобрать слово, которое могло характеризовать эти предметы) были не разноцветными, а просто светлыми, прозрачными, причем свет как бы двигался внутри них, выхватывая то весь контур, то низ, то верх. Форму этих «кусочков» уловить было невозможно, так как они все время менялись, в какое-то мгновение сливались друг с другом, словно погло-

щались. И происходило это естественно и незаметно по причине их закругленности и сглаженности. Все действие напоминало амебное движение, хорошо известное каждому по школьному курсу биологии.

Представлялось, что именно они и освещали сам «столб», более того, создавали иллюзию законченной удлиненной емкости типа пробирки (напомним, что это сосуд цилиндрической формы, используемый для проведения химических реакций в малых объемах). По высоте гигантские «пробирки» были как будто одинаковыми (впрочем, точно не могу утверждать, так как в тот момент на это не обратил особого внимания), но вот по ширине (объему?) отличались одна от другой: первая была пошире и, если так выразиться, поглубже; вторая, понятно, что уже, но хотелось бы подчеркнуть другое – поизящнее, законченней, что ли. Непроизвольно поймал себя на мысли, что увидел (почувствовал?) в этих «столбах» мужское и женское начало.

Все это было настолько непонятно, необъяснимо и контрастировало с окружающей реальностью, что снял очки и тщательно протер их, предполагая, что подобный оптический эффект создан линзами, на которых скопилась влага. Нет, в картине у водопада ничего не изменилось: странные создания (моего воображения?) продолжали свое движение, то словно наполняясь неизвестно откуда идущим светом, то скрываясь во мраке. Причем происходящее казалось чем-то знакомым и уже виденным. Уже потом понял: ассоциировалось с созданиями, изображенными в знаменитом кинофильме «Хищник» – за контурами виденного скрывалось нечто непонятное и интригующее.

Все это время медленно, незаметно для самого себя, двигался вперед, пока наконец не оказался в метрах 15–18 от «столбов» или «пробирок», кому что ближе. И в этот момент случилось то, чему не смог найти объяснения ни тогда, ни в последующем, раз за разом вспоминая пережитое: внезапно понял, что не только я приближаюсь к непонятым светящимся объектам, но и они начали движение в мою сторону. Вначале подумалось, что это обман зрения. Вновь протер очки, взгляделся пристальнее и вдруг заметил: расстояние между «столбами» изменилось. Теперь тот, что мощнее, оказался заметно правее – пульсируя он приближался (переползал, передвигался? переливался?) ко мне.

Это было настолько невероятно и невозможно, что еще какое-то мгновение сомневался в реальности происходящего, но когда осознал, насколько близко ко мне подобрался (перетек?) световой «столб», как он отделился от своего «собрата», то дрожь пронзила все тело. Что-то вскрикнув (и сам не знаю что), со всей прыти помчался к мосту – не глядя под ноги, не разбирая дороги. И, естественно, в какой-то момент оступился: нога попала между камнями и оказалась в щели. И чем больше дергался, тем сильнее застревала она. С места заточения не было видно «столб», но ощущение того, что он продолжает движение, вибрировало в каждой клеточке тела.

Как выбрался, как перелетел через мост, как оказался в душевной комнате – все это не сохранилось в памяти. Запомнилось только, что лежу под подстилкой, укрывшись с головой и ...жду, когда же скрипнет дверь.

Но дверь не скрипнула. Лишь храп пастухов наполнял пространство. Промучившись оставшиеся часы, но не решаясь выбраться наружу, с первыми лучами солнца вышел из комнаты. Утро было потрясающим: вершины Эльбруса накинули на себя ярко-розовую фату, прозрачное небо висело прямо над головой голубым куполом, солнечные лучи словно пронзали густой осязаемый воздух.

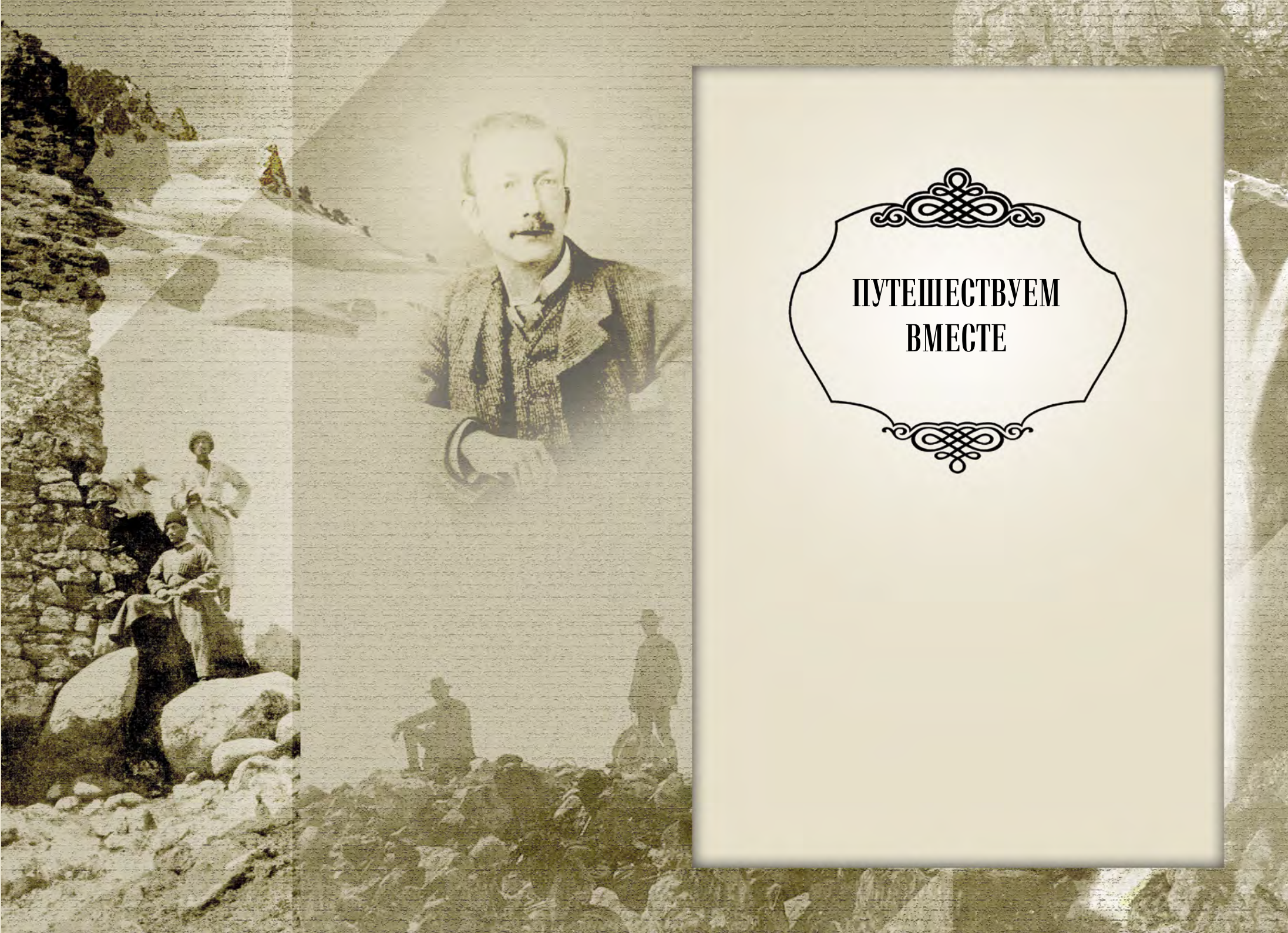
Первые отдыхающие потянулись к источникам, двинулся вслед за ними, перешел мост, стал подниматься по тропинке, ведущей к водопаду. Ничто не напоминало о явлении, виденном всего несколько часов назад. Да и было ли оно? Или воображение, возбужденное тяжелой дорогой и бессонной ночью, родило, а потом и облекло в плоть фантом непонятно кого или чего.

Именно поэтому не рассказывал о случившемся (или не случившемся?) никому все эти годы. Но правда и другое – эта история так потрясла, что в тот день расспрашивал многих (не называя самого явления) пастухов, выяснял, сталкивались ли они с чем-то необычным. Никто ничего мне не поведал, кроме Михея. И здесь позволю себе процитировать короткий отрывок из уже упоминаемого путеводителя «Джилы-су».

Итак, вот что тогда написал, не решившись придать гласности ночную встречу с фантомом: «Достопримечательностью Джилы-су является весьма своеобразная личность – Михей (по жизни Михаил Васильевич Масюкевич). Невысокого роста, еще подвижный и бодрый, бывший когда-то неплохим футболистом, волею судьбы и обстоятельств, а самое главное – по причине известной русской горькой беды, нашедший кров у подошвы Эльбруса – он здесь летом, он здесь и зимой, когда добраться до источников практически невозможно. Мы пытались выведать у Михея, был ли он свидетелем каких-то необычных явлений или событий. И вот что интересно: Михей сразу замыкался, уходил в себя, всячески стараясь перевести разговор на что-то другое. И лишь раз, когда один из авторов этих строк стал рассказывать о своих нальчикских знакомых, которые, как оказалось, были хорошо известны и джилысуевскому отшельнику, Михей разговорился. Ничего особого он не сказал, но свидетельство его дорогого стоит. Видел Михей, как сверху опустился солнечный столб, идеально ровный, словно луч прожектора: в нем, ярко-сияющем, пронзительно-притягивающем, плавали неведомые создания, похожие на воздушные пылинки – мельтешили, сталкивались, опускались вниз и поднимались вверх, циркулируя между небом и землей».

В этой цитате есть маленькая неточность – Михей, как и автор этих строк, видел означенный «столб» ночью. Но какие могут быть сияющие столбы ночью? Другое дело днем, когда луч солнца, пробиваясь сквозь облако, падает отвесно на землю и в нем плавают, мельтешат, передвигаются отблески чего-то непонятного. Совершенно ведь реальная картина, зримая многими. Но, спрашивается, видел ли кто-нибудь, чтобы подобные «столбы» двигались? Даже днем, а не ночью...

**ПУТЕШЕСТВУЕМ
ВМЕСТЕ**

Патриархальная простота Балкарии

«Голос, исходивший явно не от мертвого...»

«Заморский зверь» в горских аулах

Каньоны Черекского ущелья

Террасы, дарующие жизнь

Отчий кров – земля и небо...

Кавказские горцы

ПАТРИАРХАЛЬНАЯ ПРОСТОТА БАЛКАРИИ

В начале 1869 года в Лондоне, в издательстве «Лонгман, Грин и К^о» вышла книга с длинным, избыточным географическими определениями названием «Путешествия по Центральному Кавказу и Башану, включая посещение Арарата и Тавриза и восхождения на Казбек и Эльбрус». Книга, которая по большому счету и открыла европейской публике Кавказ как таковой и его обитателей, в частности жителей Кабардино-Балкарии. Ее автор Д. У. Фрешфильд – тот самый знаменитый англичанин, одним из первых побывавший на Кавказе, проторивший сюда дорогу для альпинистов всего мира и тем самым начавший новую главу в истории альпинизма, получившую впоследствии название «Альпинизм за пределами Альп». Дело в том, что к этому времени англичане, излазившие близкие им альпийские горы вдоль и поперек, обратились, так сказать, к «чужим» вершинам и летом 1868 года направились на Кавказ.

В состав той знаменитой экспедиции входили Дуглас Фрешфильд (1845–1934), Каминс Таккер и Адольфус Мур (1841–1887). Они взойшли на Казбек и Эльбрус, побывали в Осетии и Сванетии, Хуламо-Безенгийском ущелье, вершины которого буквально потрясли англичан. Впечатления от той экспедиции и легли в основу книги Дугласа Фрешфильда, до сих пор не переведенную на русский язык. Мы решили восполнить этот досадный пробел, дабы знаменитая работа стала доступна тем, о ком и идет в ней речь. Пятигорский переводчик Игорь Гориславский великолепно справился с поставленной задачей и сегодня книга, получившая в издательстве название «Исследования Кавказа», на пути к читателю. В ней немало этнографических деталей, метких наблюдений, любопытных выводов, которые, как нам кажется, будут интересны читателям.

Вот что, в частности, автор пишет о столице Кабардино-Балкарии: «Нальчик само по себе опрятное местечко с признаками своего происхождения. Под влиянием мирного времени он постепенно превратился в провинциальный городок. Уютные на вид, с покрытыми камышом крышами, небольшие дома обращены к широким тенистым от деревьев улицам. Каждый дом огорожен палисадником. Здесь есть несколько прилично обеспеченных магазинов: в одном мы приобрели ветчину, которую тщетно искали в Пятигорске. В это время, в другом магазине, к нашему удивле-

нию, мы обнаружили бутылку прекрасного одеколона – великое благо для Мура и меня».

Летом 1887 года, т. е. почти 20 лет спустя, Д. Фрешфильд вернулся в наши края и вот его новые впечатления: «В Котляревской – одна или две станции за минеральными купальнями – путешественник увидит, как ежедневный поезд с его роскошными вагонами оставит вас среди кучи более или менее бесформенных коробок и свертков, необходимых в кавказском путешествии. Эта станция мало чем отличается от сельского вокзала в Англии. Вам могут предложить чай или спелые арбузы с буханками русского хлеба. В комнате ожидания есть кожаные диваны. Но за дверью станции роскошь путешествия заканчивается. Почтовая дорога в Нальчик – важный административный центр – не что иное, как степь, где ездят экипажи. Транспортные

Дуглас Фрешфильд (сидит справа), Адольфус Мур (в центре), Каминс Таккер (сидит слева), Франсуа Девуассу, гид из Шамони (второй справа)

Нальчик. Начало XX в.

средства цивилизованной России – это не удобные тарантасы и фаэтоны, а жесткие коляски, называемые телегами. Они схожи с развалившейся лоханью, установленной на колеса без рессор. Степь здесь, однако, менее камениста, чем в Армении. За шесть часов медленной тряски единственным утешением в ясную погоду станет вид Эльбруса. После шестичасовой шаткой езды путешественника вместе с его багажом доставят к воротам Нальчика.

...В мою первую поездку выезд был перекрыт деревянной рогаткой, охраняемой стражником, а частокол окружал поселение. Под влиянием менее беспокойных времен старое военное поселение превратилось в тихий провинциальный городок: широкие улицы и дороги в тени деревьев, по сторонам одноэтажные дома, ярко окрашенные усадьбы с зелеными крышами, или одноэтажные дачи с верандой и каждая со своим садовым участком. Было несколько лавок русских или немецких колонистов. Они потворствовали желаниям и кошелькам горцев простой утварью или роскошью, которую они могли себе позволить. Местная архитектура напоминает путешественнику сельскую Голландию, если только возможно вообразить Голландию в беспорядке.

Как административный центр Нальчик имеет большую значимость, ибо здесь живут чиновники и начальники, которые ответственны за покой среди тюркоязычных племен – жителей Балкарии, Безенги, Чегема и Урусбиева, откуда главы аулов или старейшины периодически приходят сделать отчет о своем правлении, получить указания по новому лесному порядку или обсудить спорные вопросы в правах обществ на пастбища. Русская

Охотники на туров. Фото Вишнякова. 1883

Знатная семья. Верхний Чегем

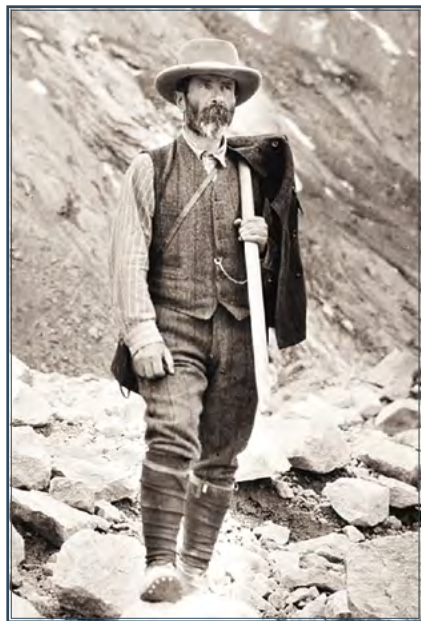
администрация азиатских горцев, насколько это заметно путешественнику, во многих отношениях противоположна нашей в Индии. Для контраста, например, приведу пример с отчетом капитана Янгхасбенда о том, как мы своей начальной деятельностью привели в недоумение жителей Жилжиты требованием их занятости в общественных работах и настаиванием на общественном порядке. Русский чиновник на гражданской службе на Кавказе, как правило, не переутружается, что приводит к пустому времяпрепровождению и злоупотреблениям. Мысль о развитии подответственного ему района с использованием природных ресурсов, кажется, редко его посещает. Национальный талант обходиться без дорог естественно отвращает его от каких-либо попыток строить их. Боюсь, что национальная склонность к взяточничеству также ему присуща. Сами русские предлагали мне ехать дурацким окольным путем, объясняя это поломкой и малой пригодностью мостов. Мой западный ум навел меня на мысль об оплате здесь дорог в зависимости от расстояния».

Интересны выводы Д. Фрешфильда о горцах, в частности, об использовании их в качестве проводников: «Никогда прежде я не видел таких хороших ходоков, как эти татары, – не только по склонам холмов, но и что самое замечательное среди горцев, – на ровном месте. Они задавали нам темп и легко вели нас на восхождении на Эльбрус. Таккер, желая испытать их темперамент, торопливо пошел по лугу. Они же, после того, как прошли пять миль за час, вскоре догнали нашего друга с заметной легкостью, и он пожалел, что предложил им испытание на скорость, которую сам спровоцировал. Эти люди – сырой материал, из которого появятся кавказские гиды. Если огромные языковые барьеры будут преодолены, нет сомнений, что с небольшой практикой на ледовых трещинах они станут первоклассными спутниками для путешественника, желающего исследовать ледники этой горной системы». И он же на эту тему спустя годы: «Этот аул (речь идет о Безенги. – Авт.) множит охотников – сырой материал кавказских гидов будущего, людей неэгоистичных, с благородными привычками, с талантом к скалолазанию, и даже к умению ощущать красоту гор. Таковы были турки, которых мистер Маммери описал, как исчезающих, – тех, кто, не говоря ни слова, часами бродит, чтобы принести чашку воды, или, видя вместе с синьором Селла блеск снегов на хребте Фытнаргин, восклицает «Аллах! Аллах!».

А вот весьма подробное описание балкарского жилища: «Шейх – высокий почтенный на вид старик – вышел вперед и пригласил нас в свою саклю. Как и все другие, она была низкой в один этаж с навесом, поддерживаемым массивными стволами по всей лицевой стороне. В одном конце ее была небольшая комната для приема приезжих, которым позволялось сюда войти. На первый взгляд, она казалась темной и неудобной дырой,

Эльбрус. Фото В. Селла. 1889

Витторио Селла

но горящий огонь и вид ярких красочных матрасов, которые принесли для нас из комнаты шейха, вызвали в нас удовлетворение...

...Сверху Мухол выглядел любопытно: плоские крыши саклей с проросшей на них травой, и стены из неотесанных камней придают им более вид собрания лачуг, нежели удобных домов трудолюбивого народа. Сакля, где мы поселились, была ярким образцом, а интерьеры весьма уютны. Пройдя внутренний дворик, мы вошли в просторную комнату с полками, на которых в ряд стояли ярко раскрашенные подносы; они производят в восторг восточных людей. В стены были вбиты колышки: на них висели бурки, холодное оружие и ружья с другим снаряжением кавказцев, с которым они уходят из дома».

И в дополнение к сказанному, увиденное англичанином в Чегеме: «В комнате пол был земляной, а приподнятые над ним деревянные лавки служили диванами. Подносы расставлены по стенам. На колышках, вбитых в известковый раствор, скреплявший камни, висели разные предметы шорничества и одежда. Гости сначала были предоставлены сами себе, если вообще можно так сказать, ибо они были окружены любопытствующей, но ответственной толпой. Взрослые без малейшей скромности ощупывали любые предметы нашей одежды, которые их поразили, как что-то новое и интересное. Они редко воруют, лишь вертят в руках. Они не устояли перед соблазном открыть лезвие английского складного ножа и испытать его неторопливо на своих бородах. Но стоило ребенку позволить себе подобные вольности, как тот, сразу же, получал подзатыльник. Но эти турки очень любят своих детей, и подзатыльники, что они допускают, не являются основной целью наказания – лишь предотвращение повторения поступка».

Немало страниц в работе английского альпиниста посвящено горскому гостеприимству и отношению к гостям. Д. Фрешфильд пишет об этом с искренним удивлением и нескрываемым восхищением: «На рассвете пришел шейх, неся большой запас хычинов с мясом, смазанных медом. Это общение было вынужденным и без него мы вполне могли обойтись. Мы не только объелись, но и по приказанию шейха большое количество лакомств было засунуто в наши мешки для провизии. В самом начале, когда мы уже были в седле, принесли кувшин с пивом, и каждому пришлось выпить на посошок, после чего шейх торжественно обратил свою молитву к Аллаху для благополучия нашего путешествия. ...Патриархальная простота в Балкарии была поразительна».

Мы уехали из аула той же дорогой, что и прибыли, и переехали речку на правый берег. Мы уже были на сотню ярдов от моста, когда увидели всадника, скачущего за нами. В глаза бросился зеленый тюрбан и развевающийся красный халат. Это был мулла, который не ожидал нашего раннего отъезда и пожелал с нами проститься. И теперь, нарядившись в лучшие одежды, приехал исправить свою оплошность. После обмена восточными приветствиями и прощаниями, включая сердечные рукопожатия, общие и у татар, и у англичан, наш досточтимый друг развернул коня и последовал за своим слугой, которого мы осчастливили небольшим подарком. Мулла направился домой, а мы следовали нашим маршрутом».

Что касается упоминаемых в публикации имен, то о Маммери будет рассказано ниже. А синьор Селла – Селла Витторио (1859–1943) – итальянский фотограф-альпинист, известнейший исследователь Кавказа, трижды – в 1889, 1890, 1896 годах – побывавший в наших горах и запечатлевший их на великолепных фотографиях, которыми иллюстрированы книги Д. Фрешфильда и А. Маммери.

Аул Хулам. 1883

Улица в ауле Безенги. 1883

«ГОЛОС, ИСХОДИВШИЙ ЯВНО НЕ ОТ МЕРТВОГО...»

Своеобразным дополнением книги Д. У. Фрешфильда «Путешествия по Центральному Кавказу и Башану, включая посещение Арарата и Тавриза и восхождения на Казбек и Эльбрус» являются заметки еще одного не менее знаменитого английского альпиниста – Альфреда Маммери. Того самого, что совершил в конце июля 1888 года сверхбыстрое восхождение по южному гребню Дых-тау (туда и обратно за 11 часов!). О своих альпинистских достижениях он поведал в книге «Мои восхождения в Альпах и на Кавказе», переведенной по заказу издательства на русский язык. Написанная живым слогом, ироничным, образным языком, она содержит ряд весьма интересных наблюдений о горских татарах (так тогда европейцы называли балкарских проводников). Смысл сказанного англичанином можно выразить коротко: удивление от того, что, оказывается, и здесь, в глуши, вдали от цивилизации, живут люди, достойные уважения и добрых слов; которые много чего не знают, но твердо следуют принципам, завещанными философами древности: люди существуют друг для друга. Во всяком случае, должны...

Вот англичане переживают из-за того, что ненастная погода задержала их восхождение на Шхару. Сыро, холодно и голодно, особенно когда видишь, как «бойкие овцы, предназначенные для обеда, носятся вокруг, но превращение живой овцы в баранину затруднительно из-за отсутствия огня». Сожаления о коше,

Альберт Фредерик Маммери

где остались полотняная палатка и хороший запас дров, сложенных в пещере, – вот и все, на что оказались способны хваленые английские альпинисты. А вот как поступил местный житель. Неожиданно «мы увидели, пишет Маммери, идущего по травянистому склону охотника с вязанкой дров на широких плечах. Он, видимо, знал, что дров здесь нет, спрятал их в сухом месте под камнем и прошел к Миссес-кош, чтобы поддержать нас. Это было сделано предприимчиво и любезно без какой-либо мысли о награде, ибо люди, у которых почти ничего нет, обычно непретенциозны. Он догнал ягненка и зарезал его. Вскоре мы сидели вокруг костра с потрескивавшим огнем и наблюдали нанизанную баранину упомянутого ягненка, шипящую на длинных деревянных шомполах. Созерцание этих сочных кусочков, охваченных язычками танцующего пламени, быстро привело меня в чувство, и я был похож на охотника, вдохновленного благоприятным ответом на вопрос о погоде. Тем не менее, Цюрфлюх на этом не успокоился: он отверг мой перевод «як ши» и выказал сильное неудовольствие моими стараниями говорить по-татарски. На следующее утро его пессимизм, казалось, подтвердился, ибо туман стал гуще и более влажный, чем обычно. К тому же охотник продолжал отвечать на все вопросы «як ши». В какой-то мере против желания Цюрфлюха (спутник Маммери. – *Авт.*) лагерь свернули, а в полдень охотник повел нас в мареве по прекрасной тропе. Пастух также согласился присоединиться к нам, поэтому у меня была редкая и чудесная привилегия идти без груза. Когда мы взошли, причина вчерашней обеспокоенности Цюрфлюха стала очевидной.

Охотник явно хотел, чтобы он прошел по леднику за сераки, а затем вернулся к кошу по той тропе, где мы шли. Цюрфлюх всё же понимал, что взбираться на ледник долго, свернул вправо и в непроницаемом тумане преодолел переход в наихудшем месте. Охотник не смалодушничал и пошел за ним.

Мы прошли сераки и достигли уровня ледника без затруднений. При переходе мы выбрали прекрасные рога – когда-то они принадлежали туру, и теперь, несомненно, украшают жилище Цюрфлюха в Майрингене. После того как мы взошли на короткий склон, что вел к длинному гребню морены и создавал удобную тропу, мы остановились, чтобы переждать, пока охотник переобуется. Его обувь была полностью изношена в предыдущей экспедиции, и созерцание кровоточащих ступней разгневало его. В конце концов, он выбросил остатки своих кожаных ычигов в ледниковую трещину и высказал желание вернуться домой. Полагаю, что у него были на то причины. Я знал, что морена была испытанием воли даже хорошо экипированного члена Альпийского клуба; чего же можно было ожидать от бедного невежественного неуча? Мы пытались уговорить его идти впе-

ред, но он не обольщался иллюзиями нашей искусной лести, возможно, потому, что не мог понять ни слова из того, что мы говорили. Предложение, переданное жестами и словом, соответствующим обстоятельству, что ему не заплатят, если он не выполнит работу, просто приведет к ответным действиям. Избытком нечленораздельных звуков и жестами он хотел показать, что он не такой; это привело лишь к пустой трате времени. В связи с этим, пока распределяли багаж, было уже далеко за 4:00 часа пополудни. К счастью, к этому времени туман рассеялся, и небо начало проясняться: сквозь просветы и разрывы в облаках мы увидели длинные гребни Шхары, сверкающие под солнцем, проникающим меж облаков».

В конечном итоге, стороны поняли друг друга, «невежественный неуч» (Маммери не сообщает, чем он заменил порванные ычиги) остался с англичанами, восхождение продолжилось.

Подошло время ночевки. Англичанин продолжает свой рассказ: «Мы забрались в нашу палатку-укрытие и в спальные мешки. Более выносливый татарин отказался от предложенного места рядом с нами, и, помыв голову, ноги и руки в соответствии с ритуалом его вероисповедания, лег под большой скалой на открытом воздухе (почти рядом с тем местом, где господа Вулей, Холдер и Кокин устроились лагерем несколькими неделями позже).

Цюрфлюх смотрел на такое поведение с достаточно грустным интересом, верно, предчувствуя, что к утру татарин окоченеет от сильного ветра.

В час ночи Цюрфлюх, бодрствующий для оплакивания медленного и жалкого угасания татарина, вылез из палатки, чтобы осведомиться, как обстоят дела. Спустя несколько минут, клацая зубами, но с не меньшим удовольствием в лице и голосе, сказал мне, что татарин не просто жив, но его голые ступни и всё тело, похоже, наслаждаются сном на свежем воздухе! Цюрфлюх этим утешился».

И еще один эпизод все с тем же татаринком: «Вскоре мы обнаружили, что вместо того, чтобы поглотить провизию, он даже крошки хлеба не съел. Мы заставили его предварительно съесть ланч или, пожалуй, завтрак, в то время как суп готовился, но он отказался и, казалось, не спешил обедать. Он манипулировал костром весьма искусно, разжигал отвратительные дрова в по-настоящему похвальной манере, и только отвлекся, когда попытался наградить меня по случаю признательным похлопыванием по спине».

И чуть далее: «Придя в лагерь, мы обнаружили, что татарин не вернулся, а Цюрфлюх, расстроенный опустошенной кладовой, пал жертвой меланхолии. Он настаивал на том, что татарин свалился в трещину и, вероятно, в данный момент медленно замерзает насмерть меж ледяных стен. Напрасно я указывал на то, что татарин имел привычку охотиться за «большими рогами» на леднике и с легкостью, чему мы были свидетелями,

Ледник Безенги. Фото М. Деши. 1884

Ледник Безенги. Фото М. Деши. 1884

распознавал скрытые трещины так, что лучшие скалолазы Альп могли ему позавидовать. Кончина татарина и, как следствие, отсутствие обеда, оставалось главной темой в его уме, беспокойство и сожаление запечатлелись в глубоких морщинах его лица. Уже темнело, когда он заметил на леднике движущуюся точку, и на наши крики ответил голос, который во всяком случае исходил явно не от мертвого. Около девяти часов пришел татарин, нагруженный ягненком, какими-то ржаными лепешками и большой вязанкой дров. Мы прикрепили лампу к крыше палатки и приготовили роскошную еду из холодного вареного мяса с малосъедобным печеным тестом.

Утро забрезжило с признаками приближающейся бури: длинные пряди туч обволакивали гребни гор, порывы ветра с заметью, воя, срывались с ледников в ущелья. Татарин кивнул и вопросительно произнес: «Караул?». Мы возразили. Он завернулся в бурку и дал понять, что ветра и снега на перевале Безенги будет достаточно».

Итак, восхождение состоялось. Понятно усталось альпинистов, как и объяснимо их желание восстановить утраченные калории. Но извлеченные продукты показали, что «путешествие к запасам в Тюбенели в поисках печенья и шоколада, чая и супов стало необходимым». Кто пойдет за ними? Маммери констатирует: «Татарин выказал радостную готовность отправиться за ними, и мы увидели, как он исчез в ливне. Пастух с противоположного пастбища стал точить об оселок кинжал, который Цюрфлюх предусмотрительно прихватил с собой в Швейцарии, как необходимое средство для отбивных котлет. Несчастливая жертва, обреченная на банкет, паслась на роскошной траве, не обращая внимания на проливной дождь и скорую гибель».

Вечером серьезный изъян палатки Уимпера сделал ее промокаемой. По концам этой конструкции есть отверстия на коньке крыши, сквозь которые ее поддерживает альпеншток. Хотя сами отверстия были малы, однако таких потоков дождя вполне хватило для образования лужи на водонепроницаемом полу. Прорезав дырки в настиле, мы осушили лужу, но всё же узкие прорехи, куда проникал дождь, образовали два сырых и непригодных для жилья места. Цюрфлюха посетило вдохновение, и он, совершив вылазку в ливень, навесил ботинок на каждый альпеншток. С этим гениальным приспособлением мы обрели относительное удобство.

На следующий день, ближе к вечеру мы увидели, что наш носильщик появился вновь. Плотные набитые рюкзаки – один впереди, другой сзади – большая вязанка дров, висевшая на нем, бурка, искусно накинутая на плечи, и пакеты придавали ему вид вытянувшейся магнолии, получавшей удовольствие от вполне полезной для организма и укреплявшей местной атмосферы».

Комментарии, как видится, излишни.

Ледник Безенги. Фото М. Деши. 1884

И еще пару моментов из жизни проводника, чье имя осталось, к сожалению, неизвестным: «Татарин не нашел каких-либо сложностей, чтобы следовать по стопам Цюрфлюха. К несчастью, он отнесся нетерпимо к нашему медленному движению, и, без какого-либо намека на свои намерения, смело ступил на склон. Результат был предсказуем: спустя мгновение он свалился навзничь, скользил и извивался, словно змея в сугробах шипящего снега, оставляя за собой длинную борозду мерцающего льда. Сразу же впереди разверзлась открытая горная трещина и фраза Цюрфлюха: «Herr Gott! er ist verloren» (О, Боже! Он потерялся), казалось, была неизбежной правдой. При особом везении он пролетел кувырком трещину и застрял за ней в мягком снегу. К нашему великому облегчению, мы видели, как он поднялся и начал сбивать снег с одежды, из чего мы сделали вывод, что он не испугался и не ушибся. Затем он сел довольным на снег и наслаждался спокойным отдыхом, пока мы усиленно пробивались к нему, вырубая ступеньки. На фирне Цюрфлюх вытащил веревку, и татарин оказался в знающей свое дело связке».

И далее: «Повернувшись еще раз, я увидел татарина на удобной полочке ниже, устроившего представление пантомимой, в которой изображалось предполагаемое падение тел с соответствующей скоростью и последующим ударом обмякшего тела о скалы или лед. Как только появилась возможность сбросить рюкзак вниз на полочку, где находился татарин, я решился рискнуть. И так, скользя руками без мерзких ремешков и глухой к усиленным мольбам, мог сказать, почти со слезами на глазах, что наверху я оставил ценный баул на милость закону гравитации. Рюкзак рухнул на полку весьма мягко. Нужно было только постараться проследить его дальнейшее падение, растягивая ремешки над скалой как спутанные руки, но, к моему ужасу, я увидел, что эти усилия были бесплодны. Вдруг раздался печальный возглас Цюрфлюха: наша палатка, спальники и супы исчезли за скалой. Я занялся оценкой тех неудобств, что принесла нам утрата временной перегрузки чудесной легкостью движения, приобретенной таким образом. Татарин, полностью безразличный к палаткам, спальникам и другой западной роскоши, одобрительно улыбнулся и из разных замечаний и жестов я понял, что я извлек из созерцания потрясающих ужасов Преисподней, предназначенных для неверных. Я был польщен тем, что еще один шанс должен был быть пожалован мне, чтобы внять учению верного Пророка и наслаждаться вечными удовольствиями, полученными в награду за верность».

А теперь что касается меркантильности местных проводников на фоне весьма живописного описания местного птичьего рынка: «Тем временем носильщик занялся предварительными переговорами о покупке ягненка; обязанность, оставляемая ему, так как я сам сомневался, что выберу не-

Сакли в селении Думала

Старое балкарское селение вблизи Думалинского нарзанного источника

обходимое, до тех пор, пока баранина не будет подана с мятным соусом и другими соответствующими приправами. Единственная покупка, которую я себе позволил, была неудачной. Это случилось в Безенги, и предметом покупки был цыпленок. Вся пернатая популяция селения была представлена мне. Каждую особь учитывая хозяйка держала за лапы. Правильный способ отбора указывал хозяин дома, который тыкал пальцем в пронзительно кудахтавшую жертву, что вызывало ее конвульсивные дергания и хлопанье крыльями, отчего появлялся ореол разлетающихся перьев и предмет покупки вдруг исчезал, оглашая всё селение своим кудахтаньем. В конце концов, после множества старательных тычков, я остановился на трех птицах, сравнительно молодых и мясистых. Это был результат моего печального опыта, в котором я продемонстрировал тщетность своих усилий. Но наш носильщик никогда не ошибался. В этот момент он вел себя великолепно: он объяснил пастухам, как мы вместе преодолели жуткие опасности и мы вели себя почти так же, как и все правоверные, после чего цена на ягненка составила один рубль. Это была обычная цена среди туземцев, для иностранцев она доходила до двух и до трех с половиной рублей.

Пастухов пригласили с соблюдением правил приличия. Один или два случайных туземца пришли в долину посудачить. Нас было восемь или девять: мы сидели у огня и наблюдали, как жадное пламя облизывало котел, в котором разделанная баранина металась, будто в ней еще теплилась жизнь. Трещали большие сосновые поленья: полости меж ними раскалялись докрасна. Наиболее тонкие кусочки мяса, нанизанные на шампуры, были искусно прожарены. Пляшущие язычки пламени освещали бородастые лица последователей Пророка. Наш носильщик делал набросок обрывистых скал и возвышавшихся среди них сераков, в которых, как ему казалось, иностранцы блуждали с удовольствием. В конце концов началась подготовка к веселью. Согласно странному туземному понятию, лакомствами такого рода обычно являются внутренности жертвы: их медленно вытаскивали через ребра все без остатка. Вытаскивание сваренных внутренностей из кипящего котла, охваченного обжигающим огнем, было работой, требовавшей большой сноровки, и наша компания наблюдала за этим действием с затаенным дыханием.

Мы проспали допоздна и увидели, что добросердечные пастухи еще раз наполнили наши бадьи молоком. Завтрак при таких обстоятельствах длился долго, а у Цюрфлюха проявилась необходимость поглощать такую жидкость. Мы отказались от мысли пройти по горам через перевал к Гара-Аузу-Су и решили просто пройти по долине к Булунгу, где мы надеялись найти свой багаж».

И еще несколько интересных этнографических моментов: «Вскоре мы добрались до небольшого леса, где задержались на долгую сиесту в благодат-

ной тени сосен. Затем я прекрасно искупался в ледяных волнах реки. Пройдя чуть ниже, мы встретили туземного бочара; он мастерил кривые ведра трудоемким способом, выдалбливая древесину из круглой колоды сосны до тех пор, пока ствол не оставался пустотелым. Потом углубление срезалось снизу по кругу так, чтобы дно держалось. Затем от колоды отщеплялась кора, и она открывалась и легко вытягивалась, благодаря распорке. Дно было достаточно крепким, а колода стягивалась грубыми деревянными обручами, которые прибавались гвоздями по кругу. Бочар угостил нас молоком и, казалось, ему льстил интерес, с которым мы наблюдали его производство.

В Булунгу мы узнали, что наш багаж еще не прибыл в Безенги, а наш скудный гардероб нуждался в пополнении. На следующее утро мы поехали верхом через невысокий травянистый перевал, связывающий два селения. По прибытии мы узнали, что в селении был праздник и сразу же получили приглашение присоединиться. Меня позвал высокий туземец, и я последовал за ним. Мы пошли гуськом к его резиденции, поднялись по одной стороне дома, перешли по плоской проросшей дерном крыше и спустились с другой стороны. Когда мы подошли к месту празднества, меня подвели к какому-то сиденью, обложенному большими набитыми перьями подушками ярких расцветок и сшитых по одному образцу; здесь меня оставили наблюдать происходящее.

Парни и девушки Безенги, разодетые в шелковые наряды прекрасных цветов, собрались толпой. Чем ближе к дому подходили танцующие, тем застенчивее они становились. Устойчивая привычка подпирать дверную притолоку и уклоняться от своих обязанностей отчаянно пресекалась организаторами церемонии. Сын старшины и какой-то человек подносили чашу с пивом и проявляли неутомимость в своих стараниях. Девушки исчезали между танцами, а в этих перерывах показывали дагестанский танец с саблями и другие похожие представления.

По окончании празднества мы были предоставлены сами себе, чтобы готовиться еще к одному штурму великой вершины Дых-тау».

И о взаимоотношениях, как мы знаем, весьма непростых, с соседями: «Наш татарин, прежде озабоченный сложностями горовосхождений, поделился с нами мнением о сванах. В его голосе звучала радость при описании дикой ярости, испытываемой им от рукопашных схваток. Было ясно: он придерживался мнения, что удовольствие таится в искусном умении подкрасться к противнику и выстрелить в упор из-за удобно расположенных камней. Беседа иллюстрировалась таким богатством жестов и мимики, что наше почти полное непонимание его языка никак не сказывалось на понимании его рассказа. Я буду утверждать, что был озабочен сомнением, разумно ли было вести воителя в таком возбужденном состоянии в населенные его потомственными врагами селения».

«ЗАМОРСКИЙ ЗВЕРЬ» В ГОРСКИХ АУЛАХ

Исследователь С. Ф. Давидович, о жизни и деятельности которого мы, к сожалению, ничего не знаем, в 1886 году предпринял попытку взойти на Эльбрус, но до вершины так и не добрался. Свои впечатления он отразил в статье «Восхождение на Эльбрус», опубликованной в «Историческом вестнике» (СПб., 1887. Т. 28. № 5. С. 342–379). Работа эта известна достаточно хорошо, на нее часто ссылаются ученые, она размещена в Интернете и опубликована отдельной брошюрой нашим издательством.

Куда менее известна другая статья С. Ф. Давидовича – путевые впечатления «В горах Кавказа» (журнал «Природа и охота». М., 1893). Она о пребывании путешественника летом 1892 года на Кавказе, а именно в горах Балкарии. Некоторые моменты ее представляют несомненный интерес.

Вот, в частности, как Давидович описывает Нальчик и подготовку к экспедиции. Итак, в конце июня 1892 года путешественник «приехал в Нальчик, чтобы предпринять отсюда экскурсию в горы и ледники Главного Кавказского хребта. Хотелось отдохнуть от городской жизни, насладиться видами, равных которым нет в Европе, поохотиться, пофотографировать. Нальчик – официально слобода, а на самом деле – чистенький, довольно благоустроенный городок и административный центр округа или уезда того же имени. Он находится верстах в 30 от станицы Котляревской Владикавказской железной дороги, и весь состоит из одной длинной мощеной улицы, застроенной одноэтажными домами. Мимо него пробегает неглубокая, но быстрая, прозрачная горная речка, давшая городу свое имя. По эту сторону реки тянется неоглядная кабардинская степь, а по ту сторону – лесистые предгорья Главного хребта, так называемые «Черные» горы. Из-за него выглядывает громадный снеговой хребет, с высочайшими вершинами – Дых-тау, Коштан-тау и другими, которые вследствие своей вышины и прозрачности горного воздуха кажутся совсем близко, тогда как до них по прямой линии верст 70, не ближе. Благодаря близости степи, леса и снегового хребта и довольно возвышенному местоположению, Нальчик пользуется прекрасным климатом: воздух его чист, прохладен и необыкновенно здоров. Купанье отличное, окрестности красивы и необыкновенно удобны для прогулок. Все это дало ему репутацию климатолечебного пункта и в последнее время сюда стало приезжать на лето много слабогрудых, но главным образом из ближайших губерний. К сожалению,

Нальчик. Фото Вишнякова. 1883

Нальчик. Фото Вишнякова. 1883

за пределами Кавказа Нальчик никому почти неизвестен, а в «путеводителях» по Кавказу он почти не упоминается.

Собираясь из Нальчика сделать экскурсию в центр Главного Кавказского хребта, к горам Дых-тау и Коштан-тау, где расположены горцы так называемых Балкарского и Бизингиевского обществ, я стал искать проводника и верховых лошадей для этой поездки (колесных дорог там нет вовсе), но это оказалось не так-то легко. Лошадей, положим, достать можно было сколько угодно, притом лошадей прекрасных, горских, и за невысокую плату – рубля полтора в сутки. За проводником тоже дело не стало бы, потому что каждый почти горец может быть им; но беда в том, что никто из них не говорит по-русски. Исключение составляют только горцы, учившиеся в местном горском училище, но таковых немного и все окончившие курс пристроились на службу: либо в переводчики к местным чиновникам (такая должность существует здесь официально), либо в милиционеры или полицейские служители. Наконец после долгих поисков и при содействии любезнейшего начальника округа, подполковника Вырубова, удалось мне найти молодого горца, учившегося в училище, хотя и коверкавшего русский язык, Асламбека Шахманова, который взялся быть моим проводником. Это был довольно симпатичный молодой парень, таубий, то есть дворянин, сын довольно состоятельного помещика, но по внешности и образу жизни ничем не отличающийся от простого горца. За свои труды и пару верховых лошадей на своем продовольствии он выговорил себе пять рублей в день. Плата эта по-здешнему довольно высокая, так как прокорм лошадей в горах не стоит решительно ничего.

Двадцать девятого июня, рано утром, Шахманов с парой хороших горских лошадей подъехал к моему крыльцу. За этими лошадьми он ездил накануне в горы за несколько десятков верст. В Нальчике можно найти сколько угодно кабардинских лошадей, которые очень хороши для степи, но для ужасных горных троп вовсе не пригодны: у них нет для этого твердого шага и выносливости горских лошадей. Весь мой багаж, состоявший из перемены белья и платья и необходимой провизии, должен был помещаться в двух небольших переметных сумках. Провизия состояла из чая, сахара, хлеба и разных закусок, так как в горах трудно достать что-нибудь. Но проводник мой, по горскому обычаю, ехал, как стоял, – без всяких запасов и даже без копейки денег: все это с успехом заменяется восточным гостеприимством, на которое рассчитывает каждый горец, отправляющийся в путь. Он знает, что везде найдет даром приют и пищу, равно как и сам готов при случае поделиться с путником последним куском. Как святы для горца правила гостеприимства, видно хотя бы из того, что обычай позволяет украсть необходимое, чтобы угостить гостя.

Мы сели на лошадей и отправились в путь. Дорога, сначала колесная, а потом верховая идет левым берегом реки, сначала степью, затем лесом.

День был жаркий, лошади сильно страдали от оводов. Местность холмистая, покрытая то лесом, то высокой степной травой. Изредка попадались небольшие клочки пашни или зимовки для скота.

Но жилья нигде не было видно. Редко попадались всадники в бурках и пешеходы. Последние вообще на Кавказе редки, так как все предпочитают ездить верхом».

Только к вечеру, спустя двенадцать часов, Давидович со своими спутниками добрался до Кашхатау (в оригинале Кашкатау). Вспомним, сколько времени (максимум полчаса, если ехать не по самой благоустроенной трассе через Герпегеж) занимает эта дорога сегодня, процитируем, каким Давидович увидел Кашхатау: «Здесьние села, или аулы, представляют печальный вид; это какие-то груды камня, а не человеческие жилища. Горские дома, или сакли, складываются из неотесанного булыжника, кое-как цементированного грязью и навозом. Крыши плоские, земляные и заменяют отчасти двор, так как последний, вследствие обилия грязи и навоза, едва проходим. Дом состоит обыкновенно из трех отдельных построек, расположенных вокруг двора: в одной помещаются лошади и скот, в другой – семейство хозяина, а в третьей – кунацкая, то есть помещение для гостей. Грязью и неуютностью веет ото всех этих построек. Ни деревьев, ни зелени. Внутреннее убранство соответствует внешнему. Комнаты без окон, так что свет проходит только через отворенные двери. Вместо печи – открытый огонь, дым которого стелется по всей комнате и выходит через отверстие в потолке и те же двери. Воображаю, как хорошо здесь зимой, когда едкий дым от кизяка наполняет комнату, а в отворенные двери врывается вьюга! Мебели почти никакой. Пол кунацкой устлан войлоками и тюбками, на которых располагаются гости, сидя или лежа. Приличие требует, чтобы прибывший гость не входил сам в кунацкую, а ждал у ворот выхода и приглашения хозяина. Здесьние горцы – все магометане, но женщины их от мужчин не прячутся и лица не закрывают».

И дальше: «Выбравшись кое-как из этого хаоса, мы вступили в более широкую часть долины, где расположены аулы балкарцев с их пашнями и сенокосами. Но как все это миниатюрно! Аул прижался на скате долины к высокой скале и издали похож на кучу кротовин или муравейников. Сакли лепятся одна над другой, как черепицы на крыше, без всякого промежутка; крыша каждой сакли служит в то же время двором для соседей, живущих выше.

Улицы – это узкие, кривые и крутые тропинки, на которых с трудом разъезжаются двое верховых. Все бедно, серо, ничто не радует взора. Картина оживляется несколькими всадниками в бурках, проезжающими шагом по улице, крошечными осликами, навьюченными связками дров и сеном, да кучами ребятишек в пестрых лохмотьях. В таких же лохмотьях и

В окрестностях Нальчика

Горские типы

женщины. ...Женщина выходит здесь замуж лет в 13–14, на ней лежит весь труд по хозяйству. С 25 лет горская женщина уже вполне старуха».

Но надо отдать должное объективности Давидовича, заключающего эти нерадостные картины внешнего быта местных жителей описанием их добросердечия, гостеприимства, трудолюбия: «Как ни неприглядны горские жилища, но это искупается гостеприимством их хозяев: вы можете войти в любую саклю и располагаться в ней, как дома. Везде вы встретите самый радушный прием. Прежде всего вам поднесут в большой деревянной чашке айран – превосходный молочный напиток вроде кумыса, но еще более освежающий и питательный. Затем внесут низенький треногий стол и подадут баранину в разных видах: жареную, вареную, а в заключение – бараний же суп.

Ножей и вилок не полагается. Вместо хлеба подают довольно противные на вкус пшеничные лепешки или сухари из кукурузы. Спиртные напитки не подаются, хотя горцы все напитки, кроме вина, употребляют охотно. Чай и сахар водятся не у всех».

А вот что не понравилось Давидовичу: «...Сакля начала наполняться посетителями: высокие, статные горцы, в черкесках и с кинжалами, входили в комнату, здоровались с хозяином, подавали мне руку и становились у стенки. Вскоре сакля наполнилась посетителями; дышать стало трудно. Хозяин молчал, гости – тоже, а писарь, единственный в ауле человек, говоривший по-русски, занимал меня разговорами. Мне было не до разговоров, и я от души проклинал себя, что пошел искать ночлега в ауле, вместо того, чтобы устроить его где-нибудь подальше от жилья, под скалой. Там, по крайней мере, я нашел бы покой измученному телу и разбитым нервам; но хозяйева мои, по-видимому, вовсе не входили в мое настроение. Они судили по себе. Не выносящий одиночества и не знающий усталости, горец не понимал, конечно, что после целого дня, проведенного в седле, я мог устать и вовсе не нуждался в их обществе. Началось обычное угощение: чаи, баранина в разных видах, айран, часов в 10 я намекнул наконец хозяину, что хочу спать. Мне устроили постель под навесом двора. Постилали даже простыни и одеяло. Но заснуть пришлось нескоро: сотни блох, на которых не действовал даже мой персидский порошок, с одной стороны, шумная беседа моих хозяев – с другой, долго не давали мне заснуть. Только перед рассветом все уgomонилась, и я забылся тревожным сном».

И вывод, который прощает бурчание Давидовича: «Приезд иностранца – это целое событие для глухого аула и нельзя отказать бедному горцу в удовольствии посмотреть на заморского зверя».

Интересно описание того, чем заполнен повседневный быт балкарцев: «Крохотные горские аулы, где сотня саклей занимает столько же места, сколько у нас десяток хат. Но еще крохотнее их поле: по размерам это ого-

роды, не более, но какого поистине каторжного труда стоит каждый такой огород! Вот где человек, действительно, в поте лица ест хлеб свой. Дело в том, что мест, удобных для хлебопашества, у горцев нет вовсе. Всю их землю наш мужик забраковал бы безусловно. Каждый клочок пашни нужно создать, а для этого нужно: расчистить землю от покрывающих ее камней и этими камнями огородить участок; обратить крутой склон долины в ряд террас – узких и длинных, – на которые наносят нужное количество земли; провести на эти террасы из ближайшего родника ряд оросительных канавок, без которых здесь ничто не родит; унавозить этот участок и затем уже, благословясь, засеять его ячменем или овсом. Вот какого труда стоит здесь каждый клочок пашни. Это неустанная борьба с природой, вечное стремление силой вырвать у нее то, чего она не дает даром».

И вот чем заключает этот пассаж автор: «Не доходность заставляет горца дорожить своей землей, а любовь к родине. Как ни неблагоприятна его земля, но он с ней не расстанется. Горцы ходят иногда на заработки, но не выселяются никогда. ...Трезвость и вообще умеренность, свойственная горцам, позволяют им и при таких невозможных условиях достигнуть некоторого благосостояния. Важным подспорьем служит у них скотоводство, и у редкого горца нет пары лошадей и хоть десятка овец. Нищих и безземельных между ними вовсе нет, хотя нет и особенно богатых. Мясо – баранина – у каждого горца составляет обычное блюдо. На свой счет ...проводят они пути сообщения и 1000 рублей пожертвовали в этом году в пользу голодающих».

Давидович продолжает свою экспедицию: «Мы приехали в самый большой из балкарских аулов – Куним (Кюньюм – их было два: Верхний и Нижний. – *Авт.*), раскинутый по высоким крутым берегам быстрого Терека (типичная географическая ошибка того времени: на самом деле Черек. – *Авт.*). Кругом него яркая зелень лугов и пашен, разгороженных на маленькие участки и перерезанных по всем направлениям серебряными нитями потоков. А выше, по обеим сторонам долины, высокие скалистые горы с пятнами снега на верхушках. Картина оригинальная и не лишенная красоты.

Мы едем шагом по узким улочкам аула, поднимаясь все выше и выше. Навстречу попадают нам женщины с кувшинами на головах и мужчины, всегда с пустыми руками. Первые проходят молча, вторые здороваются с проводником и все весело с любопытством смотрят на меня. Иной горец здоровается по-русски: «Здравствуй!» и подает мне руку. Улица так круто поднимается в гору, что кони наши еле ползут, храпя и задыхаясь. Нам нужно подняться на высокую точку аула, где живет один таубий, к которому у меня было письмо. Подъезжаем к его жилищу. Сакля как сакля, ничем не лучше других. Над ней возвышается высокая каменная башня с бойницами – некогда убежище от вражеского нападения, а теперь служащая только для украшения пейзажа. Саклю мы нашли запертой, и ока-

В ауле Шканти (Туура-Хабла)

Долина р. Черек. Фото М. Деши. 1884

залось, что хозяин куда-то уехал. Пришлось спуститься вновь к реке, на берегу которой возвышается каменное, под железной крышей, здание аульного управления – единственное здание русского типа. В нем никого не было, и мы расположились здесь на ночлег».

Потом было посещение аула Бизинги (так у автора), к аульному старшине которого Давидович имел от начальника округа рекомендательное письмо: «Мы подъехали к его сакле. Она только величиной отличалась от других, но была так же мрачна и грязна; двор так же вымощен навозом. Навстречу нам выбежало несколько хорошеньких детей в горских костюмах, а за ними вышел и аульный старшина в сопровождении писаря. Старшина – огромный худощавый мужчина, преисполненный сознания своего достоинства. По-русски он не говорил ни слова. Молча он подал нам руку, молча взял письмо и передал писарю, а потом движением руки пригласил нас в саклю. Она состояла из двух просторных комнат, хотя и грязноватых, но отчасти меблированных. Спальня, кровати, стол, несколько стульев. По стенам развешано оружие и конская сбруя».

Потом посетили аул Хулам, где Давидович со спутниками «остановились в доме отца проводника – зажиточного горца и очень добродушного старика. По просьбе моей, мне отвели отдельное помещение – недостроенную комнату под одной крышей с конюшней. Помещение грязноватое, но зато покойное.

Дождь перестал, но туман был до того густ, что обращал день в сумерки. Туман или, точнее, дождевые облака цеплялись за крыши домов, за деревья, входили в мою комнату и наполняли ее сыростью и мраком. Я с трудом читал и делал записи в своей записной книжке.

Входит во двор молодой красивый горец и кланяется мне, прикладывая руку к папахе.

– Здравствуй! Поздравляю с приездом, – слышу я чистую русскую речь.

– Здравствуйте, – обрадовался я, услышав, наконец, не исковерканный на восточный лад русский язык. – Кто вы такой, откуда знаете по-русски? – засыпал я его вопросами.

Оказалось, что он служил несколько лет в Петербурге в царском конвое, а теперь отпущен домой с чином прапорщика милиции. Он с увлечением вспоминал развеселое петербургское житье и жаловался на скуку аульской жизни.

У соседей моих хозяев праздновалась свадьба, и прапорщик милиции предложил мне посмотреть на танцы молодежи. Я, конечно, с удовольствием согласился. Мы отправились в соседнюю саклю, где в полумраке и страшной тесноте происходили танцы. Новобрачные в них не участвовали и в обществе не показывались. Толпа народа облегла саклю и заглядывала в окна и двери. Пробраться внутрь не было никакой возможности.

Мой чичероне вызвал хозяев и предложил им перевести пляску на плоскую крышу сакли, чтобы доставить мне удовольствие, что сейчас же было исполнено, и я вдоволь насмотрелся на местную молодежь и характерные, красивые горские танцы. Танцевали под звуки гармоника, на которой очень хорошо играла одна из девушек. В танцах одинаковое участие принимали мужчины и девушки: первые, в черкесах и папахах, а вторые – в широких шелковых шальварах, бешметах с длинными, широкими рукавами, и с распущенными косами и шапочками на голове. Мужчины гораздо красивее и в движениях их виделось много удал и грации...»

И возвращение в Нальчик через «так называемые Черные горы, которые служили естественным оплотом враждебных нам горцев и леса которых мы так усердно истребляли при замирении Кавказа. Отсюда в Нальчик ведет через леса несколько плохих дорог. Посоветовавшись с приставшим к нам в пути горцем, проводник мой избрал кратчайшую, хотя и менее торную дорогу. Очень скоро пришлось им раскатыться, а мне – проклинать их выбор. Оказалось, что здесь несколько дней подряд шли проливные дожди и лесные дороги стали почти непроходимы. Лошади зашлепали по лужам и замесили грязь. Чем дальше – тем хуже. Лес обратился в сплошное болото. Дороги нет никакой, а проложена узкая тропа, едва заметная и то и дело теряющаяся в траве и валежнике. Пробираться по ней можно только по колена в грязи, постоянно нагибаясь и отводя руками ветви, которые лезут в глаза и сдирают с головы шапку. Едем час, другой, третий, но пути и конца не видно, кругом все тот же дремучий лес, полумрак и сырость. Трещит валежник под копытами лошадей, шлепает грязь, да тяжело дышат кони. Тесной толпой стоят лесные великаны – бук, дуб и граб, а под ними, покрывая землю сплошным покровом, густо разрослись гигантские лопухи, зеленые с белой изнанкой листьев, – так называемая мать-и-мачеха. Солнце почти не заглядывает в эту чашу. Ни птиц, ни зверей – ничего живого не видно в этом зеленом море, в этом лесном царстве. Часов пять промучились мы в этом почти тропическом лесу, и с каким облегчением мы вздохнули, когда выбрались, наконец, на опушку, с ярким солнцем и широким степным горизонтом.

Далеко-далеко, верст за 20 от нас, виднелись красные крыши Нальчика. Я погнал лошадь, оставил проводников далеко позади и не остановился до тех пор, пока не доехал до так давно, казалось, оставленной мной гостиницы-местечка».

Не правда ли, с трудом верится, что все описанное было реальностью каких-то 120 лет назад: повседневный быт, жилье, нравы и даже лес – «тропический лес», который уже не вырастет никогда...

КАНЬОНЫ ЧЕРЕКСКОГО УЩЕЛЬЯ

Имя Н. Я. Динника (1847–1917) сейчас основательно подзабыто, и в большей степени известно лишь ученым, в первую очередь зоологам. И это совершенно несправедливо, ибо Николай Яковлевич – выдающийся исследователь, навсегда вписавший свое имя в историю изучения Кавказа.

Родившись в Ставрополе, окончив здесь же Ставропольскую гимназию, он продолжил учебу на естественном отделении физико-математического факультета Московского университета, после чего вернулся в родной город и всю жизнь проработал преподавателем гимназии и казачьего юнкерского училища. Но все свободное время Н. Я. Динник отдавал главному делу своей жизни – изучению природы и животного мира дорогого сердцу Кавказа, совершая ежегодные поездки по расположенным на его территории округам, исходив «заповедник мировой истории» (слова В. Миллера) чуть ли не вдоль и поперек.

Свою первую статью «Горы и ущелья Северо-Западного Кавказа» он опубликовал в 1877 году, а всего в его творческом багаже более ста статей, очерков, книг. За статью «Горы и ущелья Терской области» в 1885 году Н. Я. Динник получил серебряную медаль от Русского географического общества, а впоследствии и золотую за изучение Кавказа в целом.

За двухтомное исследование «Звери Кавказа» в 1912 году он был удостоен премии Российской академии наук. В этом монументальном труде Николай Яковлевич изложил результаты своих многолетних биологических наблюдений над кавказскими животными. «Наблюдения эти, – процитируем строки некролога, опубликованного в «Известиях Кавказского отдела Русского географического общества» (Тифлис, 1917. Т. 25. № 2–3. С. 366–368), тем более ценны, что тип зоолога-наблюдателя жизни и нравов крупных

Николай Яковлевич Динник
(1847–1917)

млекопитающих в их естественной обстановке ныне почти совершенно не встречается среди натуралистов. По крайней мере, в России со времен Эверсмана и Северцова и до настоящего времени единственным ...представителем почти исчезнувшего ныне типа натуралистов, которые добывают свои знания исключительно среди природы с ружьем и биноклем в руках, русским Брэмом, являлся Н. Я. Динник.

Свои всесторонние, подробные и правдивые наблюдения над животными Кавказа он облек в прекрасную литературную форму и сочинение его «Звери Кавказа» является огромной ценности вкладом в русскую научную литературу, вовсе почти лишенную подобных сочинений. Оно читается с захватывающим интересом ...всяким любителем природы и, несомненно, побудит некоторых из них внести также и свою лепту в дело изучения жизни и нравов диких животных, в настоящее время, по мере интенсификации культуры и хищничества, быстро приближающихся к исчезновению даже и в таком зоологическом Эльдorado, каким является Кавказский край.

Со времени Брэма, – писал об этом сочинении такой суровый и требовательный критик, как К. А. Сатунин, – мы не имели таких точных правдивых и интересных описаний жизни животных, сделанных на основании своих собственных наблюдений. Эти качества делают книгу Динника поистине драгоценной. Пройдет еще немного времени, при быстром неудержимом шествии культуры ничего не останется от некогда богатой и оригинальной фауны Кавказа и лучшим памятником ее остается книга Динника».

Две работы Николая Яковлевича Динника – «Поездка в Балкарию» и «Поездка в Балкарию в 1887 году», опубликованные в 1890 году в знаменитом сборнике ЗКОИРГО (Записки Кавказского отдела Императорского Русского географического общества), с того времени не переиздавались и в полном своем объеме известны в прямом смысле лишь единицам. И это совершенно неверно: написанные ярко, образно, со знанием дела, изобилующие точными наблюдениями, они и сегодня вызывают живейший интерес как к описываемому, так и личности автора.

Наше же обращение к личности Николая Динника вызвано тем, что и сегодня представляют интерес его описания увиденного в Балкарии, в частности двух неповторимых по своей природной красоте ущелий.

...Возле башни Амирановых (сразу за селением Верхняя Балкария), построенной на огромном валуне десятиметровой высоты, начинается тропа, ведущая в ущелье Рцывашки. Далее в путеводителе по Черекскому ущелью читаем: «В конце ущелья ледник красавицы Гюльчи (с балкарского – цветок), горы, напоминающей распутившийся цветок. Высота ее 4471 м. ...Путь преграждают сначала осыпи, спадающие в Черек, затем – быстрая

речка Тютюн-Су. Наконец, ущелье разветвляется. На запад отходит ущелье Дых-Су, на восток – Штулу. Ущелье Дых-Су узкое, тесное, пробраться по нему можно только пешком. Быстро бегущая по его крутому дну речка Дых-Су наполняет ущелье шумом и мечется от стены к стене этого каменного коридора, стараясь пробиться к Череку. Это довольно многоводная река, которая несет свои воды от самого мощного ледника Кавказа – Дых-Су, лежащего выше в тесном скалистом ущелье. Длина ледника Дых-Су 15,2 километра, он занимает площадь в 48,4 кв. километра. Ледник этот сползает с Главного хребта, он крайне дик и труднодоступен».

А теперь обратимся к написанному Н. Я. Динником в конце XIX века: «Верстах в 10 или 12 от самых верхних аулов в Черек с левой стороны впадает довольно большая и многоводная речка Тутын-су (так у автора). Ущелье Тутын-су узкое, скалистое и страшно крутое. Даже дно его, по которому несется речка, имеет наклон до 20 градусов; для ручья или небольшой речонки такое падение ничего особенного не представляет, но для порядочной речки это уже нечто необыкновенное; поэтому даже в самых недоступных тущобах гор редко можно встретить реку с таким страшным течением, как Тутын-су. Все русло ее завалено огромными камнями, из коих многие весят сотни, даже тысячи пудов, и река, покрытая пеной, со страшным ревом несется между ними, увлекая многие из них за собой. Человек, стоящий даже шагах в 20 или 30 от реки, чувствует довольно сильный сырой ветер, и его обдает брызгами и густой водяной пылью, как будто бы дождем. Особенно замечательным представляется Тутын-су, если стать на берегу ее и взглянуть снизу вверх, против течения: тогда видно, что вся река, до последней капли воды, прыгает, мечется, бьется и ревет, точно чудовище в страшных предсмертных конвульсиях.

Верстах в двух от своего нижнего конца ущелье Тутын-су разделяется на два отдельных. Речки, текущие по дну их, получают начало на снегах и льдах одной из высочайших гор Кавказа – Дых-тау.

Тутын-су замечательна еще в другом отношении. Вся нижняя часть ее долины, начиная от того места, где соединяются два упомянутых ущелья, и до самого Черека, завалена громадными кучами щебня и камней. Они и до сих пор представляют ясно обозначенные гряды или валы, идущие в несколько рядов, параллельных друг другу и обращенных выпуклой стороной вниз, т. е. к Череку. Все вместе они образуют высокий бугор, имеющий протяжение до тысячи шагов в направлении, перпендикулярном к реке, и покрыты почвой, на которой, кроме травы, растет порядочный березовый лес. Вся эта груда камня, без сомнения, представляет древнюю ледниковую морену. По рассказам туземцев, в верховьях Тутын-су и теперь есть средних размеров ледник; в прежние же времена он, без сомнения,

Вершина Коштан-Тау. Фото М. Деши. 1884

В верховьях ущелья Безенги

был гораздо больше и спускался до самого впадения Тутын-су в Черек. Место, занятое теперь старыми моренами, находится на высоте около 5000 футов, следовательно, на такой высоте, до которой в настоящее время не спускается ни один из глетчеров Кавказа.

Что лед доходил в прежние времена до этого места, доказывается еще следующим: с левой стороны долины Тутын-су, именно, недалеко от соединения ее с долиной Терека, на высоте саженной тридцати над теперешним дном долины, ясно видны сглаженные и отшлифованные скалы, т. е. так называемые бараньи лбы, которые почти всегда можно найти в местах, раньше находившихся под ледником.

Верстах в четырех выше устьев Тутын-су Черек составляется из двух рек. Одна из них, именно левая (если смотреть по течению), начинается множеством бурных горных потоков из угла, образующегося пересечением Главного Кавказского хребта и той высокой его ветви, на которой поднимаются высочайшие после Эльбруса пики Кавказа – Дых-тау и Коштан-тау. Эта река носит название Дых-су. Что касается другой, составляющей, так сказать, правый приток, то она носит название Штулу и образуется из двух главных рек – Ак-су (на пятиверстной карте Ак-баше) и Кара-су. Ущелья их разделяются высоким хребтом.

Долина Череха от Тутын-су до слияния Штулу и Дых-су ничего особенного не представляет, но само слияние интересно в одном отношении. Здесь соединяются в общем русле мутно-желтые воды Дых-су и темно-серая Кара-су, но они, несмотря на столь сильное течение, долго не смешиваются между собой, так что река в этом месте представляет две совершенно различные по цвету части, как будто бы разделенные невидимой преградой».

И продолжающая описание интересующего нас ущелья цитата из второй работы Николая Динника: «На следующий день я решил отправиться в ущелье Тутын-су, с тем чтобы пройти его от начала до конца и осмотреть находящиеся в нем ледники. Для этой цели мне надо было проехать назад по ущелью Череха верст пять, именно до впадения в него Тутын-су, а потом уже продолжать путь пешком, так как ущелье Тутын-су на большей части своего протяжения настолько круто и скалисто, что по нему ехать невозможно.

При входе в это ущелье, у самого подножия скал, возвышающихся с правой стороны Тутын-су, находился балкарский кош; около него мы оставили своих лошадей и дальше отправились пешком. Прежде всего я занялся осмотром местности, находящейся немного выше впадения Тутын-су в Черек и уже отчасти описанной мной в моей первой статье о Балкарии. Вся эта местность на протяжении около квадратной версты завалена гру-

дами камня, представляющими целую систему валов, покрытых на большей части своей поверхности травой и даже лесом. Расположение их всего более напоминает древние ледниковые морены, за каковые я принял их в прошлом году. Осмотрев их теперь более тщательно, я пришел к несколько иному заключению, именно, что эти валы своим происхождением обязаны не только ледникам, достигавшим в прежние времена гораздо больших размеров и спускавшимся, вероятно, до самого конца долины Тутын-су, но и течению реки, которая в обыкновенное время, а в особенности во время сильного дождя, увлекает множество камней и по выходе из ущелья на простор заваливает ими свое русло и берега.

Местность, занятая этими выносами, расположена на высоте около 5100 футов над уровнем моря, но, несмотря на это, на ней растет много деревьев, которые любят более или менее теплый климат. Так, я встретил здесь, конечно, в диком состоянии, довольно много груш, яблонь, алычи и черешен. По словам моих проводников, последнее растение почти никогда не приносит плодов, тогда как на яблоне, груше, алыче они родятся в изобилии. Кроме того, в этом месте растет очень много орешника, на котором ежегодно бывает столько орехов, что они скупаются евреями, торгующими в балкарских аулах, и потом вывозятся на плоскость. Барбарис образует здесь сплошные заросли, часто попадает калина, гордовина (*Viburnum lantanum*), два вида можжевельника (*Juniperus communis* и *J. sabina*), много березы, сосны, шиповника (*Rosa canina*) и, наконец, кое-где малина, смородина, крыжовник и рододендроны.

Когда мы подъезжали к Тутын-су, то вправо и несколько назад от нас открылся очень красивый вид на перевал Гезевчик, ведущий из Балкарии на южный склон. Как на самом перевале, так и во все стороны от него виднелись громадные снежные поля. При ярком освещении лучами солнца они, несмотря на значительное расстояние, светились так сильно, что на них тяжело даже было смотреть.

Еще более красивый вид открылся перед нами, когда мы уже успели несколько подняться по Тутын-су, но еще не вступили в ту теснину, где, кроме узкой полосы неба да ближайших скал, ничего не видно. В это время, несколько правее перевала, показался второй по величине ледник Балкарии – Агштан. В прошлом году я видел замечательную по необыкновенной красоте самую нижнюю часть его, которая свешивается с крутого склона и вследствие этого трескается и превращается в бесчисленное множество высоких, тонких и прозрачных игл сине-зеленого или зелено-голубого цвета; теперь же был виден весь глетчер, за исключением самой верхней его части, которая поворачивала вправо и скрывалась за выступом скал, возвышающихся сбоку ледника. Весь Агштан представлял-

ся в виде широкой и длинной полосы льда, изгибающейся пологой дугой. Нижняя часть его, за исключением самого конца, издали представлялась совершенно гладкой и ровной, верхняя же пересекалась в различных направлениях большим числом трещин.

На расстоянии около версты от впадения Тутын-су в Черек долина Тутын-су делается очень узкой. С левой стороны реки здесь поднимаются высокие, крутые скалы, только при основании покрытые скудной растительностью, а дальше, вверх, совершенно обнаженные; с правой же стороны склоны не так круты и кроме скал, находящихся, главным образом, в самой верхней части, представляют луга, чередующиеся с перелесками. По ним проходит и та узкая тропинка, которая ведет в самую верхнюю часть ущелья. Она довольно утоптана и вовсе не плоха; поэтому идти по ней совершенно безопасно, но далеко нелегко, так как она вообще крута, а в некоторых местах ее подъем превосходит даже 30 градусов. Из древесных пород на этом склоне ущелья чаще всего попадают березы и вербы.

Верстах в двух от начала теснины Тутын-су разделяется на две речки, из которых правая, если смотреть вверх по ущелью, гораздо меньше левой и течет в столь узкой расселине, что напоминает скорее какую-то трещину, чем речное русло. Этот исток во многих местах не шире сажени, но зато течение его поразительно быстро: весь он представляет непрерывную систему водопадов. О страшном течении Тутын-су ниже слияния обоих истоков я уже говорил раньше. Во время дождя эта речка несется еще быстрее, бесчисленные брызги воды образуют над всем ее течением непрерывную полосу тумана или как будто бы дыма. По этой причине, вероятно, некоторые называют ее «Тутюн-су», то есть «дымящаяся речка». Может быть, это название и более правильно, чем Тутын-су.

Правый, меньший, исток Тутын-су получает начало из очень обрывистого глетчера, имеющего небольшие размеры и оканчивающегося на очень значительной высоте. Нижний конец его, изборожденный множеством трещин, виден даже с дороги, идущей по долине Черека, именно с того места ее, которое находится против ущелья Тутын-су.

Другой исток Тутын-су непосредственно за тем местом, где он отделяется от первого, также течет в страшной трущобе. Узкое и глубокое русло его представляет пропасть, заваленную множеством каменных глыб, между которыми река должна прокладывать себе дорогу. Она здесь мечется, прыгает и бьется, налетая то на камни, то на крутые, скалистые берега. Более или менее значительные водопады встречаются здесь чуть не на каждом шагу. Самый большой и красивый из них находится сажень в 100 выше слияния обоих истоков. Страшный шум, вырывающийся со дна пропасти, по которой течет река, слышен, вероятно, за многие версты.

Ущелье этого истока Тутын-су имеет, однако, такой характер не на всем протяжении, а только на пространстве верст двух; далее же оно становится все более и более просторным, покрываясь при этом сплошным и настолько густым березняком, что через него было бы трудно пробраться, если бы не существовало в нем тропинки. Таким же образом, по мере приближения к истокам реки, и течение ее делается все медленнее и медленнее, а берега ниже и ниже. Эта перемена совершается здесь, однако, весьма постепенно. В одном месте, где ущелье уже значительно расширилось, а речка еще продолжает течь в глубокой яме, две каменные глыбы свалились на дно ее и образовали настоящий мост, по которому можно легко перебраться с одного берега на другой; что же касается воды, то она с ревом прорывается здесь через узкое пространство между расходящимися основаниями камней.

Верстах в двух от своего начала долина Тутын-су становится неузнаваемой: она сильно расширяется, причем речка разбивается на несколько истоков, текущих несравненно медленнее и притом в совершенно пологих берегах; лес здесь также оканчивается и его заменяют луга и заросли рододендронов. В самом верхнем течении, т. е. приблизительно в версте от своих истоков, Тутын-су окончательно разбивается на несколько отдельных речек, получающих начало из отдельных глетчеров; самая же долина заканчивается почти круглым просторным, более или менее ровным местом, на котором находится много хороших горных лугов, привлекающих сюда балкарских пастухов с их стадами. Во время нашего посещения здесь также находился один кош, хозяин которого пригласил нас к себе и усердно угощал айраном. Последнему после трехчасового путешествия по крутым горам мы, конечно, были очень рады.

Верховье Тутын-су замечательно красиво. Оно представляет огромную, глубокую котловину, только с одной стороны имеющую свободный выход. Дно ее, как только что было сказано, покрыто прекрасными зелеными лугами, разделенными на множество участков несколькими большими, быстрыми горными речками. Склоны котловины внизу также заняты лугами, а несколько выше густыми сплошными зарослями рододендронов, между которыми разбросано множество отдельно стоящих кустиков или маленьких деревьев березы; над этим поясом поднимаются на многие сотни футов обширные галереи темных скал, чередующихся то с площадками, покрытыми зеленью, то с длинными извилистыми лентами снега, свалившегося с ближайших высот. Еще выше громоздится самая верхняя часть хребта, покрытая почти сплошными снежными и глетчерными полями, образующими громадное, почти полное кольцо гор вокруг верховья Тутын-су.

А теперь об уходящем на запад ущелье Дых-су.

Во многих горных ущельях Кабардино-Балкарии мы побывали за время многочисленных путешествий по республике, но будем честными: равных по своей суровости и неприступности Дых-су не довелось видеть. Расположенное в пограничной зоне, требующее значительных усилий даже для того, чтобы добраться до него, оно практически непосещаемо и сохраняет свой дикий первоначальный вид.

Мы стремились побывать в Дых-су и по той причине, что народная молва именно в этих местах позиционирует нахождение знаменитых скифских котлов невероятных размеров и самого известного из них – котла царя Арианта. О последнем мы писали неоднократно. Более того, уверены, он по-прежнему спрятан в окрестностях Нальчика. Конкретно: в ущелье, по которому протекает река Казансу (река-котел). Но уж очень притягателен был рассказ местного жителя – пожилого человека, пригвожденного к постели, с горячностью утверждавшего, что он лично видел два таких котла. И видел именно в Дых-су. Одним словом, в один из июльских дней мы отправились в путь.

Надо сразу сказать, что погода, благоприятствующая нашему походу, часам к десяти резко изменилась, и к моменту, когда мы добрались до Дых-су, зарядил такой дождь, что ни о каком продвижении по самому ущелью не могло быть и речи. Тем более что резко похолодало, сырость пробиралась до костей и вовсе не настраивала на подвиги.

Сразу вспомнились строки из книги Николая Динника, которую мы взяли с собой вместо путеводителя: «Часа за три до наступления вечера мы остановились около первой балкарской караулки, находящейся у самого начала ущелья Дых-су. Здесь мы разбили свою палатку и решили остаться до утра.

На следующий день было сыро и холодно. Термометр, спустя часа два после захода солнца, показывал только 6 градусов тепла, несколько раз принимался идти дождь, и я долго не решался отправиться в ущелье Дых-су. С вечера температура кипения в сосуде гипсометрического термометра равнялась 94,8 °C., а утром 94,75. Это понижение температуры кипения также могло считаться предзнаменованием дурной погоды. К полудню, однако, небо и горы заметно очистились, а температура поднялась до 14 °. Тогда я с двумя проводниками, которые захватили мою бурку и провизию на два дня, отправился к леднику Дых-су; палатка же и все остальное имущество, за исключением ружья, остались около караулки. Само собой разумеется, что мы отправились пешком, так как ущелье Дых-су представляет такую узкую скалистую щель, что на лошади нельзя проехать и сотни шагов.

Ущелье Дых-су при своем начале особенно круто и скалисто. Проникнуть в него можно, только придерживаясь самого берега реки и пробираясь по грудам громадных гранитных и гнейсовых глыб, свалившихся с соседних гор. Мы направились вдоль правого берега речки и, непрерывно прыгая с одного камня на другой, медленно продвигались вперед. В некоторых местах приходилось почти ползти или с трудом протискивать свое тело сквозь узкие промежутки между наваленными друг на друга обломками скал. Все русло Дых-су, как и само ущелье, буквально завалено громадными глыбами гранита и гнейса, а течение воды поистине ужасное. Вся река прыгает, мечется и бьется, наполняя оглушительным ревом ущелье. Водопады тут чуть не на каждом шагу, а в одном месте два громадных свалившихся камня расположились друг против друга по обеим сторонам реки, оставив для воды только узкий (около сажени) проход. Вся река прорывается через него, образуя огромную, изогнутую дугой струю воды, висющую в воздухе и бьющую с такой силой, как из гигантской пожарной трубы. Быстрое течение вызывает сильный ветер, а страшный шум воды усиливается стуком и грохотом камней, которые река катит по своему руслу.

Верстах в двух от нижнего конца ущелье слегка поворачивает вправо (для наблюдателя, идущего вверх по ущелью) и становится чуть-чуть шире. Правая сторона его остается все такой же скалистой и поднимается почти отвесно, а левая несколько более пологая и представляет почти всюду огромные осыпи. Между грудками камней по обеим сторонам ущелья приютились березы, сосны и рододендроны. Березки в некоторых местах представляют даже более или менее сплошные заросли. Ни с правой, ни с левой стороны в Дых-су не впадает ни одной сколько-нибудь порядочной речки, а только самые незначительные ручейки».

Содержащееся в другой работе описание все того же ущелья еще больше настроило на минорный лад: «Целый вечер я не мог наглядеться на ужасное течение Дых-су. По быстроте она не уступает Тутын-су, но гораздо многоводнее, и потому несравненно величественнее ее. Этот огромный, дикий, пенящийся поток, ежедневно со страшным ревом и грохотом уносящий с гор многие миллионы ведер воды, своим бешеным течением промыл себе глубокое ложе сквозь громадные, твердые, как сталь, скалы и мчит между ними с неудержимой силой. При столь быстром течении мутно-желтые воды Дых-су увлекают за собой не только песок и мелкие камни, но и целые груды скал. Прыгая с уступа на уступ и ударяясь то об один, то о другой берег, они производят непрерывный гул, напоминающий отдаленные раскаты грома. Этот гул и стук камней слышен не только тогда, когда стоишь на самом берегу реки, но даже и в значительном расстоянии от нее. Я не знаю в горах ничего столь ужасного, как реки, подобные Дых-

су. Рев их течения, гром и стук каменных глыб, дико катящихся друг через друга по их дну, вселяют, в особенности в темную ночь, какой-то ужас и ледянят душу даже привычного человека. Кажется, что здесь происходит отчаянная борьба всех сил природы и что одна из них, взяв верх над прочими, в слепой ярости уничтожит все окружающее».

Особенно впечатлила строчка относительно того, что даже столь знаменитый исследователь Кавказа, как Н. Я. Динник, признавался: «Я не знаю в горах ничего столь ужасного, как реки, подобные Дых-су».

В иные минуты казалось, что перед нами не река, а нечто живое – рычащее чудовище, разбухающее прямо на глазах от потоков воды, низвергающихся с неба, грохочущее и завывающее.

И в этом поистине животном рыке чувствовалась такая мощь и злоба, что наша небольшая группа приняла единодушное решение отступить. Правда, также единодушно мы решили: отступление наше вынужденное – с природной стихией споры за первенство чреваты непредсказуемыми последствиями. Но не вечно же лить дождям и греметь грому.

Так что мы вернемся к тебе, Дых-су.

Обязательно вернемся!

Безенгийская стена (справа сверху), ущелье Дых-су
Поляна Штулу >

ТЕРРАСЫ, ДАРУЮЩИЕ ЖИЗНЬ

В верховьях Тызильского ущелья есть жилища-пещеры, нахождение которых поражает всех, кто впервые видит этот удивительный комплекс: неужели люди здесь жили, как забирались в свои жилища, чем питались, в конце концов?!

Жили, и долгие-долгие столетия, об этом говорит множество каменных ящиков, содержащих сотни (если не тысячи) человеческих останков.

Забирались по сложной системе деревянных лестниц – некоторые пещеры расположены в нескольких десятках метров от основания скал.

Питались, о чем говорят террасы, расположенные поблизости. Именно на них, террасах, тызильцы, как и жители других горных местностей, получали необходимые продукты земледелия.

Земледелие в горах так и называется – террасное, означая расположение культивируемых полей на нескольких уровнях гор в виде широких ступеней. Культура эта является одной из особенностей традиционного природопользования. Считается, что возникла она на Ближнем Востоке, распространившись впоследствии по так называемому золотому поясу древних земледельческих цивилизаций, опоясывающему «земной шар и образуя концентрированные очаги гигантских террасных лестниц в Ливане, Йемене, на Филиппинах, в Сычуане и других горных провинциях Китая, Перу, Боливии и т.д.».

Более того, «из всех известных следов деятельности человека на земной поверхности террасирование полей является наиболее глубоким и обширным». Этот метод использовался в Южной Америке еще со времен древнейших индейских государств, в древних Вавилоне, Риме, Англии (терраса называлась *lynch*). Особенно широко было распространено террасное земледелие на Кавказе.

В Кабардино-Балкарии земледельческие террасы встречаются повсеместно на среднегорных плато и на склонах горно-долинных котлованов, где они располагаются амфитеатрами. Представляют они из себя небольшие площадки, размежеванные травянистыми сенокосными склонами (их называют «откосами»). Всех интересующихся этой темой отсылаем к одному из наиболее информационно насыщенных трудов в данном направлении – докладу М. К. Гегешидзе «Террасное земледелие на Кавказе»,

сделанному на седьмом конгрессе антропологической и этнографической наук (Москва, 1964).

Мы же обратимся к работе русских ученых и путешественников Максима Ковалевского (1851–1916) и Ивана Иванюкова (1844–1912) «У подошвы Эльбруса» (1886). В ней читаем: «По всей дороге к гроту, на том же левом берегу реки, мы замечали признаки существования в скалах подобного же рода пещер, а на вершинах гор следы полуразрушенных башен и укреплений. Правый берег, на котором расположены в настоящее время обильные пастбища для скота, спускается к руслу правильными террасами, довольно близкими по характеру с теми, какие показывал одному из нас в Гичине, близ Лондона, известный английский экономист Зебом. Террасы эти, известные в Англии под названием «*lynches*», признаны в настоящее время результатом постепенного углубления почвы вследствие ее распахки.

Мы останавливаем внимание читателя на этих фактах, потому что видим в них подтверждение той мысли, что некогда население этой долины занималось земледелием; но теперешние жители Хасаута решительно не помнят того, чтобы кто-либо из их отцов или дедов разводил хлеб на этих террасах. Из этого можно заключить, что террасы возникли до поселения в местности карачаевцев и кабардинцев, что они созданы тем самым народом, который строил башни и сооружал могилы, и что, следовательно, народ этот был народом земледельческим».

Об этом же пишет русский путешественник В. Я. Тепцов, считавший свой труд «По истокам Кубани и Черёка» (1892) «скромным дополнением к знаменитому очерку М. Ковалевского и И. Иванюкова»: «Христиане, обитавшие в долине Баксана, во всяком случае не были кочевниками; об оседлости их достаточно свидетельствуют и развалины церквей, и сами кладбища. Они были народом культурным, что видно из остатков в могилах, занимались хлебопашеством и проводили оросительные каналы с большим искусством. Остатки таких каналов особенно хорошо сохранились, по словам нашего собеседника-землемера, на предгорьях хребта Алмалы-кая, около хутора Атажукова. На предгорьях же Лха землемер показал нам множество площадок правильной десятичной формы – места бывших пашен, по его и нашему мнению, пашни эти орошались каналами, проведенными на довольно значительную высоту».

Система орошения вызвала неподдельное удивление и у английского путешественника Флоренса Кроуфорда Грове, которое отражено в его работе «Холодный Кавказ» – «живой, словами Дугласа Фрешфильда, и в то же время весьма точной серии рассказов о кавказском путешествии и о людях на Кавказе», совершенном в 1874 году. «Мы искали, – пишет Ф. К. Грове, – деревню Осрокова (Озроково. – *Авт.*). Она находилась на небольшом расстоянии. Путь к ней пролегал сначала по скучным, однообразным лугам,

а затем по отлогости южного бока долины, обозначающегося здесь рядом небольших круглых возвышенностей.

Проходя по ним, мы успели заметить, что лежащие внизу луга орошались весьма хорошим искусственным способом, чего едва ли можно было ожидать от местности с таким ничтожным населением. Действительно, достойно было удивления, откуда брались люди, которые так тщательно обрабатывали землю; удивление наше не уменьшилось и тогда, когда мы достигли Осрокова, этой маленькой, бедной деревушки, лежащей несколько выше южного склона, у входа в небольшую долину, по которой лениво протекала река, замечательно грязная вследствие вливания в нее всяких нечистот. Дома этой деревни казались беднее всех встречаемых нами прежде, а жители были неопрятны и грязны, хотя между ними, как и повсюду в северо-западной части Кавказа, попадались и красивые, хорошо одетые молодцы».

В этом высказывании Ф. К. Грове прямо-таки сквозит его чисто английский снобизм и европейское превосходство над азиатскими аборигенами. Но, как известно, поверхностный взгляд далеко не всегда точный и верный.

Кроуфорд Гроув, Гораций Уолкер, Фредерик Гардинер и Адольфус Мур. XIX в.

У фольклориста и писателя Евгения Баранова, колоритной личности которого мы посвятили немало страниц, есть немало работ, посвященных горному земледелию. Одна из них так и называется: «Очерки землевладения в горах» (Терские ведомости. 1892. № 14, 15, 17).

В другой же – «Очерки из жизни горских татар Кабарды» (1894) – читаем: «Земледелие в горах, собственно одна из отраслей его – хлебопашество, ведет свое начало с очень давних пор. Тот пастушеский народ, который заселил нынешнюю территорию горских обществ, находясь в постоянной борьбе с племенами, жившими на плоскости, поневоле должен был подумать о земледелии, потому что одними продуктами скотоводства, без хлеба, жить было невозможно. И вот началась египетская работа над созданием из хряща и камней почвы, годной для хлебопашества».

Предки нынешних горцев, по преданиям, заселяя горы, застали туземцев уже занимающимися земледелием. С тех пор прошли целые века до настоящего времени, а характер земледелия в горах почти не изменился: как и в то отдаленное время, так и в настоящее пашни удобряются, орошаются искусственными канавами, засеваются ячменем и овсом и только в последнее время пшеницей, впрочем, в очень ограниченном количестве, и картофелем. По-прежнему в половине апреля горец выезжает на свой пахотный участок и начинает ковырять его особого устройства сохой, в которую впряжена пара низкорослых волов.

Горская соха – деревянный крючок, к концу которого приделан железный лемех. Почва взрывается им не глубже одного вершка. Плуг, употребляемый на плоскости, в горах непригоден, потому что, врезуясь глубоко в почву, он выворачивал бы и подпочвенный хрящ и камни и делал бы пахоть непригодной под посев хлеба. Почва пахотных участков до того перепажана, что для того, чтобы приготовить ее под посев хлеба, вполне достаточно ковыряния одной сохой. Одного дня для горца в большинстве случаев достаточно, чтобы вспахать, засеять и заборонить свою пашню, так она невелика. Бороной служит колючий куст оховника, сверх которого для тяжести кладется камень, куст привязывается к ярму веревкой, и, при движении волов по пашне, мягкая почва разрыхляется и закрывает зерна.

Хлеб созревает в августе, если не наступят ранние холода, а иногда случается, что его жнут не вполне созревшим и затем искусственно подсушивают. Молотят хлеб следующим образом: на току разбрасывают снопы и гоняют по ним волов, и зерно отделяется от соломы, солома зимой употребляется на корм скота. Пахоть через каждые три года удобряется навозом. Перед удобрением ее засыпают овсом, которому отводятся наиболее худшие места, в первый год после удобрения сеют ячмень, а затем более зажиточные горцы – пшеницу. Все посевы в горах яровые, озимых

нет. Урожаи здесь весьма незначительны, приблизительно в четыре раза меньше плоскостного. Немногим жителям, только наиболее зажиточным, хлеба, снятого со своей пашни, хватает на круглый год, большинство же начинает покупать его с половины зимы. И ради такого скудного количества хлеба жителям гор приходится так много тратить тяжелого упорного труда! Поистине эти люди в поте лица добывают себе хлеб!»

Ему вторит ставропольский журналист и писатель Яков Абрамов, автор статьи «Кавказские горцы», опубликованной в 1884 году в журнале «Дело»: «Кавказские горы имеют мало террас, пригодных для земледелия. Большая часть площади, занятой горами, состоит из крутых стремнин и спусков, на которых может расти только лес и мелкая трава. Во многих же местах бока гор настолько круты, что текущими во время таяния снега или дождей ручьями с них сносится малейшая песчинка земли, и бока эти представляют собой сплошной очищенный камень. Пашни, даже на менее крутых склонах, невозможны, так как неминуемо уничтожались бы при первой весне или даже при первом сильном дожде.

Вот почему горные пастбища и леса, почва которых держится на склонах гор благодаря корням растений, не могут быть обыкновенно обрабатываемы в пашни. Для этой цели могут служить только немногие, редкие клочки земли, случайно представляющие не особенно большой наклон, настоль-

Балкарцы с сельскохозяйственными орудиями. Балкарское ущелье

ко небольшой, что на нем может держаться искусственно созданная почва, конечно, при помощи различных сооружений. Такие клочки земли дорого ценятся и нарочно разыскиваются.

Отыскав такой участок земли, горец очищает его от камней и устраивает снизу стену, часто из собранных на участке же камней. Затем он направляет течение какого-нибудь горного ручья на избранный участок. Ручей оставляет на участке мелкие камешки и песок и таким образом выравнивает его и вместе с тем создает подпочву участка. Тот же ручей, протекая сквозь отверстия между крупными камнями, из которых сложена стена, забивает их мелкими камешками и песком и таким образом цементирует стену, делает ее крайне устойчивее, могущей выдержать самые сильные горные потоки и сохранить созданную на участке почву.

Затем в огороженный участок загоняется на ночлег скот, который и удобряет почву. Это продолжается несколько лет. Если хозяин участка пожелает по возможности скорее привести участок в такой вид, чтобы получать с него доход, то приносит большею частью на себе снизу, из долин, черную землю и покрывает ею участок. Сначала такой участок запускается под траву. Трава на нем родится низкая, не выше фута, но зато густая, как щетина на щетке, так что в нее трудно просунуть руку. Собирается трава три раза в год.

Сено в горах ценится чрезвычайно высоко, участок в одну четверть десятины дает сена не менее как на 60 рублей. Вообще участки удобной земли в горах крайне редки. Больше четверти десятины участки встречаются крайне редко, и чем дальше в горы, тем участки меньше. Нередко участки встречаются не более обыкновенно величины средней комнаты. Земли удобной здесь очень мало, и она ценится чрезвычайно дорого».

А вот наблюдения Якова Абрамова относительно орошения: «Условия местности иногда не позволяют проводить оросительные каналы по земле, и тогда их устраивают на воздухе, сооружая из дерева громадные желоба. Это имеет место, например, в Балкарских обществах Нальчикского округа.

...Весною и в начале лета балкарцы, куда бы они ни шли, что бы ни делали, непременно имеют при себе заступы. Дело в том, что в это время производится орошение пахотных полей, имеющее громадное значение для урожая; так как каждый член общества имеет право только в течение определенного времени пользоваться водою из общего канала для орошения своего поля, то он и носит при себе постоянно заступ, и где бы и за каким бы делом ни застало его наступление момента, с которого начинается его право на воду, он тотчас же устремляется к каналу и пускает из него воду на свои клочки земли. Неудивительно, что при тщательной об-

Косари. Черекское ущелье

Теснина Зылги-тар. Северный тоннель в Черекском ущелье

работке (рукою, заступом) земли, при постоянном удобрении и орошении урожаи получаются здесь очень значительные – до сам-двадцать».

И важное свидетельство профессионала в рассматриваемом нами вопросе: Николая Петровича Тульчинского – землемера Межевого управления Терской области (с конца 70-х годов XIX века), позже старшего землемера того же управления, затем Терской областной чертежной, автора работы «Пять горских обществ Кабарды» (1903): «Как я уже говорил раньше, в горах большая часть пахотных и покосных участков подвергаются ирригации, без чего немислима посевная растительность и хорошие питательные травы. Ввиду этого по ущельям горских обществ устроена целая сеть ирригационных каналов, искусно проведенных по очень гористым местностям.

Ежегодно, когда настает время орошения полей, а это время настает с самой ранней весны и продолжается с перерывами до половины августа, общества выбирают надсмотрщиков, на обязанности которых лежит наблюдение за правильным выходом и в потребном количестве воды из главных водных артерий в побочные каналы, разветвленные в разных направлениях и идущие непосредственно для напавания полей.

Вода делится на равные пай не по числу орошаемых участков и не по их размерам, а по числу домохозяев, считающихся собственниками главных водных артерий, и каждый такой двор получает по очереди на одни сутки свой пай, не входя в рассмотрение, нужна ли ему вода или нет. Такой своеобразный обычай вызвал другой – торговлю водой: не имеющие совсем пахотных и луговых участков продают свои пай другим, ощущающим большой недостаток в воде, а равно продают свою воду или часть ее те, которые по размерам своих участков или по местоположению их не нуждаются в полном пае.

Пустить воду на поля не есть еще полное орошение, нужен еще тщательный присмотр и труд, чтобы поля насыщались равномерно и во всех своих частях; с этой целью мужчины и женщины с самого раннего утра до позднего вечера ходят по своим полям с особого рода железными заступами и в буквальном смысле слова заглядывают во все уголки, производя разные манипуляции над почвой и водой; где нужно уравнивать почву, строят валы, прокапывают еле заметные канавки, пропускают в разные стороны различной величины струи воды и т. д., и когда по соображениям вся площадь оросится, отводят воду в сторону.

Прежде по искони заведенному обычаю начало оросительных канав (баш татаул) можно было брать беспрепятственно в чужих владениях, но в настоящее время этот прекрасный обычай утратил свою силу и земледельцы и общества стали запрещать проведение канав через их земли, от-

чего в некоторых местностях горского населения такой порядок является истинным бедствием. Так, например, Хуламское общество, страдающее безводием и имеющее возможность достать воду из речки, протекающей по земле Безенгиевского общества, не может воспользоваться ею, вследствие запрещения безенгиевцев взять начало на их земле».

Впрочем, мы уже ушли достаточно далеко от первоначальной нашей темы – террасного земледелия. Когда же оно возникло в наших краях, каким образом развивалось? Ответить на эти вопросы поможет статья Д. С. Коробова и А. В. Борисова «Древнее и средневековое земледелие в Кисловодской котловине», основанная на исследованиях, проведенных в 2005–2011 годах Кисловодской экспедицией Института археологии совместно со специалистами Института физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН неподалеку от наших мест.

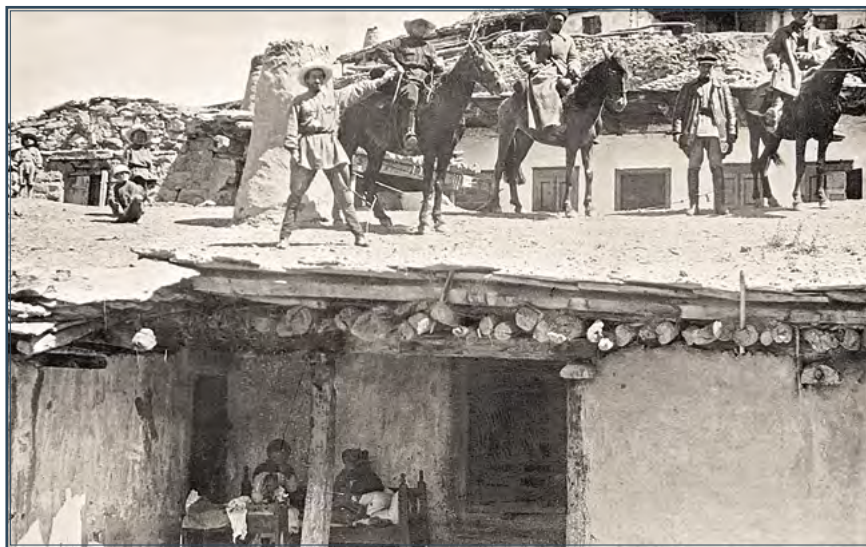
Были они обширными и комплексными: почвенно-археологические исследования террас и других участков древнего и средневекового земледелия включали в себя ГИС-картографирование участков земледелия с помощью аэрофотосъемки, картирование видимых контуров террас и межевых стенок в поле с помощью GPS и инструментальную топоъемку современной поверхности. Кроме того, большое внимание уделялось археологическому материалу, обнаруживаемому в разрезах, – прежде всего керамике.

Каковы же выводы? Выработаны две основные точки зрения «на время возникновения и функционирования этого агрикультурного феномена: 1) террасные комплексы в окрестностях Кисловодска были созданы в IV–II тыс. до н. э. населением, оставившим памятники майкопской культуры; 2) террасы создавались аланским населением эпохи раннего Средневековья и являются следами их сельскохозяйственной деятельности».

На взгляд авторов статьи, главным аргументом в определении времени создания и функционирования разных участков земледелия «является присутствие в погребенной почве и пахотных горизонтах фрагментов керамики, очевидно попадавших туда при внесении удобрений. Предварительный анализ более 3100 фрагментов показывает, что террасы первого типа создавались во время существования кобанской культуры. Судя по большому количеству керамики позднего бронзового – раннего железного века, найденной практически во всех почвенных разрезах, в данный период сельскохозяйственной обработке подвергалась большая часть территории котловины.

Селение Коспарты

Балкарские дома в селении Былым

Очевидно, устройство террас ...было одним из последних этапов земледельческой активности населения этой эпохи. ...Приуроченность террасных участков к крутому рельефу местности и их неровные границы позволяют предположить, что основным орудием создания подобных угодий являлась мотыга, что подтверждается данными археологии».

Напомним, что кобанская культура – это археологическая культура на Кавказе в периоды бронзового (XIII/XII – IV вв. до н. э.) и железного веков (VII – III вв. до н. э.), представители которой проживали по обе стороны от Большого Кавказского хребта, мы имеем ответ, когда именно началось террасное земледелие на Кавказе.

Что же касается его угасания как такового и последующего упадка, то оно связано с развитием земледелия в равнинных районах Северного Кавказа. На плоскости оно требовало куда меньшего труда, чем в горах, более того, позволяло использовать как новые сельскохозяйственные орудия и культуры, так и новые способы земледелия.

Террасное земледелие, начатое кобанцами и продолженное через столетия многими поколениями горцев, занятых обработкой одного и того же участка на протяжении всей своей жизни, в первой половине XX века окончательно сошло на нет.

И сегодня горные террасы, дарившие некогда пропитание, а следовательно, и жизнь, стали своеобразным памятником неиссякаемому трудолюбию кавказцев.

Урусбиево. Баксанское ущелье

Урусбиево

ОТЧИЙ КРОВ – ЗЕМЛЯ И НЕБО...

Рассказ о горских саклях мы решили построить преимущественно на заметках русских путешественников и ученых второй половины XIX века. Причина одна: непосредственное описание функционирующего (живого, выразимся так) жилища, в котором очевидец жил, спал, принимал пищу, куда интереснее и ярче, чем впечатления тех, кто видит в наши дни развалины того, что служило кровом на протяжении столетий.

Тем более интересно, что замечали одни и пропускали другие, как по-разному интерпретировали одно и то же, в конечном итоге, что заимствовали из наблюдений своих предшественников.

Первый вопрос, который слышишь практически от каждого, впервые приезжающего в заброшенные аулы Балкарии и вступающего под темные закопченные своды горской сакли, таков: «Как же они здесь жили?».

В статье безымянного автора, скрывшегося за инициалами И.З., опубликованной в газете «Кавказ» (1891. 20 дек.), читаем: «Человек, который в первый раз видит жилище горца, будет несколько озадачен и даже поражен странностью построек; трудно допустить, чтобы в подобных конюшнях обитали люди. Издали они кажутся заброшенными сараями, и даже трудно разобрать их среди окружающих камней, но, подъехав ближе, вы замечаете, что конюшни эти обитаемы, вас встречают много женщин, мужчин и детей, нередко красивых и богато одетых, в особенности девушки. Постройки домов незатейливы; материалы для построек под рукой. Стены домов делаются из сосновых брусьев или же из камня, без всякого цемента; крыши деревянные, присыпанные землей, на которой пасутся ишаки и козы; он служит также местом сбора пражной молодежи, а для стариков – совещательным пунктом для решения самых важных жизненных вопросов; там же передаются новости из местной жизни. Дома низкие, с огромными трубами; окна без стекол, но с внутренними ставнями; двухстворчатые полукруглые небольшие двери. Внутренний вид дома весьма прост: в углу против окна стоит низкая деревянная кровать, иногда окрашенная, а у богатых с резьбой; рядом с ней подобный же диванчик; на стенах, вместо гравюр, развешаны кожи туров, бычьи и олени, которые служат, на случай приезда гостей, подстилкой под матрацы; около печи стоят таз и кувшин с водой – это атрибуты для омовения правоверных. Дворы

грязные, целые горы всякого мусора свалены повсюду, вонь невозможная, ни одного деревца, кругом только камни и навоз. Несмотря на такую неприглядную наружную обстановку, обитатели этих конюшен попадают замечательно красивые, в особенности женщины. Сколько грации, изящества и мягкости в их движениях; глаза их не поддаются никакому описанию...»

А вот как его дополняет Иван Баранов, начинающий свои «Очерки горских татар Кабарды», опубликованные в газете «Терские ведомости» в 1894 году, следующим описанием: «Аулы горских татар расположены в ущельях горных рек и представляют из себя группы небольших саклей, почти громоздящихся одна на другую; строятся они так тесно, что с крыши одной сакли свободно можно переходить на крыши соседних. Способ постройки саклей и других построек в горах самый первобытный. Стены сакли обыкновенно кладутся из необтесанного камня – булыжника и без цемента; крыша настилается не со скатами, а плоская, из толстых брусьев, поверх которых насыпается толстый слой земли, покрывающийся в весеннее время травой; нередко такие крыши служат маленькими пастбищами для лошадей и ишаков. Над крышей высится громадная очаговая труба, сплетенная из древесных прутьев и обмазанная глиной. Тут же, около сакли, находится маленький, тесный дворик, часто обнесенный невысокою оградой, сложенной из камня – булыжника. Во дворе, рядом с саклей, расположена маленькая конюшня; впрочем, в аулах, где преобладают постройки в два этажа, нижний этаж служит конюшнею, а верхний жилым помещением, в которое нужно взбираться по крутой, плохо устроенной лестнице. У более зажиточных горцев, преимущественно у таубиев (привилегированное сословие горцев: таубий – горский князь), дворы более просторны и в них кроме конюшни имеется и кунацкая, небольшая сакля, стоящая отдельно от остальных построек и служащая помещением для приезжих гостей. Дворы часто расположены по скатам отлогого холма и по карнизам обрывистых скал, так что на путника они, с первого взгляда на них, производят впечатление скорее орлиных гнезд, чем человеческих жилищ. Словом, горец строит свое жилище там, где только найдет маломальски подходящее для него место. Поэтому горский аул состоит часто из многих небольших аульчиков, в два-три двора, расположенных от центра аула на несколько верст. Улицы в ауле так тесны и кривы, что в них с трудом проезжает воловь арба, а человеку, попавшему в аул первый раз, нетрудно и заблудиться, особенно ночью. В саклях своих горцы не имеют обыкновения делать окон – их заменяют одно-два небольших отверстия в стене, без рам и стекол, через которые свет в саклю проникает очень скудно; у большинства же горцев единственными проводниками света в саклю

являются очаговые трубы и двери, которые в течение целого дня почти и не закрываются. Благодаря отсутствию окон, в сакле, даже в ясный, солнечный день царит полусвет, а в ненастный, когда все ущелье заволакивается густым туманом, в ней совсем темно, так что, войдя со двора в нее, вы долгое время не можете различить предметов, находящихся пред вами, пока ваше зрение не привыкнет к темноте. Прежде всего в глаза вам бросается огромный очаг, устроенный прямо на земле; в очаговой трубе не имеется приспособлений для закрывания ее по окончании топки, и горцы, в видах поддержания в сакле теплоты в зимнее время, в тех местностях, где недостатка в топливе не чувствуется, по целым дням жгут в очаге дрова; от очага по сакле распространяется удушливый дым, сильно разъедающий глаза у непривычного человека; горцы же так привыкли к нему, что на болезнь глаз и не жалуются. Внутри сакля имеет в длину около трех саженой и в ширину не более двух; пол в ней земляной, забросанный сором. С первого взгляда внутренность сакли кажется совсем пустою: ни столов, ни стульев или лавок, грубо сколоченных, ни кроватей, составляющих необходимую принадлежность жилого помещения более или менее цивилизованного человека, вы не заметите в сакле; точно также вы не заметите в ней развешенной по стенам одежды; весь свой домашний скarb – одежду, кухонную утварь – горцы не держат на виду, как, например, русские, а хоронят в сундуках, установленных на широких лавках, устроенных вдоль одной или двух стен сакли; на эти же полки убирается, по окончании трапезы, обеденный столик, маленький, круглый, на трех низких ножках, а также и принадлежности спальни – одеяла, подушки и тюфяки. Стулья и скамейки в сакле заменяются круглыми обрубками дерева. Деревянные кровати, на низких ножках, имеются у более зажиточных горцев, а у большинства – нары, устроенные вдоль одной из стен; бедняки же спят прямо на полу, подстав вместо тюфяка сена; подушкой служит сложенная втрое бурка, а одеялом шуба. Нередко в горах можно встретить и такие сакли, в которых под одной крышей, вместе с жилым помещением людей, находится помещение и для домашнего скота – ишаков и лошадей. Горцы по природе своей, как и всякий полудиккий народ, очень неприхотливы и мирятся даже с такими неудобствами своего жилья, при наличности которых жизнь в нем для цивилизованного человека едва ли могла бы быть возможной».

Интересно и наблюдение землемера Терской областной чертежной Николая Тульчинского, автора работы «Пять горских обществ Кабарды» (1903): «Жилища горцев во всех пяти обществах построены по одному типу с той только разницей, что на Баксане при обилии лесного материала сакли выстроены из толстых сосновых бревен, а в остальных обществах они сложены из бесформенных камней без всяких цементных и иных скре-

В сакле Кутука Хаджиева. Селение Тегенекли. 1939

В сакле. Селение Тегенекли. 1928

плений. Так как горские селения обыкновенно ютятся у подножия скал и высоких крутиз, то сакли располагаются террасами и часто бывает, что плоские крыши нижних домов служат дворами верхних. Большинство саклей состоит из трех искусственных стен, а четвертая естественная, прилегающая к сакле или крутизне. Эти сакли представляют из себя прямоугольник в одну довольно просторную комнату с земляным полом, вымазанным глиной. С одного края сакли дверь, с другого – отверстие в виде окна, а посередине очаг – камин в уровень с полом; очаг этот, внизу широкий, постепенно суживается кверху и заканчивается на крыше из хвороста трубой в виде усеченного конуса, обмазанного глиной, а то и простым отверстием в крыше (Балкария). Посредине отверстия очага вставлен деревянный брус, к которому прикреплена железная цепь (сынжир), спускающаяся донизу; на этой цепи вешается медный или чугунный котел. Под самым отверстием помещаются два железных бруска, покрытых грифельной доской или гладким плоским камнем для печения хлеба; это последнее приспособление бывает только у богатых, бедные же пекут свои каржины (хлеб) в горячей золе. В саклях во всю длину стен идут в один или в два ряда полки из простых досок; на этих полках на первом плане красуются принадлежности постели: перины, громадные подушки и толстые одеяла – все это симметрично и аккуратно уложено друг на друга; затем на этих полках размещается посуда: каменные белые чашки фабричной работы, деревянные чинаки и чашки, глиняные кувшинчики, разного сорта бутылки, разных форм жестяные коробки из-под консервов и конфет и тому подобный хлам, имеющий в глазах полудикого горца-пастуха некоторую ценность. Тут же в сакле деревянные кадушки и ведра, принадлежности для доения коров и изготовления сыра и айрана. Часто бывает, что тут же в сакле ночуют курица с цыплятами и новорожденные телки и ягнята.

Центральная часть сакли, «подобно атриуму, считается главной частью двора и играет важную роль во всех действиях, совершаемых семьей или от ее имени: тут решаются вопросы об отдаче в замужество и о получении платы за кровь; ищущий убежище преступник старается прежде всего проникнуть в это помещение; раз он вошел под его кровлю – он считает себя спасенным от преследований и, по обычаю, не может быть выдан, будь он даже виновником смерти кого-либо из домочадцев. Помещение с очагом является одновременно и кухней, и столовой: в нем каждому отведено свое место: прислуге налево от очага; хозяйке направо; хозяину же посередине. Это же помещение служит залой для увеселений; если танцы не происходят на воздухе перед саклей, то для них нет другого места, кроме столовой. Семейные торжества, как общее правило, отправляются исключительно здесь. Наконец и в семейном культе общая кухня играет

Повседневные заботы

За ткацким станком. Селение Гижгит. 1930

главную роль: в ней производятся все поминки по мертвецам и приносятся в их честь всякого рода жертвоприношения» (цитата из книги М. Ковалевского «Закон и обычай на Кавказе»).

Само собой разумеется, что у богатых горцев имеется не одна сакля, а есть так называемые кунацкие для приемов гостей и другие помещения для женщин и кухни.

Дополнительные нюансы вносит в это описание очерк русских путешественников Максима Ковалевского и Ивана Иванюкова «У подошвы Эльбруса» (1886): «Татарский двор, подобно осетинскому, представляет собою ряд построек, плотно соприкасающихся одна с другой. У зажиточных лиц одна из них отводится под кунацкую, то есть предназначается для гостей; у бедных ее нет, и гости проводят ночь в отделении холостых мужчин. Центральную часть дома составляет общая кухня. Она состоит обыкновенно из довольно просторного помещения с отверстием наверху для выхода дыма. С переброшенного через отверстие бруска спускается железная цепь, так называемый сынжир, к которой привешивается медный котел (сра) для варки пищи. Под самым отверстием помещаются два железных бруса (топыр), покрытых грифельной доской (отпаши), на которой печется хлеб. При таком устройстве центральное помещение татарской сакли в некотором смысле напоминает собою «atrium» древнего римского дома с помещаемым в середине его алтарем. Подобно атриуму, оно считается главной частью двора и играет важную роль во всех действиях, совершаемых семьею или от ее имени: тут решаются вопросы об отдаче в замужество и о получении платы за кровь; ищущий убежища преступник старается прежде всего проникнуть в это помещение; раз он вошел под его кровлю, он считает себя спасенным от преследования и, по обычаю, не может быть выдан, будь он даже виновником смерти кого-либо из домочадцев. Помещение с очагом является одновременно и кухней, и столовой; в нем каждому отведено свое место: прислуге налево от очага, хозяйке направо, хозяину же посередине. Это же помещение служит залом для увеселений: если танцы не происходят на воздухе, перед саклей, то для них нет другого места, кроме столовой. Семейные торжества, как общее правило, отправляются исключительно здесь. Наконец, и в семейном культе общая кухня играет главную роль: в ней производятся все поминки по мертвецам и приносятся в их честь всякого рода жертвоприношения».

И еще одно описание, сделанное неким Б. Ланге десятилетиями позже, – его заметки «Балкария и балкарцы» были опубликованы в 1903 году в пяти номерах выходящей в Тифлисе газеты «Кавказ»: «Поселения балкарцев ничем не отличаются от других горских аулов и издали производят впечатление каких-то развалин или в беспорядке набросанных камней. При-

близившись, различаете небольшие дворы, внутри которых расположены обыкновенно ряды низеньких построек из камней сухой кладки, покрытых землей и заросших травой, с покрытыми глиной широкими плетеными трубами посредине. При каждой мало-мальски зажиточной сакле имеется особое помещение для гостей – кунацкая, являющаяся наглядным свидетельством тому, что среди горцев свято сохраняется и широко распространен старинный обычай гостеприимства. Здесь на земляном полу у одной стены обыкновенно стоит широкая и двухспальная кровать или устроены нары, у другой стены очаг с широкой прямой трубой, а по стенам расположены полки для вещей. Освещается кунацкая одним окном, обыкновенно без рам и стекол. В тех дворах, где нет особой кунацкой, для гостей отводится помещение холостых мужчин.

Центральную часть каждого двора составляет общая кухня, обыкновенно очень просторное помещение с широким отверстием наверху для выхода дыма. Через это отверстие перебрасывается прочный брус, к которому прикрепляется опускающаяся вниз железная цепь; в свою очередь на цепь привешивается медный котел для варки пищи. Под самым отверстием помещаются два железных бруса, покрытых грифельной доской, на которой печется хлеб.

Помещение с очагом одновременно служит и кухней, и столовой, и увеселительным залом. Каждый член семьи имеет здесь свое определенное место. Здесь же справляются все совместные торжества, решаются вопросы о выдаче замуж дочерей и получении платы за кровь с убийцы; здесь ищет убежища преступник, хотя бы даже жертвой преступления, им совершенного, пал один из членов семьи, где он ищет убежища; здесь, у очага, совершаются поминки по покойнику и приносятся жертвоприношения; здесь, наконец, веселится и танцует молодежь, если почему-либо танцы не могут происходить на открытом воздухе».

И вместо заключения наблюдения по интересующему нас поводу английского путешественника Ф. К. Грове, подмеченные им в 1874 году и нашедшие отражение в его замечательном труде «Холодный Кавказ»: «Описание обыкновенного кавказского жилища по северную сторону горной цепи лучше всего может указать на крайне первобытный способ его постройки. Стены делаются из больших, неплотно между собою соединенных камней и покрываются деревянной крышею, засыпанной землею, на которой растет густая роскошная трава. Срезанный вертикально склон холма зачастую образует одну сторону дома, а вместо пола служит голая, убитая земля. Все дома одноэтажные, и в каждом из них находится печка с трубою, верхняя часть которой, возвышающаяся над крышею, смазана глиной во избежание пожара.

Жители сел. Чегем у башни Балкаруковых

За исключением особенно роскошных строений, на Кавказе не принято застилать пол досками или даже покрывать землю рогожей или соломой. С одной стороны дома обыкновенно устраивается галерея, на которую выходит одно или два окна без стекол, закрывающиеся на ночь или в дурную погоду простыми ставнями. Окна эти так малы, что внутри землянок совершенно темно не только вечером, но и днем. Что здесь делается зимою – трудно себе и представить; свечей здесь не употребляют, а люди, хотя бы совершенно здоровые, не в состоянии проспать восемнадцати часов в сутки».

Настоящие горские сакли еще сохранились в отдаленных аулах, таких как Думала, Ачи, Хулам, где их по-прежнему можно увидеть воочию. Балкарские каменные потеррасные жилища с плоской крышей воспроизведены в альбоме Э. Б. Бернштейна «Архитектура балкарского жилища», сделавшего в 1938 году множество натурных зарисовок. В частности о тех из них, что располагались на крутых склонах Черек-Балкарского и Черек-Безенгийского ущелий, он писал: «Они врезались в самый массив скалы. В высеченном в скале уступе получалась горизонтальная поверхность пола и вертикальная – задней стены. В этом же массиве скалы высекался вдоль задней стены так называемый «тырхык» и углубление – ниша для текущего запаса дров, а в полу – ямы для хранения ячменя и картофеля. Камень, вынутый при постройке уступа, шел на кладку лицевой и боковой стен и ограждение усадьбы.

...Ступенчатое расположение жилищ на горном склоне приводило к тому, что крыши домов нижележащего ряда обычно использовались как дворы или просто открытые площадки перед домами, расположенными над ними. Иногда даже навес верхнего дома имел своим основанием крышу нижней постройки».

Безенгийская стена. 1883

Дорога «Шайтан» над рекой Баксан. Баксанское ущелье

КАВКАЗСКИЕ ГОРЦЫ

Высказывания английского альпиниста Кроуфорда Гроуе мы уже неоднократно цитировали. И это вполне обоснованно, ведь его книга – по большому счету классический труд в литературе по изучению Кавказа. На «Холодный Кавказ» ссылаются многие российские путешественники и исследователи, в немалой степени вследствие того, что работа эта явилась одним из первых живописных описаний величественного горного массива, покорения его знаковых вершин, документальным рассказом о коренных жителях высокогорья.

Не менее известный английский альпинист Дуглас Фрешфильд в книге «Исследования Кавказа», вышедшей в Нью-Йорке в 1896 году, писал: «В моей первой поездке в центральную группу гор мы не поднимались выше снегов. Мистер Кроуфорд Гроув со своими спутниками в 1874 году также не преуспел. Из этой экспедиции публика получит работу, которой долго не хватало, и она заслуживает печати отдельным оттиском. «Холодный Кавказ» – живая и в то же время весьма точная серия рассказов о кавказском путешествии и о людях на Кавказе. Хотя она и включает историю первого восхождения на высочайшую вершину Эльбруса, однако, в основном, в ней больше повествуется о путешествии, чем о восхождении. Вероятно, поэтому и объясняется ее столь большая привлекательность. Хотя надо признать определенную монотонность, в которой мы, современные идущие вверх, запечатлевали наш горный опыт».

К. Гроув (в русском переводе его книга вышла под фамилией Гроуе) – знаменитый английский путешественник, летом 1872 года вместе с Муром, Уокером и Гардинером побывал на Кавказе и совершил ряд восхождений, описав все увиденное и пережитое в своей знаменитой книге «Холодный Кавказ».

Работа эта, вышедшая в 1879 году, была весьма небрежно переведена на русский язык и впоследствии не печаталась. Поэтому, задумав ее переиздание, мы произвели литературную обработку текста, напечатанного в приложении к журналу «Природа и люди», выходившему в Санкт-Петербурге.

Многое в книге представляет несомненный интерес, но в первую очередь – впечатления европейца от встреч с совершенно незнакомым для

него типом людей: кавказцами. И так, какие они, жители нашего региона, глазами, умом и сердцем англичанина.

«Действительно, много интересного представляют эти жители Северо-Западного Кавказа, ведущие самую первобытную жизнь, хотя и далеко ушедшие от варварства; это просто пастушеская раса, которой жители Запада кажутся тем же, чем нам кажутся существа, населяющие другую планету.

Краткий очерк всего, что поражает путешественника и может служить до некоторой степени характеристикой народа, осужденного в скором времени подпасть под влияние цивилизации, я полагаю, не будет излишним. Народ этот замечателен во многих отношениях; его добродушие и хороший нрав, полнейшее отсутствие в нем ненависти и подозрительности должны быть вполне оценены путешественником, который если иногда и возмущается крайним его любопытством, но тем не менее должен считать себя вполне счастливым, если кроме этого ему не на что больше жаловаться в такой дикой стране, где путешественники встречаются реже, чем акулы в Английском канале».

Гостеприимство и любезность старшин я уже пытался описывать раньше, и я надеюсь, что хлопоты прелестной невидимой княгини Безинги, в отсутствие ее мужа, отлично свидетельствуют о том, насколько строго соблюдаются на Кавказе принятые традиции относительно гостеприимства, влияние которых сказалось также и на стараниях юного Измаила принять иностранцев по возможности лучше.

Еще большего восхищения заслуживает полнейшее отсутствие в среде этого народа воровства и разного рода насилий и жестокостей, в особенности при сравнении его с племенами, живущими по южную сторону цепи Кавказских гор. Во все время нашего пребывания в долинах Северо-Западного Кавказа у нас не было украдено ничего, хотя некоторые вещи нашего небольшого багажа и должны были казаться весьма соблазнительными для туземцев.

Опасаться здесь каких-нибудь жестокостей, кажется, не приходится. Правда, жители сохранили некоторые обычаи прежних воинственных времен – так, например, они почти постоянно носят при себе большой кинжал, а иногда даже и пистолет; но мне не удавалось слышать, чтобы кто-нибудь из них употребил свое оружие для какой-нибудь более жестокой цели, как убийство козы; пистолет же, как нам показалось, они носят только напоказ. Мне случилось наблюдать несколько горячих ссор, но никогда я не видал, чтобы кто-нибудь из противников обнажил свое оружие. Таким образом, из тех наблюдений, которые я мог сделать над жителями Северо-Западного Кавказа, я должен заключить, что это совершенно мир-

ный народ и замечательно честный, насколько дело касается воровства».

Запомним: добродушие, хороший нрав, отсутствие ненависти и подозрительности, гостеприимство и любезность, отсутствие воровства и разного рода насилий и жестокостей. Понятно: впечатление от личного восприятия, чаще всего поверхностного взгляда. Но ведь так оно и было! И исключения только утверждали в правильности суждений.

Впрочем, сам же К. Грове предупреждает о поспешности идеализации: «Не следует, однако, думать, что эта страна – Аркадия, или что эти пастухи и охотники переживают золотой век. В некоторых отношениях эти же самые кавказцы являются обманщиками, и доверять им вполне не следует ни в каком случае. Во-первых, они страшно ленивы; сильные и здоровые по большей части, способные совершить трудную работу без малейшего утомления, они являются несносными во время путешествия по причине их крайне частых и продолжительных остановок. Их медлительность и постоянные отлагательства просто возмутительны. Вследствие этого очень трудно путешествовать с кавказскими проводниками. Они постоянно находят различные поводы к остановкам. Не все ли равно отправиться через час или теперь, в полдень или утром, завтра или сегодня – такова их логика при начале каждого путешествия.

Иногда они прибегают к самым ребяческим, глупым уловкам и вранью, чтобы хоть ненадолго избавиться от труда; так, например, чтобы закончить дневное путешествие еще в разгар дня, они уверяют, что они достигли уже предполагаемого места ночевки. Они отлично знают, что настоящее место остановки находится гораздо дальше и что таким образом упущенные часы они должны будут вознаградить на следующий день, но это их нисколько не смущает, только бы в настоящее время не работать.

Затем при подобных столкновениях, как наем проводников, лошадей, покупка провизии, кавказцы всегда пытаются воспользоваться незнанием путешественника и взять с него по возможности дорожку».

Но тут же англичанин сам себя останавливает от дальнейшей критики: «Интересно, однако, знать, существует ли хотя один народ – образованный, полубразованный или дикий, – о котором нельзя было бы сказать того же. В этом отношении все люди равны. Описания различных путешествий свидетельствуют о жадности варваров, тогда как газеты зачастую наполнены заявлениями о торговых злоупотреблениях. Несправедливо, следовательно, нападать на бедных кавказцев за желание получить возможно большую плату за свой труд и имущество, так как повсюду мы видим то же самое.

Обман, впрочем, редко доходит до слишком больших размеров; старосты же никогда не прибегают к нему. В одном только местечке, а именно в

Жители сел. Гагиш Урусбиевского общества

Кош в Чегемском ущелье. Горцы особым способом мнут кожи

Уч-Кулане, нам пришлось значительно потерпеть от подобных злоупотреблений, но сделанный мною краткий очерк ни в коем случае не относится к жителям этой деревни, представлявшим действительно шайку мошенников. Из моего личного опыта и из всего, что мне приходилось слышать об обитателях Северо-Западного Кавказа, я убедился, что жители Уч-Кулана представляют жалкое исключение из общего местного типа, и что их ни под каким предлогом нельзя принимать за образец».

Понимаем, как будет это неприятно читать учкуланцам, жителям Карачаево-Черкесии, но все претензии пусть обратят к своим предкам, некогда столь сильно рассердившим английского лорда.

А вот какими К. Грове увидел жителей наших мест в физическом плане: «Жители Северного Кавказа отличаются громадным ростом, силою и грациозною, эластичною поступью, которая является следствием здорового и хорошо развитого организма. Они обыкновенно очень стройны; во все время нашего пребывания в северной части Кавказа мне пришлось встретить только одного толстого мужчину, но и тот был священником и, следовательно, принадлежал к классу людей, который почти повсюду считается наиболее жирным. Употреблению преимущественно мясной пищи кавказцы обязаны своей стройностью, придающей им особенную красоту.

Судя по страшной лени кавказцев, очень трудно составить себе понятие об их силе и степени их выносливости. Швейцарский проводник, останавливающийся также часто во время путешествия, конечно, не мог бы считаться достойным представителем своей расы, но относительно кавказцев все мы были того мнения, что подобные частые остановки были следствием лени, а не изнеможения. Один или два раза, когда они действительно были в расположении сделать большой переход, оставалось удивляться только их неустойчивости – так, например, при переходе из Безинги они превзошли швейцарцев своею выносливостью. Те, кому приходилось путешествовать в Альпах, знают, какое громадное количество пищи требуют швейцарские проводники и как они изнуряются в случае неправильного получения ее. Кавказцы же, далеко опередившие диких людей, сохранили, однако же, свойственную этим последним способность совершать большие переходы без пищи.

При необходимости они могут идти целый день без крошки хлеба, и после подобной прогулки не будут казаться изнуренными или даже слишком голодными. Так, например, два проводника лошадей, нанятые нами от Урусбиевой до Уч-Кулана, отправились не позавтракав, и в течение двенадцатичасовой ходьбы не ели ничего, кроме средней величины ломтика сыру. Добравшись до места ночевки, они вовсе не обнаружили обжорливости и, приготовив нам все, что было нужно, они поболтали еще, пока

Павел стряпал для нас, затем уже они, нисколько не торопясь, стали приготавливать и себе пищу.

Говоря о силе кавказцев, следует помнить, что они вовсе не привычны к большим переходам. Почти все они, за исключением самых бедных, имеют лошадей, и по всему Кавказу вообще принято путешествовать верхом. Итак, что касается навыка путешествовать пешком, то в этом отношении кавказцев нельзя сравнивать с жителями гористых стран Западной Европы.

Вообще я пришел к заключению, что кавказцы хотя часто и кажутся слабыми, вследствие их страшной лени, тем не менее на самом деле люди дюжие, едва ли уступающие в силе жителям Шотландии и Швейцарии, и превосходящие тех и других своею способностью совершать большую трудную работу, не подкрепляя себя пищею. Этот факт заслуживает еще большего внимания, если принять в соображение, что кавказцы не употребляют никаких спиртуозных напитков. Если только алкоголь действительно вреден, то в этом отношении кавказцы освобождены от одного могущественного врага здоровья и продолжительности жизни человека. Их диета, лишенная, как я уже сказал, алкоголя и сахара, конечно, значительно разнится от того, что мы встречаем на Западе».

Прекрасное замечание относительно спиртуозных, то бишь спиртных напитков, ставшее с прошедшими годами анахронизмом.

Как и последующее ниже об одежде, в увиденном К. Грове виде практически вышедшей из употребления: «С вопросом о диете связан вопрос об одежде, относительно которой кавказцы, по-видимому, сумели соединить изящество с полезностью; национальный костюм их и красив, и удобен. Различаясь по материалу, из которого он сделан, кавказский костюм почти у всех одного покроя и состоит, главным образом, из длинного кафтана, спускающегося ниже колена, с перевязью на груди для патронташа, с порохом и пулями. У богатых эти патронташи делаются из серебра. Под кафтан обыкновенно надевается короткая одежда или блуза, шаровары, наподобие knicker-bockers, и штиблеты из тонкой кожи.

Башмаки их особенного фасона: они делаются из тонкой кожи и зашнуровываются под ступню, что кавказцы делают очень ловко, подкладывая вниз сено или траву. Постоянное поправление этой неудобной обуви служит одной из причин частых остановок и замедлений во время ходьбы.

Шапка составляет наиболее замечательную часть кавказского костюма. Чаще всего употребляется шапка, состоящая из широкой барашковой опушки и матерчатого верха. Этот теплый и тяжелый головной убор почти никогда не снимается, даже при входе в дом. Один или два раза, когда мы снимали шляпу, старосты подражали нам из желания показаться не менее

нас приличными, но по той неловкости, с какою они это делали, было очевидно, что подобное выражение вежливости не было в их обычаях.

Кавказцы-магометане обыкновенно совершенно коротко обстригают волосы или даже бреют голову.

Осталось описать одну выдающуюся часть кавказского костюма, а именно бурку, защищающую от дождя и холода, и в этом отношении, по моему мнению, не уступающую никаким подобного рода изделиям Запада. Эта прелестная верхняя одежда имеет форму громадной мантии и делается из толстой грубой бараньей шкуры, косматой снаружи, где оставлена шерсть. В течение нескольких часов дождь не в состоянии промочить бурку насквозь, так как вода стекает вниз по верхней стороне меха, а шкура так толста, что человек в ней спокойно может спать на земле без всякого опасения сырости, так вредно влияющей ночью на здоровье охотников и путешественников. Я полагаю, что лучшим разрешением вопроса относительно верхней одежды для солдат, которая бы в одно и то же время была тепла, непромокаема и удобна, было бы введение в рядах войск плащей, подобных буркам, вместо плохо защищающих и крайне неудобных макинтошей. Должно заметить, однако, что бурка довольно тяжела».

И конечно, К. Грове, как и любой другой иностранец, отдает должное главной детали, характеризующей настоящего жителя Кавказа, – оружию.

«Кавказцы почти всегда вооружены, – первым делом констатирует он. – Еще вблизи Кутаиса многие туземцы не носят при себе кинжала, но по северную сторону края нигде мы не встречали человека без этого оружия. Обыкновенно кинжал спускается от самой середины талии, что, по-видимому, должно быть очень неудобно, но «привычка вторая натура» и, следовательно, то, что смущало бы англичанина, нисколько не беспокоит кавказца. Туземцы очень любят красивые кинжалы, ценность которых часто обозначает у них общественное положение людей. Так, богатый староста носит кинжал с серебряными ножнами и рукояткою, украшенными чернью; кинжалы более бедных поселян не так роскошны, а кинжалы самых бедных людей и вовсе без украшений. Перевязь, на которой висит кинжал, иногда тоже из серебра. Перевязи эти изготавливаются в Тифлисе и, украшенные чернью, подобно ножнам и рукояткам, довольно изящны. Иногда, но не часто, жители северных долин носят пистолеты. Ружья здесь также в большом употреблении».

Одним словом, перед нами обобщенный и весьма привлекательный портрет кавказца, написанный сочными и незамутненными красками.

ПОЕЗДКА НА КАВКАЗ¹

Близ Горячих Вод, в 35 верстах, было пред сим отправлением моим сюда сражение с кабардинцами. По сему случаю рассказывают, что когда один фельдфебель поднял горца на штык, то сей, несмотря на то что уже умирал, снес ему шашкой голову... Впрочем, горцы не без всякого просвещения, особенно те, которые исповедуют магометанскую веру. Они занимаются земледелием, также некоторыми ремеслами, особенно деланием оружия, которое у них отличной доброты...

Вообще нападения от горцев случаются редко; одно и то же происшествие рассказывают разное и делают таким образом, как и везде водится, из одного случая 2, 3 и 10. Притом у страха глаза велики.

Горцы весьма стройны, черты лица самые благородные, важные, но всегда суровые и воинственные. Они, проводя большую часть своей жизни под открытым небом, цвета оливкового. Большая часть имеет греческие носы, глаза черные, большие, живые и сверкающие; небольшие черные усы почитаются у них так же, как у всех восточных народов, за святость. Черкешенки столь же стройны или еще стройнее, нежели мужчины. Талию обыкновенно обшивают у них еще в детстве сырой кожей, которую разрезает кинжалом молодой супруг в день свадьбы. Лица их самые выразительные, глаза черные, пылающие страстью; волосы и брови черные, как уголь, тело белое, как снег Эльборуса, губы пурпуровые, украшенные удивительно прекрасными зубами. Сколь черкешенки прекрасны, столь ужасны черкесы. Они и самой своей одеждой, кажется, тщатся поддержать сие впечатление. Короткий кафтан и узкие панталоны верблюжьего цвета, красные или желтые сафьянные чулки или сапоги без подошв составляют их одежду. Кабардинцы носят на голове небольшую круглую шапочку с овечьим околышком, а чеченцы и кумыки – низкую, ужасно мохнатую, на затылок нахлобученную шапку. Последние придают им какой-то разбойничий вид. Кафтан стягивают кожаным поясом весьма туго. Иногда затыкают за пояс спереди кинжал и сзади пистолет. На груди пришиты на кафтане с обеих сторон груди ташки для патронов из красного сафьяна. За плечами висит ружье в чехле из волчьей шкуры с всклокоченной шерстью, что еще более увеличивает их разбойничий вид. Иногда имеют они вместо ружей лук и колчан со стрелами. Я никак не мог натянуть тетиву на луке, мною виденном. Так называемые панцирники носят сверх кафтана панцирь, сделанный из железных колец, в виде рубахи с короткими рукавами. На голове род шишака, на руках налокотники.

Они, как и все восточные люди, страстные любители хороших и богато украшенных оружий, которые они всегда на себе носят, даже на работе. Панцири и оружие переходят по наследству, а иногда бывают причиной войны между племенами. Они

сражаются обыкновенно врассыпную, редко кучками. К малой войне они весьма способны. В местах каменных и закрытых они непобедимы. В чистом поле они редко стреляют более одного раза из своих ружей, притом весьма метко. Выстрелив, приступают к ручному бою, сражаясь равно и саблями, и кинжалами, которые они бросают с удивительным искусством на немалое расстояние. Отправляясь в дорогу или в поход, кроме бурки ничего с собой не берут. Немного вареного пшена, завернутого в платке, составляет их провизию на несколько суток, долее чего их кампании обыкновенно не продолжаются. Лошадей своих довольствуют подножным кормом. В походе они не раздеваются и спят на голой земле. Лошади горские почитаются за весьма быстрых и огненных. Они убирают их весьма богато, большей частью серебряными бляшками под чернью. Обыкновенные и любимые занятия горцев: воровство, охота и война. Забавы их: дикие песни, пляска и музыка, геройские повествования, кавказские героические поэмы, кои воспламеняют их к новым подвигам. Обыкновенную пищу их составляют пшено, молоко, мед; питье – одна только вода. Они чрезвычайно трезвы и не употребляют вовсе хмельных напитков, кроме тех, кто подружился с русскими. Достоин удивления, что все необразованные народы имеют своих поэтов, которые нередко являются импровизаторами. Каждый горец имеет непреодолимую приверженность к буйным нравам и обычаям своего отечества. Дети многих князьков, воспитанные в Петербурге, достигнув зрелых лет, оставляли все выгоды, сопряженные с гражданской жизнью, и возвращались опять в свое отечество. Горцы чрезвычайно тщеславны и стараются особенно приобрести славу военную. В любви они столь же нежны, страстны и ревнивы, как рыцари готических веков. В походах они неумолимы горных шотландцев. Они переходят через высокие горы и скалы столь же резко, как дикие козы. Горец на лошади – вольтижер, сражаясь ружьем – тиральер, шашкой – венгерский гусар, кинжалом – единствен в своем роде.

Горцы считают за большое бесчестие потерять или оставить в сражении предводителя. Тела убитых в сражении уносят всегда с собой. Каждый обязан тело своего убитого товарища возвратить родственникам его; не исполнив сего, он обязан взять на свое пропитание все семейство убитого.

Правление их можно назвать феодальным: князья занимают место графов, уздени – баронов; те и другие имеют своих вассалов, кои называются соответственно князескими или узденскими. Простые горцы составляют вассалов сих последних. Они обязаны им некоторой податью, а в случае войны между племенами или против русских сражаются под их предводительством. От начальников своих требуют они отличных подвигов и примерной храбрости; в противном случае презирают их и даже переходят в зависимость к другим, храбрейшим. Одни только рабы, кои большей частью военнопленные, не участвуют в войне и занимаются сельскими работами. Они обращаются с ними весьма жестоко и на ночь запирают в ямы, чтобы не убежали.

Кабардинцы еще недавно были сильным народом. Лет за 50 считалось у них до 50 тысяч панцирников, но ныне не могут выставить и 10 тысяч вооруженных. Когда русская граница сделалась им соседственной, часть сих своевольных рыцарей бежала за Терек, где основали Малую Кабарду и усилили чеченцев, кои прежде были миролюбивыми пастухами, а ныне сделались народом столь сильным и страшным, что явно воюют с нами. Ныне, однако, чеченцы и соседи их, кумыки, почти совершенно покорены; говорят, что основанием на реке Сунже крепостей Грозная, Преградный стан, Горячая и других они лишились равнин, необходимых им для земледелия.

Письма Х. Ш. к Ф. Булгарину, или Поездки на Кавказ // Северный архив. СПб., 1828.

¹ В 1828 году в Кабарде побывал русский путешественник, скрывший свое имя под инициалами Х. Ш. (кандидат исторических наук Л. И. Краснокутская предполагает, что под инициалами Х. Ш. скрывается Харитон Шевырев). Его записки были опубликованы в «Северном архиве» за 1828 год под заголовком «Поездка на Кавказ».

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ДАЛЕКАЯ И БЛИЗКАЯ	5
Былымские писаницы	7
Клад Аттилы	13
Трон хана Аспаруха	17
И риз золотное шитье... ..	21
«В теснине Кавказа я знаю скалу...»	27
...И по нашим ущельям шли караваны	33
Адыг Дука-Бек и русич Бус-Белояр: два в одном	39
<i>Приложение. Кабардинцы</i>	55
Дорога в царство мертвых... ..	87
<i>Приложение 1. Канжальская битва в легендах</i> и преданиях	89
<i>Приложение 2. Кабардинцы в своих легендах</i>	99
<i>Приложение 3. В отношении достоверности</i> битвы нет никаких сомнений	103
Памятник мудрецу	105
В поисках заоблачного поселения	108
Военный обоз	113
Заповедник конкреций	119
Каменный мир	121
«Чип», впаянный в камень	126
Менгиры – ориентиры тысячелетий	132
«Объекты» из туфовых блоков... ..	136
Звездные «крепости» из мегалитов	141
«Замки», возведенные природой	149
Нерукотворные мосты	153
Окольцованные горы	161
«Красный снег» светящихся лавин... ..	170
Пещера, напротив которой танцуют камни	175
Ледяные сталактиты, растущие из земли	179

Сылтранкёль – синоним красоты	185
Темрез-кол: «арка-дверь»	191
Небесный свет нетленного тела	200
Повелители дождя	206
Призрачный клад	210
Потустороннее	216
<i>Приложение. Черкесы, казаки и адехе</i>	230
Видевший, что нам не дано видеть... ..	243
Инопланетяне в судьбе Кати Лель	250
Только правда... ..	259
<i>Приложение. Преодолеть запрет</i>	281
Тызыльский мираж	283
Фантомы водопада Султан	289
 ПУТЕШЕСТВУЕМ ВМЕСТЕ	301
Патриархальная простота Балкарии	303
«Голос, исходивший явно не от мертвого...»	311
«Заморский зверь» в горских аулах	321
Каньоны Черекского ущелья	331
Террасы, дарующие жизнь	344
Отчий кров – земля и небо... ..	359
Кавказские горцы	371
<i>Приложение. Поездка на Кавказ</i>	378

Мария и Виктор Котляровы

ЗАГАДОЧНАЯ
КАБАРДИНО-БАЛКАРИЯ

Невероятные сюжеты,
занимательные рассказы, таинственные события,
связанные с республикой, которую называют
жемчужиной Кавказа

*В оформлении обложки использована
работа «Ордынцы бьют горцев»*

Издательство благодарит
Е. С. Тютюнину за помощь в подготовке книги

Редактор В. Н. Котляров
Художник Ж. А. Шогенова
Корректор Н. В. Римская

Сдано в набор 25.06.14. Подписано в печать 17.09.14.
Формат 60х84¹/₁₆. Бумага мелованная. Гарнитура Myriad Pro.
Усл. печ. л. 22,31. Тираж 1000 экз.

ISBN 978-5-93680-800-5

Лицензия ИД № 00003 от 27.08.99
Издательство М. и В. Котляровых (ООО «Полиграфсервис и Т»)
360051, г. Нальчик, ул. Кабардинская, 19.
Тел./факс. (8662) 42-62-09 e-mail. elbrus@mail.ru www.elbruss.ru

Отпечатано: ООО «Кубаньагитпечатъ»,
350059, г. Краснодар, ул. Уральская, 98/2.
Тел.: (861) 274-10-74. Заказ №

Книги Марии и Виктора Котляровых «Живописная Кабардино-Балкария» (2004, 2011), «Таинственная Кабардино-Балкария» (2011), «Неизвестная Кабардино-Балкария» (2013), «Загадочная Кабардино-Балкария» (2014), «Увлекательная Кабардино-Балкария» (2014) – занимательный, интригующий, красочный рассказ о прошлом республики, которую называют жемчужиной Кавказа.

И новую работу Марии и Виктора Котляровых, которая получила название «Удивительная Кабардино-Балкария», составили истории о необычных событиях, фактах, явлениях.

Читатель узнает, какую тайну скрывает рудник, расположенный в непроходимых верховьях Тызыльского ущелья и о необычных свойствах заюковских «пуль» (белемнитов); что связывает дольмены Лесо-Кяфарского городища (Карачаево-Черкесия) и дольмен, найденный в окрестностях селения Лечинкай; о лечебных свойствах озера Тамбукан и «зоне страха», расположенной в Хуламо-Безенгийском ущелье...

А также о том, чем завершились поиски мистического котла Арианта, какой след оставил на территории Кабардино-Балкарии великий завоеватель Тимур, чем занималась шотландская христианская миссия в наших краях, можно ли с помощью адыгского языка расшифровать древние знания...

Сорок историй одна необычнее другой ждут читателя книги «Удивительная Кабардино-Балкария», которая выйдет в свет в 2015 году.

Мария и Виктор Котляровы – журналисты, литераторы, издатели – в Кабардино-Балкарии и за ее пределами известны своими работами, посвященными истории, этнологии титульных народов КБР. Сегодня в их творческом багаже более 60 авторских книг, в том числе: «Ты создал мир. И он велик. Книга о поэте Али Шогенцукове» (2000), «Я тот, кто будет... Книга о ректоре Владимире Тлостанове» (2001), «Ладони протяни к огню души моей... Книга о

художнике Мухадине Кишеве» (2002), «Адыги: сердца и судьбы» (2002), «Балкария: боль и гордость. Книга о мудром кузнеце Кязиме Мечиеве» (2003), «Живописная Кабардино-Балкария» (2006, 2011), «Неповторимый Нальчик» (2006), «Кабардино-Балкария: жемчужина Кавказа» (2007), «Необъяснимое. Непознанное. Невероятное» (2008), «Занимательное. Забытое. Загадочное» (2009), «Таинственная Кабардино-Балкария» (2011), «Причастные к Стране чудес» (2011), «За тайнами и чудесами» (2012), «Неизвестная Кабардино-Балкария» (2013) – победитель всероссийского конкурса краеведческой литературы «Малая родина».

Издательской деятельностью занимаются более 20 лет – первые книги были выпущены в 1992 году в созданном ими центре «Эль-Фа». За семь лет увидело свет более трехсот названий, в том числе около тридцати в серии «Кавказский литературно-исторический Олимп» (КЛИО).

С 1999 года учредители – Мария и Виктор Котляровы – зарегистрировали новое издательство, получившее название «Полиграфсервис и Т» и начавшее работу в рамках объединенной редакции регионального журнала «Эльбрус» – независимого альманаха, имеющего российскую аккредитацию. С 2006 года книги стали выходить под маркой «Издательство М. и В. Котляровых».

Более двух тысяч книг увидело свет за это время. Большинство их оформила Жанна Шогенова – профессиональный дизайнер, фотограф, художник. Несомненным свидетельством ее мастерства являются альбомы, составившие серию из восьми томов «Кабардино-Балкария: природная жемчужина», в которую вошло более полутора тысяч авторских снимков.

Оценивая деятельность издателей, Сергей Степашин, президент Российского книжного союза, назвал их патриотами, чье благородное научное подвижничество способствует взаимопроникновению культур, сближению народов Северного Кавказа и России.